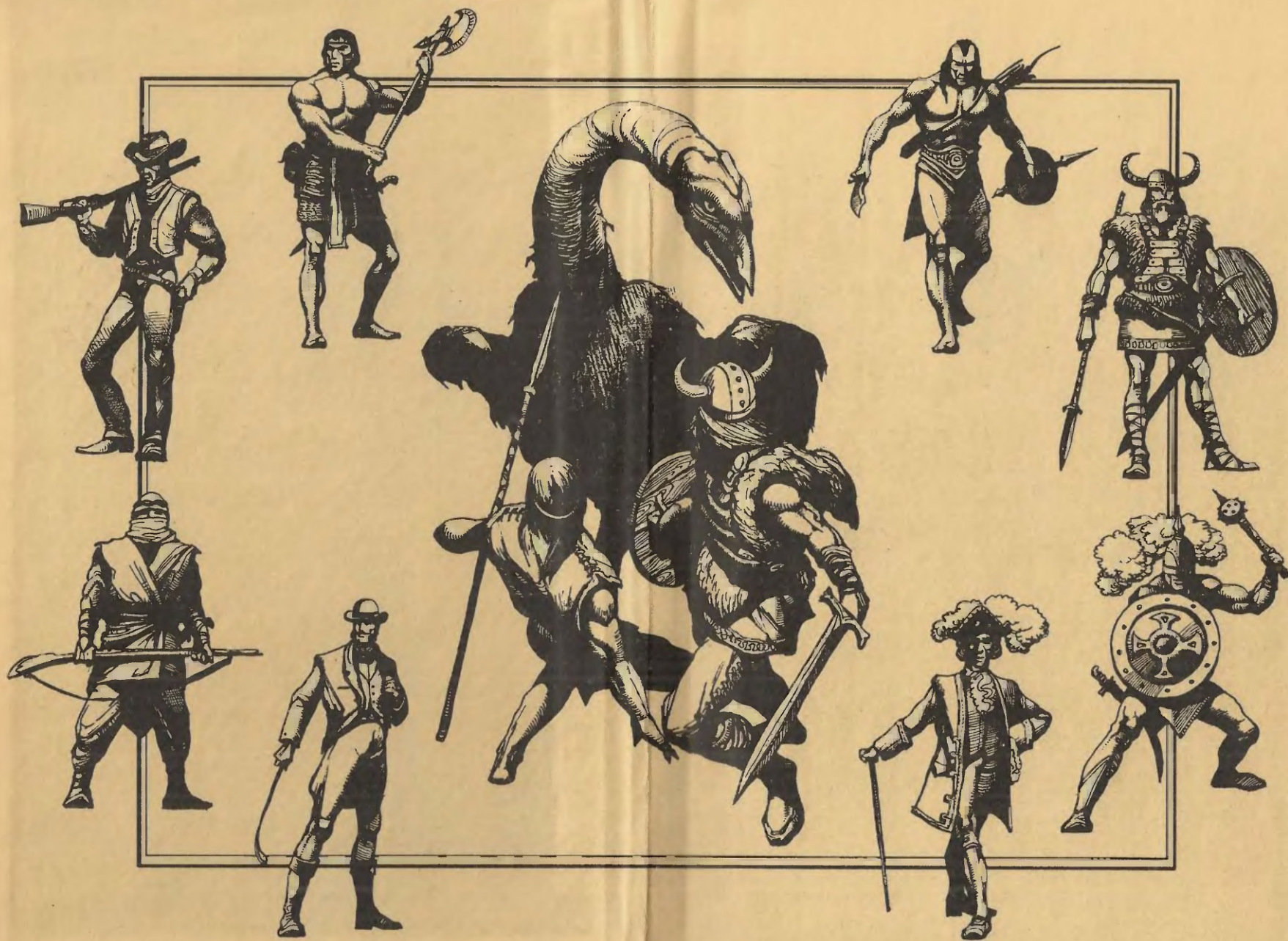

Роберт ГОВАРД

ТЕНЬ ЯСТРЕБА

Сага призрачных замков

Роберт И. Говард

ТЕНЬ ЯСТРЕБА

Сага
призрачных замков

"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1998

УДК 820(73)
ББК 84 (7США)
Г 57

Говард Р. И.

Тень ястреба: Повести и рассказы. / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1998.— 464 с.

ISBN 5-7906-0070-0.

Эта книга перенесет вас в Древний мир, когда Зло правило на Земле. Сея смерть, шагали по равнинам огромные армии, при дворах гордых правителей сплетались паутины хитроумных интриг, а в укромных долинах еще скрывались доисторические чудовища... И только героям Говарда суждено было восстановить справедливость в этом мире.

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

ББК 84 (7США)

ISBN 5-7906-0070-0

© К. Kelly, 1985

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

**ТЕНЬ
ЯСТРЕБА**

ЯСТРЕБЫ НАД ЕГИПТОМ ¹

В

1

ысокий человек в белом халате обернулся, негромко выругался и схватился за рукоять сабли. Без необходимости люди старались не появляться на ночных улицах Каира в тревожные дни 1021 года от Рождества Христова. В этом темном, извилис-

¹ После смерти Р. Говарда этот рассказ был переделан Л. Спрэггом де Кампом и назван «Ястребы над Шемом».

том переулке негостеприимного речного квартала Эль-Макс могло случиться всякое.

— Зачем ты преследуешь меня, собака? — Голос незнакомца был хриплым, и в нем отчетливо чувствовался турецкий акцент.

Из тени появился еще один высокий мужчина, одетый, как и первый, в белый шелковый халат, но без остроконечного шлема.

— Я тебя не преследую! — Голос его звучал не столь гортанно, как у турка, и акцент был иным. — Что, чужестранцам уже нельзя ходить по улицам, не подвергаясь оскорблениям каждого пьяницы из сточной канавы?

Гнев его была непритворным, так же как и подозрительность его собеседника. Они яростно пожирали друг друга глазами, крепко сжимая рукояти оружия.

— Меня преследуют с самого захода солнца, — заявил турок. — Я слышал шаги за своей спиной. А теперь ты вдруг появился передо мной, в месте, столь подходящем для убийства!

— Да проклянет тебя Аллах! — выругался другой. — Зачем мне тебя преследовать? Я заблудился среди здешних улиц. Я никогда тебя прежде не видел, и надеюсь, никогда больше не увижу. Я Юсуф ибн-Сулейман из Кордовы, недавно прибыл в Египет — ты, турецкий пес! — злобно добавил он.

— Ну да, акцент выдает в тебе мавра, — промолвил турок. — Впрочем, неважно. Андалузский меч столь же просто купить, как и каирский, и...

— Клянусь бородой Али! — воскликнул мавр, в порыве гнева выхватывая саблю; затем едва слышные шаги заставили его обернуться и отскочить, продолжая держать в поле зрения турка и вновь

появившихся. Турок тоже вытащил саблю и яростно смотрел куда-то мимо него.

В полумраке угрожающе возвышались три темные фигуры, и тусклый свет звезд отражался в их широких кривых клинках. На мгновение наступила напряженная тишина; затем один из них пробормотал с гортанным суданским акцентом:

— Кто из них тот пес? Оба одеты одинаково и в темноте похожи, как близнецы.

— Прирежь обоих, — ответил другой, возвышавшийся на полголовы над своими спутниками. — Нам нельзя ни ошибиться, ни оставлять свидетелей.

С этими словами трое негров шагнули вперед. Гигант наступал на мавра, остальные двое — на турка.

Юсуф ибн-Сулейман не стал ждать нападения. Прорывав проклятие, он кинулся на приближающегося великана и со всей силы взмахнул саблей, метя в голову. Чернокожий, зарывав, принял удар на свой клинок. В следующее мгновение, ловко извернувшись, он выбил оружие из руки противника, и оно со звоном упало на камни. С губ Юсуфа сорвалось хриплое ругательство. Он не ожидал встретить подобное сочетание ловкости и грубой силы.

Однако, охваченный яростью, он не колебался. Когда гигант занес над ним широкую саблю, мавр издал боевой клич, прыгнул под его поднятую руку и по рукоятку вонзил кинжал в широкую грудь негра. На запястье Юсуфа хлынула кровь, и сабля выпала из руки противника, разрезав шелковую кафию мавра и отскочив от стального шлема под ней. Умирающий гигант осел на землю.

Юсуф ибн-Сулейман подхватил свою саблю и оглянулся в поисках недавнего соперника.

Турок хладнокровно встретил нападение двух негров, медленно отступил и неожиданно нанес одному из них рубящий удар поперек груди и плеча, так что тот выронил меч и со стоном упал на колени. Однако даже падая, он вцепился в колени противника и повис на них словно пиявка, лишенная разума и рассудка. Турок отчаянно сопротивлялся; черные руки железной хваткой держали его, в то время как оставшийся чернокожий удвоил ярость своих ударов. Турок не в состоянии был ни нападать, ни отступить, не мог он и нанести молниеносный удар клинком, который освободил бы его от объятий врага.

Когда черный воин замахнулся для решающего удара, позади послышался топот бегущих ног. Бросив отчаянный взгляд через плечо, он увидел мавра, глаза которого пылали яростью, и оскаленные зубы ярко блестели в лунном свете. Прежде чем негр успел повернуться, сабля мавра погрузилась в его тело с такой силой, что клинок выскочил из груди. Жизнь покинула негра вместе с нечленораздельным воплем. Турок раскрыл бритый череп второго негра рукояткой сабли и, стряхнув с себя труп, повернулся к мавру, который вытаскивал клинок, застрявший в судорожно дергающемся теле.

— Почему ты помог мне? — спросил турок. Юсуф ибн-Сулейман пожал широкими плечами, сочтя вопрос неуместным.

— На нас двоих напали негодяи, — промолвил он. — Судьба сделала нас союзниками. Теперь, если желаешь, можем возобновить нашу ссору. Ты сказал, что я шпионил за тобой.

— Признаю свою ошибку и прошу прощения, — поспешно ответил турок. — Теперь я знаю, кто крался за мной в темных переулках.

Убрав в ножны саблю, он по очереди склонился над каждым телом, внимательно вглядываясь в окровавленные черты. Возле тела гиганта, убитого кинжалом мавра, он задержался дольше, и наконец тихо пробормотал:

— Сохо! Заман Меченосец! Воин высокого ранга, оружие которого отделано жемчугом!

Сняв с безвольного черного пальца тяжелое, искусно ограненное кольцо, он опустил его в мешочек на поясе, а затем ухватился за одежду мертвеца.

— Помоги мне, брат,— предложил он.— Давай избавимся от этой падали, чтобы никто не задавал лишних вопросов.

Не говоря ни слова, Юсуф ибн-Сулейман ухватил в каждую руку попропитанной кровью накидке и следом за турком потащил трупы по зловонному темному переулку, посреди которого возвышался заброшенный колодец. Трупы нырнули головой вперед в бездну, и внизу раздался приглушенный плеск. С легкой усмешкой турок повернулся к мавру.

— Аллах сделал нас союзниками,— повторил он.— Я перед тобой в долгу.

— Ты ничего мне не должен,— утрюмо ответил мавр.

— Слова не в силах сравнять горы,— невозможно произнес турок.— Я Аль Афдал, мамелюк. Давай выберемся из этой крысиной норы, и поговорим.

Юсуф ибн-Сулейман нехотя кивнул, словно жалея о примирении с турком, однако последовал за ним без возражений. Их путь вел через кишевшие крысами вонючие переулки и заваленные отбросами узкие извилистые улицы. Каир в те времена, как,

впрочем, и позднее, представлял собой фантастический контраст роскоши и нищеты; экзотические дворцы возвышались среди закопченных руин полузаброшенных кварталов; разношерстные строения теснились у стен Эль-Кахиры, запретного внутреннего города, где обитали калиф и его приближенные.

Наконец, спутники добрались до более нового и респектабельного квартала, где нависающие балконы под решетчатыми окнами, выложенными кедром и перламутром, почти касались друг друга над узкой улицей.

— Все лавки темны,— проворчал мавр.— Несколько дней назад в городе было светло как днем, от заката до рассвета.

— Это одна из прихотей Аль Хакима,— сказал турок.— Теперь у него новая прихоть, и ни один огонь не горит на улицах Аль-Медины. И лишь одному Аллаху известно, что взбредет ему в голову завтра.

— Это никому не ведомо, кроме Аллаха,— благочестиво согласился мавр и нахмурился. Турок потянул себя за тонкие свисающие усы, словно пряча улыбку.

Они остановились перед окованной железом дверью в тяжелой каменной арке, и турок осторожно постучал. Изнутри послышался голос, и турок ответил на гортанном туранском диалекте, которого Юсуф ибн-Сулейман не понимал. Дверь открылась, и Аль Афдал скрылся в крошечной темноте, таща за собой мавра. Они услышали, как дверь за ними закрылась, затем тяжелый кожаный занавес откинулся, открыв освещенный коридор и покрытого шрамами старика, могучие усы которого выдавали в нем турка.

— Старый мамелюк занялся виноторговлей,— сказал Аль Афдал мавру.— Проведи нас в комнату, где мы могли бы остаться одни, Ахмед.

— Все комнаты пусты,— проворчал старый Ахмед, хромая впереди них.— Я разорен. С тех пор как калиф запретил вино люди боятся прикоснуться к бокалу. Да снизошлет Аллах на него подагру!

Проведя их в небольшую комнату, он разостлал на полу циновки, поставил перед ними большое блюдо с фисташками, изюмом и лимонами, налил вина из тяжелого меха и удалился, что-то бормоча под нос.

— Египет переживает тяжкие времена,— лениво протянул турок, сделав большой глоток ширазского вина. Он был высокого роста, худой, но крепко сложенный, с пронизательными черными глазами, которые, казалось, постоянно пребывали в движении. Халат его был одноцветным, но из дорогой материи, остроконечный шлем оправлен в серебро, и на рукояти сабли сверкали драгоценные камни.

Юсуф ибн-Сулейман обладал подобной же ястребиной внешностью, характерной для всех, чьим делом стала война. Мавр был столь же высок, как и турок, но более мускулист и широкогруд. Он обладал телосложением горца; сила в нем сочеталась с выносливостью. Гладко выбритое лицо под белой кафией было светлее, чем у турка, смуглое скорее от солнца, нежели от природы. Серые глаза холодные, как закаленная сталь, казалось, в любой момент могли вспыхнуть огнем.

Он отхлебнул вина и с удовольствием причмокнул. Турок улыбнулся и снова наполнил бокалы.

• — Как дела правоверных в Испании, брат?

— Не слишком хорошо, с тех пор как умер визирь Мозаффар ибн-Аль Мансур,— ответил мавр.—

Катиф Хишам слаб. Он не в силах сдержать своих приближенных, каждый из которых хочет основать свое независимое государство. Страна стонет от гражданской войны, и с каждым годом христианские королевства становятся все сильнее. Сильная рука могла бы спасти Андалузию; но во всей Испании не найдется подобной сильной руки.

— Она могла бы найтись в Египте,— заметил турок.— Здесь много могущественных эмиров, которые любят смелых. В рядах мамелюков всегда найдется место для такой сабли, как твоя.

— Я не турок и не раб,— проворчал Юсуф.

— Конечно.— Голос Аль Афдала звучал тихо; легкая улыбка коснулась тонких губ.— Не бойся; я у тебя в долгу, и я умею хранить тайну.

— О чем ты? — Мавр резко поднял ястребиную голову. Серые глаза вспыхнули, жилистая рука потянулась к оружию.

— Я слышал, как ты кричал в пылу битвы, когда убивал черного воина,— сказал Аль Афдал.— Ты орал: «Сантьяго!» Так кричат в бою кяфиры Испании. Ты не мавр; ты христианин!

Юсуф в одно мгновение вскочил на ноги, выхватывая саблю. Однако Аль Афдал даже не пошевелился:

— Не бойся,— повторил он и спокойно откинулся на подушки, потягивая вино,— Я уже сказал, что умею хранить тайну. Я обязан тебе жизнью. Человек, подобный тебе, никогда не стал бы шпионом; ты слишком легко поддаешься гневу, и ярость твоя неприкрыта. Есть лишь одна причина, по которой ты мог оказаться среди мусульман — чтобы отомстить личному врагу.

Мгновение христианин стоял неподвижно, расставив ноги, словно для нападения; рукав его хала-

та сдвинулся, обнажив могучие мускулы на смуглой руке. Он сердито хмурился, и теперь намного меньше походил на мусульманина. Несколько секунд стояла напряженная тишина, затем, пожав широкими плечами, фальшивый мавр снова сел, однако, положив, саблю на колени.

— Очень хорошо,— бесстрастно произнес он, отрывая большую гроздь винограда и запихивая ягоды в рот; продолжая жевать, он сообщил: — Я Диего де Гусман, из Кастилии. Ищу в Египте своего врага.

— Кого? — с интересом спросил Аль Афдал.

— Бербера по имени Захир эль-Гази, да обгложут собаки его кости!

Турок вздрогнул.

— Клянусь Аллахом, ты замахнулся на серьезную мишень! Ты знаешь, что этот человек теперь эмир Египта, и генерал всех берберских войск калифов Фатимидов?

— Клянусь Святым Петром,— ответил испанец,— это столь же неважно, как если бы он был подметальщиком улиц.

— Твоя кровная месть далеко тебя завела,— заметил Аль Афдал.

— Берберы из Малаги подняли мятеж против арабского губернатора,— внезапно сказал де Гусман.— Они обратились за помощью к Кастилии. Пятьсот рыцарей отправились им на выручку. Прежде чем мы смогли добраться до Малаги, этот проклятый Захир эль-Гази предал своих товарищей, отдав их в руки калифа. Затем он предал нас. Ничего не зная о случившемся, мы попали в ловушку, устроенную маврами. Лишь я один уцелел в этой резне. Три моих брата и дядя пали в тот день рядом со мной. Меня бросили в мавританскую тюрьму, и прошел

год, прежде чем мои люди собрали достаточно золота для выкупа.

Снова оказавшись на свободе, я узнал, что Захир бежал из Испании в страхе перед собственным народом. Однако Кастилия нуждалась в моем мече. Прошел еще год, прежде чем я смог ступить на тропу мщения. Целый год я искал его в мусульманских странах, переодевшись мавром, язык и обычаи которых узнал за многие годы войны с ними, и за время пребывания в их плену. Лишь недавно мне стало известно, что человек, которого я ищу, находится в Египте.

Аль Афдал ответил не сразу, разглядывая суровые черты собеседника и видя в них неукротимую природу диких нагорий, где горстка воинов-христиан три столетия бросала вызов мечам ислама.

— Как давно ты в Аль-Медине? — внезапно спросил он.

— Всего несколько дней, — буркнул де Гусман. — Но достаточно, чтобы понять, что калиф свихнулся.

— Ты должен понять еще кое-что, — ответил Аль Афдал. — Аль Хаким и в самом деле сумасшедший. Я говорю чужеземцу то, что не осмелился бы сказать мусульманину — однако все это и так знают. Народ, который принадлежит к суннитам, стонет под его пятой. Три армии поддерживают его власть. Во-первых, берберы из Каируана, где впервые пустила корни шиитская династия Фатимидов; во-вторых, черные суданцы, которые под предводительством эмира Османа с каждым годом приобретают все большую власть; и в-третьих, мамелюки, или бахариты, Белые Рабы Реки — турки и сунниты, к которым принадлежу и я. Их эмир — Эс-Салих Мухаммад, и все трое: он, эль-Гази и черный Осман, в достаточной степени одержимы

ненавистью и завистью друг к другу, чтобы развязать десяток войн.

Захир эль-Гази пришел в Египет три года назад в поисках приключений и без гроша в кармане. Он возвысился до положения эмира, отчасти благодаря венецианской рабыне по имени Заида. У калифа тоже есть за кулисами женщина, арабка, по имени Зулейка. Но ни одна женщина не в силах повлиять на Аль Хакима.

Диего поставил пустой бокал и пристально посмотрел на Аль Афдала. У испанцев еще не вошли в привычку изысканные манеры, позднее ставшие одной из их главных черт. В жилах кастильца все еще текло больше нордической, чем латинской крови. Диего де Гусман рубил сплеча, подобно предкам готам своим.

— И что теперь? — спросил он. — Собираешься выдать меня мусульманам, или ты говорил правду насчет того, что умеешь хранить тайну?

— Я не испытываю любви к Захиру эль-Гази, — задумчиво произнес Аль Афдал, словно про себя, поворачивая в пальцах кольцо, которое забрал у чернокожего гиганта. — Заман был псом Османа; однако берберское золото может купить суданский меч. — Подняв голову, он впервые с начала беседы посмотрел де Гусману в глаза.

— Я тоже кое-что должен Захиру, — сказал он. — Я не только сохраню твою тайну. Я помогу тебе отомстить!

Де Гусман резко наклонился вперед, и его железные пальцы впились в покрытое шелком плечо турка.

— Ты говоришь правду?

— Пусть Аллах покарает меня, если я лгу! — поклялся турок. — Послушай, вот мой план...

2

Пока в тайной винной лавке Хромого Ахмеда турок и испанец, склонившись друг к другу, обсуждали мрачный заговор, внутри массивных стен Эль-Кахиры происходили события не менее важные. Среди теней домов пробиралась фигура в покрывале и капюшоне. Впервые за семь лет по улицам Каира шла женщина.

Осознавая чудовищность своего преступления, она дрожала от страха, вызванного отнюдь не окружавшим ее полумраком, в котором могли прятаться грабители. Камни ранили ее ноги в изорванных бархатных туфлях; уже семь лет сапожникам Каира запрещено было изготавливать уличную обувь для женщин. Аль Хаким постановил, что женщины Египта должны сидеть взаперти, подобно птицам в вызолоченных клетках.

Одетая в лохмотья женщина, в страхе пробиравшаяся по ночным улицам, не относилась к сословию нищих попрошайек. Утром слухи распространятся по таинственным каналам от гарема к гарему, и злорадные женщины, развываясь на бархатных подушках, будут радостно смеяться над позором своей сестры, которой они завидовали и которую ненавидели.

Заида, рыжеволосая венецианка, фаворитка Захира эль-Гази, обладала большей властью, чем любая другая женщина в Египте. Теперь же, пока она словно изгнанница, крадучись пробиралась сквозь ночь, ее раскаленным железом жгло осознание того, что она помогла своему вероломному любовнику и повелителю подняться к вершинам мира лишь для того, чтобы другая женщина насладились плодами ее тяжких трудов.

Заида происходила из тех женщин, красота и ум которых могли поколебать не один трон. Она едва помнила Венецию, откуда ее в детстве похитили пираты-варвары.

Корсар, который взял ее к себе и воспитал для своего гарема, погиб в сражении с византийцами, и стройной четырнадцатилетней девочкой Заида попала в руки владыки Крита, томного, изнеженного юноши — она крутила им как хотела. Затем, несколько лет спустя, был набег египетского флота на греческие острова, грабеж, резня, огонь, рушащиеся стены и предсмертные вопли, и рыжеволосая девушка, кричащая в железных объятиях смеющегося гиганта-бербера.

Поскольку Заида происходила из народа, чьи женщины повелевали мужчинами, она не погибла и не превратилась в хнычущую игрушку. Ее натура была гибкой, словно молодое деревце, которое гнется под порывами ветра, но не ломается. Довольно скоро она, если и не подчинила себе полностью Захира эль-Гази, но по крайней мере стала с ним вровень, и поставила себе задачу сделать из него выдающуюся личность. Он обладал достаточным умом и энергией, ему не хватало лишь некоего побудительного толчка к завоеванию власти. Этим стимулом стала Заида.

И теперь Захир, сочтя себя вполне способным подняться по сверкающим ступеням и без нее, отшвырнул ее прочь. Аллах наделил его похотью, которую ни одна женщина, даже самая желанная, не в силах была удовлетворить, но Заида не потерпела бы соперницы. Тем более такой, как Зулейка. Стоило стройной арабке лишь улыбнуться берберу, и мир рыжеволосой венецианки рухнул. Захир лишил ее всего и выбросил на улицу, словно обычную

шлюху, лишь из милосердия позволив прикрыть наготу.

Погруженная в мрачные мысли, она внезапно подняла взгляд при виде высокой фигуры в капюшоне, которая, выйдя из тени нависающего балкона, преградила ей путь. На незнакомце была широкая накидка, и капюшон скрывал черты лица. Лишь глаза мерцали в звездном свете. Она тихо вскрикнула и отшатнулась.

— Женщина на улицах Аль-Медины! — Прозвучал странный глухой голос. — Не есть ли это неповиновение указу калифа, да хранит его Аллах?

— Я оказалась на улице не по своей воле, мой господин, — ответила женщина. — Хозяин выгнал меня, и мне негде преклонить голову.

Незнакомец наклонил голову в капюшоне, стоя подобно статуе, словно воплощая в себе тягостную картину ночи и тишины. Заида беспокойно наблюдала за ним. В нем было нечто зловещее; он больше походил не на человека, размышляющего над рассказом случайно встреченной девушки-рабыни, а на мрачного пророка, обдумывающего судьбу грешницы.

Наконец, он поднял голову.

— Идем! — В его голосе звучал скорее приказ, чем приглашение. — Я найду для тебя место. — Не оборачиваясь, он двинулся прочь по улице. Она поспешила следом, плотнее запахнув грязное платье. Она не могла ходить по улицам всю ночь; любой офицер калифа мог отрубить ей голову за нарушение указа Аль Хакима. Незнакомец мог вести ее прямо в рабство, но у нее не было выбора.

Молчание спутника действовало ей на нервы. Несколько раз она пыталась заговорить, но отсутствие какой-либо реакции с его стороны в конце

концов заставило ее замолчать, возбуждая любопытство и задевая самолюбие. Никогда еще ее попытки заинтересовать мужчину не заканчивались столь откровенной неудачей. Она ощущала некое неуповимое равнодушие с его стороны, неестественное и пугающее. Ей стало страшно, но она шла следом за незнакомцем, поскольку не знала, что еще можно предпринять. Он заговорил лишь однажды, когда, оглянувшись, она в ужасе увидела позади несколько крадущихся темных фигур.

— Нас преследуют! — воскликнула она.

— Не обращай внимания, — ответил он своим странным голосом. — Они всего лишь слуги Аллаха, которые служат ему подобающим им образом.

Этот загадочный ответ заставил ее содрогнуться, и больше она не услышала ни слова, пока они не подошли к небольшим воротам в высокой стене. Незнакомец остановился и громко крикнул. Ему ответили изнутри, ворота открылись, и в них появился молчаливый негр, высоко державший факел. В его мертвенно-бледном свете незнакомец казался нечеловечески высоким.

— Но это... это же ворота Великого Дворца! — заикаясь, произнесла Заида.

Вместо ответа незнакомец откинул капюшон, открыв длинный бледный овал лица, на котором горели странно мерцающие глаза.

Заида вскрикнула и упала на колени.

— Аль Хаким!

— Да, Аль Хаким, о неверная грешница! — Его глухой голос звучал подобно похоронному звону, неумолимый и безжалостный, словно медные трубы страшного суда. — О, самонадеянная и глупая женщина, осмелившаяся нарушить указ Аль Хакима, который есть слово Господне! Та, что ходит по

улицам во грехе, и отвергает приказания благочестивого правителя! О Аллах, могучий и великий! О, Повелитель Трех Миров, отчего не поразишь ты ее ударом молнии, дабы все узрели ее участь и содрогнулись!

Затем, внезапно переменив тон, он резко крикнул:

— Схватить ее!

Когда руки чернокожих слуг коснулись ее тела, Заида упала в обморок — в первый и последний раз в жизни.

Она не чувствовала, как ее подняли и пронесли через ворота, через увитые цветами и пахнущие пряностями сады, через коридоры, обрамленные спиральными колоннами из алебаstra и золота, а затем в комнату без окон, двери которой были заперты на золотые засовы, украшенные аметистами.

Венецианка пришла в себя на покрытом коврами и подушками полу. Ошеломленно оглядевшись по сторонам, она внезапно вспомнила все, что с ней случилось. Тихо вскрикнув, она отпрянула, увидев над собой схватившего ее человека, Калиф стоял со сложенными на груди руками и мрачно горящими глазами, которые, казалось, прожигали ее насквозь.

— О Лев Правоверных! — Взмолилась она, пытаясь подняться на колени. — Пощади! Пощади!

Еще не договорив, она уже понимала всю тщетность просьб о пощаде — здесь милосердие было неизвестно. Она стояла на коленях перед самым ужасным из монархов мира, чье имя звучало проклятием в устах христиан, иудеев и правоверных мусульман; человека, который, объявив себя наследником Али, племянника Пророка, был главой шиитского мира, воплощением Божественного Разума

для всех шиитов; человека, приказавшего убить всех собак, вырубить лозы и сбросить в Нил весь мед и виноград; человека, который запретил все азартные игры, конфисковал собственность христиан-коптов и подверг собственный народ ужасным пыткам; человека, который считал неподчинение любому из его приказов, сколь бы незначительно оно ни было, самым тяжким из всех возможных грехов. Переодевшись, он бродил ночами по улицам, как когда-то Гарун аль-Рашид, следя за тем, чтобы соблюдались все его указы.

Аль Хаким смотрел на нее немигающим взглядом, и Заида чувствовала, как внутри у нее все сжимается от ужаса.

— Богохульница! — прошипел он. — Орудие шайтана! Дочь сил зла! О Аллах! — внезапно закричал он, воздевая к небу руки в широких рукавах. — Какого наказания заслуживает сей демон? Какой кары, каких ужасных мук будет достаточно, чтобы воздать ей по справедливости? Даруй мне мудрость, о Аллах!

И тогда Заида поднялась с колен, сбросила порванное покрывало и вытянула руку, указывая на его лицо.

— Зачем ты призываешь Аллаха? — истерически взвизгнула она. — Призови Аль Хакима! Аллах — это ты! Аль Хаким — Бог!

Неожиданно смолкнув, он закружился на месте, схватившись за голову и что-то неразборчиво крича. Затем он выпрямился и ошеломленно взглянул на нее. К ее природным актерским способностям добавился неприкрытый ужас того положения, в котором она оказалась. В глазах Аль Хакима она выглядела ослепленной неким неземным величием.

— Что ты видишь, женщина? — прошептал он.

— Аллах явил свой лик предо мной! — прошептала она в ответ. — В твоём лице, сияющем словно утреннее солнце! О нет, я сгораю, я умираю в сиянии твоей славы!

Она закрыла лицо руками и, дрожа, упала на колени. Аль Хаким провел дрожащей рукой по лбу и вискам.

— Бог! — прошептал он. — Да, я Бог! Я догадывался... я мечтал об этом... я, и только я обладаю мудростью Бесконечного. Теперь же и смертный узрел это, узнал Бога в обличии человека. Да, это истина, которой учат наставники шиитов — Воплощение Божества. Наконец передо мной предстала Истина из истин. Не просто воплощение божества — самого Аллаха! Аль Хаким — Аллах!

Обратив взгляд на женщину у своих ног, он приказал:

— Встань и посмотри на своего Бога!

Она робко поднялась, съжившись под его немигающим взглядом. Венецианка Заида не казалась чрезвычайно красивой в глазах арабов, требовавших идеально отточенных черт и изящной фигуры, но она была хороша собой: крепко сложенная, с большой грудью, массивными бедрами и плечами несколько шире обычного. Нельзя было отнести к классическим греческим образцам и ее слегка веснушчатое лицо. Однако от нее исходила жизненная энергия, превосходившая внешнюю красоту. В карих глазах светился пронизательный разум, а в гибких руках и крупных бедрах чувствовалась физическая сила.

Что-то изменилось в широко раскрытых глазах Аль Хакима; казалось, он впервые отчетливо увидел ее.

— Твой грех прощен,— нараспев произнес он.— Ты первая, кто приветствовал своего Бога. Отныне ты будешь служить мне верой и правдой.

Она распростерлась перед ним, целуя ковер у его ног, и он хлопнул в ладоши. Низко кланяясь, вошел евнух.

— Немедленно отправляйся в дом Захира эль Гази,— приказал Аль Хаким, глядя поверх головы слуги и словно не замечая его.— Скажи ему: «Это слово Аль Хакима, который есть Бог: день завтрашний станет началом великих событий, строительства кораблей и сбора воинства, так, как ты и желал; ибо Бог есть Бог, и неверные слишком долго оскверняли имя Его!»

— Слушаю и повинуюсь, господин,— пробормотал евнух, с поклоном направляясь к дверям.

— Я сомневался и опасался,— словно во сне сказал Аль Хаким, устремив взгляд в одному ему известную даль.— Я не знал — как знаю теперь — что Захир эль-Гази есть орудие Судьбы. Когда он убеждал меня в необходимости завоевания мира, я колебался. Но я — Бог, а богу подвластно все; о да, все царства и слава!

3

Окинем взглядом мир той знаменательной ночи 1021 года от Рождества Христова. Это была одна из ночей века перемен, века, в котором в муках рождался современный мир. Это был мир, раздираемый в клочья и алый от крови, мир хаоса и страха, мир, беременный невероятным могуществом, но казавшийся погруженным в застой и лежавшим в развалинах.

Суннитское население Египта стонало под пятой шиитской династии — династии, давно уже не владевшей миром, но до сих пор могущественной, простиравшейся от Евфрата до Судана. Между границами Египта и западным морем тянулась бескрайняя пустыня, населенная дикими племенами, номинально подвластными калифу. Когда-то они разгромили готское королевство Испании, и ныне нуждались лишь в могущественном вожде, чтобы вновь обрушиться сметающей все на своем пути волной на христианский мир.

В Испании разделенные мавританские провинции уступили перед натиском войск Кастилии, Лео-на и Наварры. Однако эти христианские королевства, несмотря на силу и отвагу их воинов, не смогли бы противостоять объединенному нападению последователей ислама. Они образовали западный рубеж христианского мира, в то время как Византия стала его восточным рубежом, как в дни Омара и его всепобеждающих союзников, сдерживая рога Полумесяца и не давая им сомкнуться в центре Европы в неумолимый круг. Полумесяц отнюдь не был мертв; он лишь спал, и даже во сне били барабаны его империи.

Раздробленная Европа была слабее в центре, чем у границ. Уже начался процесс формирования наций, но подлинного национального духа еще не существовало.

Во Франции не было еще ни Карла Великого, ни Мартеля — лишь нищее, измученное постоянными бедствиями крестьянство, воюющие друг с другом феодалы, и земля, раздираемая спорами между Капетингами и герцогом Нормандским, сюзереном и мятежным вассалом. Типичная ситуация для Европы.

Да, на Западе имелись сильные личности: Кнут Датчанин, правивший саксонской Англией; Генрих Германский, император призрачной Священной Римской Империи. Однако Кнут мало чем отличался от правителя любой другой страны, отрезанной морями от остального мира, а император был озабочен объединением земель своих соперников в Германии и Италии и отражению атак вторгающихся в его владения славян.

В Византии клонилось к закату знаменитое царство базилевса Василия Болгаробойца. Длинные тени уже напоздали с востока, со стороны Золотого Рога. Византия все еще оставалась самым могущественным оплотом христианства; однако у запада, со стороны Бухары, двигались орды степных кочевников, намереваясь лишить Восточную Империю ее последних владений в Азии. Сельджуки, отраженные на юге блистательной Индо-Иранской империей Махмуда из Газни, уходили на закат солнца, и никто их не мог остановить, пока копыта их коней не омыли воды Средиземного моря.

На улицах Багдада персы сражались с турецкими наемниками слабого калифа Аббасида. Однако ислам не был разгромлен — он лишь распался на множество частей, словно осколки сверкающего лезвия. Активные силы сосредоточились в Египте, в Газни, среди мародерствующих сельджуков. Их потенциальные союзники в Сирии, Ираке, Аравии, среди воинственных племен Атласа, были достаточно сильны для того, чтобы, объединенные сильной рукой, прорвать западные рубежи христианского мира.

Византия продолжала оставаться неприступной крепостью; однако стоило испанским королевствам пасть под внезапным натиском из Африки, и орды завоевателей хлынули бы в Европу почти без всяко-

го сопротивления. Так выглядела картина мира того времени: и Восток, и Запад разделены и бездеятельны; на Западе еще не зародился тот пламенный дух, который семьдесят пять лет спустя стремительно покатился на восток крестовым походом; на Востоке же не имелось никого, подобного Саладину или Чингисхану. Однако, стоило появиться такому человеку, и рога возрожденного Полумесяца могли сомкнуться в кольцо, не в центральной Европе, но вокруг стен Константинополя, атакованного как с севера, так и с юга.

В ту роковую и знаменательную ночь две фигуры в капюшонах остановились возле группы палм среди руин ночного Каира. Перед ними лежали воды канала Эль-Халидж, а за ним на самом берегу возвышалась высокая крепостная стена из высушенного солнцем кирпича, окружавшая Эль-Кахиру и отделявшая царственное сердце Аль-Медины от остальной части города. Построенный завоевателями-Фатимидами полвека назад, внутренний город в сущности представлял собой гигантскую крепость, дававшую убежище калифам, их слугам и отрядам наемников, запретную для простых смертных.

— Можно взобраться по стене, — пробормотал де Гусман.

— И никак не приблизиться к нашему врагу, — ответил Аль Афдал, ощупью пробираясь в тени деревьев. — Нашел!

Де Гусман увидел, что турок шарит возле чего-то напоминавшего груды обломков мрамора. Их обступали руины, населенные лишь летучими мышами и ящерицами.

— Древнее языческое святилище, — пояснил Аль Афдал. — Оно давно заброшено и разрушено, — но

скрывает в себе больше, чем покажется на первый взгляд!

Он поднял широкую плиту, и под ней открылись ступени, ведущие вниз в черную зияющую тьму; де Гусман подозрительно нахмурился.

— Это,— сказал Аль Афдал, чувствуя его неуверенность,— вход в туннель, который ведет в дом Захира эль-Гази, находящийся прямо за стеной.

— Под каналом? — недоверчиво спросил де Гусман.

— Да; когда-то дом Гази был домом развлечений калифа Кумаравея, который спал на наполненной воздухом подушке, плававшей в пруду из ртути, под охраной сторожевых львов — и несмотря на все это, погиб от кинжала мстителя. Он подготовил тайные ходы из всех своих дворцов и домов развлечений. До Захира эль-Гази дом занимал его соперник, Эс-Салих Мухаммад. Бербер ничего не знает об этом потайном ходе. Я мог бы воспользоваться им и раньше, но до сегодняшней ночи не был уверен в том, что хочу его убить. Идем!

Вытащив мечи, они на ощупь спустились по каменным ступеням и в крошечной тьме двинулись по прямому туннелю. Касаясь пальцами стен и потолка, де Гусман понял, что они состоят из громадных каменных блоков, вероятно, позаимствованных из разграбленных строений, времен фараонов. По мере того, как они продвигались вперед, камни под ногами становились все более скользкими, а воздух — все более влажным и затхлым. Холодные капли упали за шиворот де Гусману, и он, вздрогнув, выругался. Они шли под каналом. Чуть позже тьма слегка рассеялась, Аль Афдал что-то предупреждающе прошептал, и они начали подниматься по другим каменным ступеням.

Наверху турок остановился и нащарил рукой засов. Панель отошла в сторону, и перед ними предстал устланный коврами сводчатый коридор, залитый мягким светом. Де Гусман понял, что они действительно прошли под каналом и громадной стеной, и теперь стояли в запретных пределах Эль-Кахиры, таинственных и сказочных.

Аль Афдал скользнул в открывшийся проем, и когда де Гусман последовал за ним, вновь задвинул дверь, превратившуюся в одну из стенных панелей розового дерева, неотличимую от других. Затем турок быстро зашагал по коридору, не колеблясь, словно человек, прекрасно знающий, куда и зачем идет. Испанец двинулся следом, с саблей в руке, непрестанно озираясь по сторонам.

Они миновали занавес темного бархата и оказались перед сводчатой дверью из инкрустированного золотом черного дерева. Мускулистый негр, на котором не было ничего, кроме объемистых шелковых шаровар, вскочил, замахиваясь чудовищных размеров саблей. Однако он не кричал; его лицо было зверским лицом немого.

— Лязг стали поднимет всех на ноги, — бросил Аль Афдал, уклоняясь от меча евнуха. Когда чернокожий пошатнулся, не рассчитав усилий, де Гусман подставил ему подножку. Тот растянулся на полу, и турок пронзил клинком черное тело.

— Быстро и без шума! — тихо рассмеялся Аль Афдал. — А теперь — за настоящей добычей!

Он осторожно дотронулся до двери, в то время как испанец присел у него за спиной, шумно дыша сквозь зубы, с горящими как у охотящегося кота глазами. Дверь подалась, и де Гусман прыгнул мимо турка в комнату. Аль Афдал последовал за ним, и, закрыв за собой дверь, прислонился к ней спиной,

смеясь в лицо человеку, с изумленным проклятием проивставшего с дивана.

— Мы загнали оленя, брат!

Однако на губах Диего де Гусмана не было усмешки, когда он очутился над полулежащим хозяином комнаты. Аль Афдал увидел, как дрожит поднятая сабля в мускулистой руке мстителя.

Захир эль Гази был высоким, крепким мужчиной, с коротко подстриженными рыжеватыми волосами и ухоженной короткой бородой. Несмотря на поздний час, на нем были шелковые шаровары, пояс и бархатный жилет.

— Не повышай голоса, собака,— посоветовал испанец.— Мой меч у твоего горла.

— Я вижу,— невозмутимо ответил Захир эль-Гази. Он перевел взгляд голубых глаз на турка и хрипло рассмеялся.— Значит, ты избежал моих головорезов? Я думал, ты уже давно мертв. Но результат все равно будет тот же. Глупец! Ты сам перерезал себе горло! Не знаю, как ты проник в спальню; но по первому зову сюда явятся мои рабы.

— В старинных домах есть старинные секреты,— усмехнулся турок.— Один из них тебе известен — стены этой комнаты устроены так, что заглушают любые крики. Другого ты не знаешь — того, который привел нас сегодня сюда.— Он повернулся к Диего де Гусману.— Ну, что же ты медлишь?

Де Гусман отступил на шаг и опустил саблю.

— Вот лежит твой меч,— сказал он берберу, и Аль Афдал выругался — отчасти недовольно, отчасти изумленно.— Если тебе хватит мужества, чтобы убить меня, пусть будет так. Но я думаю, ты больше не увидишь восхода солнца.

Захир с любопытством взглянул на него.

— Ты не мавр,— сказал бербер.— Я родился в горах Атласа, но вырос в Малаге и не знаю неверных. Ты испанец. Кто ты?

Диего отбросил в сторону изорванную кафию.

— Диего де Гусман,— спокойно произнес Захир.— Мне следовало догадаться. Что ж, идадьго, ты проделал долгий путь, чтобы умереть...

Он взял тяжелую саблю, затем поколебался.

— На тебе броня, а на мне нет ничего, кроме шелка и бархата.

Диего отшвырнул ногой в его сторону валявшийся на полу шлем.

— Под твоим жилетом кольчуга, я заметил ее блеск,— сказал он.— Ты всегда отличался предусмотрительностью. Так что мы в равных условиях. Держись, собака; моя душа жаждет твоей крови.

Бербер наклонился, надел шлем — и внезапно прыгнул, надеясь застать противника врасплох. Однако мавританский клинок с лязгом столкнулся в воздухе с саблей бербера, рассыпая искры. Оба яростно атаковали, и каждый был слишком сосредоточен на том, чтобы лишить жизни другого, не придавая внимания внешним эффектам. Каждый удар наносился в полную силу и со смертоносной жаждой убийства. Подобная схватка не могла продолжаться долго; отчаянное безрассудство боя должно было быстро привести к кровавому завершению.

Де Гусман сражался молча, но Захир эль-Гази смеялся и издевался над соперником между молниеносными ударами.

— Собака! — Движения руки бербера не мешали движениям его языка.— Мне жаль, что приходится убивать тебя здесь. Следовало бы оставить тебя в живых, чтобы ты смог увидеть конец своего проклятого народа. Зачем я пришел в Египет? Толь-

ко ради мести? Ха! Я пришел, чтобы выковать меч для моих врагов, как христиан, так и мусульман! Я убедил калифа построить флот, чтобы поднять знамена джихада, и победить калифат Кордовы!

Племена берберов готовы к войне. Мы ринемся на запад из Египта, подобно лавине, набирая мощь и скорость. С полумиллионом воинов мы ворвемся в Испанию — втопчем Кордову в пыль и присоединим ее воинов к нашим рядам! Кастилия не в силах противостоять нам, и по телам испанских рыцарей мы вступим на равнины Европы!

Де Гусман выругался.

— Аль Хаким медлил, — рассмеялся Захир, легко парируя удары свистящего в воздухе клинка. — Однако сегодня ночью он послал за мной и сказал, что будет так, как я пожелал. У него новая причуда: он поверил, что стал Богом! Впрочем, это неважно. Испания обречена! Если я останусь в живых, я стану ее калифом! И даже если ты убьешь меня, ты не сможешь остановить Аль Хакима. Джихад начнется в любом случае. Девушки Кастилии пополняют гаремы ислама...

С губ де Гусмана сорвался хриплый яростный вопль, словно он впервые понял, что бербер не просто насмехается над ним, но излагает свои истинные планы.

С посеревшим лицом и горящими глазами он с новой яростью кинулся в атаку, под изумленными взглядами Аль Афдала. Издевательские слова больше не слетали с губ Захира. Все внимание бербера было приковано к отражению ударов сабли испанца, сталкивавшейся с его клинком словно молот с наковальней.

Лязг стали становился все громче, и Аль Афдал нервно прикусил губу, зная, что отзвук шума на вер-

ника проникнет даже сквозь звуконепроницаемые стены.

Превосходство в силе и безумная ярость испанца начали наконец сказываться. Бербер побледнел, из его легких вырывалось тяжелое дыхание, и он постоянно отступал. Кровь текла из порезов на руках, бедре и шее. Из ран Гусмана тоже сочилась кровь, но неистовство его атак не ослабевало.

Когда де Гусман в очередной раз бросился на Захира, который был уже возле покрытой ковром стены, тот внезапно отскочил в сторону. Потерявшего равновесие от удара в пустоту испанца швырнуло вперед, и острое его сабли стукнуло о камень под ковром.

В то же мгновение Захир изо всех оставшихся у него сил нанес удар по голове противника. Однако клинок из толедской стали, вместо того чтобы сломаться, согнулся и распрямился. Сабля бербера пробила мавританский шлем, но прежде чем Захир успел восстановить равновесие, клинок де Гусмана вонзился вертикально вверх сквозь стальные звенья, перерубив бедренную кость и застряв в позвоночнике врага.

Бербер пошатнулся и со сдавленным криком упал, пальцы на мгновение вцепились в ворс тяжелого ковра, затем безвольно разжались.

Де Гусман, ослепший от крови и пота, в молчаливом безумии снова и снова вонзал меч в неподвижную фигуру у своих ног, опьяненный яростью, пока Аль Афдал, отчаянно ругаясь, не оттащил его прочь. Испанец ошеломленно стер кровь и пот с глаз, у него все еще кружилась голова от удара. Он сорвал расколотый шлем и отшвырнул его прочь. Шлем был полон крови, и алая струя текла по лицу испанца, ослепляя его.

Проклиная все на свете, он начал на ощупь искать что-нибудь, чем бы можно было вытереть кровь, когда почувствовал прикосновение пальцев Аль Афдала. Турок быстро стер кровь с лица своего спутника и перевязал рану полосами ткани, оторванными от собственной одежды.

Затем, достав из мешочка на поясе кольцо, снятое с пальца чернокожего убийцы, турок бросил его на ковер рядом с телом Захира.

— Зачем ты это сделал? — спросил испанец.

— Чтобы сбить с толку преследователей. Идем быстрее, ради Аллаха. Рабы бербера, вероятно, все глухие или пьяные, раз до сих пор еще не появились.

Едва выйдя в коридор, где мертвый немой смотрел невидящим взглядом в расписной потолок, они услышали отдаленные голоса и топот ног. Пробежав по коридору до потайной панели, они скрылись в темноте, чтобы вновь появиться в тихой пальмовой роще.

Бледнеющие звезды отражались в темных водах канала, и первые лучи солнца коснулись минаретов.

— Ты знаешь дорогу во дворец калифа? — спросил де Гусман. Повязка на его голове пропиталась кровью, тонкая струйка которой стекала по шее.

Аль Афдал повернулся, и они взглянули друг другу в глаза.

— Я помог тебе убить нашего общего врага, — сказал турок. — Но я не договаривался выдать моего повелителя! Аль Хаким безумен, но его время еще не пришло. Довольствуйся своей мстью, и помни, что взлетев слишком высоко, можно опалить крылья о солнце.

Де Гусман вытер кровь и не ответил.

— Тебе лучше покинуть Каир как можно быстрее, — сказал Аль Афдал, пристально глядя на него. — Думаю, так будет безопаснее для всех. Рано или поздно в тебе распознают чужестранца. Я дам тебе денег и лошадь...

— У меня есть и то, и другое, — проворчал де Гусман, вытирая кровь с шеи.

— И ты уйдешь с миром? — спросил Аль Афдал.

— Какой у меня выбор? — ответил испанец.

— Поклянись, — настаивал турок.

— Бог мой, ты настойчив, — проворчал де Гусман. — Хорошо, клянусь Святым Хайме, что покину город до полудня.

— Хорошо! — Турок облегченно вздохнул. — Это лишь для твоего добра, как и все прочее, что я...

— Я понимаю твое бескорыстие, — проворчал де Гусман. — Если мы что-то должны друг другу, считай долг оплаченным, и пусть каждый действует по собственному разумению.

Повернувшись, он зашагал прочь пошатывающейся походкой всадника. Аль Афдал смотрел ему вслед и с сомнением хмурился.

4

Из мечети и с минарета доносилось звучное песнопение. Перед мечетью Талаи, возле ворот Баб-Зувейла, стоял мулла Даразаи, и когда он повышал голос, разносившийся над толпой, люди вздрагивали и вонзали ногти в смуглые ладони.

— И поскольку ваш Богом ниспосланный калиф, Аль Хаким, происходит из рода Али, который был кровью от крови Пророка, который был воплощением Бога — сегодня Бог среди вас! Да, Бог

ходит среди вас в обличье смертного! И отныне я повелеваю вам, истинно верующим ислама, признать Его и поклоняться единственно истинному Богу, Повелителю Трех Миров, Создателю Вселенной, Тому, кто простер над нами небосвод, Воплощению Божественной Мудрости, чье имя Аль Хаким, потомок Али!

Толпа содрогнулась, затем мертвую тишину разорвал дикий вопль. Вперед выбежал безумный расстрепанный человек. С криком: «Богохульник!» Полутолый араб схватил камень и швырнул его. Снаряд попал мулле прямо в рот, выбив зубы. Тот пошатнулся, по бороде потекла кровь. С яростным ревом толпа заволновалась и рванулась вперед. Непосильные подати, голод, грабежи, убийства — все это египтяне в силах были перенести; но подрыв устоев их религии стал последней каплей. Степенные торговцы превратились в безумцев; униженные попрошайки стали бешеными дьяволами.

Камни сыпались градом, и рев обезумевшей толпы становился все громче, напоминая рычание стаи диких зверей. Множество рук уже вцепилось в одежду оглушенного Даразаи, когда турецкие стражники в кольчугах и остроконечных шлемах отогнали толпу своими саблями и унесли перепуганного муллу в мечеть, забаррикадив ее изнутри.

Лязгая оружием и звеня сбруей, из ворот Зувейлы галопом выехал отряд суданских всадников, сверкая золочеными латами и шелковыми шароварами. На лицах чернокожих воинов сверкали веселые белозубые улыбки, они вращали глазами и облизывали губы в предвкушении. Летевшие из толпы камни ударялись об их кирасы и щиты из кожи гиппопотама, не причиняя никакого вреда. Они направили коней в толпу, нанося удары кривыми саблями. Люди

с воем падали под копыта. Мятежники отступили, в ужасе прячась в лавках и переулках, оставив на площади корчащиеся тела.

Черные всадники спрыгнули с коней и начали взламывать двери лавок и жилищ. Из домов раздавались женские крики. Послышался вопль, звон стекла, и о камни мостовой с треском ломающихся костей ударилась одетая в белое женщина. В разбитом окне появилось черное лицо, надрываясь от хохота. Проезжавший мимо черный всадник прищепил коня, наклонился в седле и пронзил копьем все еще вздрагивавшую жертву.

Гигант Осман, в блестящем шелке и полированной стали, ехал впереди своих черных псов, вытянувшихся в линию позади него. Легким галопом они промчались по улицам, покачивая копьями с торчавшими на них окровавленными человеческими головами — наглядным уроком для обезумевших каирцев, которые прятались в укрытиях, задыхаясь от ненависти.

За запыхавшимся евнухом, принесшим Аль Хакиму весть о восстании и его подавлении, вскоре последовал еще один, который распростерся перед калифом и закричал:

— О Повелитель Трех Миров, эмир Захир эль-Гази мертв! Слуги нашли его во дворце, и рядом с ним — кольцо Замана, черного воина. И потому берберы кричат, что его убили по приказу эмира Османа, и ищут Замана в Эль-Мансурии, готовые сражаться с суданцами!

Заида, слышавшая его слова из-за занавески, едва удержалась от крика и схватила за сердце. Однако непостижимый отрешенный взгляд Аль Хакима не изменился; казалось, он был окутан равнодушием, погруженный в таинственные раздумья.

— Пусть мамелюки заставят их разойтись, — приказал он. — Должна ли личная месть вмешиваться в предначертан Господне? Эль-Гази мертв, но Аллах жив. Найдется другой, кто поведет мои войска в Испанию. Тем временем, пусть начинают строить корабли. Пусть суданцы займутся толпой, пока те не осознают собственную глупость и грех, в который они впали. Я осознал свое предназначение, которое состоит в том, чтобы явиться миру в крови и огне, пока все племена Земли не узнают меня и не поклонятся мне. Ступай!

Ночь уже опускалась на окровавленный город, когда Диего де Гусман шагал по улицам, прилегавшим к Эль-Мансурии, кварталу суданцев. В этой части города, населенной преимущественно солдатами, по негласному молчаливому соглашению, горели огни и были открыты лавки. Весь день в городе шумел мятеж; толпа напоминала тысячеголового змея, раздавленная голова которого тут же вырастала в другом месте. Копыта суданских коней простучали от Зувейлы до мечети Ибн-Тулунa и обратно, разбрызгивая кровь.

Сейчас на улицах можно было встретить лишь вооруженных людей. Большие, окованные железом ворота квартала были заперты, словно во времена гражданской войны. Через низкую арку больших ворот Зувейлы проскакал отряд черных всадников, обнаженные клинки которых отбрасывали алые отблески факелов. Шелковые накидки развевались на ветру, руки блестели, словно отполированное черное дерево.

Де Гусман не нарушил клятву, данную Аль Афдалу. Уверенный, что турок выдаст его мусульманам, если он не подчинится его требованиям, испанец покинул город и скрылся в холмах Мукаттама еще

до восхода солнца. Однако он не давал клятвы больше не возвращаться. На закате он въехал в полуразрушенный пригород, где рыскали лишь воры и шакалы.

Сейчас он шагал по улицам, заходя в лавки, где солдаты объедались дынями, орехами и мясом, исподтишка запивая их вином, и прислушивался к разговорам.

— Где берберы? — спросил усатый турок, запихивая в рот пригоршню миндальных пирожных.

— Сидят в своем квартале и злобствуют, — ответил другой. — Они клянутся, что эль Гази убили суданцы, и в доказательство показывают кольцо Замана. Все знают это кольцо. Однако сам Заман куда-то исчез. Черный эмир Осман клянется, что ничего об этом не знает. Однако он не может объяснить, откуда взялось кольцо. Уже человек десять зарубили во время ссор, когда калиф приказал нам, мамелюкам, разнять их. Аллах, ну и денек!

— Все из-за безумия Аль Хакима, — заявил еще один, понизив голос и настороженно оглядываясь по сторонам. — Как долго нам еще страдать от этого шиитского пса?

— Осторожнее, — предупредил его товарищ. — Он калиф, и наши мечи — его мечи, пока таков приказ Эс-Салиха Мухаммада. Однако, если мятеж возобновится, берберы скорее станут сражаться с суданцами, чем с нами. Говорят, Аль Хаким забрал Заиду, наложницу эль-Гази, к себе в гарем, и это еще больше злит берберов. Они подозревают, что эль Гази убили если и не по приказу Аль Хакима, то по крайней мере с его ведома. Но, о Аллах, их ярость ничто по сравнению с гневом Зулейки, которую калиф отстранил от дел! Ее ярость, как говорят, подобна буре в пустыне.

Де Гусман не стал более слушать и, поднявшись, поспешно вышел из лавки. Если кто-то и знал тайны дворца калифа, то это была Зулейка. А отвергнутая любовница как нельзя лучше подходила в качестве орудия мести. Миссия де Гусмана стала чем-то большим, чем охота за личным врагом. Даже сейчас слухи распространялись за пределы прочных стен дворца калифа, и на базарах люди уже говорили о вторжении в Испанию. Де Гусман знал, что все боевое искусство испанцев в конечном счете не спасет их от тех сил, которые в состоянии бросить против них Аль Хаки́м. Возможно, лишь в мозгу безумца могла родиться идея о мировом господстве, но безумец мог претворить ее в жизнь; и как бы ни сложилась дальнейшая судьба Европы, Кастилия была обречена, если с горных перевалов хлынут орды африканцев. Де Гусмана мало интересовала Европа; он имел мало представления о странах, лежавших за Пиренеями, не более для него реальных, чем империи Александра и Цезаря. Его волновала судьба Кастилии и отчаянного вспыльчивого народа диких нагорий, кровь которого текла в его жилах.

Обогнув Эль-Мансурику, он пересек канал и направился к пальмовой роще у берега. Пошарив в темноте среди мраморных развалин, он нашел и отодвинул плиту. Снова спустившись и в крошечной тьме пройдя по туннелю, он поднялся по лестнице с другой стороны. Его пальцы нашли и отодвинули металлический засов, и он оказался в коридоре, теперь неосвещенном. В доме было тихо, но мелькавшие то тут, то там огни говорили о том, что кто-то здесь до сих пор живет, скорее всего, слуги и женщины убитого эмира.

Не зная, где выход наружу, он двинулся наугад, прошел через занавешенную дверь — и оказался

лицом к лицу с десятком черных рабов, которые вскочили, хватаясь за мечи. Прежде чем он успел отступить, позади него послышался крик и шум бегущих ног. Проклиная свое невезение, он кинулся прямо на ошеломленных негров. Молниеносный взмах стали, и он уже бежал по коридору, оставив позади корчащееся окровавленное тело. Искривленные клинки свистели у него за спиной, и когда он захлопнул за собой дверь, сталь зазвенела о прочный дуб, и между расщепленных досок показались сверкающие острия. Он задвинул засов и быстро огляделся в поисках пути к бегству. Взгляд его упал на окно, закрытое золоченой решеткой.

Резко выдохнув, он бросился головой вперед в окно. Мягкие прутья с треском подались, и окно разлетелось вдребезги под ударом его тела. В то же мгновение дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвалась завывающая толпа.

5

В Большом Восточном дворце, где бесшумно скользили босые девушки-рабыни и евнухи, не слышалось ни единого отзвука творившегося за стенами ада. В зале с потолком из украшенной золотой филигранью слоновой кости сидел, скрестив ноги на кушетке из черного дерева с драгоценными камнями, Аль Хаким. Одетый в белую шелковую мантию, придававшую ему еще более призрачный и нереальный вид, он немигающим взглядом смотрел на стоявшую перед ним на коленях венецианку Заиду.

На Заиде уже не было лохмотьев рабыни. Доломан алого шелка, обшитый золотой лентой, с бархатным поясом, украшенным жемчугом составлял

ее наряд. Ткань широких шаровар была легкой словно паутина, сквозь которую, казалось, слегка просвечивала розовая кожа. В серьгах спали большие драгоценные камни. Длинные ресницы накрашены, кончики пальцев покрыты хной. Она стояла на коленях на расшитой золотом подушке.

Однако несмотря на роскошь, превосходившую все, что когда-либо знала Заида, игрушка вельмож, взгляд ее был мрачен. Впервые в жизни она осознала себя действительно игрушкой. Она внушила Аль Хакиму его самое последнее безумие, но не стала его повелительницей. Одна ночь, один час... и она ожидала, что подчинит его своей воле. Однако он, казалось, отдалился от нее, и выражение холодных нечеловеческих глаз калифа заставляло ее содрогаться.

Внезапно он заговорил, тяжело и зловеще, словно бог, изрекающий проклятие:

— Богам не пристало общаться со смертными.

Она вздрогнула, открыла рот, но не решилась что-либо сказать.

— Любовь — человеческая слабость, — задумчиво продолжал он. — Я отвергаю ее. Бог превыше любви. Но мною овладевает слабость, когда я лежу в твоих объятиях.

— Что ты имеешь в виду, мой повелитель? — осмелилась спросить Заида.

— Даже Богу приходится идти на жертвы, — мрачно ответил он. — Любовь к человеку есть святотатство для божества. Я отказываюсь от тебя, чтобы не ослабела моя божественность.

Он хлопнул в ладоши, и вошел евнух, на четвереньках — недавно заведенный обычай.

— Позови эмира Османа, — приказал Аль Хаким, и евнух, изо всех сил ударив головой о пол, неуклюже попятился прочь.

— Нет! — Заида лихорадочно вскочила. — О мой повелитель, смилуйся надо мной! Ты не можешь отдать меня этому зверю! Ты не можешь...

Она упала на колени, хватаясь за его мантию, которую он вырвал из ее пальцев.

— Женщина! — прогремел он. — Ты сошла с ума? Ты хочешь навлечь на себя проклятие? Ты смеешь возражать воплощению Бога?

Вошел Осман, неуверенно и с явной тревогой; воин варварского Дарфура, он достиг своего нынешнего высокого положения, отчаянно сражаясь и прибегая к грубой лести.

Аль Хаким показал на дрожащую женщину у своих ног и коротко произнес:

— Возьми ее!

Суданец никогда не оспаривал приказов своего монарха. Его черное лицо озарилось широкой улыбкой, и, нагнувшись, он поднял Заиду, которая билась и кричала в его объятиях, в отчаянной мольбе протягивая руки. Аль Хаким молча сидел, скрестив руки и взгляд его был пустым и отрешенным, словно у курильщика гашиша. Если он и слышал вопли своей прежней фаворитки, то не подавал виду.

Однако их услышала другая. Притаившись в стеной нише, стройная смуглая девушка наблюдала за улыбающимся суданцем, который нес свою извивающуюся пленницу по коридору. Едва он скрылся из виду, она, путаясь в складках одежды, бросилась в противоположном направлении.

Осман, любимец калифа, единственный из всех эмиров жил в Большом Дворце, который на самом деле являлся скоплением дворцов, объединенных в одно могучее сооружение, где обитали тридцать тысяч слуг Аль Хакима. Осман жил в крыле, которое выходило на южный квартал Бейн эль-Касрейн.

Чтобы попасть туда, ему не требовалось выходить из дворца. По извилистым коридорам и через открытый дворик, выложенный мозаикой и ограниченный прямоугольными арками на алебастровых колоннах, он пришел прямо к себе домой.

Черные воины охраняли двери из черного тика, отделанного медными полосами. Однако, едва он появился в широком выложенном панелями коридоре, стройная фигурка скользнула из занавешенного прохода, преграждая ему путь.

— Зулейка! — Суданец отступил назад почти с благоговейным трепетом; в ней чувствовалась некая утонченная страсть, недоступная его пониманию, и глаза ее горели, словно драгоценные камни преисподней.

— Слуга сообщил мне, что Аль Хаким избавился от рыжеволосой девчонки, — сказала девушка. — Продай ее мне! Я перед ней в долгу, и с радостью ей отплачу.

— Зачем мне ее продавать? — возразил суданец, дрожа от звериного нетерпения. — Калиф отдал ее мне. Отойди, женщина, пока я не причинил тебе вреда.

— Ты слышал, что кричат на улицах берберы? — спросила она.

Он вздрогнул, слегка нахмурился.

— При чем здесь я? — возмутился он, но голос его срывался.

— Они требуют головы Османа, — холодно и едко сказала она. — Они называют тебя убийцей Захира эль-Гази. Что, если я пойду к ним и скажу, что их подозрения — правда?

— Но это ложь! — яростно закричал он, словно человек, попавший в невидимые сети.

— Я могу заставить людей поклясться, что они видели, как ты помогал Заману его прикончить, — заверила она его.

— Я убью тебя! — прошипел Осман.

Она рассмеялась ему в лицо.

— Не посмеешь, зверь саванны! А теперь — продашь мне рыжую ведьму, или будешь драться с берберами?

Он ослабил руки, уронив Заиду на пол.

— Забирай ее и проваливай! — пробормотал он. Кожа его приобрела пепельный цвет.

— Сначала заberi свою плату! — злобно ответила она, швыряя пригоршню монет ему в лицо. Он отшатнулся, словно чудовищная обезьяна с горящими глазами, в бессильной жажде мести сжимая и разжимая кулаки.

Не обращая на него внимания, Зулейка склонилась над Заидой, которая сидела на полу, охваченная тошнотворным чувством беспомощности перед своей новой повелительницей, против которой были бессильны все чары и хитрости, которые она применяла против мужчин. Зулейка схватила венецианку за рыжие волосы и, грубо оттянув ее голову назад, взглянула ей в глаза с такой яростью, что кровь Заиды обратилась в лед.

Арабка хлопнула в ладоши, и появились четверо евнухов-сирийцев.

— Отнесите ее ко мне домой, — приказала Зулейка, и они, схватив съежившуюся венецианку, понесли ее прочь. Зулейка последовала за ними, вонзая в ладони розовые ногти и тихо втягивая воздух сквозь сжатые зубы.

6

Прыгая в окно, Диего де Гусман понятия не имел, что находится в темноте под ним. К счас-

тью, высота оказалась небольшой, кусты смягчили его падение. Вскочив, он увидел своих преследователей, которые толкались у разбитого окна, тесня друг друга. Он находился в большом тенистом саду, среди деревьев и больших цветов. Мгновение спустя он уже бежал, петляя по полутемным аллеям. Преследователи в беспорядке блуждали среди деревьев. Беспрепятственно достигнув стены, он подпрыгнул, ухватился за край и, подтянувшись, перебрался на противоположную сторону.

Спрыгнув со стены, он огляделся по сторонам. Ему никогда не приходилось бывать на улицах Эль-Кахиры, но он столь часто слышал рассказы о внутреннем городе, что мысленно представлял себе его план. Он знал, что находится в квартале Эмиров, и впереди, над плоскими крышами, возвышалось большое сооружение, которое могло быть только Малым Западным дворцом, гигантским домом увеселений, выходившим в широко известный сад Кафура. Де Гусман уверенно зашагал по узкой улице, и вскоре вышел на широкую дорогу, пересекавшую Эль-Кахиру от ворот Эль-Футуха на севере до ворот Зувейлы на юге.

Несмотря на поздний час, вокруг было оживленно. Мимо него проскакали вооруженные мамелюки; на широкой площади Бейн эль-Касрейн между двумя похожими как близнецы дворцами он услышал звон сбруи и в свете факелов увидел отряд суданских воинов верхом на лошадях. Подобная бдительность имела свои причины. Вдалеке среди кварталов слышался глухой стук барабанов. Где-то за стенами на фоне звезд виднелся тусклый отблеск

огня. Ветер доносил обрывки диких песнопений и отдаленных воплей.

Развязной походкой солдата, выставив вперед рукоятку сабли, де Гусман незамеченным миновал воинов в доспехах, рыскавших по улицам. Когда он решился потянуть за рукав бородатого мамелюка и спросить у него дорогу к дому Зулейки, турок ответил ему с готовностью и без малейшего удивления. Де Гусман знал — как и все в Каире — что, хотя арабка рассматривала Аль Хакима как свою собственность, она ни в коей мере не считала себя исключительной собственностью калифа. Многим капитанам наемников ее жилище было столь же знакомо, как и Аль Хакиму.

Дом Зулейки стоял чуть в стороне от широкой улицы, в непосредственной близости от Восточного Дворца, с садами которого он на самом деле соединялся. В дни своей бытности фавориткой калифа, Зулейка могла пройти из дома во дворец, не нарушая указа владыки об уединении женщин. Зулейка не являлась служанкой; она была дочерью свободного шейха, любовницей Аль Хакима, а не его рабыней.

Как и ожидал де Гусман, попасть в ее дом оказалось несложно. В ее руках соединялись тайные нити интриг и политики, и мужчины любых убеждений и состояния допускались в ее приемную, где предлагались в качестве развлечений юные танцовщицы и опиум. В эту ночь не было ни танцовщиц, ни гостей, но зловещего вида йеменец без вопросов открыл сводчатые двери, над которыми горел факел, и проводил фальшивого мавра через небольшой дворик, по лестнице и по коридору в большую комнату, задрапированную алыми бархатными занавесками.

Освещенная мягким светом бронзовых ламп, комната была пуста, но где-то в доме слышались женские крики, сопровождавшиеся мелодичным смехом, тоже женским, неописуемо зловещим.

Однако де Гусман почти не обратил на это внимания, поскольку как раз в это мгновение на улицы Эль-Кахиры, казалось, выплеснулся ад.

Послышался глухой рев невероятной силы, словно грохот прорвавшего дамбу потока, смешанный с воем множества диких зверей. Йеменец пристушился, и его темная кожа стала мертвенно-бледной. Затем он вскрикнул и кинулся в коридор, откуда донеслись быстрые мягкие шаги и тяжелое дыхание.

В соседней комнате, оторвавшись от занятия, казавшегося ей невероятно занимательным, Зулейка услышала за дверью сдавленный крик, свист и удар клинка, а затем звук падающего тела. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Осман, сверкая в свете ламп белками глаз и оскаленными зубами; с его широкой сабли каплями стекала кровь.

— Собака! — воскликнула она, выпрямляясь, словно атакующая змея. — Что тебе здесь надо?

— Ту женщину, что ты у меня забрала! — прыгал он, похожий в своей животной страсти на обезьяну. — Рыжую бабу! Весь Каир в аду! Кварталы восстали! Еще до рассвета улицы превратятся в реки крови! Я убью всех! Я буду рубить суннитских псов, словно тростник. Еще одно убийство сейчас ничего не значит! Отдай мне ту женщину, или я убью тебя!

Опьяневший от крови и похоти, обезумевший суданец забыл о своих страхах перед Зулейкой. Она бросила взгляд на обнаженную дрожащую женщину на ковре со связанными руками и ногами. Она еще не отомстила до конца своей сопернице. До сих

пор это была лишь занимательная прелюдия к пыткам, мучениям и унижительной смерти. Никакие силы ада не отняли бы у нее жертву.

— Али! Абдулла! Ахмед! — закричала она, выхватывая украшенный драгоценными камнями кинжал.

Взревев словно бык, чернокожий гигант бросился на нее. Арабке никогда прежде не приходилось сражаться с мужчинами, и ее гибкости и ловкости, не дополненной боевым опытом, оказалось явно недостаточно. Широкое лезвие пронзило ее тело, выйдя на фут между лопаток. Со сдавленным криком агонии и ужаса она осела на пол, и суданец грубым движением выдернул саблю. В это мгновение в дверях появился Диего де Гусман.

Испанец ничего не знал об обстоятельствах случившегося; он видел лишь громадного воина, вытаскивающего меч из тела женщины, и действовал в соответствии со своими инстинктами.

Осман, развернувшись, словно большой кот, замахнулся окровавленной саблей, но сокрушительный удар де Гусмана тут же обрушился на его голову. Суданец пошатнулся, и в следующее мгновение клинок испанца со всей силой отсек ему левую руку, врубился между ребер и глубоко погрузился в кости таза.

Де Гусман, ворча и ругаясь, выдернул застрявшее среди мускулов и костей лезвие. Вновь он услышал нарастающий рев толпы, и волосы у него на голове встали дыбом. Ему был знаком этот рев — охотничий клич, гром, сотрясавший троны мира. С улицы слышался стук копыт и разъяренные голоса, выкрикивавшие команды.

Он уже повернулся, чтобы выбежать в коридор, когда услышал умоляющий голос и впервые заметил

обнаженную женщину, извивающуюся на ковре. На ее теле не было ни царапины, но щеки были мокры от слез, рыжие волосы, разметавшиеся по белым плечам, пропитались потом, и она вся дрожала, словно ее пытали.

— Освободи меня! — умоляла она. — Зулейка мертва — освободи меня, ради Бога!

Приглушенно выругавшись, он разрезал ее путы и снова повернулся, почти тут же забыв о ней. Он не видел, как она поднялась и скользнула в занавешенный проход.

Снаружи послышался голос:

— Осман! Во имя шайтана, где ты? Пора в путь! Я видел, как ты бежал сюда! Дьявол тебя поберет — ты где?

В комнату ворвался воин в кольчуге и шлеме и застыл на месте.

— Что? Аллах! Ты солгал мне!

— Нет! — весело ответил де Гусман. — Я покинул город, как и поклялся; но затем я вернулся.

— Где Осман? — спросил Аль Афдал. — Я пришел сюда следом за ним... о Аллах! — Он яростно потянул себя за усы. — Во имя Бога, Единого Истинного Бога! О, проклятый кяфир! Зачем ты убивал Османа? Все города восстали, и берберы сражаются с суданцами, которым я вместе со своими людьми спешу на помощь. А ты... — я все еще обязан тебе жизнью, но всему есть предел! Во имя Аллаха, убирайся отсюда, и чтобы я никогда тебя больше не видел!

Де Гусман хищно усмехнулся.

— На этот раз тебе так просто от меня не избавиться, Эс-Салих Мухаммад!

Турок вздрогнул.

— Что?

— К чему этот маскарад? — ответил де Гусман. — Я узнал тебя еще в доме Захира эль-Гази, который прежде был домом Эс-Салиха Мухаммада. Лишь хозяин дома мог столь хорошо знать его секреты. Ты помог мне убить эль-Гази, так как бербер нанял Замана и остальных зарезать тебя. Что ж, неплохо. Но это не все. Я пришел в Египет, чтобы убить эль Гази, и моя цель достигнута; но теперь Аль Хаким намерен уничтожить Испанию. Он должен умереть; и ты поможешь мне в этом.

— Ты такой же безумец, как и Аль Хаким! — воскликнул турок.

— Что, если я пойду к берберам и расскажу им, как ты помог мне убить их эмира? — спросил де Гусман.

— Они изрубят тебя на куски!

— Что ж, пусть! Но они точно так же изрубят на куски и тебя. А суданцы им помогут; никто не любит турок. Берберы вместе с чернокожими вырежут всех турок в Каире. И где в таком случае будет твое тщеславие, когда ты лишишься головы? Да, я умру; но если я устрою так, что суданцы, турки и берберы перережут друг друга, возможно, мятеж сметет их всех, и я своей смертью добьюсь того, чего никогда бы не добился при жизни.

Эс-Салих Мухаммад осознал мрачную решимость, звучавшую в словах кастильца.

— Похоже, мне все же придется прикончить тебя! — пробормотал он, вытаскивая саблю. В следующее мгновение комната наполнилась лязгом стали.

После первого же выпада де Гусман понял, что турок — лучший боец из всех, кого он встречал; если испанец казался воплощением огня, то его противник был холоден, как лед. К нежеланию убивать Эс-Салиха добавилось понимание того, что тот

превосходит его в ловкости и силе. Эта мысль привела испанца в безудержную ярость, так что отчаянное безрассудство, всегда бывшее его слабостью, стало сильной стороной. Собственная жизнь не имела для него никакого значения; однако, если бы он погиб в этой забрызганной кровью комнате, Кастилия погибла бы вместе с ним.

За стенами Эль-Кахиры бесновалась толпа; факелы разбрасывали вокруг искры, и сталь взимала свою кровавую дань. В комнате мертвой Зулейки свистели и звенели кривые клинки. «Убей, Диего де Гусман! — казалось, пели они. — Судьба Испании в твоих руках! Сражайся во имя вчерашней славы и завтрашнего величия. Слышишь грохот оружия, шелест знамен на горном ветру; видишь бесплодные усилия защитников и кровь мучеников? Сражайся за родные нагорья, за черноволосых женщин, за костры в очагах и барабаны будущих империй! Сражайся за нерожденные еще королевства, великолепие славы, и громадные галеоны, плывущие по золотому морю к неведомым мирам! Сражайся за прекрасную Испанию, древнюю и вечно юную, феникса наций, возрождающегося из пепла мертвого прошлого, чтобы ярко вспыхнуть среди штандартов мира!»

Из приоткрытых губ Эс-Салиха Мухаммада вырывалось тяжелое дыхание. Его смуглая кожа приобрела пепельный оттенок. Ни сила, ни ловкость его не могли устоять перед натиском этого воплощения ярости, неумолимо наступавшего на него с горящими глазами, нанося удары, словно кузнец по наковальне.

Из-под запекшейся повязки де Гусмана вновь потекла по виску кровь, но меч его был подобен огненному колесу. Турок мог лишь парировать удары, не в силах ответить.

Эс-Салих Мухаммад сражался ради удовлетворения собственного тщеславия; Диего де Гусман сражался за будущее своего народа.

Последнее отчаянное усилие, и сабля вылетела из руки турка. Он отшатнулся, издав вопль — не боли или страха, но отчаяния. Де Гусман, широкая грудь которого тяжело вздымалась, опустил оружие.

— Я не стану сам убивать тебя, — сказал он. — Не буду я и принуждать тебя к клятве с мечом у горла. Ты бы все равно ее не сдержал. Я иду к берберам, и это станет моей смертью — и твоей. Прощай; я мог бы сделать тебя визирем Египта!

— Подожди! — задыхаясь, произнес Эс-Салих. — Давай поговорим! Что ты имеешь в виду?

— То, что сказал! — Де Гусман резко повернулся, чувствуя, что затравленная дичь наконец у него в руках. — Ты что, не понимаешь, что на тебе сейчас держится равновесие власти? Суданцы и берберы сражаются друг с другом, а жители Каира сражаются с теми и с другими! Никто не в состоянии победить без твоей поддержки. На чью сторону ты бросишь своих мамлюков, тот и выиграет. Ты собирався поддержать суданцев и сокрушить как берберов, так и повстанцев. Но, предположим, ты свяжешь свою судьбу с берберами? Предположим, ты окажешься вождем повстанцев, сторонником правоверных, выступающих против святотатцев? Эль Гази мертв; Осман мертв; у толпы нет предводителя. Ты единственный сильный человек, оставшийся в Каире. Ты искал славы, служа Аль Хакиму; однако тебя ждет слава куда большая, стоит только попросить! Встань со своими турками на сторону берберов, и сокруши суданцев! Толпа объявит тебя освободителем. Убей Аль Хакима! Поставь на его место друго-

го калифа, при котором ты будешь визирем и реальным правителем! Я буду рядом с тобой, и мой меч — твой меч!

Эс-Салих, слушавший его словно в полусне, внезапно расхохотался, будто пьяный. Мелькнувшая было мысль о том, что де Гусман собирается использовать его как пешку, чтобы сокрушить врага Испании, тут же утонула в горячем вине неудовлетворенного тщеславия.

— Отлично! — проревел он. — По коням, брат! Ты показал мне путь, который я искал! Эс-Салих Мухаммад будет править Египтом!

7

На большой площади посреди эль-Мансурии пламя факелов освещало водоворот мечущихся фигур, ржущих лошадей и сверкающих клинков. Коричневые, черные и белые люди сражались друг с другом — берберы, суданцы, египтяне — тяжело дыша, ругаясь, убивая и умирая.

В течение тысячи лет Египет дремал под пятой иноземных хозяев; теперь он проснулся, и пробуждение его было окрашено алым.

Подобно безумцам, жители Каира вцеплялись в чернокожих убийц, стаскивая их с седел, перерубая подпруги взбешенных лошадей. Ржавые пики с лязгом ударялись о клинки сабель. Огонь вспыхнул сразу в сотне мест, поднимаясь к небу, пока пастухи Мукаттама не проснулись и изумленно не уставились на зарево. Со всех окраин чудовищным потоком катились ревущие толпы, соединяясь вместе на большой площади. Сотни неподвижных тел, в кольчугах или полосатых халатах, лежали под топ-

чущими их копытами и ногами, а над ними кричали и рубились живые.

Площадь находилась в самом центре суданского квартала, в который ворвались опьяненные кровью берберы, пока основная часть суданцев сражалась с толпой в других частях города. Теперь же, поспешно отозванные в собственный квартал, черные воины явно превосходили берберов числом, в то время как толпа угрожала поглотить оба войска. Суданцы, под руководством их капитана Изеддина, сохраняли некоторую видимость порядка, что давало им преимущество над неорганизованными берберами и лишенной вождя толпой.

Обезумевшие каирцы врывались в дома чернокожих, вытаскивая оттуда вопящих женщин; пламя горящих зданий превратило площадь в океан огня.

Где-то вдаль послышались звук барабанов и стук множества копыт.

— Наконец-то, турки! — тяжело дыша, сказал Изеддин. — Слишком долго же они мешкали! И где, во имя Аллаха, Осман?

На площадь влетела обезумевшая лошадь, с губ которой клочьями срывалась пена. Всадник едва держался в седле, яркая одежда была разорвана, по черной коже струилась алая кровь.

— Изеддин! — закричал он, вцепившись обеими руками в развевающуюся гриву. — Изеддин!

— Сюда, дурак! — прорычал суданец, хватая за повод вставшую на дыбы лошадь.

— Осман мертв! — сквозь рев пламени и становившийся все громче барабанный бой завопил всадник. — Турки предали нас! Они убивают во дворцах наших братьев! А! Они идут!

Под оглушительный грохот копыт и сотрясающий все вокруг барабанный бой на площадь ворва-

лись отряды всадников в кольчугах и с копьями, прокладывая себе кровавый путь и не различая своих и чужих. Изеддин увидел ликующее смуглое лицо Эс-Салиха Мухаммада под сверкающей дугой его сабли, и с ревом направил лошадь прямо на него, впереди своего войска.

Однако незнакомый всадник в одежде мавра, издав странный воинственный клич, поднялся в стремених и нанес сокрушительный удар. Изеддин упал, и по изрубленным телам его сотников пронеслись копыта убийц — словно темная ревушая река, грохотавшая среди обътой пламенем ночи.

На каменистых отрогах Мукаттама пастухи в ужасе смотрели на огненное зарево, протянувшееся от ворот эль Футуха до мечети Ибн-Тулуна; лязг мечей был слышен далеко на юге, до самого Эль-Фустата, где побледневшая знать тряслась от страха в своих окруженных садами дворцах.

Словно покрытый кровавой пеной и отсвечивающий пламенем поток, волны ярости наводнили кварталы и хлынули через ворота Зувейлы, заливая улицы Эль-Кахиры, Победоносной. На большой площади Бейн эль-Касрейн, по которой могли пройти строем десять тысяч человек, суданцы сделали последнюю остановку, и там же и погибли, окруженные турками в остроконечных шлемах, вопящими берберами и обезумевшими каирцами.

Именно толпа первой переключила свое внимание на Аль Хакима. Орды оборванцев ворвались в бронзовые двери Большого Восточного Дворца и с воем устремились по коридорам в большой Золотой Зал, где, сорвав расшитую золотом портьеру, обнаружили лишь пустой золотой трон. Грязные и окровавленные пальцы срывали со стен дорогие ковры; столы из сардоникса переворачивались под

звон позолоченной посуды; евнухи в алых мантиях с визгом разбежались, девушки-рабыни вопили в руках насильников.

В Большом Изумрудном Зале, словно статуя, стоял на покрытом пшкурами возвышении Аль Хаким. Его бледные руки дрожали, глаза были подернуты дымкой; он производил впечатление пьяного. У входа в зал группа преданных слуг отбивалась мечами от нападающей толпы. Отряд берберов пробился через пеструю толпу, вступив в борьбу с черными рабами, и в гуще схватки никто не обращал внимания на белую неподвижную фигуру на возвышении.

Аль Хаким почувствовал, как кто-то взял его за локоть, и, словно в полусне, увидел перед собой лицо Заиды.

— Идем, мой повелитель! — убеждала она. — Весь Египет восстал против тебя. Подумай о себе! Следуй за мной!

Он позволил ей увести его, бормоча, словно в трансе:

— Но ведь я Бог! Как может бог познать поражение? Как может бог умереть?

Отодвинув ковер, она повела его по длинному узкому коридору. Пробыв некоторое время в Большом дворце, Заида хорошо знала его секреты. Набросив на калифа свой халат, она поспешно вела его через погруженные во мрак пахнущие пряностями сады, затем по извилистой улице среди домов с плоскими крышами. Никто из тех немногих, кто им встречался, не обращал внимания на спешащую пару. Через маленькие ворота, скрытые среди пальм, они прошли сквозь стену. С севера и востока Эль-Хахиру окружала пустыня. Они вышли с восточной стороны. Позади них и далеко на юге ревело пламя и бушевала резня, но вокруг были лишь пус-

тыня, тишина и звезды. Заида остановилась, и ее глаза вспыхнули в звездном свете.

— Я — Бог, — ошеломленно пробормотал Аль Хаким. — И вдруг весь мир — в пламени. Но я все равно Бог...

Он почти не чувствовал сильных рук венецианки, заключивших его в последние смертельные объятия. Он не слышал ее шепота: «Ты отдал меня в лапы этого зверя! Из-за этого я попала в руки соперницы, которая подвергла меня таким унижениям, которые никому даже не снились! Я помогла тебе бежать, поскольку не кто иной, как Заида, уничтожит тебя, Аль Хаким, глупца, возомнившего себя богом!»

Уже почувствовав смертоносный укол ее кинжала, он простонал:

— И все же я Бог — а боги не умирают...

Где-то вдалеке завыл шакал.

В Эль-Кахире, в Большом Восточном Дворце, мозаичный пол которого был залит кровью, окровавленный Диего де Гусман повернулся к Эс-Салиху Мухаммаду, столь же растрепанному и перемазанному кровью.

— Где Аль Хаким?

— Какая разница? — рассмеялся турок. — Он повержен; в эту ночь мы — повелители Египта, ты и я! Завтра другой сядет на трон калифа, кукла, за чьи ниточки я буду тянуть. Завтра я стану визирем, а ты — проси чего хочешь! Но сегодня здесь правим мы, клянусь блеском наших мечей!

— И все-таки мне бы хотелось проткнуть Аль Хакима своей саблей — это было бы подходящим завершением сегодняшней ночи, — ответил де Гусман.

Однако этому уже не суждено было случиться, хотя двое с жаждущими крови клинками еще долго

бродили по покрытым коврами залам и сводчатым палатам, пока их ненависть и ярость не сменились удивлением и суеверным страхом, отголоски которого слышатся до сих пор в легендах о чудесных исчезновениях и таинственных историях о сверхъестественном. Время превращает дьяволов и безумцев в святых и хаджи; далеко в горах Ливана друзья ждут нового пришествия Аль Хакима Божественного. Но, даже если бы они ждали десять тысяч лет, они бы ни на шаг не приблизились к вратам Тайны. И лишь шакалы, нашедшие убежище в холмах Мукаттама, и стервятники, простирающие крылья над башнями Баб-эль-Везира, могли бы рассказать о том, какая судьба постигла человека, возомнившего себя Богом.

БОГИ СЕВЕРА¹

язг мечей смолк, шум битвы затих; над красным от крови снегом повисла мертвая тишина. Лучи бледного северного солнца ослепительно сверкали над ледяными полями, отражаясь в разбитой броне доспехов, играли яркими бликами на разбросанном повсю-

¹ Этот рассказ был переписан Говардом из более раннего рассказа *«Дочь Исполина льдов»*.

ду оружия, блестя на лезвиях мечей и топоров, налобниках рогатых шлемов, оковке круглых щитов, рядом с грудami поверженных тел. Там — безжизненная рука крепко сжимает рукоять меча, там — запрокинутые в последнем смертельном усилии лица, с торчащими к небу ярко-рыжими или русыми бородами, словно бросающие вызов снежной белизне бескрайнего царства великана Аймира.

По красной от пролитой крови наледи навстречу друг другу приближались двое облаченных в кольчуги мужчин. Над ними простиралось морозное небо, вокруг — бесконечная снежная пустыня, а под ногами — мертвецы. Люди медленно пробирались меж телами погибших воинов, напоминая призраков, спешащих к месту самой кровавой бойни на свете.

В пылу битвы оба потеряли щиты, латы носили следы от ударов врагов. Кровь залила их кольчуги, обагрила мечи, рогатые шлемы испещрили зазубрины.

Волосы и борода одного пламенели, как кровь на освещенном солнцем снегу, и он заговорил первым:

— Ты, чьи локоны черны, как воронье крыло, назови свое имя, и мои братья в Ванагейме узнают, кто из отряда Вульфера пал от меча Хеймдула.

Черноволосый ухмыльнулся:

— Не в Ванагейме, а в Валгалле скажешь ты своим братьям имя Амры из Акбитаны.

* * *

Хеймдул взревел и ринулся на врага, поднимая меч. Клинок ванира обрушился на шлем врага, высекая голубые искры. Амра зашатался и на мгновение ослеп, но быстро пришел в себя и бросился

вперед, вкладывая в удар всю силу своего огромного тела. Пронзив медную чешую кольчуги, острие его меча прошло сквозь кости и сердце, и рыжеволосый воин мертвым упал к ногам противника.

Внезапная слабость накатила на Амру, и воин качнулся, с трудом удерживая свой меч. Сверкающий в солнечных лучах снег словно ножом резал глаза, а небо как-то странно отдалилось и пошло рябью. Он отвернулся от вытоптанного поля, где золотобородые и рыжеволосые воины лежали, застыв в смертельном объятии. Амра сделал несколько шагов, и нестерпимый блеск резко потускнел. Вновь нахлынула волна слепоты, воин опустился на снег, оперся на руку и замотал головой, изо всех сил стараясь стряхнуть слепоту с глаз.

Внезапно тишину прорезал чей-то серебристый смех, и зрение начало медленно возвращаться к Амре. Снежный мир стал довольно странным — неизвестная земля плавно сливалась с небом. Но не это захватило внимание Амры. Перед ним, покачиваясь, словно деревцо на ветру, стояла женщина. Если не считать прозрачного, как дымка, покрывала, она была обнажена. Ее тело было словно вырезано из слоновой кости, стройные обнаженные ноги казались белее снега. Дева засмеялась, и ее смех звучал нежнее журчания лесного ручейка.

— Кто ты? — спросил воин.

— А зачем тебе это знать? — В ее голосе, более мелодичном, чем звуки арфы с серебряными струнами, звенели нотки жестокости.

— Ну же, зови своих людей, — прорычал Амра, хватаясь за меч. — Пусть силы мне изменяют, но живым меня не возьмут. Ты, я вижу, из племени ваниров.

— Разве я это говорила?

Он посмотрел на непослушные локоны девушки, поначалу показавшиеся ему рыжими. Сейчас же стало видно, что они не рыжие и не золотистые, а представляют собой великолепную смесь этих оттенков. Волосы переливались, совсем как у эльфов, их блеск ослеплял. Цвет глаз незнакомки постоянно менялся: то они становились бездонными, как морские глубины, то дымчатыми, как облака. Полные красные губы улыбались, а тело, от стройных ног до ослепительной короны волнистых волос, было совершенно, как мечта богов. Сердце Амры учащенно забилося.

— Не могу понять,— сказал он,— ты из Ванагейма и мой враг или из Асгарда и мой друг? Я прошел немало, от Зингары до моря Вилайет, побывал в Стигии, Куше и в стране хирканийцев, но такой женщины, как ты, еще никогда не встречал. Твои локоны ослепляют своим блеском. Клянусь Аймиром, таких волос я не видел даже у самых красивых дочерей Эзира.

— Да кто ты такой, что клянешься Аймиром? — усмехнулась дева.— Что ведомо тебе о богах льда и снега, тебе, пришедшему с юга в поисках приключений на незнакомой земле?

— О, темные боги моего народа! — в гневе вскричал воин.— Кто бы я ни был, мой меч сегодня все сказал за меня! Здесь пало восемь десятков воинов, и лишь я уцелел в битве, где грабители Вулфера встретились с людьми Браги. Скажи, женщина, видела ли ты, хоть мельком, людей в кольчугах, пробирающихся по льду?

— Я видела иней, сверкавший на солнце,— ответила она.— Я слышала ветер, шепчущий в бескрайних снегах!

Он покачал головой.

— Ниорд должен был догнать нас прежде, чем началась схватка. Боюсь, он и его воины попали в засаду. Вулфер лежит мертвый со всеми своими людьми. Я думал, на много лиг отсюда нет ни одной деревни, ведь война занесла нас далеко от человеческого жилья. Но ты, почти нагая, наверно, немало прошла по снежной пустыне. Веди меня к своему племени, если ты из Асгарда, я смертельно устал и хочу отдохнуть.

— Трудно будет дойти до моего жилища, Амра из Акбитаны! — засмеялась девушка.

Она широко развела руки, запрокинула золотистую головку, и ее сверкающие глаза затенили длинные шелковые ресницы.

— Ну разве я не красива, воин?

— Как Заря, бегущая по снегу, — пробормотал Амра, и его глаза загорелись, как у волка.

— А почему бы тогда тебе не подняться и не последовать за мной? Кто этот сильный воин, лежащий предо мной? — запела она с недоброй усмешкой. — Так оставайся и умри в снегах вместе с другими глупцами, черноволосый Амра. Тебе не под силу идти по моему следу!

Исторгая ругательства, Амра поднялся на ноги, его синие глаза холодно сверкнули, а смутное, покрытое шрамами лицо исказила судорога гнева. Однако вспыхнувшее желание к стоящей перед ним насмешнице заставило кровь воина еще быстрее бежать по жилам. Страсть, неистовая, мучительная, наполнила все его существо, земля и небо поплыли в глазах красным туманом, и слабость отступила пред сумасшедшим порывом.

Наклонясь к пальцам женщины, Амра не произнес ни слова. Пронзительно засмеявшись, она от-

прянула и побежала, то и дело оглядываясь через плечо. Тихо зарывав, Амра пустился следом, забыв о битве, забыв о воинах в изрубленных кольчугах, что лежали на красном от крови снегу, забыв о попавшем в засаду отряде Ниорда. Он думал только о стройной фигурке, скорее плывущей, нежели бегущей впереди.

Она вела его по ослепительно белой равнине. Истоптанное красное поле осталось далеко позади, а Амра упорно продолжал двигаться за девушкой. Закованные в латы ноги пробивали ледяную корку, и воин глубоко проваливался в сугробы, с трудом выбираясь из них. А девушка, пританцовывая, ступала по снегу так же легко, как перышко плывет по луже — ее босые ножки почти не оставляли следов. Несмотря на огонь в крови, холод добирался до тела воина сквозь кольчугу и меха; девушка же в своем прозрачном покрывале двигалась легко и весело, словно кружилась в танце среди пальм в розовых садах Пуатена.

Запекшиеся губы воина исторгали черные ругательства, от злости он скрежетал зубами, кровь стучала в висках от усталости и желания.

— Ты не убежишь от меня! — ревел он. — Если заведешь меня в ловушку, я сложу головы твоих соплеменников к твоим ногам. Если спрячешься — разнесу по камешку горы, но найду тебя! Я последую за тобой и на Серые Равнины, и дальше!

Лишь манящий девичий смех был ему ответом. На губах Амры появилась кровавая пена, но он упорно шел все дальше и дальше по ледяной пустыне, пока широкие равнины не сменились нестройными рядами низких холмов. Далеко на севере виднелись очертания высоких гор, белых от вечных снегов. Над их вершинами искрились лучи северно-

го сияния. Веером расходясь по всему небу замерзшими лезвиями холодного многоцветья, они постепенно увеличивались и становились все ярче и ярче.

* * *

Небеса сверкали странными огоньками и отблесками. Снег таинственно мерцал, становясь то морозно-голубым, то пугающе красным, то серебристо-холодным. Амра упрямо продвигался через сияющее льдом зачарованное королевство в кристаллический лабиринт, где единственной реальностью оставалась белая фигурка, танцующая на сверкающем снегу далеко впереди, по-прежнему далеко впереди.

И все же его почему-то не удивляла колдовская странность происходящего, даже тогда, когда две гигантские фигуры загородили ему дорогу. Чешуя их кольчуг побелела от инея; шлемы и топоры обледенели. Снег искрился на волосах великанов, а на бородах поблескивали острые сосульки; глаза были холодными, как проносящиеся в небе разноцветные огоньки.

— Братья! — закричала девушка, кружась между ними. — Посмотрите, кого я привела! Я привела человека для празднества! Вырвите его сердце, и пусть оно дымится на столе нашего отца!

В ответ раздался треск, словно от трущихся о замерзший берег айсбергов, и великаны подняли топоры. Страх и гнев смешались в душе Амры, и он как безумный бросился в бой. Ледяное лезвие сверкнуло у воина перед глазами, ослепив ярким светом, но он первым нанес ужасный удар, рассекший врагу бедро. Жертва со стоном упала, а Амра в тот же миг повалился в снег, уворачиваясь от удара второго великана. Левое плечо Амры онемело от

боли, от верной смерти его спасла только кольчуга. Над воином навис ледяной колосс, топор великана ринулся вниз и глубоко врезался в мерзлую землю. Амра отпрянул в сторону и резко вскочил на ноги. Великан заревел, потянулся к топору, но в этот момент на него обрушился меч Амры. У гиганта подогнулись колени, и он медленно осел в снег, тотчас потемневший от крови, хлынувшей ручьем из ужасной раны. Клинок Амры почти отделил голову великана от туловища.

Развернувшись, Амра увидел стоящую неподалеку девушку, ее глаза широко распахнулись от страха. Насмешливое выражение исчезло с ее лица. Амра заорал, неистово потрясая мечом, разбрызгивая стекавшие с лезвия капли крови.

— Зови остальных братьев! — ревел он. — Зови собак! Я скормлю их печень волкам!

Девушка вскрикнула и бросилась бежать. Теперь она не смеялась и не дразнила воина. Она убегала, спасая свою жизнь, и Амра, напрягая каждый нерв и мускул, кинулся следом. Его виски почти разрывались, снег залеплял глаза, а она все отдалялась, уменьшаясь в колдовских огнях небес, пока не стала размером с ребенка, потом танцующим белым пламенем на снегу и, наконец, размытым пятном. Стиснув зубы так, что на деснах выступила кровь, Амра, шатаясь, продолжал бежать вперед и, наконец, увидел, что размытое пятно становится танцующим белым пламенем, а пламя — фигуркой ростом с ребенка; вскоре девушка оказалась менее чем в ста шагах от него, и это расстояние медленно, фута за футом, сокращалось.

Девушка пошатывалась, столь резво мелькавшие еще недавно ножки все замедляли и замедляли свой бег. А шаг воина оставался все таким же широким.

В его необузданной душе пылало пламя страсти, которое она так умело раздула. Амра почти настиг беглянку и взревел, торжествуя, а она повернувшись, затравленно вскрикнула и закрыла лицо руками.

Амра схватил девушку и прижал к себе, не обращая внимания на упавший меч. Она забилась в его руках, пытаясь высвободиться из железной хватки: золотистые волосы разметались, ослепляя воина, близость стройного женского тела сводила его с ума, но Амре казалось, что он обнимает не женщину из плоти и крови, а ледышку. Она тщетно пыталась увернуться от неистовых поцелуев воина.

— Ты холодна, как снег,— изумленно бормотал он.— Я согрею тебя огнем своей крови...

Девушка неистовым усилием вырвалась, оставив в руках Амры лишь клочок своего прозрачного одеяния. Она стояла в двух шагах от воина, грудь ее взволнованно поднималась, прекрасные глаза сверкали от ужаса и гнева. А воин остолбенел, замороженный дьявольской красотой девушки...

Внезапно она вскинула руки к огням, переливающимся в небесах, и закричала голосом, который навсегда остался в памяти Амры:

— Аймир! О, отец мой, спаси меня!

Амра бросился вперед, пытаясь схватить девушку, но в тот же миг раздался грохот снежной лавины и все небеса запылали голубыми, ледяными огнями. Девушку с телом цвета слоновой кости внезапно охватило ослепительное пламя, и воин вскинул руки, чтобы защитить глаза. В считанные мгновения небеса и снежные холмы засверкали потрескивающими, голубыми жалами ледяного света и искрящимися красными огоньками. Амра пошатнулся и закричал. Девушка исчезла. Далеко вокруг

простиралась безлюдная ледяная пустыня; высоко над ней на обезумевшем морозном небе играли колдовские огни, а с голубых гор доносились раскаты грома, словно там пронеслась гигантская боевая колесница, запряженная конями, чьи копыта высекали молнии из снегов и эхо из небес.

Вдруг покрытые снегом холмы и сверкающие небеса зашатались, как пьяные; тысячи огненных шаров взорвались ливнями искр, и небо превратилось в гигантское колесо, описывающее круги и рассыпающее звезды. Земля вздыбилась ледяной волной, и Амра упал.

В холодной темной вселенной, солнце которой померкло целую вечность назад, Амра чувствовал движение жизни, незнакомой и неразгаданной. Землетрясение заключило воина в свои объятия, швыряя застывшее тело в разные стороны и обдирая кожу о ледяную корку, пока он не завопил от боли и ярости и не стал искать меч.

— Он приходит в себя, Хорса,— проворчал чей-то голос.— Скорее! Нужно разогреть его руки и ноги! Неизвестно, сможет ли он когда-нибудь владеть мечом.

— Левую руку он не разжимает,— прорычал другой сквозь сжатые от усилия зубы.— Он что-то в ней держит...

Амра открыл глаза и уставился на склонившиеся над ним бородастые лица. Его окружали высокие золотоволосые воины в кольчугах и мехах.

— Амра! Ты жив!

— Клянусь Кромом, Ниорд,— произнес он с тяжелым вздохом,— или я жив, или мы все мертвы и находимся в Валгалле?

— Мы живы,— ответил Эзир, растирая полуобмороженные ноги Амры.— Нам пришлось с боем прорывать засаду, иначе мы бы догнали тебя прежде, чем завязалась битва. Когда мы появились на поле, трупы еще не успели остыть. Не найдя тебя среди павших, мы пошли по твоему следу. Скажи нам ради Аймира, зачем ты отправился в эту северную пустыню? Мы долго шли за тобой. Клянусь Аймиром, если бы начался буран и смел твои следы, мы бы никогда тебя не нашли!

— Не клянись так часто именем Аймира,— пробормотал один из воинов, глядя на отдаленные горы.— Легенда гласит, что это его земля и он затаился вон за теми горами.

— Я пошел за женщиной,— ответил Амра.— На равнинах мы повстречали людей Браги. Не знаю, как долго продолжался бой. В живых остался я один. У меня закружилась голова, и я потерял сознание. Земля, лежащая передо мной, была странной, как видение. А сейчас все опять кажется мне естественным и знакомым. Ко мне подошла женщина и стала насмехаться надо мной. Она была красива, как адское замерзшее пламя. Посмотрев на нее, я забыл обо всем на свете. Я пошел за ней. Вы не нашли ее следов? Не нашли убитых мной великанов в обледеневших кольчугах?

Ниорд покачал головой.

— Мы нашли на снегу только твои следы, Амра.

— Тогда я, должно быть, спятил,— изумился Амра.— И все же, ты для меня не более реален, чем нагая золотоволосая ведьма, что танцевала передо мной. Но она исчезла в ледяном пламени, когда я уже чуть было не поймал ее.

— Он бредит,— прошептал молодой воин.

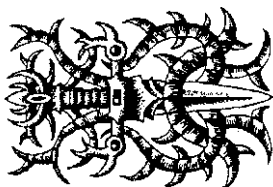

— Это не бред! — возразил воин постарше, восхищенно сверкнув глазами. — Это была Атали, дочь Аймира, Ледяного Великана! Она появляется на полях битв и рядом с умирающим! Я сам видел ее в детстве, когда чуть не умер на кровавом поле Вольравена. Я видел, как она шла по снегу среди мертвых, видел ее обнаженное тело, блестящее, как слоновая кость, и золотистые волосы, пламеневшие в лунном свете. Я лежал и выл, как умирающая собака, потому что не мог поползти за ней. Она заманивает измученных людей в снежные пустыни, а ее братья, ледяные великаны, добивают воинов и подают их дымящиеся красные сердца на стол Аймира. Амра видел Атали, дочь Ледяного Великана!

— Старый Горм повредился умом еще в молодости, когда меч едва не рассек ему голову. С Амрой случилось то же самое! Посмотрите, как помят его шлем. Он шел по пустыне за видением. Он же с юга; что он знает об Атали?

— Может быть, вы и правы, — пробормотал Амра. — Все это было странно и таинственно — клянусь Кромом!

Вдруг воин замолчал, пристально глядя на предмет, зажатый в его левой руке, — кусочек прозрачной, необыкновенной ткани, что никак не могла быть соткана земной женщиной.

ВЕРООТСТУПНИКИ

К

1

анонада закончилась, но, казалось, что гром ее все еще раскатисто звучит среди нависших над синей водой скал. Програвший морскую баталию находился примерно в одном лье от берега, победитель медленно и неуверенно удалялся и был уже вне досягаемости выстрелов. Случилось это где-то на Черном море, в тысяча пятьсот девяносто пятом году от Рождества Христова.

Судно, пьяно кренившееся на голубых волнах, было обыкновенной острокопной галерой, то есть сравнительно небольшим кораблем из числа тех, что когда-то турки отбили у запорожских казаков. Смерть собрала здесь весьма обильный урожай: мертвые тела грудями лежали на корме, засыпали в невообразимых позах на поручнях, свешивались с узкого помоста. На нижней палубе среди разбитых в щепу скамей валялись изувеченные тела гребцов, но даже в смерти своей эти люди не походили на рожденных в рабстве; все они были очень рослыми и сильными, а в их темных лицах угадывалось что-то ястребиное. Возле мачты бились и ржали привязанные к поручням, взбесившиеся от страха кони.

В живых осталось не более двадцати человек. Теперь они столпились на корме, у многих еще сочились кровью свежие раны. Почти все они были высокими и жилистыми и, похоже, большую часть жизни провели в седле. Лица до черноты обожжены солнцем, безбороды, но зато усы каждого двумя длинными прядями свисают ниже подбородка, а посреди наголо бритой головы — длинный клюк волос — оселедец. Все в невысоких мягких сапогах и широченных шароварах, одни — в колпаках, другие — в стальных шлемах, третьи — с непокрытыми головами. Лишь немногие облачены в кольчуги, но талии у всех обмотаны широкими шелковыми кушаками, в мускулистых руках — обнаженные сабли. Темные глаза беспокойны; в каждом мужчине было что-то от орла, что-то дикое, неукротимое.

Они толпились вокруг умирающего. Обвислые усы с проседью, лицо в старых шрамах. Свитка отброшена в сторону, а рубашка испачкана кровью, обильно струившейся из ран.

— Где Иван? Иван Саблинка? — не очень внятно пробормотал он.

— Здесь он, Азавал,— прогудел хор голосов, и утрюмый рослый воин шагнул вперед.

— Да, я здесь, дядя.— Выступивший из толпы высоченный, крепкий мужчина в задумчивости подкручивал и покусывал усы. Он был одет так же, как все остальные, но чем-то неуловимым отличался от них. Его большие глаза синели, как бездонное море, а длинный оселедец и пышные усы отливали светлым золотом.

Он наклонился, чтобы слышать слова умирающего Азавала.

— На этот раз они вырвались из наших рук,— прошептал тот.— Кто-нибудь из сотников жив?

— Никто, дядюшка,— мрачно ответил Иван, коснувшись наскоро перевязанной раны на предплечье.— Ташко схватил случайную пулю, а...

— Знаю, я слышал, что остальные погибли,— проворчал старик.— Ну, значит так, я всего лишь служака, такой же, как и вы, да и то помираю. Други, наше дело не выполнено! Когда мы стояли над трупом нашего гетмана, Остапа Скола, на берегу Батюшки Днепра, то поклялись нашей казачьей честью не знать покоя, пока не добудем голову его убийцы. Мы пересекли Черное море на его собственной галере, а он сумел отбить наше нападение и теперь торопится удрать; но все-таки нам удалось разделать его в бок, и на такой посудине он далеко не уйдет, вы на этой — тоже. Похоже, ему нужны подпорки. Так что берите лошадей и за ним! В Стамбул, к черту, куда понадобится! Иван, теперь есаул ты. Давай за ним! Умри, но добудь голову Осман... паши, который... убил... Остапа... Скола...

Азавал уронил голову. Казаки стянули колпаки и печально переглянулись. Потом их испытующие взгляды обратились на Ивана Саблинку, который машинально продолжал покусывать усы, поглядывая на то, что еще недавно было парусом, а теперь повисло рваной тряпкой. Ни пристани, ни селения не виднелось на широком пустынном побережье. Низкие, покрытые деревьями скалы поднимались прямо из воды, за ними высились голубые горы, снежные вершины которых отсвечивали розовым в лучах солнца. Иван понимал в морском деле и кораблях поболее, чем его товарищи, но, как действовать сейчас, он не знал. Они пересекли Черное море и, следовательно, находятся на мусульманской территории. Эти земли, несомненно, полны турок: так казаки называли все магометанские расы.

Иван наблюдал, как медленно удаляется судно врага; его команда была рада-радешенька убраться с места смертельной схватки. Искалеченный капер медленно, кренясь на левый борт, направлялся к ручью, который бежал с гор между высокими отвесными скалами. На корме еще можно было различить высокую фигуру в сверкающем на солнце шлеме. Иван попытался вспомнить лицо, на мгновение мелькнувшее из-под шлема во время яростной битвы: ястребиный нос, серые глаза, черная борода. Странно, но это лицо пробуждало в казаке какие-то смутные воспоминания. Таков был Осман-паша — до недавних пор сущее наказание для Леванта. Казачий корабль продолжал дрейфовать — Иван не торопился преследовать ретирующихся корсаров. Он уже решил, что будет следить за галерой с берега, продвигаясь меж холмов к ручью.

— Тогрух и Ермак, поворачивайте к берегу, Дмитро и Константин, успокойте лошадей, — ско-

мандовал он. — Остальным — перевязать раны и отправиться вниз, на весла. Если какая-нибудь из алжирских свиней еще жива, двиньте ее по голове как следует.

Но таковых не оказалось: даже те, кому посчастливилось избежать шальной пули, были убиты казаками, когда, сбросив пугы, попытались выкарабкаться из гребной ямы.

Солнце уже садилось, туман, похожий на легкий голубой дымок, расплзался над темнеющей водой. Пиратская галера скрылась в бухте, прячущейся среди скал. Корабль Ивана правым бортом черпал воду. Казаки оставили весла и поднялись наверх. Лошади бились, напуганные подступавшей водой.

Казаки молча вглядывались в берег, пустынный, но все равно казавшийся враждебным. Они подчинялись командам Ивана так же безоговорочно, как если бы его уже избрали атаманом на Кругу, — так называлось всеобщее собрание Запорожской Сечи, цитадели свободных людей в низовье Днепра.

Вступая в это братство, человек принимал новое имя и новую жизнь. Иван пришел туда пять лет назад. Говор у него был чудной, даже не московитский, отрывистый, и за это, да еще за то, что не торопился открывать свое прошлое, к нему сначала относились с недоверием, хотя он и побожился на Круге перед всеми, начертав в воздухе крест своей саблей. А вскоре показал свою доблесть в бою с басурманами и теперь был признанным казаком, невзирая на непривычную речь и неведомое прошлое.

Казаки бились саблями с изогнутым клинком, а у широкой, обоюдоострой сабли Ивана был прямой клинок четырех с половиною футов в длину. С таким оружием могли управляться не более полу-

дюжины казаков из всего сообщества. Именно ее держал сейчас в руках Иван, оглядывая пустынный горизонт и пристально всматриваясь в маячивший все ближе и ближе мыс.

2

Изобильная долина счастливого Экрема простиралась перед ними. Река струила свои воды по небольшому плато мимо лугов и пашен, и все вокруг казалось розоватым в лучах заходящего солнца.

Ужас напал на мирных поселян при виде диких, злобных, словно волки, всадников, прискакавших из чужой страны. Но крестьяне не обратили взоры на замок, стоящий на уступе нависшей над ними скалы, — ведь там тоже сидел притеснитель.

Клан турка Ильбарс-хана пришел с запада, из Персии. Изгнанный оттуда кровной враждой, он собирал дань с армянских деревень, расположенных в долине. Это был не просто поход за домашним скотом, рабами и какой-нибудь другой добычей. Нет, Ильбарс-хан был человеком честолюбивым; ему хотелось большего, чем предводительствовать скитающимся племенем. Он мечтал основать государство, захватив земли вокруг этой долины!

Но сейчас Ильбарс-хан, как и его воины, был опьянен кровопролитием. Армянские лачуги превратились в дымящиеся руины, хотя амбары, как и стога, стояли нетронутыми, ведь там хранился фураж для лошадей. Туда и сюда по долине скакали всадники Ильбарс-хана, при каждом случае хватаясь за кинжалы и зазубренные стрелы. Армянские мужчины были, когда сталь проникала в их тела, армянские женщины пронзительно визжали, когда

их, обнаженных, перекидывали через седельную луку.

Всадники в овчинных безрукавках и высоких меховых шапках носились на взмыленных лошадах по улочкам большой деревни, меж убогими лачугами, построенными из камня, скрепленного грязью. Выбравшиеся из своих разгромленных жилищ люди опускались на колени, тщетно моля о милосердии, или, так же тщетно, пытались спастись бегством, но всадники, настигнув беглецов, топтали их конями.

В азарте грабежа Ильбарс-хан забыл о своем намерении основать государство. Пришпоривая коня, он метался между хижинами и по долине, гоняясь за несчастными оборванцами, взбиравшимися в страхе смерти на ближайшие к деревне скалы. Нагоняя кого-нибудь, Ильбарс-хан всаживал копьё между лопаток беглеца. Трещало древко, и нога турка отпихивала корчившееся тело неверного.

— Алла иль Алла!¹ — Борода, забрызганная белой пеной, вылетающей из визжащей глотки, придавала лицу вождя вид бешеного пса.

Засвистел ятаган, рассекая и плоть, и кость. Убегавший обернулся, дико вскрикнув. Ильбарс-хан устремился к нему, полы его широкого кафтана разлетались на скаку, как крылья ястреба. Расширенные от ужаса глаза армянина, как в тумане, видели бородастое лицо с крючковатым тонким носом и руку, опускающую изогнутый клинок. В это же мгновение турок заметил худую, жилистую фигуру, широко распахнутые глаза, сверкающие из-под прямых волос, направленное на него дуло мушкета. Дикий крик сорвался с губ охотника и утонул в грохоте

¹ Велик Аллах! (тюрк.)

выстрела кремневого ружья. Клубы дыма окутали и скрыли обоих.

Армянин, жизнь из которого вытекала через ужасные раны на плечах и шее, нашел силы и приподнялся с земли. Хватая ртом воздух, он осмотрелся в поисках врага; феска турка отлетела почти на ярд, снесенная выстрелом, и большая часть мозга осталась в ней. Рука армянина подломила, и он опять упал навзничь. Он сплюнул набившуюся в рот грязь, и ужасная улыбка искривила его покрытые кровавой пеной губы. Когда подоспели пришедшие в ужас турки, крестьянин уже умер, но страшная улыбка так и замерла на его губах,— он узнал свою жертву.

Турки присели на корточки, как стервятники вокруг мертвой овцы, и переговаривались над телом своего хана. Когда они поднялись, их лица были зловеди. Печать гибели легла на чело каждого армянина, жившего в долине Экрема.

Житницы, скирды и конюшни,— все теперь было предано огню. Пленников безжалостно убивали, детей кидали в огонь, девушек окровавленными выбрасывали на улицу. Перед трупом Ильбарс-хана росла гора отрубленных голов, всадники, раскачивая за волосы страшные останки, на скаку швыряли их на зловедущую пирамиду. Каждое место, которое могло оказаться тайным убежищем для несчастных, обыскали и уничтожили всех, кого нашли.

Один турок ткнул палкой в сено, заметив в нем какое-то движение, с торжествующим воплем вытащил очередную жертву на свет и заорал на своем языке что-то явно похотливое и ликующее, когда рассмотрел добычу повнимательнее. Ею оказалась девушка, но совершенно не похожая на армянку. Сорвав накидку, он ястребиным взором обшарил фи-

гурку, скрытую под довольно скудным одеянием персидской танцовщицы, и остановился на красивом личике. В темных глазах бедняжки затаился страх.

Она молча, отчаянно боролась, ее гибкие руки извивались от боли в его жесткой хватке. Всадник потащил девушку к своему коню, но она быстро и ловко выхватила кривой кинжал и всадила турку под сердце. Мужчина со стоном рухнул, а она, проворно, как пантера, подскочила к коню и взлетела в высокое седло. Конь, заржав, поднялся на дыбы, всадница рванула поводья, и жеребец вынес ее в долину. Позади пылила азартная погоня. Стрелы свистели над головой девушки, и она, застывшая их пение, прикинула к холке коня, летевшего бешеным галопом.

Она правила прямо к стене гор на юге, где открывался вход в узкий каньон. Лошади рисковали сломать ноги среди круглых камней и разбросанных валунов, и осторожные турки поотстали. А девушка неслась, словно подхваченный штормовым порывом ветра листок. Она оторвалась от погони на несколько сотен ярдов, когда достигла зарослей тамариска, островками росшего на валунах, которые подобно глыбам льда поднимались со дна каньона. Но... там были люди.

Грозным окриком всаднице приказали остановиться. Сначала она подумала, что это турки, но затем поняла, что ошибается. Воины были стройными и крепкими, под плащами блестели металлом кольчуги, вокруг остроконечных шлемов накручены белые чалмы. Если турки казались ей шакалами, то эти — ястребами. Отчаяние охватило наездницу, когда она увидела дула ружей и вспышки подожженных фитилей. И она сделала то, что мгновенно подсказал ей разум; соскочив с коня, девушка взбежала по камням и бросилась на колени.

— Помогите, во имя Аллаха, милостивого и со-страдающего!

Человек, возникший из зарослей, недоверчиво смотрел на нее, а девушка от изумления даже перестала плакать:

— Осман-паша!

Потом, спохватившись, что погоня почти рядом, она обхватила его колени с криком:

— Защити меня! Спаси от шакалов, что гонятся за мной!

— Почему я должен рисковать жизнью ради тебя?

— Ты видел меня при дворе падишаха,— воскликнула беглянка, с отчаянием срывая с себя вуаль,— я танцевала перед тобой. Я — Айша, персиянка.

— Многие женщины плясали для меня,— ответил Осман.

— И потом, я знаю заветное слово,— совсем уже безнадежно добавила она и замолкла, но потом вострепнулась.— Слушай!

Как только она что-то прошептала ему на ухо, Осман-паша застыл от изумления, вытаращив глаза, будто перед ним разверзлась бездонная пучина. Серые глаза стали задумчивы, а затем, вскарабкавшись на камень, он повернулся к приближающимся всадникам и поднял руку:

— Во имя Аллаха, ступайте с миром!

В ответ засвистели стрелы. Тогда, спрыгнув с камня, Осман взмахнул рукой, и по этому сигналу за камнями защелкали замки фитильных ружей и заходили волны дыма. Несколько нападавших стали заваливаться в седлах, а остальные повернули вспять, пронзительно визжа от страха. Изредка оборачиваясь, они катились вниз по ущелью, спеша обратно в долину.

Осман-паша повернулся к Айше, которая, в соответствии с восточными правилами, опять закрылась вуалью. На нем был пурпурный шелковый плащ, а под плащом — отделанные золотом латы. Зеленую чалму, обернутую вокруг посеребренного шлема, украшала драгоценная брошь. Конечно, соленая вода и кровь испачкали его одежды, но все же их роскошь бросилась в глаза даже привыкшей к павлиньей пестроте нарядов танцовщице.

Возле Осман-паши собралось около сорока алжирцев.

— Дочь моя,— милостиво произнес Осман, хотя жестокие глаза опровергали доброжелательность, звучащую в голосе,— из-за того имени, которое вы мне прошептали на ухо, я приобрел врагов в этой стране. Я поверил вам...

— Пусть с меня сдерут кожу, если я солгала! — заверила она.

— Очень может быть,— вежливо согласился он,— и, если понадобится, я лично прослежу за этим. Вы называли имя принца Орхана, что вы о нем знаете?

— Вот уже три года я разделяю его изгнание.

— Где он?

Она указала на горы, где виднелись башни какого-то замка.

— Вон там, за долиной, в замке курда Эль Афдали Шеку.

— Туда не легко добраться!

— Пошлите со мной часть ваших морских ястребов, я покажу легкую дорогу.

— Видите ли, здесь вся моя команда,— кивнул он на людей. Потом, посмотрев на нее, сказал:

— Что ж, теперь я не удивлен, что вы здесь, но должен сказать...

И с обескураживающей искренностью, которую его спутники, тоже мусульмане, сочли необъяснимым нарушением обычаев, коротко рассказал девушке о своей неудаче.

Осман-паша не говорил о своих прежних триумфах — они были всем хорошо известны, так зачем повторяться! Лет за пять до описываемых событий он вдруг появился в Средиземном море среди прославленных корсаров Сеифа эддин-Гази, и вскоре превзошел своего капитана и собрал собственную флотилию, не обязанную хранить верность какому бы то ни было правителю, мусульманскому или христианскому. Сначала Осман был союзником Великого Турка и даже был зван в Высокую Порту гостем, но вскоре разозлил султана Мурада своими налетами на турецкие суда.

При очередном захвате турецкого судна в Дарданеллах, он был пойман в ловушку Оттоманским флотом и потерял на этом два корабля. Но султан оставил Осману жизнь, правда, поставив перед ним задачу, равносильную смертельному приговору: ему было приказано поднять паруса в Черном море, отправиться к устью Днепра и уничтожить наипервейшего врага турков — Остапа Сколу, атамана запорожских казаков, чьи вылазки в исламские земли доводили султана почти до безумия.

Казачи периодически покидали Сечь — свой военный лагерь, укрывшийся на островах Днепра от всяких непредвиденных нападений, совершали набеги на Турцию или другие государства. Осман-паша об этом знал, и предатель-грек повел корсаров именно на тот остров, где им и удалось захватить врасплох вольных казаков, поскольку большинство запорожцев в это время воевало с татарами на другом берегу реки. Но с ходу захватить

в плен Остапа Сколу не удалось — яростное сопротивление охранявших атамана казаков не позволило корсарам пробиться к нему. А в середине битвы вернулись те, что воевали с татарами, и Осман-паша спасся бегством, бросив один из своих кораблей. Он знал, что его ждет наказание за неисполненный приказ, и вместо того, чтобы направиться к турецкой флотилии, которая поджидала его в устье реки, он вышел в открытое Черное море, где каперское судно вскоре догнали казаки на захваченном у него же корабле. Не зная, что один из разорвавшихся во время обстрела снарядов убил Остапа Сколу, корсары никак не могли понять, почему запорожцы не прекращают погоню.

Они остановились близ восточного берега на расстоянии пушечного выстрела друг от друга, и только хитрость присоединившихся к корсарам гребцов позволила пиратам выиграть еще один день. На берегу, вдоль впадавшего в море ручья, располагалось селение, в котором жили мусульмане, занимавшиеся виноградарством и рыбной ловлей. Осман-паша добыл у них лошадей и пошел через горы. Он вел свой отряд почти наугад, лишь бы не оставаться на землях Османской империи.

Они продвигались вперед днем, рискуя нарваться на турецкие заставы, но идти по горам ночью было слишком опасно. Осман-паша не сомневался, что скорые на ногу курьеры уже разнесли по всей империи слух о его неудаче и приказ о его наказании; турецкий султан был весьма изощрен в своей мести. Корсары шли без всякой цели, полагаясь только на судьбу.

Айша выслушала и, без всяких замечаний, начала говорить сама. Осману было известно, что с давних

пор в султанате существует обычай: взойдя на трон, убивать своих братьев и их детей. Не стоит отрицать, что это вполне моральный обычай, — он спасает империю от гражданских войн. Ведь каждый Оттоманский принц считает имперский трон исключительно своей собственностью. Правда, вопреки обычаю, шелковую удавку иногда заменяют тюрьмой.

Так было и с принцем Орханом, сыном Селима Дранкада и братом Мурада Третьего. Когда одурманенная вином жизнь Селима закончилась, именно Мурад выиграл битву за трон. Власть доставалась тому, кто первым достигнет Стамбула после смерти правившего султана и уничтожит своих братьев. Ведь явившегося первым всемерно поддерживают визирь и беи, не желающие гражданской войны, и янычары, если их купить богатыми подарками. Но Мурад был слишком слаб, чтобы соперничать со своими могущественными братьями, если бы не Сафия, венецианка из семейства Баффо. Она — истинный правитель Турции, именно ее интриги способствовали тому, что теперь Мурад всячески помогает Венеции, а Орхан отправился в ссылку.

Сначала принц нашел убежище на территории Персии, но вскоре узнал, что шах ведет бойкую переписку с Сафией, намереваясь отравить его. Тогда Орхан попытался укрыться в Индии, но по пути туда его взяли в плен кочевники-башкиры. Опознав турецкого принца, они отправили его прямо в Оттоманскую империю. Орхан уже был готов принять любую судьбу, но Мурад не отважился задушить брата, поскольку принц пользовался огромной популярностью, особенно среди египетских мамлюков и независимых анатолийских сипаев. Орхана отправили в замок недалеко от Эрзерума. Заключе-

ние его было обставлено со всей возможной роскошью. Мурад надеялся, смягчив заточение, отвратить брата от каких-либо нежелательных поползновений.

Айша поведала, что одиночество пошло на пользу принцу, и он стал одним из самых высокообразованных людей империи. Айша была одной из танцовщиц, посланных с ним в ссылку. Она полюбила красивого и щедрого принца, и, вместо того чтобы погубить его, как ей это было поручено, старалась придать Орхану мужества в борьбе за престол. Она преуспела в этом так хорошо, что, не вызывая ни у кого подозрений, принц покинул Эрзерум и скрылся в обширных горах Экрема, где был принят предводителем свирепых курдов Эль Афдалем Шеку, чья семья владела долиной.

— Мы здесь уже более года, — заключила Айша свой рассказ. — Принц Орхан очень изменился. Никто не узнал бы сейчас того молодого орла, что водил своих египетских мамлюков прямо в зубы к янычарам. Безделье и вино притупили его разум, он встает с постели лишь тогда, когда я пою или танцую перед ним. Но в нем течет кровь великих предков, кровь Сулеймана Великого, и это никуда не исчезнет; принц — дремлющий лев.

Когда турки появились в Эрзеруме, я выскользнула из замка, чтобы встретиться с Ильбарс-ханом. О нем говорили как об очень честолюбивом человеке, а я давно ищу храбреца, способного помочь принцу Орхану. Крылья молодого орла опять должны почувствовать под собой ветер, чтобы он поднялся и стряхнул паутину со своего рассудка, снова стал Орханом Великолепным. К сожалению, Ильбарс-хан был убит прежде, чем я смогла с ним поговорить, а после этого началась резня, превра-

тившая турок в бешеных псов. Я испугалась и спряталась, но они нашли меня.

О, господин, помогите нам! Неважно, что у вас нет корабля и за спиной только горстка людей; государство строится из малого! Когда станет известно, что принц на свободе, а я верю, что вы сможете это совершить, люди сами начнут приходить к нам. Тиммариты, землевладельцы, и раньше поддерживали Орхана, теперь же, когда им станет известно место его заключения, они вызволят. Народ вообще ненавидит Сафию и ее ублюдка-сына Мухаммеда.

Ближайший турецкий аванпост находится в трех днях пути отсюда. Экрем не известен никому, кроме кочующих курдов да несчастных армян. Здесь можно устроить заговор против империи без всяких помех, тем более что вы тоже вне закона. Давайте объединимся, освободим Орхана и посадим его на высочайший трон. Ведь, если он станет падишахом, то все почести мира станут вашими! Тем более, что Мурад — пустое место! Но...

Персиянка все еще стояла на коленях, теребя тонкими пальцами края одежд, и темные глаза ее были полны горячей мольбы. Осман оставался бесстрастным, ледяные искорки вспыхивали в его глазах; он знал — то, что девушка говорила о популярности Орхана, было истинной правдой, а по рождению Осман и сам не многим ниже принца. Возвести нового султана! Это как раз та роль, о которой он всегда мечтал! А отчаянное приключение, наградой в котором будет трон, — что может быть лучше! Корсар засмеялся; любое преступление порадовало и укрепило бы его душу! И смех его был похож на порыв морского ветра.

— В таком рискованном предприятии мы все-таки будем нуждаться в турках,— сказал он, и девушка, вскрикнув от радости, захлопала в ладони.

3

— Стой, кунаки! — Иван Саблинка остановил коня и огляделся. Они находились в глубочайшем каньоне, с нависающими с обеих сторон крутыми откосами, заросшими чахлыми елями. Среди разбросанных деревьев бил ключом и падал тонкой струйкой в маленький бассейн небольшой родник.

— Здесь, по крайней мере, есть вода,— буркнул есаул.— Расседывайте.

Перед тем как утолить жажду, казаки, спешившись, сняли седла и вдоволь напоили лошадей. Уже несколько дней запорожцы шли по следу алжирцев, но, с тех пор, как, уйдя от берега, углубились в горы, они только один раз наткнулись на человеческое жилье: кучку лачуг среди скал, приютивших создания в неописуемых меховых душегрейках. Завидя чужеземцев, эти существа с воем побежали прятаться в глубокое ущелье; их уже дочиста ограбили алжирцы, и казакам с большим трудом удалось добыть корм для лошадей — для людей у местных жителей еды не оказалось.

Их седельные сумки, наполненные провиантом в деревне над ручьем, впадавшим в море, давно опустели. Корсары собрали столь обильный оброк с населения, что казакам, пришедшим после них, ничего не оставалось, как резать в пищу эти самые кожаные сумки.

Накануне казаки решили двигаться по следам алжирцев, надеясь подобраться к лагерю против-

ника ночью, но при взошедшем молодом месяце в лабиринте ущелий, оврагов и скал запорожцы потеряли след и далее двигались наугад. На рассвете они нашли воду, но их лошади устали и нуждались в отдыхе и корме, а сами они поняли, что окончательно заблудились. И тем не менее никто ни словом не упрекнул Ивана, чья опрометчивость привела их к столь плачевному положению.

— Всем спать! — распорядился Иван. — Тогрух, Степан и Владимир — караулите первыми. Когда солнце поднимется над елями, разбудишь трех спящих. Я пойду разведу, что это за ущелье.

Он зашагал вдоль каньона, перепрыгивая с камня на камень, и вскоре исчез из виду. Откосы с обеих сторон ущелья сменились утесами, круто поднимавшимися от каменистого ложа. Было тихо. И вдруг сердце Ивана подпрыгнуло от неожиданности: из-за камней выпрыгнул странный лохматый человек и остановился перед есаулом. Казак присвистнул, будто сабля просвистела в воздухе, и решился даже дотронуться до пришельца, благо последний был безоружен. Перед запорожцем стоял страшно тощий, похожий на гнома, человечек в меховой душегрейке. Его широко раскрытые глаза испуганно, но внимательно разглядывали каждую деталь снаряжения Ивана: кольчугу, широкие шаровары, рукояти пистолетов, подвешенных к шелковому поясу.

— О, мой бог! — воскликнул бродяга, отзываясь на приветствие казака. — Неужели кто-то из вольного братства отважился явиться в страну, которую держит в крепком кулаке Турция?

— Кто ты? — спросил Иван.

— Я сын царя Армении, — ответил тот со странной улыбкой. — Одно имя или другое, не все ли равно для чужеземца, так что зови меня Краль,

это по-нашему король, царь. А что ты здесь делаешь?

— Что находится за этим ущельем? — не ответив, спросил Иван.

— За тем гребнем, что накрывает нижний конец каньона, лежит страшная путаница оврагов, ущелий и скал, и если вы их пройдете, то попадете в широкую долину, которая еще вчера была домом моего народа, а сегодня вся усеяна человеческими костями.

— Там есть еда?

— Ага. И смерть! Орда турок захватила долину.

Пока Иван раздумывал над усыпанным, раздались быстрые тяжелые шаги и появился Тогрух.

— Эй! — Иван нахмурился. — Тебе было приказано стеречь кунаков, пока они спят.

— Парни слишком голодны, чтобы спать, — угрюмо ответил казак, подозрительно оглядывая армянина.

— Черт возьми, Тогрух! Что я им из воздуха наколдую баранину, что ли?! — зарычал вожак. — Пусть сосут лапу, пока не найдем деревню, чтобы добыть...

— Я могу проводить вас туда, где хватит еды на целый полк, — прервал их Краль.

— Не дразни меня, армянин, — нахмурился Иван, — ты сам только что сказал...

— Я не дразню, — воскликнул Краль, — это место недалеко отсюда, и оно неизвестно мусульманам. Там мои люди прячут еду, а я как раз шел туда, перед тем как тебя увидел.

Иван взглянул на Тогруха, который уже вытащил пистолет и взвел курок.

— Ну, веди, Краль, — сказал запорожец, — но первое же неверное движение, и пуля разнесет твою голову.

Армянин рассмеялся диким, слегка презрительным, смехом и жестом пригласил следовать за собой. Он двинулся прямо к утесу, нащупывая что-то среди ломких зарослей, и наконец остановился возле того, что казалось просто небольшой трещиной в скале, кивнул казакам, подзывая их, и пополз внутрь.

— Это что, волчье логово? — Тогрух все еще смотрел с подозрением, но Иван уже последовал за армянином, и казаку пришлось сделать то же самое. Место, в котором они оказались, было не логовом, а узким, очень тесным ущельем, мрачным и унылым. Еще шагов сорок, и путники вышли на широкую круглую площадку среди остроконечных скал, поверхность которых была сплошь в углублениях и напоминала чудовищно большие соты.

— Тут в древние времена были захоронены какие-то люди, но мы о них ничего не знаем, — сказал Крадь. — Их кости давно уже обратились в прах, и мой народ хранит здесь запасы еды на случай голода. Берите, моим армянам это уже не понадобится.

Иван с интересом осматривался. Было похоже, что он стоит на дне огромного колодца, в основании которого лежит монолит, будто отполированный ногами сотен поколений приходивших сюда людей. Скалы с уходящими высоко вверх правильными рядами выемок ограничивали небольшой кружок неба, в котором черной точкой висел ястреб.

— Твои люди живут в этой пещере? — спросил Тогрух. — Да это ущелье можно в одиночку удержать против целой татарской орды!

Армянин пожал плечами:

— Здесь нет воды. Кроме того, турки всегда нападают внезапно, никто не успевает убежать сюда и спрятаться. Да и потом, мой народ не любитель войн, единственное, чего он желает, так это иметь возможность спокойно возделывать свою землю.

Тогрух, неспособный понять подобное желание, покачал головой. Краль начал вытаскивать из нижних ярусов кожаные мешки с вяленным мясом, рисом, пшеничным зерном, овсом, меха с кислым вином.

— Иди, приведи сюда парней, пусть помогут донести все это, — распорядился Иван, все еще изумленно разглядывая высокую пещеру, — я останусь здесь с Кралем.

Тогрух деловито вышел, и Краль дернул Ивана за металлический наручень:

— Теперь ты поверил мне, эфенди?

— Да, слава Богу! — ответил Иван, грызя винную ягоду. — Человек, приведший меня к еде, должен быть, друг. Но где хозяева всех этих запасов, ведь в таких скалистых ущельях невозможно вырастить зерно?

— Они жили в долине Экрема.

— А почему они не поселились там, где смерть не накрыла бы их, или дорога сюда от Экрема слишком тяжела?

Глаза Краля сверкнули, как у разъяренного волка.

— Потому что этот тайник скрыт в сердце гор и известен немногим даже среди моих людей, а вам я его показал только за тем, чтобы вы мне доверяли.

— Ладно, Краль, — примирительно сказал Иван, с видимым удовольствием лакомясь вяленным инжиром, — просто нам, запорожцам, нет нужды врать да прятаться. Мы находимся здесь потому, что пре-

следуем черного дьявола, Осман-пашу, корсара, который находится где-то в этих горах.

— Осман-паша не более чем в трех часах пути отсюда.

— Х-ха! — Иван отбросил плод, синие глаза его засверкали.

— Берегись! — воскликнул Краль. — С ним в ущелье Дивы сорок корсаров и сто пятьдесят турок во главе с арапом Али. А сколько воинов у тебя, эфенди?

Не отвечая, Иван скреб в затылке, мучаясь загадкой, что должен делать атаман в таких обстоятельствах. Размышления всегда нагоняли на него тоску, к подобным занятиям он питал глубокое отвращение. Гораздо легче было выдернуть огромный палаш и, забыв о тяжких раздумьях, раздавать удары направо и налево. Хотя Иван был лучшим ратником Сечи, ему никогда до сих пор не приходилось командовать людьми, и принял он эту ношу только в силу необходимости, точно зная, что казаки его тоже не отличались особой вдумчивостью и, как и он, были достаточно безрассудны в делах, требующих осторожности. При умелом атамане казаки были непобедимы, а без толкового предводителя их пыл и страсть, их смелость, безоглядность и сама жизнь растрачивались впустую. Он, конечно, совершил ошибку, продвигаясь вперед в сумерках и ночью, и вряд ли эта ошибка была единственной или, хотя бы, последней.

Краль стоял рядом и, не дождавшись ответа, спросил:

— Осман-паша твой недруг?

— Недруг?! — гневно повторил Иван. — Да, будь моя воля, я б обтянул его шкурой свое седло!

— Тогда пойдем со мной, казак, я покажу тебе то, что вот уже тысячу лет не видел ни один чужеземец.

— Это что же такое? — настороженно и требовательно спросил Иван.

— Дорога смерти для наших врагов!

Иван сделал шаг, но тут же остановился:

— Подожди, казаки идут, послушаем, что они скажут.

— Отправь их с едой обратно, — прошептал Краль, когда бритоголовые воики ввалились в пещеру и начали удивленно глазеть по сторонам.

Выставив одну ногу вперед и засунув руки за пояс, Иван величаво повернулся к запорожцам.

— Заберите мешки и тащите в лагерь, потом расскажу, как я это напел.

— А ты? — спросил Тогрух, запихивая в рот кусок вяленой баранины.

— Не зли меня! — рякнул Иван. — Или я не есаул? У меня разговор с Кралем. Отправляйтесь в лагерь и сварите кулеш, дьявол вас задери!

Когда их шаги раздавались уже внизу ущелья, Краль направился к месту, где в стене было выдолблено несколько ступенек. Высоко над последней располагался ряд могильных пещер. В самой просторной пещере Иван смог даже выпрямиться и увидеть лестницу, уходящую высоко вверх и исчезающую в темноте.

— Долети в эту шахту хоть один выстрел из долины Экрема, и древние отплатили бы врагам огненным смерчем. А если пройти ее всю насквозь, то выйдешь позади замка Эль Афдаля Шеку.

— Ну и что нам это даст? — утрюмо спросил Иван.

— Слушай,— Краль присел на корточках, прислонясь к стене.— Вчера, когда началась резня и все мои люди погибли, я спасся из деревни бегством в ущелье Дивы. Там посреди ущелья сложена большая груда камней. Это сделали чужеземные воины, я это точно знаю. Я наскочил на них, они избили меня пистолетами и связали, и все спрашивали, что происходит в деревне, потому что, спускаясь по ущелью, они услышали стрельбу, остановились и спрятались, намереваясь кого-нибудь выслать вперед. Это были алжирские пираты, и своего эмира они называли Осман-пашой.

Пока они возились со мной, к ним подскочила до смерти напуганная девушка, за которой гнались турки. Когда она спрыгнула с коня и бросилась к Осман-паше, я узнал в ней персиянку-танцовщицу, живущую в замке. Ее зовут Айша. Осман-паша и Айша долго разговаривали. Они забыли обо мне, а я лежал рядом и все слышал.

Больше года Шеку держит в своем замке пленника. Я знаю это потому, что доставлял туда зерно и баранину, естественно не по доброй воле. Казак! Заключенный — это Орхан, брат падишаха Мурада!

Иван удивленно хмыкнул.

— Айша рассказала об этом Осман-паше, и он поклялся помочь ей освободить принца. Пока они разговаривали, подросли турки, горя злобой и местью, но держались на расстоянии, хотя и продолжали стрелять. Осман-паша вышел к ним и переговаривал с их предводителем, арапом Али, который стал командовать турками после гибели их хана. Наконец турки расселись на корточках перед костром Осман-паши, разделив с ним хлеб и соль. И все трое, Осман-паша, арап Али и Айша, договорились, как освободить Орхана и возвести его на трон.

Айша рассказала про потайной ход в замок. Сегодня перед заходом солнца турки в открытую нападут на замок, отвлекая на себя внимание курдов, а Айша, вернувшись к Орхану тем временем откроет потайную дверь, и Осман со своими пиратами войдет в крепость. Они заберут принца и скроются в горах, где намерены собрать войско. Пока они обсуждали эти планы, я перегрыз веревку и удрал.

Вы жаждете мщения за смерть своего атамана — вот вам отличный случай и для мести и для добычи. Я покажу вам, как добраться до Осман-паши. Убейте его, убейте девчонку, а потом захватите Орхана и выжмите из Сафии хорошую цену: она с удовольствием заплатит любому, кто убьет принца или хотя бы уберет его с дороги к трону.

Краль порылся в куче вещей, сваленных в углу, нашел факел и зажег его с помощью кресала.

— Подожди-ка, — настороженно буркнул Иван, внимательно следивший за его действиями, и, поскольку Краль направился вглубь пещеры, предостерег, вытащив палаш, — не хитри, Краль, а то твоя голова скатится с плеч.

Ответный смех армянина резко прозвучал в полумраке пещеры:

— Предать христианина палачам своего народа?!

Пещера переходила в туннель, в котором могли бы бок о бок скакать три лошади. Иван понятия не имел, как далеко они прошли по туннелю, когда услышал звук льющейся воды. Туннель неожиданно оборвался перед камнем правильной формы, вокруг которого узкой полосой струился серый свет. Краль загасил факел, а Иван напряженно вслушивался в темноту. Камень качнулся и отошел в сторону, и казак зажмурился от ударившего по глазам света.

Они стояли у выхода, скрытого полосой воды, падающей с большой высоты. Ниже, на расстоянии фута от них, из небольшого бассейна пенящийся поток стремительно уносился вниз по узкому каньону. Оттолкнувшись от края выступа, Краль прыгнул сквозь завесу воды и оказался на краю бассейна, Иван последовал за ним, предварительно спрятав под шелковый кушак пистолеты и пороховницу. Они очутились в таком узком ущелье, словно оно было вырезано в скале ножом: ширина его нигде не превышала пятидесяти шагов, совершенно отвесные стены с левой стороны были выше, чем с правой, никакой растительности, если не считать чего-то вроде бахромы по берегам потока, который пересекал дно каньона, и, прыгая, исчезал в узкой щели на противоположной стене и оттуда наконец находил выход к реке, пересекавшей долину Экрема. Водопад так надежно прикрывал выход из туннеля, что догадаться о скрытой за стеной воды пещере несведущему человеку было абсолютно невозможно.

Иван следовал за Кралем вверх по ущелью, извивавшемуся, словно змея в руках мучителя. Сотни через три шагов водопад исчез из вида, и только застенчивое бормотание воды напоминало о нем. Дно каньона поднималось очень резко, и вскоре спутники остановились на остром пике каменной стены. Краль прыгнул, придерживая казака рукой.

Запорожец опять помрачнел; по ту сторону ребра, не далее как в восьми шагах, находилось новое ущелье. Утес на правой стороне каньона, стена которого отвесно вырастала из темной глубины расщелины, выглядел странно и несколько отличался от остальных, и лишь через несколько мгновений Иван понял, что перед ним стена замка. Мост

не соединял края расселины, а вход в замок был обозначен только тяжелой железной дверью в стене напротив.

— Айша ускользнула вчера из крепости по этой тропинке, — сказал Краль. — А это ущелье идет к западу почти параллельно Экрему и выходит в долину довольно далеко за деревней. Курды прикрыли вход в ущелье камнями так, что со стороны долины его обнаружить невозможно. Только тот, кто знает, как пройти по отметкам, может его найти. Этой дорогой пользуются редко, и никто не догадывается ни о туннеле за водопадом, ни о пещере смерти. Вон ту дверь Айша откроет для Осман-паши.

Иван опять покручивал ус; ему не терпелось самому взять замок, но он даже представить себе не мог, как это сделать. Расщелина была слишком широка для прыжка, а на той стороне не было никакого выступа, чтобы зацепиться.

— Ради Бога, Краль, — сказал он, — мне бы хотелось взглянуть на эту долину.

Армянин немного подумал и кивнул.

— Есть дорога, которую мы называем «Орлиной», но вообще-то она не для таких, как ты.

— Да ты что? — взревел казак. — Чтобы какой-то язычник, одетый в шкуру, оказался лучше запорожца? Уж если ты там прошел, то я-то и подавно пройду!

Краль пожал плечами и направился вниз по ущелью, пока не достиг водопада. Там он остановился у стены каньона, что была выше, и Иван, подойдя ближе, увидел неглубокий размытый желоб, а в нем ряд едва различимых мелких ямок, вырубленных в сплошном камне и уходящих круто вверх.

— Псы тебя раздери, Краль,— пробурчал казак,— обезьяна и та с трудом вскарабкалась бы по такой стене.

Краль невесело усмехнулся:

— Воспользуйся своим кушаком, а я тебе помогу, если понадобится.

Иван скинул свои отделанные серебром сапоги, размотал кушак — широкую шелковую ленту с ярд длиной — один конец кушака прикрепил к портупее, а другой — к поясу армянина, и, снарядившись таким образом, они отправились на головокружительную прогулку. Казак цеплялся за неглубокие выемки в камне, и кровь его не раз застывала, когда рука или нога скользили, срываясь, по отвесной стене. Во время подъема Краль раз пять приходил ему на помощь. Но наконец они достигли вершины горы, и Иван сел, свесив ноги вниз и стараясь восстановить дыхание. Под ним змеей ползло ущелье, а с южной стороны скалы простиралась долина Экрема и искрился серпантин выющейся по ней реки.

Дым все еще лениво поднимался от пожарищ, оставшихся на месте деревни, ниже на правом берегу реки виднелись островерхие шатры. Иван различил толпившихся около них людей — на таком расстоянии они казались крошечными муравьями. По словам Краля, это были турки. Потом армянин ткнул пальцем в устье узкого ущелья, видневшегося над южной стороной долины, где расположились алжирцы. Выше их лагеря на неприступной скале стоял замок, что так заинтересовал Ивана.

Он возвышался на выступе огромной скалы, нависавшей над долиной, и глядел на нее, окруженный со всех сторон массивными стенами футов двадцати высотой. Тяжелые ворота с обеих сторон прикрывали островерхие башни с длинными узки-

ми бойницами для стрелков, низ каждой из них был скошен для удобства обстрела.

Эти скосы казались не настолько крутыми, чтобы по ним нельзя было вскарабкаться, но тайно этого сделать никак бы не удалось — человека, решившегося на это, немедленно обнаружат и обстреляют сразу из обеих башен.

— Сам дьявол не смог бы взять такую крепость штурмом! Каким образом мы могли бы подобраться к этой султанской братии по такой гряде камней? Ладно, это потом, а сейчас нам нужен Осман-паша. Проведешь нас к нему! Я хочу доставить его голову в Сечь.

— Осторожнее, казак, — жестко ответил Краль, — если тебе дорога жизнь. Взгляни-ка вниз, в ущелье. Что ты там видишь?

— Огромные голые камни и полоску травы вдоль воды, — помрачнел Иван.

Краль криво усмехнулся.

— Друг, а ты обратил внимание, что полоска травы на правом берегу гуще и чуть выше, чем на левом? Смотри! Спрятавшись за струями водопада, мы можем следить за алжирцами, пока они будут идти вверх по ущелью в сторону крепости. Потом мы устроим засаду в зарослях травы у воды, а когда они будут возвращаться, мы убьем их всех, за исключением Орхана, которого возьмем в плен, вернемся через туннель к оседланным лошадям и уедем в твою страну.

— Это-то просто, — откликнулся Иван, подкручивая длинный ус. — Мы захватим турецкую галеру: подплывем ночью с оружием в зубах, вскарабкаемся по якорным цепям, располосуем саблями их старшин, остальных оставим гребцами на то время, пока идем по морю. Так и сделаем! Но что это?

Краль оцепенел. Неподалеку от лагеря турок вброд через реку, нахлестывая лошадь, неся всадник.

— Атака! — приглядевшись повнимательней, вскричал Краль. — Они изменили план! Они не должны были атаковать до захода солнца! Торопись, мы должны спуститься раньше, чем явятся алжирцы и перехватят нас, как крыс на трапе.

Напрягая глаза, он вглядывался в похожий на сабельный шрам каньон, боясь пропустить отблеск чьего-нибудь шлема или щита, но пока в ущелье было пусто. Краль так торопил Ивана, что, покидая узкий выступ, громоздкий запорожец больно ударился локтем о стену.

Спуск оказался куда более опасным, чем подъем, но наконец они достигли дна ущелья, и Краль заторопился к водопаду. Достигнув бассейна, он осмотрелся, жестом показал Ивану, что путь свободен, и прыгнул сквозь завесу воды. И едва они оба скрылись в пасти туннеля, как сквозь падающую воду в наступающих сумерках их зоркие глаза заметили блики стальных шпор, а их чуткие уши услышали звон металла о камни. Они смотрели сквозь прозрачную занавеску, превращавшую все, что находилось снаружи, во что-то призрачное и нереальное, и Краля сотрясала дрожь — еще миг, и они бы не успели скрыться в своем убежище.

Высокие мужчины в металлических кольчугах и в чалмах, обернутых вокруг шлемов, шли по ущелью. Один из них возвышался над всеми; ястребиные черты чернобородого лица отличались утонченностью. Корсар смотрел на водопад и, казалось, его серые глаза глядели прямо в синие глаза казака. Глубокий вздох сотряс грудь Ивана, и он дернулся вперед, схватившись за саблю. Краль вцепился в его металлический наруч.

— Ради бога, казак,— испуганным шепотом остановил он запорожца,— обереги наши жизни. Если ты сейчас поторопишься, они расстреляют тебя, как крысу. А кто тогда доставит голову Осман-паши в Сечь?

Краль много бродил по свету, занимаясь торговлей, побывал он и в Запорожской Сечи, и потому был хорошо знаком с казацким ухарством.

— Я бы мог послать пулю ему в голову и отсюда,— пробормотал Иван.

— Нет, это нас выдаст, и даже если ты сбросишь Османа с коня, то все равно не сможешь забрать его голову. Не торопись! Я обещаю тебе, ни одна собака не ускользнет от нас! Ненавидишь? Посмотри-ка на того тощего стервятника в овчине и колтаке позади Осман-паши. Это — арап Али, главарь турок, он убил мою младшую сестру и ее мужа. Ты ненавидишь Осман-пашу? Клянусь всеми богами моих отцов, у меня голова кружится от желания прыгнуть на Али и вонзить в него зубы. Но... терпение, терпение!

Алжирцы пересекали узкий поток, высоко подбрав полы халатов и подняв над головой кремневые ружья, чтобы уберечь запалы от воды. На дальнем берегу они остановились и стали ждать, прислушиваясь. Спустя некоторое время сквозь шум потока с верхнего конца ущелья донесся неясный гул.

— Курды стреляют с башен,— прошептал Краль.

Услышав сигнал, алжирцы стали торопливо подниматься вверх по ущелью.

— Ты здесь карауль, а я побегу за казаками. Надо добраться до них раньше, чем вернутся пираты.

— Тогда поторопись,— буркнул Иван, и Краль скрылся во мраке туннеля.

В огромном роскошном зале, украшенном дорогими коврами ручной работы, на мягком диване, утопая в вышитых бархатных подушках, полулежал принц Орхан. В шелковом халате и мягких бархатных туфлях, с кувшином вина возле локтя он казался олицетворением праздности и сладострастия. Темные, отрешенные и задумчивые глаза принца выдавали в нем фантазера, чьи грезы были слегка подкрашены гашишем и опиумом. Но строгие черты лица его еще не расплылись, и молодое тело под богатыми одеждами еще не потеряло силу от безделья. Его рассеянный взгляд остановился на Айше, которая стояла, вцепившись в оконный переплет, и напряженно всматривалась в происходящее снаружи. Принц оставался невозмутимым, он не обращал внимания ни на пронзительные крики, ни на выстрелы, и продолжал с отсутствующим видом листать только что написанное стихотворение, посвященное изгнанию из дома.

Айша с тревогой посмотрела на Орхана. В этой девушке текла капля крови древнего арийского завоевателя, и тысячи минувших с тех пор лет и сотни предыдущих поколений не принесли покоя и покорности в ее душу. Внешне Айша была правоверной мусульманкой, а в душе — необращенной язычницей. Скорее, она бы загрызла Орхана, как тигрица, чем позволила бы ему безвольно погружаться в водоворот смирения и апатии. А для принца фраза "Так повелел Аллах" заключала в себе всю жизненную философию, служа единственным извинением и утешением во всех его неудачах. В жилах Айши текла кровь светловолосых королей, хоть и не знавших бога, но не раз совершавших набеги на Нине-

вию и Вавилон в поисках богатства. Для Орхана эта девушка стала карой небесной в своем неумном стремлении поддержать в нем жизнь и честолюбие.

— Время! — Айша вздохнула, отворачиваясь от окна. — Солнце уже в зените. Турки поднимаются по откосу, нахлестывая лошадей и впуская стрелы по стенам. Курды обстреливают их сверху, прислушиваясь к воплям раненых. Телами мертвых турок уже усыпаны все склоны, а оставшиеся в живых то отступают, то опять наступают, как сумасшедшие. Я должна спешить. Ты воссядешь на трон под звуки фанфар, любовь моя!

С этими словами она опустила на колени, поцеловала туфлю принца и, поднявшись, заторопилась прочь из зала. Она миновала десять черных немых стражей, что день и ночь несли караул, прошла коридор и направилась к площадке, располагавшейся между зданием и задней стеной ограды замка. Никто даже не попытался остановить Айшу, поскольку ей позволялось бродить, где ей вздумается, даже за стенами крепости, хотя Орхану разрешалось покидать его зал лишь в сопровождении охранников и гулять только в пределах замка. Несколько вопросов, которые она задала, вернувшись днем в крепость, дали всем понять, как она боится турок; осторожности ради, Айша старалась скрыть свое слепое увлечение принцем от орлиного ока предводителя курдов, который, как она догадывалась, был не более чем простым орудием в руках Сафии.

По площадке слонялся один-единственный воин, очень недовольный тем, что не может принять участие в сражении, потому что его поставили охранять всегда закрытую, никому не нужную железную дверь, выходящую в непреодолимую расщелину. А виноват

в этом был чересчур осторожный и предусмотрительный Шеку; хотя с тыла крепость казалась неуязвимой, ее хозяин никогда не считал лишним принять дополнительные меры предосторожности. И стоит ли упрекать его за то, что он не обнаружил предателя в своем окружении, если страж, приставленный им к Айше, влюбился в красивую девушку.

Страж железной двери был узбеком. Он носил чалму, за его пояс были заткнуты ножи и пистолеты, а опирался он на кремневое ружье. Он ждал Айшу, но, увидев ее горящие глаза, усмехнулся и сердито спросил:

— Что ты здесь делаешь, женщина?

Она стянула на шее светлую накидку, покрывавшую ее хрупкие плечи, и жалобно проговорила:

— Я боюсь! Выстрелы и крики пугают меня, бахадур. Принц накурился опиума и не способен рассеять мои страхи.

Такая хрупкая испуганная женщина, молящая о защите, оживила бы и мертвого. Узбек пощипал бороду.

— Не бойся, крошка газель, — сказал он наконец, — я тебя утешу.

Он протянул грязные руки, слегка дернул ее за одежду, привлекая к себе, и промурлыкал:

— Никто пальцем не тронет ни единого волоска на твоей голове.

Съежившись в его руках, она выхватила кривой кинжал и вонзила его в бычью шею.

— А-ах! — Рука мужчины соскользнула с плеча персиянки на рукоятку кинжала, другой он схватился за горло, из которого фонтаном хлестала кровь. Сделав неверный шаг, страж рухнул. Айша выхватила связку ключей, висевшую у стражника на поясе, и, даже не взглянув на свою жертву, побежа-

ла к двери. Открыв ее, Айша вскрикнула от радости — на той стороне бездны стоял Осман-паша со своими головорезами.

Широкая доска, использовавшаяся для выхода из крепости в качестве моста через расщелину, лежала на площадке перед дверью — редкий случай неосторожности в этом замке, — но она была слишком тяжела для слабых рук Айши, девушка не могла с ней справиться. Тогда Осман-паша кинул ей конец веревки, и она крепко привязала ее к ручке двери. Другой конец схватили сильные мужские руки, и три алжирца, проворнее обезьян перебирая руками по веревке, пересекли бездну. Они подняли доску и перекинули ее через расщелину, чтоб перешли остальные. Признаков тревоги с этой стороны замка так и не было; видимо, шум сражения перед фасадом крепости заглушал другие звуки.

— Двадцать человек охраняют мост, остальные — за мной! — скомандовал Осман-паша.

Два десятка морских волков выхватили сабли и последовали за предводителем. Осман-паша позволил себе слегка ухмыльнуться, отметив, что быстроногая девушка вполне уверенно возглавляет его банду. Теперь, в этом логове льва, как и во всяком рискованном предприятии, на которое Осман-паша когда-либо отваживался, кровь его бурлила, словно от вина.

Как только они вошли в первое помещение, слуга, находившийся там, вскочил и, вытаращив глаза, открыл было рот, но прежде чем он успел что-либо сообразить, острый, как бритва, ятаган арапа Али скользнул по его горлу, и вся банда бесшумно ввалилась в зал. Десять немых охранников подскочили к ним, выхватив кривые турецкие сабли. Схватка проходила в полной тишине, если не считать свиста и

лязганья стали да хрипа раненых. Три алжирца были убиты, и по их телам, лежавшим вперемежку с черными телами охранников, Осман-паша прошел в покои принца.

Орхан встал, когда Осман-паша опустился перед ним на колени. Несмотря на всю театральность сцены, спокойные глаза принца вспыхнули былым воодушевлением.

— Эти воины возведут тебя на трон! — воскликнула Айша, воздев тонкие белые руки. — О, Аллах! О, господин мой, какой великий час!

— Пойдемте быстрее, пока курдские собаки не обнаружили нас, — сказал Осман-паша, и его воины окружили Орхана плотным кольцом.

Они быстро покинули зал, пересекли площадку и уже вышли из железной двери, но, очевидно, звон сабель все же был услышан, потому что, едва беглецы и часть разбойников перешли мост, позади раздались дикие вопли — высокая фигура в шелках, сопровождаемая пятью десятками вооруженных саблями людей в шлемах, неслась через площадку.

— Шеку! — вскрикнула, бледнея, Айша.

— Скидывайте доску! — заорал успевший перебежать после принца и Айши Осман-паша.

С обеих сторон прогрехотали ружейные залпы, и с полдожины курдов, а с ними и четыре замешкавшихся алжирца, подступившие было к доске, отправились на дно глубокой расщелины. Через мост пронесся Шеку, его ястребиное лицо перекосила судорога. Осман-паша встретил противника лицом к лицу, и в сверкающем вихре кривая сабля корсара замелькала вокруг клинка Шеку. Выпад — и острое лезвие коснулось толстой шеи курда, Шеку приостановился и с диким воплем рухнул в расщелину вместе с доской.

Курды завизжали от ярости и бессилия; они уже не могли достать противника, но, прикрытые стеной, открыли бешеную стрельбу, и еще три или четыре алжирца были сражены раньше, чем беглецы успели завернуть за угол скалы. Осман-паша потерял в этой операции десяток человек, и теперь он сам прокладывал дорогу.

— Шестеро идут вперед и смотрят, чтобы путь был чист, — приказал он. — Мы с принцем двинемся следом. Орхан, я не смог провести коней в ущелье, но мои псы понесут тебя на носилках, сделанных из плащей и копий.

— Аллах не допустит, чтобы я ехал на плечах моих освободителей! — вскричал молодой турок. — Я не забуду этот день! Я снова человек! Я — сын Селима! Я запомню каждого из вас! Иншалла!

— Махалла! Хвала Аллаху! — прошептала персиянка. — О, господин, у меня голова кружится от радости, когда я слышу от вас такие речи. Истинная правда, вы — опять человек и скоро станете падишахом всей Османской империи!

Не заметив ничего подозрительного, отряд миновал водопад, как вдруг из зарослей травы, словно бросок притаившейся змеи, щелкнул выстрел, и один из пиратов упал. Тотчас, поскольку выстрел был сигналом, раздался ружейный залп. Большинство корсаров, как зрелые зерна, повалились на землю, остальные в ужасе подались назад — они не видели атакующих, только дымки над зарослями да мертвеца у своих ног.

— Собака! — заорал Осман-паша, поворачиваясь к Али. — Это твоя работа?

— Разве у меня есть кремневые ружья? — завизжал турок. — Это работа дьявола!

Изрыгая проклятия, Осман-паша сбежал вниз по ущелью к своим растерявшимся людям. Он понимал,

что курды к этому времени уже соорудили что-нибудь вроде моста через расщелину и вот-вот появятся здесь, и тогда он окажется между двух огней. Но кто напал на отряд сейчас, корсар не догадывался. В верхнем конце ущелья все еще гремели выстрелы, и вдруг ослепительная вспышка пламени осветила долину, но пираты, запертые в узком ущелье, которое искажало и заглушало любые звуки, не могли понять, что происходит. Дым над потоком рассеивался, но мусульмане не видели ничего, кроме зловещего шевеления травы на противоположном берегу потока. Спрятаться было негде, оставалось только вернуться в ущелье — прямо в зубы курдам. Они попали в западню. Корсары начали беспорядочно палить по траве, развеселив нападавших. Услышав этот смех, Осман-паша взвел курок пистолета.

— Дураки! Будете стрелять по призракам? Сабли наголо и за мной!

И алжирцы с яростью ринулись вслед за своим вожаком на засаду.

Смертоносные залпы прореживали ряды мусульман, но они рвались вперед и прыгали в воду, пытаясь перейти бурный поток вброд. И тогда из зарослей на другом берегу начали подниматься гигантские фигуры в кольчугах с изогнутыми саблями в руках.

— Вперед, братцы, руби, коли! — проревел громоподобный голос. — Огонь, казаки!

При виде могучих неистовых великанов, от сабель которых солнце отбрасывало яркие вспышки, мусульмане завопили от ужаса. А потом под дикий гортанный вопль неверных, от которого стыла кровь в жилах, противники сошлись в рукопашной, и опять лязг и скрежет стали заглушать по ущелью. Сначала успевшие вскарабкаться на берег алжирцы были сброшены обратно в воду с разбитыми головами, а

затем и сам казачий вожак спрыгнул с берега в поток и встретил врагов, стоя по пояс в красной от крови воде. Казаки и алжирцы в слепой ярости полосовали друг друга саблями, кололи кинжалами. Пот и кровь заливали глаза.

Арап Али влетел в самую гущу рукопашной, его глаза сверкали, как у бешеного пса, а изогнутый клинок рассекал бритые головы до самых зубов. И вдруг перед ним возник Краль.

Турок даже отпрянул, испуганный свирепостью, искажившей лицо армянина. Краль с диким криком прыгнул вперед, и его пальцы сомкнулись на горле врага, словно стальной капкан. Не обращая внимания на кинжал алжирца, который снова и снова вонзался ему в спину, Краль висел на шее Али, и кровь текла из-под его пальцев, смешиваясь с кровью, хлеставшей из разорванного горла турка. Но вот оба рухнули в поток. Их головы долго мелькали над водой, пока оба не канули в вечность.

Алжирцы бросились обратно на левый берег, а оттуда отступили к месту, где стоял принц Орхан с кучкой оставленных для его охраны воинов Осман-паши. Айша стояла перед принцем на коленях, обхватив его ноги.

Орхан трижды порывался вмешаться в происходящее, гибкие руки Айши вокруг его колен были подобны тонкой стальной петле. Осман-паша, бросившись прочь от места сражения, заторопился к Орхану. Кривая турецкая сабля паши была красной по рукоять, кольчуга разрублена, из-под плеча текла кровь. Не многие алжирцы сумели перебраться на левый берег, но и там казаки уже теснили мусульман.

Потрясая палахом, Иван Саблинки ворвался в гущу сражения. Казак крушил врагов направо и

налево, и все, кто попадался ему на пути, были изрублены в куски. Даже кольчуги и круглые, обтянутые кожей щиты никого не спасли от беспощадной руки Ивана.

— Эй ты, ублюдок! — приближаясь к корсару, орал есаул. — Мне нужна твоя голова, Осман-паша! И парня, что позади тебя, — Орхана! Не бойся, принц, я не обижу тебя, ведь ты принесешь нам в Сечь хорошие деньги. Чтоб я жрал одну кашу, если это не так!

Осман-паша озирался, отчаянно выискивая путь отступления, и вдруг увидел неглубокий желобок с мелкими выемками на отвесной скале. Природная смекалка тут же подсказала ему план действий.

— Быстро, господин! — прошептал он. — На скалу. Я задержу этих варваров, пока вы заберетесь.

— Да, да, — торопила Айша, — спешите. Идите вперед, а я пойду сзади и буду вам помогать. Я вскарабкаюсь, как кошка. Это ничего, что мы пока отступаем, Это случайность! Не возвращаться же вам в цепи узника?!

Она дрожала от волнения и была готова на все ради любимого человека. Однако выражение безысходности опять появилось на лице принца Орхана. Он был достаточно храбр и не нуждался в подбадриваниях, но пагубная философия «Так повелел Аллах» не выпускала его из своих тисков.

Принц взглянул туда, где казаки уничтожали остатки его новоприобретенных союзников, и склонил красивую голову.

— Нет, это судьба. Аллах не желает, чтобы я воссел на трон моего отца. Никто не может избежать уготованного!

Айша отступила и схватилась за голову, в ее глазах появилось отвращение. Понимая, что тво-

рится в душе принца, Осман-паша оставил его и с ловкостью моряка начал подниматься по желобу. В тот же миг, забыв о принце, Иван с воплем ринулся за ним, с лезвия его сабли капала кровь. Орхан простер руки, подчиняясь неизбежному.

— Сдаюсь, если хочешь, — просто сказал он. — Я — Орхан.

Айша закачалась и закрыла глаза руками, будто собиралась упасть в обморок, потом выхватила кинжал, метнувшийся, как язык пламени, и вонзила его в сердце принца Орхана. И как только он упал, она вонзила этот же кинжал в собственную грудь и медленно осела возле своего любимого. Потом с тихим стоном она взяла в слабеющие руки голову принца и стала ее баюкать. Ошеломленные казаки застыли вокруг них, охваченные благоговейным страхом.

Шум, донесшийся с верхнего конца ущелья, заставил запорожцев поднять головы и изумленно переглянуться: их осталась всего горстка — усталых, изможденных людей, одежда которых намокла в воде и крови, а сабли затупились в бою. Ивана рядом не было, он погнался за Осман-пашой, и они не знали, что теперь делать.

— Давайте, братцы, обратно в туннель, — крикнул Тогрух. — Слышите — сюда идут? Бегите к лошадям и будьте готовы отправиться в путь, а я пошел за Иваном.

Воины повиновались, а казак, проклиная все на свете, стал карабкаться на скалу. Запорожцы еще не успели исчезнуть за серебряной завесой водопада, Тогрух еще не достиг вершины скалы, когда в ущелье появился отряд вооруженных людей. Тогрух с любопытством рассматривал чалмы и халаты курдов и белые колпаки янычар. Плюмаж из полудожины

перьев райской птицы украшал чалму одного из них, и Тогрух, приглядевшись, узнал в нем агу, начальника янычар, третьего человека Оттоманской империи. Одежды мусульман покрылись пылью, будто всадники очень долго скакали верхом. Посмотрев в сторону замка, Тогрух увидел, что над башнями поднят штандарт аги из трех белых конских хвостов, а вдоль реки одетые в овчину турки тяжело поднимались к ущелью, преследуя верхового в блестящей кольчуге. Турецкий сафиз! От изумления Тогрух чуть не потерял опору под ногами. Что могло понадобиться начальнику янычар в долине Экрема?

Ага остановился над мертвым принцем и умирающей девушкой.

— О, Аллах! Это же принц Орхан!

— Вы больше не сможете причинить ему зло, — тихо прошептала Айша. — Я бы сделала его правителем, но вы, с вашим опиумом, лишили его мужества, и потому я убила его. Лучше гордая смерть, чем...

— Но я доставил ему трон Турции, — в отчаянии вскричал ага. — Мурад умер, а народ восстал против выроodka, сына Сафии...

— Слишком поздно, — еле слышно произнесла Айша. — Слишком, слишком поздно...

Темная головка опустилась на сплетенные руки, и Айша стала похожа на заснувшего ребенка.

5

На этот раз, когда Иван Саблинка поднимался, цепляясь за трещины в скале, Король ничем не мог ему помочь, поскольку лежал мертвый в обнимку с мертвым арапом Али на дне потока, несущего кро-

вавую воду. Теперь его гнала ненависть, и он карабкался, как по корабельным вантам. Каменные осколки, сорвавшиеся с уступа, за который он только что держался, с шумом понеслись вниз в крошечной лавине, но смерть была обманута и на этот раз, и Иван упорно продолжал подниматься. Казак был уже недалеко от Осман-паши, когда тот выбрался на вершину. Иван вскарабкался следом и, несмотря на трудный подъем, ноги держали его на удивление крепко. Оглянувшись, Осман-паша увидел своего злейшего врага. Свирепый оскал поднял дыбом его кудрявую черную бороду, — перед ним стоял огромный человек, неверный, который спутал его планы и на котором он мог выместить всю свою ярость. Всего лишь несколько месяцев назад Осман-паша считался самым грозным владыкой морей в мире. Теперь же он был совершенно опустошен, у него не осталось ничего, кроме жажды мщения и клинка, который он судорожно сжимал в руке. Корсар не мог себе позволить оплакивать свое поражение, ненависть переполняла его, и он приготовился зарубить этого настырного казака.

Легче сказать, чем сделать! Иван, конечно, был тугодум, но ловок в движениях, как дикий кот. Сталь звякнула о сталь, длинный прямой клинок запорожца рубил изогнутую турецкую саблю алжирца. Корсар был почти так же высок, как и казак, хотя и не так массивен. Его изогнутая сабля была несколько прямее и тяжелее обычных мусульманских клинков, не раз она откалывала кусочки от кольчуги есаула, нанося ему резаные раны. Осман-паша задумал держать Саблинку в обороне, чтобы тот не мог бы развернуться в полную силу. Глаза пирата застил пот, дыхание стало прерывистым. А Иван как-то ухитрился отражать удары и избегать

большинства опасных приемов противника, и потому изогнутая сабля Осман-паши либо соскальзывала с прямого клинка казака, либо натывалась на защищенную металлическим наручем руку.

И ни одного звука, кроме звона стали, хриплого дыхания да глухого шарканья ног. Явное преимущество запорожца в силе начало наконец сказываться, и Осман-паша был вынужден перейти к обороне. Решившись на отчаянную атаку, корсар с гортанным криком, как тигр, прыгнул на казака с занесенной над головой саблей. Почувствовав нестерпимую боль под сердцем, мусульманин инстинктивно схватился за лезвие палаша, вошедшее в его тело, и из последних сил ударил саблей по голове своего убийцу. Иван принял удар на левую руку; острое лезвие прорезало не только металл наруча, но и руку до кости. Осман-паша рухнул на окровавленную землю, с его губ сорвались слова на странном языке:

— Боже милостивый, я никогда больше не увижу Девона...

Иван вздрогнул, побледнел и упал на колени возле поверженного, не обращая внимания на свою страшную рану. Схватив своего врага за плечи, он свирепо тряс его, крича на том же языке:

— Что ты сказал?! Что ты сказал?!

Стекленеющие глаза взглянули на Ивана, и, сорвав шлем с головы умирающего, он вскрикнул, словно Осман-паша пронзил его кинжалом.

— Боже милостивый! Роджер! Черный Роджер Беллами! Не узнаешь меня? Это же я, Джон Хоуксби, старина Джон Хоуксби, который дрался с тобой в Девоне, когда мы были молодыми! О, Господи, прости, что мы так встретились, здесь, на чужой земле! Как ты оказался в этих краях?

— Это долгий и скучный рассказ, а времени уже нет,— прошептал вероотступник и, увидев, что великан начал рвать на полосы свою одежду, чтобы остановить кровь, продолжил:— Нет, Джон, не надо, со мной все кончено. Подожди. Я был с Дрейком, когда он надумал взять Лиссабон и потерял там много хороших кораблей и стоящих парней. Я был одним из тех, кого захватили в плен, потом отправили гребцами на галеру. Что-то надломилось во мне на этой каторжной работе под плетью. Я за-был Англию. И Бога тоже.

Варвары захватили корабль, и Капудан-паша обещал сохранить нам жизнь, если мы примем мусульманство. Галера заставляет забыть многое, даже то, что ты христианин. Сначала я хотел насолить Испании. Потом, поднимаясь по ступенькам власти, я все больше и больше забывал, чья во мне кровь, и потому сметал в море и христиан, и мусульман, и папистов. И вот конец. Вместо славы я глотаю собственную кровь. А как ты стал казаком, Джон?

— Вино и женщины, парень,— ответил Иван Саблинка, а на самом деле Джон Хоуксби из Девоншира.— После нескольких кровавых драк я не мог больше оставаться в Девоне. Я скитался по Востоку до тех пор, пока напрочь не позабыл Англию. Опускаясь все ниже и ниже, я стал еще большим вероотступником, чем ты, Роджер. А помнишь, как в старые добрые времена мы обстреливали испанцев на Майне?

— Еще бы! — Глаза умирающего оживились, он приподнялся, и кровь потекла у него изо рта.— Господи, поплавать бы еще с Дрейком или Гринвиллом! Посмеяться и пошутить с ними, как мы смеялись и шутили, когда разделявали в лоскуты Армаду Филиппа. Да будет ветер нам в паруса! Это флаг-

ман Седония!.. Англичане, я не спущу флаг, пока под моими ногами качается палуба! Бортовой залп! Не сдавать позиций... Пики, абордажные сабли...

Бредовый лепет умирающего затих. Иван стоял возле мертвого тела до тех пор, пока звяканье стали не привело его в чувство. Он инстинктивно схватился за саблю, но рядом стоял Тогрух.

— Я видел, как ты погнался за этим псом. Казаки отправились в туннель, но только девятерым удалось скрыться — ущелье полно турок. Нам придется идти через скалы до ущелья, где мы оставили лошадей. Что с тобой?

Иван накрыл тело корсара плащом.

— Я завалю его камнями, чтобы не расклевали стервятники, — глухо проговорил он.

— А голова? Его голову нужно предъявить в Сечь! — запротестовал Тогрух.

— Он мертв, так?

— Да.

— И ты засвидетельствуешь на Круге, что я убил его. Так?

— Конечно, но...

— Вот и оставим его здесь, — пробормотал Иван, нагибаясь за первым надгробным камнем.

ДВОЕ ПРОТИВ ТИРА

С

редь буйства красок, царящего на улицах Тира, фигура иностранца казалась странной и неуместной. Конечно, в одной из богатейших в мире столиц, куда приходили большие богатые парусные суда из многих морей и стран, толпилось немало иноземцев, но этот не походил ни на одного из них. Среди местных купцов, торговцев и их рабов и слуг в Тире можно было встретить

темнокожих египтян — искусных воров из далеких от Ливана земель, тощих выходцев из диких племен с юга, бедуинов из великой пустыни и блестящих принцев из Дамаска, окруженных чванливой свитой.

Все эти различные народы сближало очевидное родство — на них лежал отпечаток востока. А чужеземец, важно выпагивающий по улице под взглядами жителей Тира, выглядел совершенно чуждым восточному окружению.

— Это грек, — прошептал облаченный в темно-красное одеяние придворный, обращаясь к стоящему рядом с ним. Тот был, судя по одежде и широко расставленным ногам, капитаном морского судна. Моряк покачал головой:

— Он и похож на грека, и не похож, он из какого-то родственного им, но дикого народа — варвар с севера.

Внешность чужестранца в самом деле напоминала черты, все еще встречающиеся среди греков, — забранные в хвост светлые волосы, голубые глаза, белая кожа выглядели контрастно на фоне темных лиц местных жителей. Но крепкое, могучее тело, в движениях которого мерещилось что-то от волчьей повадки, вряд ли могло принадлежать греку. Иноземец был из родственного древним грекам народа, который в настоящее время оказался намного ближе к не испорченным цивилизацией северным племенам, — человек, чья жизнь прошла не в мраморных городах и плодородных долинах, а в постоянной борьбе с дикой и жестокой к человеку природой. Это читалось по его сильному утрутому лицу, сухощавому сложению, мощным рукам, широким плечам и узким бедрам. На нем был шлем без украшений, кольчуга с латами, а на широком с зо-

лотой пряжкой поясе висел длинный меч и галльский кинжал с обоюдоострым лезвием четырнадцати дюймов длиной и шириной с ладонь — страшное оружие. Один край кинжала был слегка выпуклый, другой соответственно вогнутый.

Чужеземец разглядывал город и его обитателей с не меньшим любопытством, чем смотрели на него сами жители Тира. Глаза его были по-детски удивленно распахнуты, однако от этого он не переставал казаться менее грозным. Изумление перед странным городом не могло сделать варвара безобидным и безопасным для окружающих.

Все здесь, действительно, казалось варвару странным. Никогда еще он не видел такой роскоши и такого богатства, столь беззаботно раскиданных на каждом шагу. Мощные улицы были ему в диковинку, он восхищенно смотрел на здания из камня, кедра и мрамора, украшенные золотом, серебром, слоновой костью и драгоценными камнями. Его поразил блеск процессии какого-то здешнего или иностранного принца: знатная особа сидела развалившись на шелковых подушках в инкрустированных драгоценными камнями носилках под шелковым балдахином; носилки несли рабы, одетые в шелковые набедренные повязки, и рядом шли рабы с опахалами из павлиньих перьев с украшенными драгоценными камнями ручками. Процессию сопровождали солдаты в позолоченных шлемах и бронзовых кольчугах — сирийцы, жители Тира, аммониты, египтяне, богатые купцы с острова Киттим. Варвар не мог оторвать глаз от одежд знаменитого тирского пурпурного цвета — краски, благодаря которой была основана Финикийская империя и в поисках элементов которой месопотамская цивилизация развернулась во все стороны света. Благодаря своим

одеяниям толпы богачей и купцов превратились из прозаичных торговцев, склонных посудачить о соседях, в знать, старающуюся снискать славы богов. Их одежды колебались и сверкали на солнце, красные, как вино, темно-пурпурные, как сирийская ночь, багровые, как кровь убитого короля.

В этой мерцающей радуге цветов, сквозь разноцветный лабиринт, шел светловолосый варвар с холодными, но наполненными изумлением глазами, по всей видимости не сознающий, что он объект пристального внимания окружающих мужчин, а также смуглых женщин, которые проходили рядом, обутые в сандалии, или проплывали мимо в носилках под балдахинами, бросая на чужестранца дерзкие взгляды.

Внезапно в конце улицы показалась стонущая и ревущая процессия, заглушившая шум торговли и разговоров. Сотни женщин бежали полуголые, с распущенными по плечам черными волосами, колотя себя в грудь и вырывая себе волосы с криками нестерпимого горя. Позади них шли мужчины с носилками, на которых лежала укрытая цветами неподвижная фигура. Купцы и содержатели лавочек замерли, чтобы посмотреть и послушать.

Постепенно варвар разобрал фразу, которую nepřестанно выкрикивали женщины: «Таммуз умер!»

Варвар повернулся к стоящему рядом прохожему, который только что прекратил спор с хозяином лавочки о цене одежды, и задал вопрос на ломаном финикийском языке:

— Кто этот великий вождь, которого они несут на вечный покой?

Тот, к кому он обращался, взглянул на процессию и, не сказав ни слова, открыл рот так широко, как только было возможно, и завопил:

— Таммуз умер!

Вся улица, мужчины, женщины, начали выть, повторяя одни и те же слова, доводя крик до истерической ноты и начиная раскачиваться из стороны в сторону и рвать на себе одежду.

Варвар, озадаченный, дернул прохожего за рукав и повторил вопрос:

— Кто этот Таммуз — какой-нибудь великий король востока?

Рассерженный тем, что его отвлекают, прохожий повернулся и заорал:

— Таммуз умер, дурак! Таммуз умер! Кто ты такой, чтобы прерывать мои молитвы?

— Меня зовут Этриаль, я галл, — ответил варвар сердито. — А что касается твоих молитв, то ты не делаешь ничего, кроме того, что стоишь и мычишь: "Таммуз умер" — как племенной бык.

Финикиец посмотрел на варвара с ненавистью и оглушительно завизжал:

— Он поносит Таммуза! Он поносит великого бога!

В этот момент носилки как раз приблизились к варвару и остановились, потому что, несмотря на вой и рев процессии, носильщики заметили ужимки кричавшего и услышали его слова. Когда носилки остановились, сотни глаз, уже одурманенных всеобщей истерикой, обратились на галла. Начала собираться толпа, как всегда происходит в восточных городах. Визг повторился, и воюющие люди начали качаться из стороны в сторону в религиозном экстазе с пеной на губах, доводя себя до безумия. Самый уравновешенный и неэмоциональный в обычной жизни народ в мире — финикийцы были подвержены вспышкам помешательства, которые характерны для всех семитов во время ритуалов, посвященных богам.

Руки толпы потянулись к кинжалам, глаза кровожадно впились в светловолосого великана, против которого бросал свои обвинения обезумевший финикиец.

— Он поносит Таммуза! — вопил сумасшедший с пеной у рта.

Толпа загудела, и носилки закачались, словно лодка на море во время шторма. Галл положил ладонь на рукоять меча, окинув толпу холодным взглядом голубых глаз.

— Идите своей дорогой, люди, — прорычал он. — Я не сказал ничего плохого ни про какого бога. Идите с миром, а ты — иди к черту!

Исковерканный финикийский галла был плохо понятен толпе, к тому же мешал шум, и толпа уловила лишь брошенное ругательство. В ту же секунду раздалась дикие крики:

— Он поносит Таммуза! Убить преступника!

Окружившая его толпа свирепо надвигалась на него, и галл не успел даже выхватить свой меч. Толпа налетела на него и опрокинула на землю. Падая, галл нанес сильный удар ближайшему к нему врагу — это был тот, кто завел всю толпу, — его шея хрустнула, как прут. Толпа пинала галла, царапала ногтями, и в воздухе зловеще засверкали кинжалы. Но народу было слишком много, и добраться до галла могли не все, поэтому выхваченные кинжалы ранили самих же теснящих друг друга финикийцев. Сквозь гул безумия послышались крики раненых. Этриаль наконец вытащил свой кинжал и поразил одного из врагов. Толпа раздвинулась, когда он вскочил на ноги и начал наносить смертельные удары направо и налево, разбрасывая людей, словно кегли. Ураган завязавшейся битвы опрокинул носилки в пыль мостовой, и Этриаль с

удивлением и отвращением увидел то, что лежало на них.

Сумасшедшие идолопоклонники продолжали наступать на галла, сверкая мечами. Один из толпы бросился вперед, галл отклонился от удара: одновременно с отступающим движением тела он взмахнул мечом, и атаковавший, вскрикнув, упал как подкошенный. Он был почти разрублен пополам.

Этриаль отпрыгнул от звенящих в воздухе мечей, налетев могучей спиной на что-то твердое, подавшееся назад — это была открытая дверь, — и бесславно рухнул на спину в дверной проем. Он вскочил на ноги с кошачьей ловкостью и выставил перед собой руку с кинжалом, оглядываясь по сторонам.

Галл увидел перед собой человека, который быстро задвинул засов на захлопнувшейся двери. Галл удивленно уставился на незнакомца, а тот рассмеялся и пошел к противоположному выходу, махнув галлу рукой, чтобы он следовал за ним. Этриаль повиновался, продолжая враждебно и подозрительно озираться вокруг. Снаружи ревела толпа, и дверь стонала и содрогалась под ее ударами. Незнакомец повел Этриаля по темному узкому переулку. Никого не встретив, они шли, пока гул толпы не превратился в едва слышный звук. Тогда незнакомец свернул, и они оказались перед дверями гостиницы. Войдя внутрь, они увидели несколько мужчин, сидящих поджав ноги «по-турецки» и ведущих между собой бесконечный, по восточному обычаю, спор.

— Ну что, друг мой, — сказал галлу спаситель, — думаю, мы сбили свору со следа.

Этриаль подозрительно взглянул на незнакомца и подумал, что между ними есть какое-то сходство. Безусловно, этот человек не финикиец — черты его

лица такие же правильные, как у самого галла. Он был высок, хорошо сложен, не намного ниже гиганта-галла, с черными волосами и серыми глазами, лет сорока или меньше. Несмотря на восточное одеяние незнакомца и финикийский язык с семитским акцентом, Этриаль понял, что перед ним потомок их общих предков — кочующих арийцев, заселивших мир светлоглазыми, светловолосыми племенами.

— Кто ты? — прямо спросил галл.

— Люди зовут меня Ормраксис Мидиец, — ответил незнакомец. — Давай присядем и выпьем вина. Когда убегаешь от погони, всегда хочется пить!

Они сели за грубо сколоченный стол, и слуга принес им вина. Они пили и молчали, и Этриаль раздумывал над тем, что произошло. Наконец он произнес:

— Нет нужды говорить, что я благодарен тебе за то, что ты задвинул засов и привел меня в безопасное место. Клянусь Кромом, эти люди сумасшедшие. Я только спросил, какого короля они несут к могиле, а они бросились на меня, как дикие кошки. И к тому же на носилках не было никакого трупа — только деревянный идол, украшенный золотом, драгоценностями и цветами, политый протухшим маслом. Что... — Он внезапно замолк, вытащив меч, потому что с улицы послышался шум.

— Они уже забыли о тебе, — рассмеялся Ормраксис. — Расслабься.

Но Этриаль подошел к двери и осторожно выглянул в щель. Переулок, в котором находилась гостиница, пересекал вдали улицу, по которой теперь двигалась процессия. Настроение толпы изменилось: монахи несли увитого цветами идола, поднятого вверх, и люди танцевали и пели, крича от восторга

и радости так же неистово, как вопили от горя. Этриаль с отвращением фыркнул.

— Теперь они воют: «Адонис жив», — сказал он. — Только что они кричали: «Таммуз мертв» — и рвали на себе одежду и ранили друг друга кинжалами. Клянусь Кромом, Ормраксис, говорю тебе — они сумасшедшие!

Мидиец захохотал и поднял чашу:

— Этот народ сходит с ума во время своих религиозных празднеств. Они празднуют воскрешение бога жизни, Адониса-Таммуза, которого убивает Ваал-Молох — солнце во время летнего солнцестояния. Сначала они носят мертвого идола бога, затем воскрешают его и приветствуют, как ты только что видел. Это еще ничего — ты бы посмотрел на идолопоклонников в Гевале, священном городе Адониса. Там люди режут сами себя и бросаются в грязь, чтобы быть растоптанными толпой.

Галл размышлял над услышанным несколько минут, потом озадаченно покачал головой и глотнул из своей чаши. У него появился вопрос к мидийцу:

— Зачем ты рисковал жизнью, спасая меня?

— Я видел, как ты бьешься с толпой. Это было нечестно — тысяча на одного. Кроме того, между нами есть родство, хоть отдаленное, но кровное.

— Я слышал о твоём народе, — сказал Этриаль. — Он ведь живет далеко на севере, так?

— За землями Наири и истоками Евфрата, — ответил Ормраксис. — Постепенно он переходил на юг из степей, год за годом завоевывая долины алаудианцев. Некоторые передвигались в одиночку и маленькими группами вдоль Евфрата и Тигра, становясь наемными солдатами. Это движение продолжается уже три или четыре поколения.

— Значит, ты родился в этой стране? — спросил галл.

— Не в Финикии. Я родился в долине Наири и двигался на юг как охотник и купец. На границах Аммона я встретил народ, отдаленно родственный моему племени, и поселился там.

Этриаль не задал больше никаких вопросов: он знал об Аммоне не больше, чем об Атлантиде. Но рассказ Ормраксиса навел его на некоторые мысли.

— Скажи, во время своих странствий и скитаний в этих землях не встречал ли ты или не слышал ли о человеке по имени Шамаш?

Ормраксис покачал головой:

— Это ассирийское имя, так они называют одного из своих богов. Но я никогда не встречал человека с точно таким же именем, без добавлений вроде Ишуми-Шамаш или Шамаш-Пайлис. Как он выглядит?

— Высокого роста, хотя ниже, чем мы с тобой, и мощный. С темными глазами и иссиня-черными волосами и бородой, которую завивает. У него дерзкая и высокомерная манера держать себя. Он похож на жителей Тира, но в то же время и не похож на них, ибо там, где они избегают битвы, он, наоборот, ищет ее. Черты его лица также не очень похожи на их лица, хотя у него крючковатый нос и выражение лица, чем-то напоминающее этих людей.

— Ты в самом деле описал ассирийца, — сказал Ормраксис со смехом. — На юго-востоке, за Евфратом, ты встретишь тысячи людей с такими приметами, но, возможно, тебе не придется идти так далеко, потому что в воздухе пахнет войной, и Шаламану-асшир, король Ассирии, идет с боевыми колесницами на принцев Сирии. Я не думаю, что это только базарные слухи.

— Кто этот Шаламанишир? — спросил галл, переименовав имя на семитский манер.

— Величайший король всей земли, чья империя раскинулась от южных долин Наири до Моря восходящего солнца и от гор Загроса до палаток арабов. Ему принадлежат Ассирия, Каркемиш хиттитов, Вавилония и болота Халдеи. Его предки, короли, жили прежде в Ашшуре и Ниневии, но он построил Калан — королевский город и украсил его богатыми дворцами, словно рукоять меча драгоценными камнями.

Этриаль посмотрел на Ормаксиса с сомнением: переходы на высокопарный стиль были больше свойственны семитам, чем арийцам, но галл вспомнил, что мидиец провел на востоке, возможно, большую часть жизни.

— А как правители Сирии? — спросил галл. — Они точат топоры и готовятся к бойне?

— Так говорят, — подозрительно ответил мидиец.

— У меня нет золота, — пробормотал галл. — Кто из этих королей заплатит мне дороже за мою силу?

Глаза Ормаксиса блеснули, словно он давно ждал этого вопроса. Он наклонился к галлу и что-то хотел сказать, но внезапный крик снаружи прервал его. Он вскочил на ноги, как пружина, и повернулся к выходу с мечом наизготовку.

В дверях стояли несколько солдат в блестящих доспехах, знатный господин в пурпурном одеянии и одетый в лохмотья бродяга, который выскользнул из гостиницы сразу после того, как в нее вошли Этриаль и Ормаксис. Бродяга показывал на мидийца и кричал:

— Это он! Это Кхумри!

— Быстро! — прошептал мидиец. — Бежим в боковую дверь!

Но в ту же секунду в боковую дверь ввалилась толпа солдат. Зарывав, Ормраксис отпрыгнул от двери, и солдаты по приказу одетого в пурпурное господина бросились на мидийца. Тот раскроил череп ближайшему солдату, отразил удар копья и полетел к человеку в пурпурном, который закричал, прося помощи. Солдаты окружили мидийца, и один из них схватил Ормраксиса за руки сзади. Меч Этриаля обезглавил нападавшего, и спина к спине два товарища начали отбивать удары. Но гостиницу наполняли новые и новые солдаты. Кругом грохотала сталь, раздавались крики ярости и боли. Новая сокрушительная атака солдат оторвала двух арийцев друг от друга. Этриаля отбросило на перевернутый вверх ножками стол, и полдюжины мечей старались поразить его. Этриаль рычал, истекая кровью. Одного из врагов он пронзил насквозь, выпустив наружу его внутренности. Но чья-то железная булава обрушилась на шлем галла. Голова его закружилась, в глазах помутилось, но он не отступал. На голову галла снова и снова сыпались удары, пока он не повалился на пол без сознания, словно древо под ударами топора.

Этриаль медленно приходил в сознание. В голове стучало и болело, все тело ломило. Какой-то свет показался перед его глазами — он понял, что это свеча. Он находился в маленькой комнате с каменными стенами. «Должно быть, тюрьма», — подумал галл. Он лежал на кушетке, и над ним склонился человек, перевязывая ему раны. Галл решил, что враги не хотят позволить ему умереть легко и оживляют, чтобы помучить. Рука Этриаля, словно бросившийся на жертву питон, схватила человека

за горло прежде, чем тот успел сообразить, что раненый пришел в себя. В комнате были еще другие люди, но на галла почему-то не посыпались удары, как он ожидал. Лишь чьи-то руки схватили его за плечо, и кто-то закричал по-финикийски:

— Постой! Постой! Не убивай его! Это друг! Ты среди друзей!

Слова прозвучали убедительно, и галл разжал смертельную хватку. Его жертве спасло жизнь только то, что к галлу еще не вернулись полностью силы. Однако парень повалился на пол, задыхаясь и кашля. Его подхватили, застучали ему по спине и влили в горло вина. Он наконец оправился и с упреком взглянул на чужестранца. Тот, кто успокоил разбушевавшегося галла, рассеянно теребил бороду и задумчиво смотрел на Этриаль. Это был человек среднего роста, с характерными финикийскими чертами лица, одетый в пурпурный наряд, означавший знатного господина или богатого купца.

— Дайте еды и питья, — приказал он, и раб принес мясо и большой кувшин вина. Этриаль почувствовал страшный голод. Заглотив чуть не полкувшина вина, схватив огромный кусок мяса двумя руками, он начал поглощать пищу, разрывая ее сильными, как у зверя, зубами. Он не спрашивал, зачем и почему: голодные годы приучили варвара сразу брать пищу, когда она появляется перед ним.

— Ты друг Кхумри? — спросил финикиец в пурпурном.

— Если ты говоришь о мидийце, — ответил галл в перерыве между следующим куском мяса, — то я никогда не встречал его до сегодняшнего дня, когда он спас мою жизнь и помог скрыться от толпы. Что вы с ним сделали?

Финикиец покачал головой:

— Это не я взял его, к сожалению. Его схватили солдаты короля Тира. Они бросили его в темницу. Тебя я нашел лежащим без сознания в переулке около гостиницы, брошенным на дороге. Возможно, они подумали, что ты умер. Но, лежа на мостовой, ты все еще сжимал в руке меч. Мои слуги перенесли тебя ко мне домой.

— Зачем?

Человек не ответил прямо, а сказал:

— Кхумри спас твою жизнь. Хочешь помочь ему?

— Жизнь за жизнь,— ответил галл, отпив из кувшина и причмокнув губами.— Он помог мне, я помогу ему, даже если понадобится умереть.

Это не было хвастливой болтовней. За границами цивилизации чувство долга действительно существовало, и люди помогали друг другу из-за жестокой необходимости, пока это не превратилось в настоящую религию среди варваров — платить долги. Человек в пурпурном знал об этом, так как много путешествовал, и больше всего ему понравились странствия среди светловолосых народов запада.

— Ты пролежал без сознания несколько часов,— сказал он.— Можешь ты сейчас бежать и драться?

Галл встал на ноги и вытянул мощные руки, посмотрев на всех сверху вниз с высоты своего роста.

— Я отдохнул, наелся и напился,— проворчал он.— Я не греческая девушка, чтобы свалиться за смертью от хлопка по голове.

— Принесите его меч,— приказал финикиец. Этриаль вложил меч в ножны с довольным смешком и привычным жестом проверил, на месте ли огромный кинжал у пояса, затем вопросительно взглянул на финикийца.

— Я друг Кхумри,— сказал тот.— Меня зовут Акурос. Теперь слушай. Сейчас около полуночи. Я

знаю, где заточен Кхумри. Его держат в подземной тюрьме недалеко от пристани. В тюрьме есть внешняя охрана и внутренняя. Внешнюю охрану назначаю я. Это филистимляне, и я подошлю человека подкупить их, чтобы они оставили пост. Но внутренняя охрана состоит из ассирийцев, их нельзя подкупить. Но их только трое, и если ты ловок, то сможешь избавиться от них.

— Предоставь это мне,— решительно заявил галл.— Где тюрьма? И что мы будем делать дальше, когда Кхумри будет освобожден?

— Я пришлю человека, чтобы он провел тебя к тюрьме,— сказал Акурос.— Если ты освободишь Кхумри, тот же человек проведет вас к пристани, где будет ждать лодка. Тир построен на островах, как ты знаешь, и ты никогда бы не смог пройти через ворота в стене, которые закрывают город от материка. Открыто я не могу помогать Кхумри, но тайно я сделаю все, что смогу.

Спустя некоторое время Этриаль пробирался по темным холодным переулкам Тира, следуя за крадущейся впереди фигурой. Несмотря на свой рост, галл двигался бесшумнее ветерка в лесу. Только иногда свет луны, проникавший сквозь дремлющие стены в город, оставлял бледные блики на доспехах, шлеме или мече галла. Наконец они остановились в начале тенистого переулка, и проводник галла указал на приземистое каменное здание, перед которым стоял небольшой отряд солдат в доспехах, различимых только благодаря свету нескольких факелов в каменных нишах стен. Солдаты говорили с человеком в маске, передавшим им небольшой, довольно пухлый мешочек. Человек в маске обернулся плащом и исчез в темноте, а солдаты быстро и тихо ушли в противоположном направлении.

— Они не вернутся,— прошептал проводник Эттриаля.— Господин Акурос дал им достаточно золота, чтобы оставить службу в армии. Они будут пить несколько недель. Скорей, мой господин! Внутри тоже охранники.

Галл проскользнул в переулочек и приблизился к тюрьме. Железная дверь была не заперта. Он осторожно открыл ее и заглянул внутрь. Несколько факелов в нишах тускло освещали пустой коридор. Однако издали доносился шум голосов и виднелся какой-то свет. Галл тихо пошел по коридору до поворота, откуда слышались голоса. Он остановился и увидел каменные ступени, ведущие в нижний коридор, в глубине которого стояли трое широкоплечих рослых солдат в шлемах и кольчугах. Они были чернобородые, с жесткими хищными лицами. Галл вспомнил о своем давнем враге и, словно оцетинившаяся на жертву гончая, напрягся всем телом. Солдаты болтали на каком-то странном наречии. Но вот из темноты вышел коренастый человек и сказал по-финикийски:

— Через час люди короля придут за заключенным.

— Ты его допрашивал? — спросил один из солдат на том же не вполне понятном языке.

— Он упрям, как все его племя,— ответил финикиец.— Но это неважно. Шаламану-асшир будет рад получить его. Как ты думаешь, каким будет приветствие великого короля господину Кхумри?

— Он сдерет с него кожу заживо,— ответил ассириец, поразмыслив немного.

— Хорошенько смотрите за ним. Он закован по рукам и ногам, но это не человек, а лев. Я пошел к королю.

Ассирийцы возобновили прерванную игру, а финикиец стал вперевалку подниматься по ступе-

ням. Этриаль проскользнул обратно за угол и прижался к стене в темноте. Финикиец поднялся до верхнего коридора и повернул за угол, но в тот момент, когда он поравнялся с галлом и был от него на расстоянии вытянутой руки, какой-то инстинкт заставил его посмотреть в сторону. Свет был тусклым, крутом тени — возможно, финикиец решил, что перед ним привидение. Возможно, вид светловолосого гиганта в блестящей кольчуге на секунду лишил его дара речи. Этой секунды было достаточно. Прежде чем он успел открыть рот, огромный меч Этриаля раскроил его череп, и финикиец упал к ногам галла.

Этриаль отскочил обратно за угол и припал к стене. Снизу раздался стук рассыпавшихся играль-ных костей, когда удивленные ассирийцы повскакивали с мест. Галл не рискнул выглянуть из коридора, но слышал спор и перешептывание, а затем звук поднимающихся по лестнице шагов. Отчаянно оглядевшись вокруг, галл заметил над головой железное кольцо, вбитое в стену, которое, безусловно, использовали для подвешивания и пыток узников. Подпрыгнув, галл схватился за кольцо и подтянулся на руках, нога его нащупала небольшое углубление в стене, где вывалился кусочек каменной кладки, и, засунув туда кончик ноги, галл ненадежно повис в воздухе. Ассирийцы поднялись по ступеням и громко зашпорили, наткнувшись на тело лежащего в крови финикийца. С копьями наизготовку они оглядывались по сторонам, но им не пришлось в голову взглянуть вверх. Один из них пошел к выходу, очевидно в поисках внешней стражи, — в этот момент нога галла соскользнула со стены.

В такие секунды мозг галла работал молниеносно. В то же мгновение он отпустил кольцо и,

падая, знал уже, что собирается делать. Солдаты были застигнуты врасплох. Колено Этриалья ударило одного из них в грудь, повалив на пол. Вскочив на ноги с кошачьей ловкостью, галл уклонился от удара копья второго солдата, который был слишком поражен, чтобы метко бросить копье. Меч Этриалья разорвал кольчугу ассирийца и пронзил его тело насквозь. Но сила удара Этриалья едва не стоила ему жизни. Третий ассириец, также пораженный неожиданным падением галла сверху, пришел в себя и теперь занес копье для смертельного удара. Этриаль с силой рванул рукоять, но меч накрепко застрял в грудной клетке убитого. Ассириец готов был поразить галла, но тот, оставшись безоружным, резко развернулся. Копье со скрежетом скользнуло по доспехам, и ассириец всем телом налетел на Этриалья. Тот покачнулся и упал, скатываясь по ступеням, ассириец тоже рухнул вместе с ним. Вцепившись друг в друга, гремя доспехами, они пересчитали все ступени. Когда они беспомощно докатились до низа лестницы, Этриаль понял, что солдат лежит под грузом его тела неподвижно. Голова у галла кружилась, он нащупал рукой слетевший с головы шлем. Ассириец был мертв: он сломал шею.

Этриаль надел шлем и огляделся. Камеры открывались в коридор, но все они были темны, лишь в глубине коридора сквозь дверную щель виднелся тусклый свет. Галл быстро обыскал мертвого ассирийца и обнаружил на его поясе связку ключей. Отперев дверь освещенной камеры, галл увидел лежащего на каменном полу Кхумри-мидийца, закованного в тяжелые цепи. Мидиец не спал — в самом деле, падение с лестницы одетых в доспехи галла и ассирийца могло бы поднять и мертвого.

Кхумри усмехнулся и не произнес ни слова, увидев Этриалья. Галл, перепробовав несколько ключей, наконец отыскал ключ от кандалов Кхумри. Освобожденный, Кхумри с наслаждением потянулся, встал на ноги и вопросительно взглянул на галла. Тот, приложив палец к губам, повел Кхумри по коридору. Они поднялись по лестнице, и Этриаль с усилием и тихими ругательствами вытащил наконец свой меч из тела убитого. Кхумри поднял копье одного из охранников. Осторожно и бесшумно они выбрались из тюрьмы и подошли к переулку, где ждал проводник. Он сделал знак рукой следовать за ним, и все трое по тенистым лабиринтам улиц вышли на открытое пространство. Этриаль услышал плеск волн и увидел отражающиеся в воде звезды. Они были на маленькой пристани.

Из темноты возникла лодка с несколькими гребцами на борту. Этриаль, Кхумри и проводник сели в лодку, и гребцы заработали веслами. Огни Тира постепенно превращались в сотни танцующих искр. По заливу гулял ветерок. Начинало светать. Впереди на другом берегу заблестел какой-то свет, гребцы двигались ему навстречу.

Лодка приблизилась к берегу. У кромки воды стояли несколько человек, один из них держал в руке факел. Город остался далеко слева. Берег выглядел пустынным и голым, на нем не было даже хижин рыбаков.

Лодка причалила, Этриаль и Кхумри вышли на берег. К ним подошел один из людей — это был Акурос. За ним стояли несколько слуг и держали под уздцы лошадей.

— Мой господин, — сказал Акурос Кхумри, — мой план сработал намного лучше, чем я предполагал.

— Да, спасибо галлу, — засмеялся мидиец.

— Я не осмелился бы помогать тебе более явно,— сказал финикиец.— Даже теперь я могу поплатиться жизнью, если не буду в десять раз осторожнее лисы. Но вы — вы будете помнить?

— Я буду помнить,— ответил Кхумри.— Принцы Сирии не двинутся против Тира после того, как мы разобьем колесницы ассирийцев. А у тебя, Акурос, я куплю весь кедр, лазурит и драгоценные камни, как и обещал.

— Я знаю, господин Кхумри держит свое слово,— сказал Акурос с почтением, которого Этриаль не понял.— Вот лошади, мой господин. Я не смею посылать эскорт, чтобы меня не заподозрили...

— Нам не нужен эскорт, добрый Акурос,— перебил Кхумри.— Теперь мы прощаемся с тобой. Солнце высоко, а нам далеко ехать.

Галл и Кхумри вскочили в седла и поскакали на восток. Обернувшись, Этриаль увидел вдалеке, на другой стороне залива, блестящее море огней Тира, а на берегу — освещенного светом факела Акурса в пурпурном одеянии с прощально поднятой вверх рукой.

ТЕНЬ ВАЛЬГАРЫ

1

ти неверные готовы лицезреть нас?

— Да, Покровитель всех истинно верующих.

— Пусть приведут их.

И вот послы, бледные после долгих месяцев заключения, предстали перед Сулейманом Великолепным, султаном Турции, могущественнейшим из правителей эпохи великих монархий. Под огромным пурпурным куполом величественного

зала сверкал, переливаясь, золотой, украшенный драгоценными камнями трон, заставлявший трепетать весь мир. Роскошь этого символа безграничной власти подчеркивал шелковый балдахин; его ниспадавшие края, расшитые прекрасными изумрудами, мягко светились нитями жемчуга, создавая подобие сияющего ореола над головой Сулеймана. Да и весь облик светлейшего правителя вызывал благоговение и восторг: его одеяние преливалось множеством невиданной красоты драгоценных камней, а белоснежный тюрбан, украшенный бриллиантами, венчало пышное украшение из разноцветных перьев. Вокруг трона в почтительных позах застыли девять великих визирей; чуть дальше стояла грозная стража — личные телохранители султана, солaki — в боевых доспехах, с плюмажами из черных, белых и ярко-алых перьев на позолоченных шлемах.

Подавленные этим фантастическим зрелищем австрийские послы, переодетые по повелению султана в шелковые турецкие халаты, нелепо смотревшиеся на европейцах, казались особенно жалкими и растерянными. Измученные девятью изнурительными месяцами заточения в мрачном Замке Семи Башен, что возвышается на берегу Мраморного моря, они щурились от блеска золота и драгоценностей, чувствуя себя непривычно маленькими по сравнению с величественно восседавшим на троне Сулейманом Великолепным. Глава посольства, генерал Габордански, доверенное лицо австрийского эрцгерцога Фердинанда, с трудом подавлял гнев и жгучую обиду, скрывая их под маской смирения и почтительности. Остальные сотрудники миссии искоса поглядывали на генерала, готовые поддержать выбранную им манеру поведения. Несчастные австрийцы томились в тюрьме с того самого дня, когда

сербский князь Милош Кабилович, стремясь остановить кровавую резню, заколол спряганным на груди кинжалом завоевателя Мурада.

Сулейман Великолепный смотрел на посла с еле заметной снисходительной улыбкой, которая, пожалуй, пугала не меньше, чем выражение ярости, частенько искажавшее его худое, довольно красивое лицо. Тонкий, немного крючковатый нос и сжатый прямой рот придавали султану жестокий и даже хищный вид, который не могли смягчить ни длинные свисающие усы, ни удивительно тонкая шея.

Его узкий заостренный подбородок был тщательно выбрит, и во всем облике Сулеймана угадывалось скорее что-то татарское, нежели турецкое, и это соответствовало истине: сын Селима Мрачного и крымской принцессы Гавжи Хатум унаследовал от матери гораздо больше, чем от отца. Рожденный повелевать простыми смертными, наследник трона могущественнейшей военной державы, Сулейман Великолепный достиг вершин власти и славы и не знал себе равных в подлунном мире.

Жесткий проницательный взгляд султана заставил старого генерала опустить голову — как ни пытался Габордански скрыть свою ярость, она неутихающим пламенем горела в его глазах, воспоминания терзали сердце. Девять месяцев назад, в качестве полномочного представителя эрцгерцога, генерал прибыл в Стамбул для ведения переговоров о перемирии и передаче венгерской короны Фердинанду: гибель короля Лукаша в кровавой битве под Мохачем, в сущности, открывала турецким войскам дорогу в Европу.

Тогда же перед султаном предстал и другой посланник — Жером Лашки, польский пфальцграф. Все предложения эрцгерцога в изложении Габор-

дански прозвучали прямолинейно и даже грубова-то — как свойственно людям его типа — и вызвали безудержный гнев Сулеймана. Лашски же — хитрая лиса — демонстрируя бесконечную преданность и смирение, просьбу свою передать корону в Польшу излагал, стоя на коленях и почтительно кланаясь.

И милость Сулеймана конечно же пролилась на него животворящим дождем: почести, золото, покровительство. Однако цена показалась слишком высокой даже для алчной натуры Лашски — поляки предали своих соседей-союзников, открывая дорогу туркам через их территорию к самому сердцу христианского мира.

Все это старый генерал, корчась от ярости и бессилия, узнал уже в тюрьме, куда угодил по воле надменного и высокомерного султана. Теперь Сулейман, с легким презрением поглядывая на Габордански, решил обойтись без обычной церемони и вести беседу с иноземцами только через Главного визиря. Великий Турок не снисходил до изучения языка неверных — будь то немецкий или французский — зато австрийский посол прекрасно понимал по-турецки. Султан высказался коротко и без всякого предисловия:

— Скажи своему повелителю, что теперь я готов нанести визит сам, и если он не захочет приветствовать меня в Мохаче или Пеште, я встречу с ним под стенами Вены.

Габордански молча поклонился в ответ. Сулейман подал знак, и один из офицеров подошел к генералу и протянул ему небольшой позолоченный мешочек с двумя сотнями дукатов. Точно такие же подарки получили и все остальные члены посольской миссии, замершие под наставленными на них пиками янычаров.

Залившись краской, Габордански промямлил слова благодарности, теребя мешочек старческими узловатыми пальцами. Султан хищно усмехнулся, прекрасно понимая, что генерал с удовольствием швырнул бы деньги в лицо презренному турку, но, конечно же, никогда не решится на подобный поступок. Затем Сулейман Великолепный легким взмахом руки показал, что аудиенция окончена, но внезапно задержал взгляд на людях, сопровождавших Габордански — а вернее — на одном из них. Этот человек выделялся своим ростом и производил впечатление чрезвычайно сильного и бывалого воина, даже мешковатый турецкий халат не мог скрыть его атлетического телосложения. По знаку султана янычары вывели австрийца вперед.

Сузив глаза, Сулейман принял внимательно его разглядывать. Короткие рыжие волосы иноземца упрямо топорщились, длинные усы свисали ниже подбородка, а голубые глаза были как-то странно затуманены, словно человек спал — стоя и с открытыми глазами.

— Говоришь ли ты по-турецки? — спросил султан, оказывая простому члену посольской миссии честь разговаривать с ним лично. Видимо, иногда, несмотря на все величие и пышность Оттоманского двора, в Сулеймане проявлялась наивная простота его татарских предков.

— Да, ваше величество, — отвечал иноземец.

— И кто же ты будешь?

— Люди зовут меня Готтфрид фон Кальмбах.

Сулейман нахмурился, и рука его непроизвольно потянулась к плечу, где под тонким шелком проступал давний шрам.

— У меня хорошая память на лица, я никогда их не забываю. Где-то я видел и твое — в ситуации,

которая навсегда оставила след в глубине моей памяти. Но сейчас я не могу вспомнить, что именно произошло.

— Возможно, на Родосе,— предположил германец.

— Многие бывали на Родосе,— покачал головой Сулейман.

— Верно,— спокойно согласился фон Кальмбах.— Например, там был Адам де Лиль.

Сулейман застыл, и глаза его грозно сверкнули при упоминании имени Великого полководца рыцарей Сент Джона, чья ожесточенная оборона Родоса стоила туркам шестидесяти тысяч человек. И тем не менее он решил, что глупый австриец вряд ли сам понял, как дерзко прозвучал его ответ. Сулейман вновь шевельнул рукой, разрешая посольству удалиться.

Он велел проводить послов до ближайших границ Империи, чтобы как можно скорее доставить эрцгерцогу свое предупреждение: уже через короткое время — едва ли не по пятам посольства — собирались отправиться в поход армии великой Османской державы.

Приближенные Сулеймана понимали, что Великий Турок имеет планы посерьезнее установления марионеточного правительства Заполы на завоеванном венгерском троне. Амбиции Великого Турка простирались на всю Европу — ведь эти тупоголовые францисканцы веками совершали набеги на Восток, горлаючи свои христианские гимны, бесчинствуя и мародерствуя. Позабыв все доводы рассудка и потакая своим прихотям и капризам, они могли вновь попытаться завоевать мусульманский мир, и хотя они все же не выходили из войны победителями, то не были и побежденными.

К концу дня австрийские послы отбыли, погружившийся после окончания аудиенции в глубокие раздумья Сулейман вдруг поднял голову и подал знак Главному визирю Ибрагиму, который тотчас приблизился и почтительно склонился перед владыкой. Этот опытный царедворец твердо уповал на незыблемость своего положения — разве они с Сулейманом не друзья детства, разве не пивали вместе из хмельной чаши?..

Единственной соперницей Ибрагима по особой хозяйской милости была рыжеволосая русская девушка Хуррем, Полная Радости, которую Европа знала как Роксолану, полонянку, уведенную из отцовского дома в Рогатине и ставшую любимой женой в гареме Сулеймана.

— Наконец-то я вспомнил, кто этот неверный, — проговорил Сулейман. — Не забыл ли ты первое нападение рыцарей при Мохаче?

Ибрагим едва заметно вздрогнул, услышав это напоминание.

— О, Заступник за всех страждущих, как же могу я забыть тот день, когда неверный пролил божественную кровь моего повелителя?

— Тогда ты помнишь, как тридцать два рыцаря, паладины Назарянина, прорвали наш строй, и каждый готов был отдать свою жизнь за то, чтобы унести хотя бы одну из наших. Клянусь Аллахом, они словно собрались на свадьбу! Их копья разили всех, кто вставал у них на пути, а панцири отражали благородную сталь наших сабель. Но они начали падать, как подкошенные, как только заговорили наши кремневые ружья, и вскоре уже только трое из них остались в седле — князь Маршали и двое его товарищей. Но и тогда от их ударов солаки валились, словно колосья под серпом. Однако, сам Мар-

пали вместе с одним из рыцарей погибли — почти у моих ног.

— Остался один, хотя в пылу схватки он потерял свой шлем, а кровь струилась из пробитых доспехов. Рыцарь бросился ко мне, размахивая огромным двуручным мечом, и, клянусь бородой Пророка, смерть была столь близко, что я уже ощутил обжигающее дыхание Азраила на своих губах! Его меч сверкнул в воздухе, подобно молнии, и я почувствовал страшный удар по шлему, а затем по плечу. Клинок пробил кольчугу, и из раны полилась кровь. Эта рану я чувствую до сих пор, особенно она саднит в сезон дождей. Янычары окружили его и перерезали сухожилия его лошади, и она вместе с рыцарем исчезла под грудой тел. Оставшиеся солдаты унесли меня с поля боя, и я больше не видел того рыцаря. А вот сегодня я встретил его вновь.

Ибрагим недоверчиво посмотрел на своего повелителя, но не решился возражать.

— Нет-нет, я не ошибаюсь! Я хорошо помню эти голубые глаза. Рыцарь, который ранил меня при Мохаче, и есть тот австриец, Готтфрид фон Кальмбах.

— Но, Защитник истинной веры, — не выдержал Ибрагим, — головы этих поганных рыцарей были выставлены на всеобщее обозрение перед дворцом...

— Я тогда сосчитал их, но не захотел, чтобы на тебя пало обвинение, — покачал головой Сулейман. — Там была всего лишь тридцать одна голова, и большинство настолько изуродовано, что я не смог бы их узнать. Я понял — один из неверных ускользнул, и именно он нанес мне эту рану. Я люблю храбрых воинов, но наша кровь слишком драгоценна, чтобы какой-то неверный мог безнаказанно проливать ее на землю, а там ее лакали бы собаки!

Ибрагим отвесил глубокий поклон и молча удалился. Пройдя по широким коридорам, он вошел в выложенную голубыми плитками комнату, сквозь окна которой открывался вид на внешние галереи, затененные кипарисами и охлаждаемые серебряными струями воды из позолоченных фонтанов. Именно туда на зов Главного визиря и явился некто Ярук Хан, крымский татарин с раскосыми глазами, спокойный человек в доспехах из лакированной кожи и полированной бронзы.

— Ну что, старый пес, — молвил визирь, — заметил ли твой затуманенный кумысом взгляд высокого германского господина в свите эмира Габордански, того, чьи волосы такие же рыжие, что и грива льва?

— Да, нойон, это тот, кого зовут Гомбак.

— Именно так. А теперь возьми отряд таких же псов, как и ты, и отправляйся в погоню за германцами. Если привезешь этого человека обратно, тебя ожидает награда. Лица из посольской миссии неприкосновенны, но тут особая причина. И неофициальная, — с циничной усмешкой добавил визирь.

— Услышать — значит подчиниться! — с поклоном, таким же глубоким, как если бы он предназначался самому султану, Ярук Хан покинул комнату второго человека в Империи.

Посланец возвратился несколько дней спустя, запыленный, обессиленный с дороги, но без добычи. Глазами, полными жестокой угрозы, смотрел на него Ибрагим, и татарин рухнул ниц перед шелковыми подушками, на которых восседал Главный визирь, в своей голубой комнате, с арочными окнами, выходившими на внешние галереи.

— Великий хан, не дай гневу уничтожить твоего верного раба. В том не моя вина, клянусь бородой Пророка!

— Подними голову, паршивый пес, и пролай мне все от начала до конца,— с холодным спокойствием предложил Ибрагим.

— Дело было так, мой господин,— начал Ярук Хан.— Скакал я быстрее ветра, и хотя неверные выехали намного раньше меня и мчались всю ночь без остановок, я нагнал их уже на следующий день. Но, увы, Гомбак не было среди них, и когда я спросил о нем, паладин Габордански разразился такими страшными проклятиями и так яростно бушевал, что это было подобно грохоту пушек. Тогда я стал говорить с разными людьми из его свиты и узнал, что произошло. Но я прошу моего господина помнить, что я всего лишь повторяю слова неверных, которые являются людьми без чести и лгут, как...

— Как татары,— подсказал Ибрагим.

Ярук Хан принял комплимент с подобострастной собачьей улыбкой и продолжал:

— Вот что они мне рассказали. На рассвете Гомбак повел свою лошадь в сторону от остальных, и эмир Габордански потребовал от него объяснить причину. Тогда Гомбак рассмеялся, как это делают франки — ха-ха-ха! — вот так. А потом сказал: «Видно, дьявол попутал меня поступить к тебе на службу, Габордански, и поэтому я девять месяцев гнил в турецкой тюрьме. Сулейман дал нам беспрепятственно доехать до турецкой границы, и больше я не обязан следовать за тобой». — «Ты, пес! — сказал эмир. — Вот-вот разразится война, и эрцгерцог нуждается в твоём мече» «Твоего эрцгерцога пожирает дьявол, — отвечал Гомбак. — А пес — это Заполья, который встал у Мохача и позволил туркам порубить нас, его товарищей, на куски. Да и Фердинанд не лучше. Когда я останусь без гроша в кармане, я, возможно, продам ему свой меч. А сейчас у меня есть две сотни дукатов

и вот эти турецкие тряпки, которые я смогу продать любому еврею за горсть серебра, и пусть дьявол покусает меня, если я вытащу из ножен меч, пока у меня в кармане остается хоть одна монета. Так что сейчас я поеду в ближайшую христианскую таверну, а ты и твой эрцгерцог можете убираться к дьяволу!» — Тогда эмир проклял его всеми проклятиями, какие только смог вспомнить, а Гомбак, смеясь, поскакал прочь. Он кричал на весь лес: «Ха-ха-ха!» — а потом запел песню о таракане по имени...

— Ну, хватит! — резко оборвал его Ибрагим, лицо которого исказилось от гнева и ярости. Судорожно вцепившись в бороду, он погрузился в раздумья. То, что вместо тридцати двух голов оказалась тридцать одна, было неслыханным проступком — ни один турецкий султан не сделал бы вид, что этого не заметил. Чиновники теряли свои посты, а часто и собственные головы и по более незначительным причинам. То, как поступил Сулейман, свидетельствовало о его искреннем и глубоком расположении к своему старому другу, и Ибрагим, цenia это всей душой, не хотел, чтобы даже малейшая тень омрачила их отношения.

— А почему же ты не пошел по его следу, лес? — спросил он, сурово сдвинув брови.

— Клянусь Аллахом! — воскликнул Ярук Хан. — Должно быть, он летел на крыльях ветра. Гомбак пересек границу на несколько часов раньше меня, и я гнался за ним по чужой земле, пока это было возможно...

— Хватит оправданий, — прервал его Ибрагим. — Пришли ко мне Михала-оглы.

Непрерывно кланяясь и благодаря, татарин, пятясь, покинул комнату. Лицо Ибрагима было мрачнее тучи. Он не терпел, когда его люди допускали промахи.

Главный визирь все еще продолжал размышлять, восседая на шелковых подушках, пока на полу перед ним не отпечаталась крылатая тень, и высокая художавая фигура не склонилась в почтительном поклоне. Человек, одно только имя которого наводило панический ужас на всю западную Азию, изъяснялся тихим и вкрадчивым голосом, а двигался с необыкновенной мягкостью и гибкостью кошки, но его лицо и хищные узкие глаза отражали бесконечную черноту его души.

Михал-оглы был начальником акинджи, этих диких всадников, сеявших страх и опустошение во всех землях за пределами великой Оттоманской империи. Перед Главным визирем он предстал в полном боевом облачении, с неизменными крыльями грифа, прикрепленными на спине к его золоченой кольчуге. Когда его конь мчался во весь опор, эти крылья широко развевались, и их тень, летевшая по земле, казалась тенью смерти и разрушения. Не было на свете страшнее убийцы, чем Михал-оглы.

— Скоро тебе предстоит отправиться в земли неверных,— сказал ему Ибрагим.— И, как всегда, ты будешь убивать без пощады. Ты опустошишь поля и виноградники, сожжешь села и города, убьешь мужчин и захватишь в плен женщин. Земли, лежащие за пределами наших границ, будут стонать и вопить под твоими ногами.

— Я рад это слышать, о Любимец Аллаха,— отвечал Михал-оглы тихим вкрадчивым голосом.

— Но есть и еще один приказ внутри этого приказа,— продолжал Ибрагим, не сводя пристального взгляда с акинджи.— Ты знаешь германца фон Кальмбаха?

— Да, Гомбака, как его называет татарин.

— Именно так. Так вот, мой приказ — кто-то будет сражаться, а кто-то убежит, кто-то умрет, а кто-то выживет, но этот человек жить не должен. Разыщи его, где бы он ни спрятался, пусть даже погоня за ним приведет тебя к берегам Рейна. Награда — в золоте — тройной вес его головы.

— Услышать — значит подчиниться, мой господин. Люди говорят, что он непутевый потомок старинного германского рода, промотавший наследство по кабакам и в объятиях распутных женщин. Когда-то он принадлежал к Рыцарству Сент Джона, пока из-за пьянства...

— Но ты все же не пытайся недооценивать его, — мрачно заметил Ибрагим. — Каким бы пьяницей он ни стал теперь, во времена Маршалли он заслуживал уважения. Запомни это!

— Нет такой берлоги, где он мог бы спрятаться от меня, о Любимец Аллаха, — заявил Михал-оглы. — Нет такой темной ночи, чтобы ее мрак помог ему скрыться от моих глаз, и не вырос еще такой густой лес, чащобы которого укрыли бы его от меня. Если я не принесу тебе его голову, значит позволю при-
слать мою.

— Хорошо. Достаточно, — кивнул Ибрагим, вполне довольный беседой. — Поезжай.

Зловещая фигура с крыльями грифа бесшумно выскользнула из голубой комнаты, а Ибрагим вновь погрузился в размышления о той кровавой пучине, в которую он только что ввергнул мир.

2

Крошечная соломенная хижина в небольшой деревушке недалеко от Дуная сотрясалась от мощного

храпа, вырывавшегося из могучей глотки человека, лежащего навзничь на чем-то, напоминавшем тощий тюфяк. Это был ни кто иной, как доблестный паладин Готтфрид фон Кальмбах, заснувший безмятежным сном после доброй попойки. Бархатная куртка, широкие шелковые шаровары, халат и мягкие кожаные башмаки, подаренные презренным султаном, сгинули в неизвестном направлении. Теперь наряд рыцаря состоял из чьих-то обносков, поверх которых красовались выдавшие виды помятые и проржавевшие доспехи. Внезапно спящий свирепо зарычал: кто-то упорно старался вырвать его из объятий сна, немилосердно расталкивая и вопя во весь голос:

— Проснись, мой господин! О, проснись, добрый рыцарь... свинья несчастная... ну, пожалуйста! Вот собачья душа! Да проснись же, наконец!

— Эй, хозяин, наполни-ка мою фляжку, — сонно пробормотал рыцарь, пытаясь отпихнуть назойливые руки. — Что? Кто? Разорви тебя псы, Ивга! Чего тебе надо? У меня нет ни гроша, так что будь хорошей девочкой и иди куда-нибудь, а мне дай поспать.

Но девушка лишь еще сильнее принялась трясти полусонного Готтфрида.

— О, дурень несчастный! Поднимайся! Посмотри, что происходит!

— Отстань, Ивга, — пробормотал Готтфрид, вновь пытаясь оттолкнуть ее. — Отнеси-ка лучше мой шлем еврею. Он даст за него достаточно, чтобы можно было опохмелиться.

— Дурак! — в отчаянии крикнула она. — Не до денег сейчас! Посмотри на восток, там все пылает, и никто не знает, почему!

— А что, все еще льет? — спросил фон Кальмбах, начиная понемногу проявлять какой-то интерес к происходящему.

— Дождь давным-давно кончился. Бери скорей свой меч и бежим на улицу. Все мужчины в деревне пьяные — ты сам их напоил. А женщины не знают, что делать. Ой!

Девушка вскрикнула от неожиданности, когда хижина вдруг осветилась: оранжевый свет внезапной вспышки пламени проник сквозь многочисленные щели. Слегка пошатываясь, рыцарь, наконец, поднялся на ноги, нацепил на пояс огромный двуручный меч и нахлобучил на голову помятый, иссеченный шлем. Затем нетвердой походкой он поплелся за девушкой на улицу. На пороге его спутница, молодая и гибкая, одетая лишь в легкую короткую тунику, судорожно схватила Готтфрида за руку, испуганно прижавшись к нему.

На улице не было никакого движения и даже, казалось, самой жизни, лишь вода монотонно капала в огромные грязные лужи, стекая с насквозь промокших соломенных крыш, да ветер печально и тревожно завывал в черных мокрых ветвях деревьев, создававших непроницаемый бастион тьмы вокруг маленькой деревушки. Но на юго-востоке, поднимаясь все выше в темное свинцовое небо, разрасталось злоеющее малиновое зарево, кидая багровые отсветы на черные грозовые тучи.

— Я могу сказать тебе, что это значит, моя девочка, — сказал Готтфрид, вглядываясь в сполохи огня. — Это дьяволы Сулеймана. Они переправились через реку и теперь поджигают деревни. Мне уже приходилось видеть подобное. Вообще-то я думал, что эти турецкие собаки появятся раньше, но из-за проливных дождей они, должно быть, повернули назад. Да, это точно акинджи: они сметают все на своем пути, ни перед чем не останавливаясь. Вот что, девочка моя, давай-ка быстро беги в конюшню

за хижиной и приведи мне моего серого скакуна. Мы ускользнем на нем, как вода сквозь пальцы. Мой конь легко выдержит нас двоих.

— А как же люди в деревне? — в отчаянии воскликнула Ивга.

— На все Божья воля, — нетерпеливо отозвался Готтфрид. — Здешние мужчины доблестно пили со мной эль, а женщины были добры ко мне, но, клянусь рогами Сатаны, серая кляча не сможет вывезти всю деревню!

— Ну и поезжай один! — замотала головой девушка. — А я останусь и умру вместе со всеми!

— Турки не убивают женщин, дурочка, — возразил Готтфрид. — Они продадут тебя какому-нибудь старому жирному купцу из Стамбула, и тот будет тебя бить. Я не хочу, чтобы мне перерезали глотку, и ты поедешь со мной...

Отчаянный крик девушки внезапно прервал его, и Готтфрид, отшатнувшись, увидел невыразимый ужас, застывший в ее расширенных глазах. В то же мгновение вспыхнула хижина в дальнем конце деревни, хотя из-за намокшей соломы огонь разгорался медленно. Тишину огласили вопли людей, в панике заматававшихся по улице. Вглядываясь в хаос теней, плясавших на стенах хижин, Готтфрид увидел смутные очертания фигур, перелезающих через пролом в глиняной стене, опоясывавшей деревню. Довольно высокая и прочная, она могла бы на какое-то время задержать акинджи, но жители деревни не ожидали нападения и не позаботились о том, чтобы заделать давным-давно образовавшуюся брешь.

— Проклятье! — сквозь зубы пробормотал Готтфрид. — Эти шелудивые псы идут впереди своего огня. Они подкрались в темноте. Бежим, девочка!

Но когда он схватил Ивгу за руку и потащил ее за собой, а девушка, продолжая безумно вопить, принялась отбиваться, глиняная стена внезапно затрещала и рухнула совсем рядом с ними, не выдержав натиска нескольких лошадей. В обреченную деревушку ворвались всадники. Хижины горели со всех сторон, вопли обезумевших от ужаса людей, казалось, достигали небес. Турки врывались в лачуги, хватили кричавших и отбивавшихся женщин, а мужчинам тут же перерезали горло. В пламени пожара Готтфрид рассмотрел характерную посадку всадников, их полированные стальные доспехи и развевающиеся крылья за спиной их предводителя. Он узнал Михала Оглы, но и главарь акинджи в тот же миг заметил фон Кальмбаха.

— Хватайте его! — Голос Михала-оглы потерял обычную мягкость и вкрадчивость и звучал резко, как скрежет металла о камень. — Это Гомбак! Пятьсот асперов тому, кто принесет мне его голову!

Извергая проклятия, Готтфрид ринулся к ближайшей хижине, таща за собой продолжавшую кричать Ивгу. Но когда они достигли тени, сулившей им хотя бы временное укрытие, он услышал легкое жужжание стрелы, и девушка вдруг жалобно всхлипнула и зашаталась. Она осела на землю, и в неровном отблеске пламени Готтфрид увидел оперенный конец стрелы, пронзившей сердце Ивги. Рыцарь взревел, как раненый зверь, и повернулся к убийцам, готовый броситься на них и разорвать на куски голыми руками. Но в следующее мгновение привычная рассудительность вернулась к нему, и, выхватив меч, он отпрянул в сторону и помчался вдоль стены, слыша непрерывное жужжание стрел, которые то и дело попадали в его ржавые,

но еще надежные доспехи. К счастью, ружья и пистолеты молчали — вероятно, отсырел порох.

Еще мгновение — и фон Кальмбах ворвался в сарай, где все эти дни ожидал хозяина серый скакун. И тут же кто-то невидимый, словно пантера прыгнул ему на илечи. Готтфрид резко отклонился и, высоко подняв меч, рубанул силеча — с диким воем мусульмапин повалился на землю.

Готтфрид, перепрыгнув через распростертое тело, бросился к своему коню. Серый жеребец пронзительно ржал от страха и возбуждения и, когда хозяин вскочил ему на спину, захрипел и встал на дыбы. Махнув рукой на седло и упряжь, рыцарь просто ударил пятками по дрожащим бокам коня, серый скакун вылетел за дверь сарая, словно нушечное ядро, и помчался по улице, сметая турок, будто тряпичных кукол, и обдавая седока с ног до головы грязью из многочисленных луж.

Акинджи устремились за Готтфридом в погоню, как охотничьи собаки за диким зверем. Спешившие было всадники торопливо вспрыгнули в седла, а те, кто влез через старый пролом, побежали туда, чтобы взять своих лошадей.

Стрелы свистели возле головы Готтфрида, но он, не обращая на них внимания, гнал и гнал коня к единственно возможному спасительному выходу — к оставшейся нетронутой западной части стены. Никогда еще его серый скакун не совершал таких головокружительных прыжков. Готтфрид задержал дыхание, почувствовав, как напрягся его конь, готовясь к отчаянной, невероятной попытке взлететь в воздух. Еще мгновение, и немыслимое напряжение мощных мышц совершило чудо — серый скакун перелетел через стену едва ли не в дюйме над краем.

Преследователи завопили от изумления и ярости и поскакали обратно. Прирожденные всадники, привычные к широким степным просторам, они не отважились повторить фантастический опыт германского рыцаря. Разыскивая ворота и подходящие проломы в стене, акинджи потеряли время, и, когда они, наконец, выбрались из деревни, мокрый, черный, непроницаемый лес уже надежно спрятал от них беглеца.

Михал-оглы выл, как обезумевший зверь, в бешенстве кусая себе руки. Затем, поручив своему подручному Отману остаться в деревне и проследить, чтобы никто не ушел живым, он устремился в погоню за Готтфридом фон Кальмбахом, поклявшись, что не прекратит преследования, даже если дорога приведет его к самым стенам Вены.

3

Аллах не захотел, чтобы Михалу-оглы досталась голова Готтфрида фон Кальмбаха в этом темном, пропитанном сыростью лесу. Рыцарь знал страну лучше, чем его преследователи, и, несмотря на все свои усилия, акинджи все-таки потеряли его след. К рассвету Готтфрид миновал лес и помчался через объятые страхом фермы и поместья, обитатели которых с ужасом смотрели на зарево, охватившее юг и восток. Страну заполонили толпы беженцев, волочивших на себе жалкий скарб из оставленных на поругание врагам домов, некоторые тащили за собой перепуганную скотину. Казалось, наступил конец света. Проливные дожди лиль ненадолго задерживали продвижение огненного урагана Великого Турка.

Четверть миллиона мусульман пядь за пядью опускали восточные области христианского мира. Пока Готтфрид шатался по тавернам отдаленных деревушек, пропивая подаренные ему дукаты, пали Пешт и Буда, а германские солдаты находившихся там гарнизонов, хотя Сулейман Великодушный и пообещал сохранить им жизнь, были вырезаны янычарами.

Пока Фердинанд, аристократы и епископы грызлись и пререкались между собой, решая духовные и светские вопросы, за христианский мир сражались лишь разрозненные силы, и безумному нашествию турецкой армады, казалось, противостояла только стихия. Потоки воды размывали дороги, сносили мосты; захватчики тонули в бушующих реках и бездонных болотах, теряли на переправах и в трясине коней, артиллерийские орудия и боеприпасы. Но они продолжали двигаться вперед, ведомые неумолимой волей Сулеймана, и в сентябре 1529 года, превратив в руины Венгрию, начали победный марш по Европе. Впереди шли акинджи — головорезы и грабители — как первый порыв ветра, предшествующий свирепому урагану.

Обо всем этом Готтфрид узнавал по дороге от перепуганных людей, погоняя своего усталого скакуна. Он мчался в Вену, в город, ставший последним прибежищем для тысяч несчастных, вынужденных покинуть родные места. За его спиной стоном стонала земля, крылья грифа развевались над поруганными полями, и тень их уже накрыла всю Европу. Вновь паладин Смерти поднялся из глубин сумрачного Востока, как прежде его собратья — Аттила, Батый, Баязет и Мухаммед Завоеватель. Но никогда еще такая свирепая буря не обрушивалась на Запад.

По всем дорогам брели изнемогающие беженцы и громко роптали на равнодушного Бога; стоны и проклятия несчастных заглушали шум их шагов и скрип повозок, но когда людей настигали парящие крылья Михала-оглы — некому было звать к небесам — оставались только искромсанные, изрубленные тела. Лишь полчаса езды отделяло Готтфрида фон Кальмбаха от отряда убийц, когда он подогнал своего взмыленного скакуна к воротам Вены. Столпившиеся на крепостных стенах горожане уже долгие часы слышали отчаянные крики и лязг металла, которые доносил до них ветер, а вот теперь воочию увидели солнечные блики, играющие на остриях пик — жаждущая крови орда всадников врезалась в безоружную толпу, спускавшуюся с холмов на равнину, окружавшую город. Венцы с ужасом наблюдали за игрой обнаженной стали, напоминающей танец серпа посреди колосьев спелой ржи.

Готтфрид фон Кальмбах застал город чрезвычайно взбудораженным, на всех углах люди говорили о графе Николасе Сальме, семидесятилетнем ветеране, который принял на себя оборону Вены, и его помощниках — Родденгрофе, графе Николасе Зриньи и Пауле Бакише. Сальм работал с неистовой скоростью, разрушая дома возле стен и используя их материал для укрепления крепостных валов, которые обветшали от старости, а во многих местах и вовсе разрушились. Внешнее же ограждение стало таким хрупким, что получило название Штадтцаун — городская изгородь.

И вот теперь, благодаря кипучей энергии графа Сальма, новая стена двадцати футов высотой поднялась от Штубена до Картнеровских ворот. Были выкопаны дополнительные внутренние рвы, соединенные со старым; крепостные валы протянулись

от разводного моста к Соляным воротам. Крыши покрыли кровельной дранью — уменьшая таким образом опасность пожаров, а булыжные мостовые разобрали, чтобы смягчить удары пушечных ядер.

Опустевшие пригороды подожгли, превратив окрестности Вены в безжизненную пустыню — теперь полчищам Великого Турка придется разыскивать воду, пропитание и траву для коней за много миль до крепостных стен. А в город все продолжали прибывать новые и новые толпы беженцев, подхлестывая и без того усиливающуюся панику. Но настоящий кошмар начался, когда акинджи достигли стен Вены, и ворота пришлось в спешке закрыть, невзирая на стоны и мольбы тех, кто остался за ними. В течение часа после набега акинджи снаружи не осталось ни одной живой христианской души, за исключением тех, кого увели с собой, привязав веревками к седлам.

Дикие всадники кружили вокруг стен, пронзительно крича и стреляя из луков. Люди на башнях узнали страшного убийцу Михала-оглы по зловещим крыльям грифа за его спиной и заметили, что он мечется от одной груды мертвых тел к другой, жадно вглядываясь в лица убитых, не пропуская ни одного, и только изредка вскидывая голову, чтобы посмотреть в сторону бастионов.

А тем временем через кордон акинджи с запада к городу прорвались германские и испанские войска во главе с Филиппом Пальгравом. Они строем прошли по улицам Вены, вызвав у горожан взрыв восхищения и радости.

Сжимая в руке меч, Готтфрид фон Кальмбах смотрел на их сверкающие доспехи и украшенные плюмажами шлемы. На плечах солдаты несли длинные фитильные ружья, а за спиной у них висели

огромные двуручные мечи. Готтфрид фон Кольбах в своей ветхой кольчуге и пробитых во многих местах доспехах и шлеме разительно отличался от этих бравых воинов — он казался случайно ожившим призраком древнего рыцаря, который с завистью наблюдает за триумфом нового поколения. Тем не менее, Филипп Пальграв узнал Готтфрида, когда сияющая колонна проходила мимо него, и отсалютовал ему.

Фон Кальмбах направился к стенам, где стрелки вели прицельный огонь по акинджи, приготовившимся лезть на бастионы при помощи длинных веревок, притороченных к седлам коней. Внезапно до него донесся громкий голос графа Сальма, призывавшего аристократов и солдат копать рвы и возводить земляные укрепления. Готтфрид резко развернулся и что было сил побежал в ближайшую таверну. Напугав своей напористостью хозяина, робкого и бестолкового валахийца, германец принудил того выставить эль — в долг, и в скором времени напился до такого состояния, что уже никому не пришло бы в голову заставлять его делать что бы то ни было.

До его ушей доносились выстрелы и крики, но Готтфрид фон Кальмбах едва обращал на них внимание: он прекрасно знал, что напор акинджи не иссякнет до тех пор, пока есть что уничтожать. Из разговоров в таверне он узнал, что гарнизон графа Сальма составляют двадцать тысяч копыеносцев, две тысячи всадников и тысяча добровольцев, вызвавшихся защищать город; есть также семьдесят больших и средних пушек.

Новость о многочисленности турок наполнила всех настоящим ужасом — кроме, конечно же, фон Кальмбаха. В сущности, он был фаталистом и ни-

когда ничего не боялся. Но выпив изрядное количество эля, рыцарь вдруг ощутил в себе острую жалость к горожанам, действительно подвергавшимся смертельной опасности. Чем больше он пил, тем меланхоличнее становился, и по его щекам поползли слезы пьяной сентиментальности, повисая каплями на кончиках усов.

Наконец, он с трудом встал на ноги и поднял свой огромный меч с безумным намерением объяснить Сальму причину нашествия акинджи. Оттолкнув прочь с дороги назойливого валлахийца, Готтфрид нетвердыми шагами направился на улицу. Дико озираясь — ему вдруг показалось, что башни и шпили скачут в каком-то безумном танце — он с ошалелым видом устремился в сторону ворот, сбивая с ног прохожих. Навстречу ему попался Филипп Пальграв, пагавший, гремя доспехами, во главе своего отряда; смутные узкие лица испанцев странно контрастировали с румянцем круглощеких ландскнехтов.

— Позор тебе, фон Кальмбах! — сурово произнес Филипп. — На нас надвигаются турки, а ты в это время засовываешь свою морду в пивную кружку!

— Чья это морда в пивной кружке? — крикнул Готтфрид, пытаясь как можно устойчивее стоять на ногах. — Дьявол тебя побери, Филипп, да за такие слова ты сейчас как следует получишь...

Но Пальграв, отвернувшись, проследовал дальше, а Готтфрид в конце концов оказался на башне Каритнера, с трудом понимая, как он туда попал. Но то, что открылось его глазам, заставило его мгновенно протрезветь. Турки окружили город. Шатры сплошь покрывали равнину — говорили, что их не меньше тридцати трех тысяч. Один солдат клялся, что даже с самой высокой башни собора Святого Стефана невозможно увидеть, где они кончаются.

Четыре тысячи турецких лодок бросили якорь на Дунае, и Готтфрид услышал, как вокруг все проклинают австрийский флот, бесполезно стоявший далеко вверх по течению, потому что его матросы, долго не получавшие жалованья, отказались служить на кораблях. Еще говорили, что Салым не ответил на предложение Сулеймана добровольно сдаться.

Теперь, полные сознания собственной непобедимости и превосходства над неверными, полчища турок начали выстраиваться в идеальном боевом порядке перед древними стенами Вены, прежде чем приступить к осаде города. Развертывающее зрелище способно было привести в ужас даже самого храброго. Лучи низкого солнца отражались от полированных шлемов, украшенных драгоценными камнями рукояток сабель и наточенных наконечников копий. Все это напоминало реку сверкающей стали, медленно текущую вдоль стен Вены.

Акинджи, которые обычно составляли авангард турецкого войска, помчались дальше вглубь страны, а их место заняли крымские татары, восседавшие в своих высоких седлах с короткими стремянами. За ними шли азабы — нерегулярная пехота — курды и арабы, наименее ценная часть турецкого войска, в сущности — пушечное мясо. За всей этой дикой пестрой толпой трусили на низких, покрытых густой шерстью лошадях их братья по вере — дели, одетые в плащи из леопардовых шкур.

И только потом в наступление шел костяк армии Сулеймана. Впереди ехали беи и эмиры со своими вассалами из феодальных поместий Малой Азии, за ними спаги — тяжелая кавалерия — на роскошных скакунах. И наконец, замыкала строй подлинная сила Турецкой Империи, основа основ ее мощи, самая ужасная военная организация в мире — янычары.

При виде янычаров ужас защитников Вены сменился всепоглощающей яростью, такое омерзение вызывали эти выродки. Янычары не принадлежали к тюркскому племени, они были сыновьями христиан — греков, сербов, венгров; украденные в детстве и воспитанные в духе ислама, они теперь признавали только одного хозяина — султана — и умели лишь убивать.

Их бритые подбородки контрастировали с роскошными бородами их восточных хозяев. У многих были голубые глаза и рыжие усы. Но на всех лицах лежала печать неукротимой волчьей жестокости, которая в них неустанно культивировалась с детства. Под их темно-синими плащами поблескивали кольчуги, под причудливыми высокими шапками скрывались стальные наголовники.

Кроме сабель, пистолетов и кинжалов каждый янычар носил с собой ружье с фитильным замком, а их офицеры имели при себе сумки с углем для того, чтобы зажигать запальные фитили. Между рядами воинов сновали дервиши в колпаках из верблюжьих шкур, извиваясь и дергаясь в ритуальных танцах. Музыканты извлекали из всевозможных инструментов немислимые сочетания звуков. Над всем этим разноцветным морем развевались знамена — малиновый флаг спагов, белый с золотым обоюдоострым мечом янычаров, штандарты из конских хвостов — семь султана, шесть — Главного визиря, три — аги янычаров. Так во всей красе Великий Турок демонстрировал свою мощь перед глазами неверных.

Но взгляд фон Кальмбаха был сосредоточен вовсе не на этом впечатляющем зрелище — он всматривался в более скромно одетые группы турок, обеспечивающих артиллерийскую опору войска. Наконец, он в недоумении пожал плечами.

— Легкие пушки да всякая ерунда, — проворчал он. — А где же, дьявол-ее дери, тяжелая артиллерия, которой так гордится чертов Сулейман?

— На дне Дуная! — отозвался стоявший рядом венгерский копыеносец и презрительно сплюнул вниз. — Вульф Хаген потопил те суда, где размещались эти хваленные пушки, а остальные, говорят, намокли из-за дождей.

Медленная усмешка тронула губы фон Кальмбаха.

— А что Сулейман сказал Сальму?

— Что он будет завтракать в Вене послезавтра — двадцать девятого.

Готтфрид лишь усмехнулся и покачал головой.

4

Осада началась грохотом пушек, свистом стрел и хлопками фитильных замков. Янычары укрылись в развалинах пригородов, полуразрушенные стены которых все же смогли их защитить. Как только взошло солнце, они — под прикрытием огня — стали медленно продвигаться вперед.

Стоя возле орудия с обнаженным мечом, Готтфрид фон Кальмбах увидел, как со стены упал трансильванец-артиллерист, и его мозги брызнули из огромной раны в голове — это турецкое разрывное ядро разлетелось на куски слишком близко от стены.

Орудия турок лаяли, как бешенные псы, упорно долбя ядрами стены; древний камень крошился, проломы росли прямо на глазах. Янычары, чуть ли не ползком, продолжали продвигаться вперед, тоже ведя непрерывный огонь. Некоторые ядра по пологой дуге перелетали через стену, одно из них едва

не задело Готтфрида. Он, яростно выругавшись, метнулся к оставленной трансильванцем пушке и вдруг заметил странную фигуру, которая что-то внимательно разглядывала, перевесившись через огромную брешь в стене.

Это оказалась женщина, но фон Кальмбах никогда не видел столь причудливого наряда даже на умеющих поразить воображение француженках. Она была довольно высокой, прекрасно сложенной и гибкой. Из-под широкого стального наголовника вырывались непокорные пряди волос, отливавшие на солнце красным золотом. Высокие сапоги из кордовской кожи закрывали ноги до середины бедра, скрываясь под мешковатыми короткими штанами, в которые была заправлена тонкая рубашка и короткая турецкая кольчуга. Тонкую талию охватывал зеленый шелковый пояс с целым набором оружия — пистолетами, кинжалом и длинной венгерской саблей. Все довершал небрежно наброшенный на плечи ярко-алый плащ.

Эта удивительная особа разглядывала группу ту-рок, кативших вперед огромную пушку.

— Эй, Рыжая Соня! — крикнул один из копьеносцев, махнув ей рукой. — Пошли их к дьяволу, девочка моя!

— Ты что, мне не доверяешь? — резко отозвалась она, подходя к пушке трансильванца и прикладывая фитиль к запальному отверстию. — Ты еще посмотришь на меня, песья башка, когда моей мисенью будет Роксолана...

Ужасная детонация заглушила ее слова, облако дыма накрыло всех находившихся рядом, а сильнейшая отдача перегруженной пушки опрокинула девушку на спину. В то же мгновение она вскочила на ноги, как распрямившаяся пружина, и бро-

сила к амбразуре, нетерпеливо вглядываясь сквозь дым. Он вскоре рассеялся, и все увидели то, что осталось от турецкой пушки и орудийной прислуги. Огромное ядро, размером больше чем с человеческую голову, прямым попаданием превратило орудие в груды покореженного металла. Остатки пороха взорвались и разнесли в клочья турок-артиллеристов, ранив осколками еще нескольких, находившихся неподалеку. С башни раздалась возгласы ликования, а девушка по имени Соня издала победный клич, и лихо закружилась в казачьей пляске.

Готтфрид смотрел на нее с откровенным восхищением, невольно любуясь прекрасными линиями гибкого тела. Почувствовав пристальный взгляд германца, девушка звонко рассмеялась, и он заметил мерцающие огоньки в ее неуловимых по цвету глазах.

— Почему ты так хочешь, чтобы твоей мишенью была Роксолана, девочка? — спросил он, подойдя к ней ближе.

— Потому что эта мерзавка моя сестра! — с презрением ответила Соня.

В это мгновение над стенами прокатился оглушительный, леденящий душу вопль; девушка напряглась, как пантера перед прыжком, и выхватила саблю, ослепительно блеснувшую на солнце.

— Узнаю этот вой! — крикнула она. — Янычары!

Готтфрид метнулся к амбразуре. Он тоже узнал ужасающие звуки, которыми янычары начинали атаку, запугивая противника. Сулейман предполагал, что легко покорит город, который стоял у него на пути к остальной Европе, и намеревался сокрушить его хрупкие стены одним ударом. Его абазы гибли, как мухи, прикрывая собой продвижение основного

войска, и поверх груд их мертвых тел к Вене устремились янычары. Они вздымались, как волны, пересекая рвы по переброшенным, как мосты, лестницам. Их рядами косили австрийские пушки, но теперь атакующие были уже под самыми стенами, и ядра летали поверх их голов.

Испанские запальщики обрушивали огонь почти вертикально вниз, и янычары несли большие потери, но, приставив лестницы к стенам, воюющие безумцы упрямо лезли наверх. С земли, прикрывая их, непрерывно летели стрелы, сбивая вниз защитников города. Продолжали гроыхать турецкие полевые орудия, не разбирая — где свои, где чужие. Невероятной силы удар внезапно отшвырнул Готтфрида, стоявшего у амбразуры, назад — ядро, выпущенное турецкой пушкой, разбило вдребезги зубец крепостной стены, разможив головы нескольким защитникам. Наполовину оглушенный, германец с трудом выбрался из-под камней и изуродованных тел товарищей и подошел к краю стены. Он посмотрел вниз и увидел стремительно надвигающуюся массу ревущих янычаров с искаженными безумием лицами и дико горящими глазами. Широко расставив ноги, Готтфрид взмахнул своим огромным, почти в человеческий рост, мечом и с силой обрушил его на головы атакующих. Несколькоtrupов полетело вниз, цепляясь мертвыми пальцами за окровавленные перекладины лестницы.

Этих он остановил, но янычары лезли со всех сторон, используя все сколько-нибудь подходящие проломы и бреши. Когда нескольким из них удалось взобраться наверх, они издали громогласный вопль радости, но никто из австрийцев не осмелился покинуть свой пост и броситься на прорвавшихся врагов, потому что теперь эти одержимые могли по-

явиться на стене в любом месте и в любой момент. Ошеломленным защитникам казалось, что Вена окружена сверкающим бушующим морем, которое вздымается все выше и выше к крепостным башням.

Прикрывая спину, Готтфрид отступил назад и огляделся: три янычара копошились на последней перекладине лестницы почти у самых его ног. Германец обрушил свой тяжелый меч на их ятаганы и могучим усилием смел всех троих вниз. В ту же минуту чей-то клинок лягнул по его шлему, и перед глазами Готтфрида вспыхнул сноп ослепительных искр. Не оборачиваясь, он наугад ударил мечом куда-то вбок и почувствовал, что сталь достигла цели — послышался отвратительный хруст, и чужая кровь потекла по его руке. Уловив за спиной какое-то движение, Готтфрид поспешно выдернул меч, но не успел он повернуться к новому врагу, как кто-то вскрикнул и одним прыжком оказался рядом с ним. Сталь сверкнула на солнце, и германец услышал скрежет расколовшихся доспехов.

Это Рыжая Соня пришла к нему на помощь, и ее бешеная атака была не менее ужасна, чем нападение расвирепевшей пантеры. Удары ее сабли следовали один за другим и каждый находил свою цель. С новыми силами Готтфрид набросился на янычаров, работая своим огромным мечом, словно цепом — трупы валялись к его ногам. Вынужденные отступить, мусульмане балансировали на самом краю стены, затем одни спрыгнули на лестницы, а другие с диким воплем полетели вниз.

Проклятья и насмешки непрерывным потоком срывались с губ Сони, а когда ее сабля достигала цели, и кровь врага в который раз окрашивала лезвие, она возбужденно смеялась. Последний янычар, еще державшийся на стене, отчаянно сопро-

тивлялся ее натиску, затем, отбросив ятаган, обеими руками вцепился в ее клинок. С глухим рычанием безумец качался на краю стены, пытаясь вырвать саблю из рук Сони, кровь потоками лилась из его изрезанных ладоней.

— Да отвяжись ты от меня, собака! — крикнула она. — Отправляйся к дьяволу на обед!

Она несколько раз повернула лезвие, превратив руки янычара в кровавое месиво, а затем с силой выдернула саблю. Янычар, опрокинувшись назад, рухнул со стены головой вниз.

Судя по всему, первая атака была отбита по всему периметру крепости. Орудия турок, сбавившие темп стрельбы, пока наверху шла борьба, вновь начали осыпать ядрами стены, и испанцы, припав к амбразурам, тоже ответили усиленным огнем.

Готтфрид подошел к Соне, которая чистила свою саблю, тихо бормоча что-то себе под нос.

— Клянусь Богом, — сказал он, протягивая ей широкую ладонь, — без тебя, девочка, этой ночью я бы, наверное, жарился в аду. Я думаю...

— Благодарю дьявола! — грубо отрезала Соня, отталкивая его руку. — Просто на стене были турки, вот и все. Не думай, что я рисковала своей шкурой, чтобы спасти твою, песья башка!

И с презрительной ухмылкой она повернулась и пошла прочь, огрызнувшись на ходу на грубоватые шуточки солдат. Готтфрид бросил хмурый взгляд ей вслед, но тут один из ландскнехтов дружески похлопал его по плечу.

— Плюнь, это же просто ведьма! Она перепьет всех за столом и при этом сохранит совершенно ясную голову. А ругается похлеще любого испанца. Не переживай, она все равно не создана для любовных забав. Режь, коли, убивай — вот тут она мастер.

— Но кто она такая, черт побери? — прорычал Готтфрид.

— Рыжая Соня из Рогатина — больше мы о ней ничего не знаем. Сражается, как мужчина — Бог знает почему. Проклинает Роксолану, любимую жену султана, за то, что та ее сестра. Да, если бы татары перепутали девчонок той ночью — и схватили бы Соню — Сулейману здорово бы досталось, клянусь Святым Петром! Так что оставь ее, дружище, она просто дикая кошка. Пойдем-ка лучше пропустим по кружечке эля!

Янычары, вызванные к разгневанному провалом атаки Главному визирю, клялись, что им помешал сам дьявол в обличе рыжеволосой женщины, которой помогал гигант в ржавых доспехах.

Ибрагим пропустил мимо ушей рассказ о женщине, но описание мужчины разбудило очень неприятные воспоминания. Отослав янычаров, он вызвал татарина Ярук Хана и отправил его в путь, приказав догнать Михала-оглы и спросить, почему тот до сих пор не прислал голову неверного в шатер султана.

5

Сулейману не удалось позавтракать в Вене утром двадцать девятого сентября. Он стоял на возвышенности Земмеринг перед своим роскошным шатром с золотыми башенками и охраной из пятисот солаков и наблюдал, как его войска тщетно пытаются пробиться в город. Он видел, что его азабы, словно песок в пустыне, расточают свои жизни, бессмысленно заполняя телами рвы, он видел, как его саперы, подобно кротам, роются в земле, стараясь установить мины в непосредственной близости от бастионов.

В самом городе люди позволили себе вздохнуть с облегчением. Днем и ночью на стены прибывали все новые и новые пополнения. Судя по всему, предстояла длительная осада. В некоторых подвалах хозяева домов обращали внимание на непонятные сотрясения почвы, напоминавшие слабое землетрясение. Знатоки говорили о турецких минах, зарытых под стены, и предпринимали соответствующие контрмеры. Под землей люди сражались не менее яростно, чем наверху.

Вена оставалась сейчас последним оплотом христианства в море неверных. Ночь за ночью люди видели багровые отсветы пожаров, полыхавших там, где по разоренной земле рыскали акинджи. Изредка из внешнего мира приходили какие-нибудь новости — их приносили те, кому посчастливилось сбежать из турецкого плена — становившиеся день ото дня все более ужасными. В Верхней Австрии остались живыми меньше трети жителей — Михал-оглы в своих зверствах превзошел самого себя. Еще говорили, будто бы он кого-то специально разыскивает. Акинджи приносили ему человеческие головы, и складывали перед ним в груды, а он жадно рылся среди обезображенных останков и, не найдя того, что искал, в звериной ярости отправлял своих дьяволов на новые злодеяния.

Эти рассказы воспламеняли австрийцев гневом и отчаянной жаждой мести, стократно увеличивая их силы. Мины взрывались, образовывая брешли, и турки прорывались внутрь, но христиане преграждали им путь и в диком слепом безумии рукопашной схватки платили своими жизнями за те клятвы, которым остались верны.

Сентябрь перешел в октябрь; листья в венском лесу пожелтели и начали опадать, подули холодные

ветры. Дозорные мерзали по ночам на стенах, которые к утру покрывались белым налетом инея. Но турки по-прежнему окружали город — Сулейман сидел в своем великолепном шатре и ждал, когда же, наконец, падет хрупкий барьер, вставший на пути его могучего войска. Никто, кроме Ибрагима, не осмеливался говорить с султаном: расположение духа Великого Турка было мрачнее, чем черные тучи, наползавшие с северных холмов. Ветер, завывавший вокруг шатра, казалось пел погребальную песню завоевательским амбициям Сулеймана.

Ибрагим, пристально наблюдавший за перепадами настроения своего повелителя, понял, что настала пора привести в действие тайный план. После очередной тщетной атаки, длившейся с рассвета до полудня, он отозвал янычаров и велел им отступить в разрушенные пригороды для отдыха. Потом Главный визирь вызвал доверенного лучника и приказал выпустить в сторого определенное место за крепостной стеной помеченную стрелу.

В тот день больше не предпринималось ни одной атаки: турки до темноты перетаскивали свои пушки от ворот Картнера к северной стене. Теперь следовало ожидать наступления с этой стороны, и потому большая часть защитников Вены переместилась туда. Но так ничего и не случилось, и какой бы ни была причина, солдаты радовались передышке — они валялись с ног от усталости, теряя последние силы из-за кровоточащих ран и недосыпания.

Этой ночью огромная рыночная площадь перед дворцом эрцгерцога бурлила: в погребах одного богатого еврейского купца солдаты обнаружили огромный запас вина. Купец надеялся извлечь тройную выгоду, продав припрятанное вино, когда все остальные жидкости в городе кончатся. Не обра-

щая внимания на гневные крики офицеров, разгоряченные солдаты принялись выкатывать из погребов на площадь огромные бочки и вскрывать их. Сальм решил не вмешиваться в ситуацию. Пусть лучше напьются, чем свалятся с ног от усталости и отчаяния, рассудил старый вояка и заплатил еврею из своего кошелька. К возжеленным бочкам со стен спускались все новые солдаты и тут же присоединялись к общему веселью, оставляя горожанам лишь незавидную роль наблюдателей.

Пьяные крики и песни вскоре слились в единый нестройный, но мощный хор, к которому изредка примешивались случайные выстрелы какой-нибудь пушки, мрачно диссонировавшие с этой безумной праздничной атмосферой площади. Готтфрид фон Кальмбах в очередной раз опустил свой шлем в бочонок и, наполнив его до краев, поднес к губам. Погрузив усы в вино, он отхлебнул добрый глоток и вдруг увидел поверх ободка шлема знакомую фигуру. Готтфрида вновь захлестнуло острое чувство обиды.

Рыжая Соня, по-видимому, приложилась уже не к одному бочонку — ее наголовник съехал на одно ухо, рыжие волосы в беспорядке разметались по плечам, а в глазах сверкали безумные огоньки.

— Ха! — презрительно крикнула она, увидев, что Готтфрид смотрит на нее. — Да это же великий покоритель турок, и его нос, как всегда, в бочонке! Дьявол бы побрал всех выпивох на свете!

Она опустила серебрянный, с драгоценными камнями, кубок в бочку и, наполнив его до краев, осушила одним глотком. Готтфрид опустил шлем и мрачно уставился на нее.

— Ты что глаза-то таращишь? — развязно продолжала Рыжая Соня. — Я что, по-твоему, должна

на тебя любоваться? Хорош красавчик, в ржавой кольчуге и с пустым кошельком! По мне даже Пауль Бакиш сходит с ума! Так что проваливай, пьянчуга, безмозглый пивной бочонок!

— Да будь ты проклята, подлая баба! — рывкнул Готтфрид. — И нечего задирать нос, когда твоя сестра — подстилка у султана!

Глаза Сони полыхнули огнем, и она обрушила на фон Кальмбаха поток замысловатых ругательств, на которые он не менее достойно отвечал. Наконец, рыжеволосой фурии показалось этого мало, и она стала угрожающе надвигаться на Готтфрида.

— Ну ты, рыжая bestия! — Фон Кальмбах качнулся ей навстречу. — Я вот сейчас возьму и утоплю тебя в этой бочке!

— Да ты сам там раньше окажешься, хряк паршивый! — крикнула она, перекрывая своим голосом громкий смех солдат, столпившихся вокруг. — Все равно от тебя никакого толку! Если бы ты так же доблестно сражался с турками, как с пивными бочонками!

— Разорви тебя псы, мерзавка! — зарычал Готтфрид. — Да я поотрывал бы им головы, если бы они не прятались возле своих пушек. Или прикажешь метать в них со стены кинжалы?

— Ну, что ты хорохоришься-то! — презрительно засмеялась Соня. — Разве у тебя когда-нибудь хватит мужества напасть на них самому? Ведь их там тысячи!

— Клянусь Богом! — Взбешенный гигант выхватил свой огромный меч и взмахнул им над головой. — Ни одна девка не смеет называть меня трусом или пьяницей! Я пойду и разнесу их проклятые шатры, даже если больше никто не захочет составить мне компанию!

Его последние слова утонули в невообразимом шуме. Пьяная толпа, взбудораженная спором, оживленно загалдела. Опустошив в считанные мгновения ближайшие бочки, солдаты принялись вытаскивать свои мечи и, шатаясь и галдя, направились к внешним воротам.

Дорогу им пытался преградить Вульф Хаген; он расшвыривал пьяных людей направо и налево и яростно кричал:

— Стойте, пьяные ослы! Не лезьте туда в таком виде! Стойте...

Но солдаты оттеснили его и устремились на мост диким безумным потоком.

Ночное небо чуть посветлело над восточными холмами, когда в окутанном безмолвием турецком лагере раздалась тревожная барабанная дробь. Турецкие часовые, едва опомнившись от изумления, выпустили в воздух сигнальные огни, чтобы предупредить лагерь о нашествии дикой орды христиан, которые валом валили по навесному мосту, размахивая мечами и пивными кружками. Когда последний австрийский солдат миновал ров, мощный взрыв потряс воздух, стена у самых ворот задрожала, и от нее откололся огромный кусок. В турецком лагере поднялся страшный шум, но надвигавшаяся толпа не останавливалась.

Христианское воинство — около восьми тысяч солдат — устремилось к развалинам, в которых разместился костяк турецкого войска. Полусонные и обалдевшие от неожиданной вылазки — но одетые и при оружии — янычары начали спешно строиться в боевой порядок. Однако атакующие, не мешкая, бросились вперед: австрийцы превосходили числом мусульман, а кроме того, свою роль сыграли их пьяная ярость, внезапность и быстрота нападения. Перед

бешено свистящими в воздухе мечами христиан янычары дрогнули и начали отступать. Пригороды Вены превратились в арену кровавой бойни, где обе стороны, неистово рубя друг друга, вскоре покрыли землю месивом искромсанных тел. С высоты Земмеринг Сулейман и Ибрагим видели, как непобедимое воинство обратилось в бегство, в панике бросившись к ближайшим холмам в поисках укрытия.

А в это время в городе добровольцы спешно заделывали огромную брешь, возникшую в результате загадочного взрыва. Сальм был склонен считать, что это натворили — правда, неизвестно, зачем — пьяные участники вылазки, в противном случае, под прикрытием оседающей пыли, турки уже проникли бы в город, воспользовавшись результатами своей диверсии.

Весь турецкий лагерь был охвачен смятением. Сулейман, вскочив на коня, отдал приказание спягам, и те, в боевом порядке, начали спускаться со склонов. И тут австрийцы, увлекшиеся погоней, внезапно поняли, что им самим угрожает опасность. Прямо перед собой они еще видели спины бегущих янычар, но с флангов на них уже накатывалась турецкая конница.

На смену пьяному безрассудству пришел страх, и вмиг протрезвевшие войки подались назад, а вскоре отступление превратилось в повальное бегство. Бросая на ходу оружие, австрийцы что есть силы устремились к крепости. Турки мчались за ними до самого рва и даже попытались проскочить по мосту — прямо в распахнутые ворота. Но у моста преследователей встретил Вульф Хаген со своим отрядом. Они пропустили бегущих и сомкнули ряды, оцетинившись копьями. Строй спагов сломался, и у ворот Вены вновь завязалась кровавая схватка.

Готтфрид фон Кальмбах добровольно не покинул бы поля боя, но поток ударающих сотоварищей подхватил его и увлек за собой. Он бежал вместе со всеми, яростно ругаясь и проклиная все на свете. Внезапно споткнувшись, Готтфрид упал, ощутив, как охваченные паникой австрийцы несутся по его распростертому телу. Когда неистовые ноги перестали барабанить по доспехам, он поднял голову и увидел, что лежит рядом со рвом, и никого, кроме турок, вокруг нет. Вскочив, Готтфрид, не раздумывая, нырнул в воду, успев заметить метнувшегося за ним мусульманина.

Фон Кальмбах отчаянно греб, стараясь добраться до противоположного берега, его руки мелькали в воздухе, словно крылья ветряной мельницы, но проклятый иноверец — скорее всего алжирский корсар, чувствующий себя в воде так же уверенно, как и на суше — подплывал все ближе и ближе. Готтфрид уже начал терять силы — тяжелые доспехи тянули его на дно — и все же ему удалось добраться до края рва. Оглянувшись на преследователя, он увидел занесенный кинжал, зажатый в смуглых пальцах догнавшего его алжирца. Готтфрид настолько обессилел, что не мог даже подумать об обороне, но в эту минуту на берегу послышался чей-то вскрик, перед лицом мусульманина возник пистолет, прогремел выстрел, и голова неверного разлетелась, как кочан капусты. Сильные тонкие руки подхватили тонущего германца за шиворот и потянули вверх.

— Держись за берег, придурок! — с натугой прозвучал голос. — Мне тебя не вытащить, ты, должно быть, вешишь целую тонну¹. Ну, давай же, цепляйся!

¹ Тонна — старо-немецкая мера веса — одна бочка. (прим. ред.).

С невероятным трудом Готтфриду удалось кое-как выкарабкаться из рва, где он успел наглотаться грязной воды, и теперь его отчаянно мучило. Больше всего на свете ему хотелось спокойно полежать, но его спасительница заставила обессиленного германца подняться на ноги.

— Турки пытаются прорваться на мост! Ворота сейчас закроют! Скорее, иначе мы не успеем!

Добравшись до ворот, Готтфрид огляделся по сторонам, словно только что проснулся.

— Но где же Вульф Хаген? Я видел, как он защищал мост.

— Лежит мертвый среди двадцати дохлых ту-рок, — ответила Рыжая Соня.

Готтфрид сел на землю, чувствуя себя совершенно опустошенным, и, закрыв лицо огромными руками, заплакал. Соня нетрпеливо потрясла его за плечо.

— Послушай, чертово отродье, нечего тут сидеть и рыдать, как отшлепанный младенец. Ты со своими пьянчугами натворил, конечно, дел, но это-го уже не исправишь. Вставай, и пойдем в таверну, выпьем пива.

— Почему ты вытащила меня? — спросил Готтфрид.

— Потому что такая дубина, как ты, никогда не сможет о себе позаботиться. Рядом с тобой должен быть кто-то мудрый, вроде меня, чтобы поддерживать жизнь в этом неуклюжем и бестолковом теле.

— Но я думал, ты меня презираешь!

— Ну и что, женщина может менять свое мнение, разве не так? — отрезала она.

Вдоль стен копьеносцы отгоняли лезущих в частично заделанную брешь мусульман. А в шатре сул-

тана Ибрагим объяснял своему повелителю, что только дьявол мог нащептать неверным мысль устроить эту пьяную вылазку как раз в момент взрыва и сорвать тщательно подготовленный план взятия города. Вздвигнутый Сулейман впервые говорил со своим другом кратко.

— Нет, это твой промах. Довольно интриг! Где умение и искусство терпят поражение, верх одержит невидимая сила. Отправь гонца за акинджи, они нужны здесь, чтобы заменить павших. Объяви о подготовке к следующему штурму.

6

Предыдущие атаки не шли ни в какое сравнение со штурмом, который обрушился теперь на стены Вены. Днем и ночью не умолкал грохот пушек, и ядра непрерывно падали на улицы и крыши домов. Защитники города погибали, а воинские резервы были уже исчерпаны. Страх и отчаяние поселились в душах людей, и, казалось, этому аду никогда не будет конца.

Расследование показало, что мина, разрушившая часть стены у ворот Карнтнера, была заложена не снаружи. К месту взрыва вел длинный туннель, начинавшийся в самом обычном погребе. И в ту ночь, когда произошла пьяная вылазка, кто-то взорвал под стеной огромное количество пороха. Теперь стало ясно, что турки перетаскивали свои пушки к северной стене только для того, чтобы отвлечь внимание от ворот Карнтнера и дать предателям возможность спокойно сделать свою грязную работу.

Граф Сальм и его помощники предпринимали титанические усилия для обороны Вены. Престаре-

лый командующий, наделенный сверхчеловеческой энергией, постоянно находился на стенах, поддерживал упавших духом, помогал раненым, сражался у амбразур бок о бок с простыми солдатами, не обращая внимания на опасность.

А за стенами крепости смерть пировала вовсю. Сулейман снова и снова гнал своих людей на штурм, словно они были его злейшими врагами. Среди его воинов начался мор, из опустошенных земель вокруг не поступало никакой пищи. Холодные ветры беспощадно дули с Карпатских гор, и воины дрожали в своих легких восточных одеждах. В морозные ночи у часовых руки примерзали к оружию. Земля стала жесткой, как камень, и саперы с трудом ковыряли ее своими инструментами. Потом начались проливные дожди — порох намокал, делая бесполезными самые мощные пушки. Равнина вокруг города превратилась в смердящую трясину, и множество мертвых тел, разлагавшихся в ней, стали источником всевозможных болезней.

Лихорадочная дрожь охватывала Сулеймана, когда он окидывал взглядом свой лагерь. Под зловещими свинцовыми небесами его обессиленные воины копошились в грязи, словно призраки. Зловоние от тысяч трупов отравляло воздух и раздражало ноздри; султану временами казалось, что жизнь навсегда покинула равнину, а те, кто еще ползал по ней, давно умерли и двигались только благодаря беспощадной воле их повелителя. На мгновение татарин в нем взял верх над турком, и он затрясся от страха, но вскоре смог справиться с этой слабостью. Внимательно оглядев старые, залатанные во множестве мест стены города, он снова задал себе вопрос: сколько же еще они смогут продержаться?

— Объяви сигнал к атаке. Тридцать тысяч асперов тому, кто первым заберется на стену!

Главный визирь беспомощно развел руками.

— Дух покинул наших воинов. Они больше не в силах выносить мерзости этой ледяной страны.

— Гони их на стены кнутами,— сурово ответил Сулейман.— Это ворота в Европу. Другого пути нет.

Над лагерем загремела барабанная дробь. На стенах усталые защитники христианского мира поднялись и сжали в руках свое оружие, понимая, что смерть вновь раскрывает свои объятия.

Офицеры султана начали поднимать своих солдат на последний, решающий штурм. В воздухе засвистели кнуты, и вся равнина огласилась криками боли и страха. Обезумевшие солдаты бросились к городу, как сорвавшиеся с цепи голодные псы. Они лезли на стены и откатывались назад под огнем защитников, но снова лезли, теперь уже понимая, что это их судьба. Незаметно опустилась ночь, и в темноте, освещаемой артиллерийскими залпами и пламенем факелов, атаки стали еще яростнее. Зная только ужасную, непоколебимую и абсолютную волю султана, его воины сражались всю ночь, забыв обо всем.

Рассвет был подобен Армагеддону. У стен Вены вырос вал из мертвых тел, закованных в стальные доспехи. Оперенье их щлемов лениво шевелил ветер. И по этим трупам, шатаясь, к стенам шли живые воины, мало отличавшиеся от мертвых, с ввалившимися глазами, но с безумной жадной битвы.

Они лезли на стены, падали, отступали, снова строились в ряды... снова... и сами боги застыли в изумлении перед титанической способностью людей переносить бесконечные страдания. В смертельной

схватке сошлись Азия и Европа. Вокруг стен бушевало море восточных лиц — турок, татар, курдов, арабов, алжирцев — воюющих, кричащих, умирающих под разрывными ядрами испанцев, на копьях австрийцев, под ударами огромных двуручных мечей германцев. В этой вселенской бойне все ценности уже потеряли свой смысл, осталась только смерть.

Для Готтфрида фон Кальмбаха жизнь сузилась до одного простого действия — взмаха его огромного меча. Он сражался у гигантского пролома на башне Карнтнера долгие часы, а потом время остановилось. Казалось, уже целую вечность обезумевшие лица — дьявольские морды — с воем и рычанием поднимались перед ним, и кривые ятаганы каждое мгновение плясали у него перед глазами. Он не чувствовал своих ран, не ощущал усталости. Задышавшись от дыма и пыли, ослепленный заливавшим глаза потом и кровью, он относился к смерти, как к сбору урожая, смутно чувствуя лишь тонкую фигуру рядом с собой, так же, как и он, наносящую непрерывные удары по искаженным лицам — сначала со смехом, проклятиями и боевыми кличами, затем — в мрачном молчании.

Готтфрид потерял себя в этом сверкании стали. Он смотрел — и не видел, фиксировал — и не понимал... Рядом с ним упал граф Сальм, смертельно раненный разорвавшейся бомбой; потом, кажется, стемнело и он все реже взмахивал своим тяжеленным мечом, но так и не осознал, что нескончаемый смертный прибой начал затухать. До фон Кальмбаха с трудом дошло, что Николас Зриньи тащит его прочь от заваленной телами бреша со словами:

— Давай, благородный человек, иди отдохни. Мы разбили их наголову. Все кончено.

Готтфрид вынырнул из забытья лишь на узкой, темной и заброшенной улочке. Он не помнил, как оказался здесь, только смутно шевельнулось в душе неясное воспоминание о чьей-то зовущей руке, коснувшейся его локтя. Готтфрид вдруг ощутил невыносимый вес своих доспехов, ноги буквально подгибались под их тяжестью. И этот странный пугающий звук — то ли грохот пушки, то ли эхо его воспоминаний. Ему казалось, что он должен немедленно кого-то разыскать — кого-то, кто очень много значил для него. Но мозг не воспринимал настоящего и не помнил прошлого. Казалось, когда-то давным-давно, удар меча расколол его шлем. Он пытался вспомнить как это было, но лишь снова ощущал тот страшный удар, пробивший ему голову так, что начал вытекать мозг. Он выдернул осколки черепа из раны и швырнул их на мостовую.

И снова рука сжала его локоть. Чей-то голос звал:

— Вино, мой господин — пейте!

Он смутно увидел тонкую, одетую в черное, фигуру, протягивающую ему пивную кружку. Задышавшись, он взял ее и ткнулся лицом в прохладную жидкость, глотая ее с жадностью человека, умирающего от жажды. Затем ночь обрушилась на него миллионами сверкающих искр, словно в голове взорвался пороховой склад. И наступили тьма и забвение.

Он медленно приходил в себя, ощущая мучительную жажду, дикую головную боль и страшную усталость, которая, казалось, парализовала все его тело. Связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту, Готтфрид, медленно поворачивая голову, определил, что находится в маленькой, пустой и пыльной комнате, из которой навстречу вели каменные ступе-

ни. Он догадался, что это помещение, скорее всего, в нижней части башни.

У грубого стола с оплывшей свечой стояли двое одетых в черное мужчин, оба худощавые и горбоносые — без сомнения, азиаты.

Готтфрид вслушался в разговор, который они вели приглушенными голосами. За время своих странствий он научился понимать многие языки. Узнал он и тех, кто находился сейчас в комнате — армянских купцов Шорука и его сына Рупена. Готтфрид вспомнил, что часто видел Шорука в последние недели — с тех пор, как в лагере Сулеймана появились куполообразные шлемы акинджи. Очевидно, по какой-то странной причине купец следил за ним. Сейчас Шорук читал своему сыну то, что написал на куске пергамента:

— «Мой господин, хотя я и напрасно взорвал стену Карнтнера, у меня есть новость, способная доставить радость сердцу моего господина. Мой сын и я поймали германца, фон Кальмбаха. Когда он ушел со стены, безумный от битвы, мы последовали за ним и незаметно подвели его к известной вам разрушенной башне. Мы дали ему вина со снотворным зельем, а потом связали. Пусть мой господин пошлет эмира Михала-оглы к стене возле башни, и мы отдадим германца ему в руки. Мы привяжем пленника к старой баллисте и сбросим со стены, как срубленное дерево».

Шорук взял стрелу с серебряным оперением и начал оборачивать пергамент вокруг ее древка.

— Поднимись на крышу и пусти стрелу в щитмантелет, как обычно,— начал было он, как вдруг Рупен воскликнул:

— Харк!

Оба застыли, и глаза их, как у попавших в ловушку хищников, засветились страхом и злобой.

Готтфрид попытался вытолкать языком клип, и это ему удалось. Снаружи он услышал знакомый голос:

— Готтфрид! Где ты, дьявол тебя дерит?

Он набрал в грудь воздуха и громоподобно крикнул:

— Эй, Соня! Ради Бога! Будь осторожна, девочка...

Шорук завыл, как волк и в ярости ударил Готтфрида по голове рукояткой кривой сабли. Почти в то же мгновение дверь с грохотом открылась, и, словно во сне, фон Кальмбах увидел в дверном проеме Соню с пистолетом в руке. Ее лицо осунулось и потемнело, а глаза горели, как раскаленные угли. Наголовник и ярко-алый плащ остались где-то на крепостной стене, кольчуга была разорвана, сапоги изрублены, а короткие штаны запачканы кровью и грязью.

С гортанным криком Шорук бросился на нее, размахивая саблей. Но Соня увернулась и обрушила свой пистолет на череп старика. В ту же минуту к ней подскочил Рупен, метя в горло кривым турецким кинжалом. Отбросив пистолет, девушка схватила одной рукой молодого армянина за запястье, а другой вцепилась ему в горло. Задыхаясь, Рупен споткнулся и повалился на спину. Воспользовавшись этим, Соня безжалостно стукнула парня несколько раз головой о каменный пол, пока его глаза не закатились и не застыли. Затем она отшвырнула безжизненное тело и выпрямилась.

— О, Боже! — пробормотала она, хватаясь руками за голову. Затем, пошатываясь, подошла к германцу и, встав возле него на колени, перерезала веревки.

— Как ты меня нашла? — спросил Готтфрид, еще не веря, что все это наяву.

Соня подошла к столу и рухнула на стоявший рядом стул. Увидев кувшин вина, она схватила его и принялась жадно пить, затем вытерла рот рукавом и взглянула на Готтфрида все еще усталым, но уже вполне осмысленным взглядом.

— Я видела, как ты ушел со стены, и поплелась за тобой. Я была еще настолько пьяная от бойни, что едва соображала, зачем это делаю. Но тут я заметила, как эти псы повели тебя куда-то в темноту, и потеряла вас из виду. Но потом я наткнулась на твой шлем — он валялся на улице — и решила позвать тебя. Ну и что все это значит?

Она схватила стрелу и развернула пергамент. Очевидно, Соня умела читать по-турецки, но она перечла письмо раз пять или шесть, прежде чем смысл написанного дошел до ее сознания. Сверкнув глазами, она гневно взглянула на армян. Шорук уже сидел, в ужасе ощупывая рану на голове; Рупен лежал, корчась и булькая.

— Свяжи-ка их, братец, — велела она, и Готтфрид подчинился. Пленники смотрели на девушку с откровенным ужасом.

— Это послание адресовано Ибрагиму, Главному визирю, — резко сказала она. — Зачем ему нужна голова Готтфрида?

— Из-за раны, которую германец нанес султану при Мохаче, — с трудом произнес Шорук.

— Так значит, это ты, дерьмо собачье, взорвал мину у ворот Карнтнера! — горько улыбнулась Соня. — Ты и твой ублюдок и есть те самые предатели. — Она взяла в руки пистолет. — Когда Зриньи узнает об этом, конец ваш не будет ни легким, ни скорым. Но сначала, старая свинья, я собираюсь повеселиться и разнесу башку твоему выродку прямо у тебя на глазах...

Старый армянин издал вопль, полный ужаса и отчаяния.

— О, бог моих предков, молю о милосердии! Убей меня, пытай меня, но только избавь от этого моего сына!

В это мгновение новый звук прорезал тишину — огромный колокол, казалось, сотрясал воздух.

— Что это? — крикнул Готтфрид, инстинктивно схватившись за пустые ножны в поисках оружия.

— Колокола Святого Стефана! — радостно воскликнула Соня. — Они возвещают о победе!

Она прыгнула на истертую временем лестницу, и Готтфрид устремился за ней. Они вышли на полуобвалившуюся, прогибающуюся крышу, где — на наиболее прочной части — стояла древняя камнеметательная машина, похоже, недавно восстановленная.

Бапня возвышалась над сходящимися под углом крепостными стенами; дозорных здесь не выставляли, поскольку эта часть укреплений была практически непреодолимой. Часть старинного бруствера и древний глубокий ров, отделенный крутым естественным земляным скатом от главного рва, не оставляли атакующим ни малейшего шанса добраться до города.

Предатели имели возможность обмениваться здесь посланиями, почти не опасаясь разоблачения. Используемый метод угадать было нетрудно. Вниз по склону, как раз в пределах дальности полета стрелы, виднелся огромный, словно случайно забытый, щит из бычьей шкуры, натянутой на деревянную раму. Именно в него летели помеченные стрелы с донесениями.

Готтфрид окинул взглядом турецкий лагерь и вдруг увидел пляшущие языки пламени, обесцвечен-

ные первыми лучами восходящего солнца. Внезапно до его ушей донеслись страшные, нечеловеческие вопли, заглушаемые до этого громким перезвонном колоколов.

— Янычары сжигают пленных, — с горечью сказала Соня.

— Рассвет Судного дня, — в замешательстве пробормотал Готтфрид, ошеломленный зрелищем, представшим перед его глазами.

С башни они могли видеть почти всю равнину. Под холодным свинцовым небом она представляла собою жуткое зрелище, и даже солнечный свет не мог скрасить эту картину. Повсюду, насколько хватало глаз, на земле лежали мертвые тела.

А оставшиеся в живых покидали равнину. Уже исчез с возвышенности Земмеринг огромный шатер Сулеймана — также как и остальные, поменьше — в долине, и голова длинной колонны скрылась из виду, затерявшись среди холмов где-то на востоке.

Внезапно крупными белыми хлопьями повалил снег.

— Прошлой ночью они сделали последнюю попытку, — сказала Рыжая Соня. — Я видела, как офицеры гнали их кнутами, посылая на наши мечи. Этот ужас больше не повторится.

Снег продолжал валить, покрывая опустевшую равнину белым саваном.

Янычары срывали безумное разочарование на беззащитных пленниках, бросая их живыми — мужчин, женщин, детей — в огонь, который они разожгли пред сумрачными глазами своего повелителя, султана, Великолепного и Великодушного. Все это время колокола Вены звонили и гремели, не переставая, словно они зывали к небесам вместе с людьми, испытывшими на себе «милосердие» Сулеймана.

— Смотри! — крикнула Соня, схватив Готтфрида за руку. — Акинджи пойдут в хвосте колонны, прикрывая ее с тыла.

Даже с такого расстояния они увидели крылья грифа, развевающиеся среди темных копошащихся фигур, и зловеще поблескивающий шлем, украшенный драгоценными камнями. Перепачканные порохом Сонины руки сжались так, что ногти впились в побелевшие ладони.

— Он уходит, ублюдок, превративший Австрию в выжженную пустыню! Сколько загубленных им душ летят сейчас за его погаными крыльями, вопя об отмщении! Но, по крайней мере, ему хоть не досталась твоя голова!

— Да, она мне самому еще пригодится, — мрачно пробормотал гигант.

Зоркие глаза Сони внезапно сузились. Схватив Готтфрида за руку, она поспешила к лестнице. Они уже не видели, как в этот момент Николас Зриньи и Пауль Бакиш выехали из ворот во главе крошечного отряда изможденных австрийцев — чтобы попытаться спасти пленных. Вдоль турецкой колонны вновь зазвенела сталь. Акинджи, свежие и полные сил, жестоко отражали атаки храбрецов. Чувствуя себя в полной безопасности, Михал-оглы презрительно усмехался над нелепым поступком этих неверных. А вот Сулейману, ехавшему в главной колонне, казалось, уже ни до чего нет дела. Он выглядел как покойник на собственных похоронах.

Вернувшись в нижнюю комнату, Рыжая Соня поставила ногу на стул и, уперев подбородок в кулак, грозно уставилась в полные страха глаза Шорука.

— Сколько стоит твоя жизнь, старый пес? — спросила она.

Армянин молчал.

— А что ты дашь за жизнь своего выродка?

Старик дернулся, как ужаленный.

— Пощади моего сына, принцесса! — взмолился он. — Все, что угодно... я заплачу... все заплачу!

Соня уселась на стул и скрестила руки на груди.

— Я хочу, чтобы ты послал сообщение.

— Кому?

— Михалу-оглы.

Армянин вздрогнул и облизал пересохшие губы.

— Скажи, что надо сделать, и я выполню, — прошептал он.

— Хорошо. Я дам тебе коня. Твой сын останется здесь — заложником. И если ты не выполнишь мой приказ, я отдам твоего ублюдка жителем Вены...

Старик снова вздрогнул.

— Я и мой приятель — мы отпустим вас обоих и забудем о вашем вероломстве, но ты должен догнать Михала-оглы и сказать ему...

Турецкая колонна медленно двигалась по слякоти вперед сквозь падающий снег. Кони низко гнули головы под сильными порывами ветра; верблюды, глухо ворча, плелись на подгибающихся ногах, а быки пронзительно и жалобно ревели. Люди вязли в непролазной грязи, сгибаясь под тяжестью оружия и снаряжения. Уже стемнело, но приказа остановиться на отдых все не было. Весь день отступавших турок беспокоили дерзкие нападения австрийских кирасиров, которые набрасывались на колонну, как осы, и выхватывали пленных прямо из рук.

Мрачный Сулейман ехал в окружении своих солаков. Он хотел оказаться как можно дальше от проклятых стен Вены, где тела павших тридцати тысяч мусульман напоминали ему о его рухнувших амбициях, убежать от горечи поражения и позора.

Он был господином Западной Азии, но хозяином Европы так и не стал. Эти презренные стены спасли западный мир от мусульманского господства; раскатистый гром, возвещающий о неслыханной мощи Оттоманской Империи эхом облетел мир, империя затмила славу Персии и Могольской Индии, но желтоволосые варвары Запада остались непобежденными. Видимо, на небесных скрижалях было написано, что турки никогда не смогут господствовать за Дунаем.

Стоя на Земмерингской возвышенности и глядя, как позорно бежит от крепостных стен его непобедимое воинство, Сулейман прочел эту волю небес, начертанную кровью и огнем. Теперь следовало спасать авторитет власти, и султан отдал приказ свертывать лагерь. Это далось Сулейману нелегко — слова жгли ему язык — но иного выхода не было: солдаты уже начали жечь шатры, собираясь бросить своего господина и бежать из этой проклятой страны. Теперь Сулейман ехал в мрачном молчании, не разговаривая ни с кем, даже с Ибрагимом.

Михал-оглы по-своему разделял дикое, безысходное отчаяние Сулеймана и Главного визиря. Лютую ненависть и злобу у него вызывало то, что теперь он бесславно уходит из страны, которую уже успел хорошенько потрепать; так еще не насытившаяся гиена огрызается, когда ее оттоняют от добычи. С мстительным удовлетворением он вспоминал выжженные, заваленные трупами земли, прежде цветущие и полные жизни; страшные крики и стоны жертв, растоптанных копытами его коня; мольбы женщин, отданных на потеху его железному воинству, и жуткие вопли этих же женщин, которым его акинджи, насытившись, вспарывали животы.

К тому же его грызли досада и разочарование — он не выполнил приказ Главного визиря, и тот отхлестал его обидными, жалищими в самое сердце, словами. Теперь он потерял покровительство Ибрагима. Любой другой на его месте поплатился бы жизнью, а он еще может вернуть утраченное доверие и доказать свою преданность, совершив нечто невероятное во славу своего повелителя. Михал-оглы ждал подходящего случая, особенно опасный и безжалостный, как раненный зверь.

Снег валил тяжелыми хлопьями, усиливая тяготы безрадостного пути. Раненые, обессиленные, падали на дорогу и оставались лежать, захлебнувшись грязью. Михал-оглы ехал позади своего отряда, зорко всматриваясь во тьму, но уже многие часы враги не беспокоили войско Великого Сулеймана: австрийцы, отбив пленников, с победой вернулись в город.

Колонна медленно двигалась через сожженную дотла деревню, обугленные столбы торчали из белоснежных сугробов, как пальцы мертвых великанов. По рядам передали приказ султана разбить лагерь в долине, в нескольких милях отсюда.

Позади колонны послышался конский топот; акинджи молниеносно развернулись, выставив в темноту пики. Но вместо вражеского отряда их взглядам предстал одинокий всадник — на высоком сером жеребце неуклюже сидел человек, закутанный в черный плащ. Подъехав поближе, он позвал Михал-оглы. Главарь акинджи остановился и, приказав дюжине своих подручных с изготовленными луками не спускать глаз с дороги, крикнул в ответ:

— Шорук! Это ты, армянский пес! Что тебе надо, во имя Аллаха?

Армянин подъехал вплотную к Михалу-оглы и что-то торопливо зашептал ему на ухо. Главарь акинджи

заметил, что Шорук трясется, как осиновый лист; старик с трудом проталкивал слова сквозь сведенные судорогой губы. Наконец, Михал-оглы понял о чем идет речь, и глаза его сверкнули злобной радостью.

— Ты не врешь, старый пес?

— Провалиться мне в ад, если я вру! — поклялся Шорук и задрожал еще сильнее, судорожно кутаясь в свой тонкий черный плащ. — Он упал с коня, когда вместе с кирасирами догонял вашу колонну, и теперь лежит со сломанной ногой в пустой крестьянской хижине в трех милях отсюда — с ним только его женщина, Рыжая Соня, и несколько пьяных ландскнехтов.

Михал-оглы весь напрягся, ноздри его раздулись, он резко развернул коня и пролаял:

— Двадцать человек ко мне! Остальные продолжают охранять колонну. Я еду за головой, которая принесет мне в три раза больше золота, чем весит. Я догоню вас по пути к временному лагерю.

Отман, пытаясь удержать своего командира, схватил украшенные драгоценными камнями поводья его коня.

— Ты что, спятил? Возвращаться назад, когда кругом шныряют австрийцы...

Он резко откинулся назад, когда главарь акинджи хлестнул его по губам конской плеткой. Вытирая рукавом кровь, Отман видел, как Михал-оглы тронул коня, и маленький отряд двинулся за старым армянином. словно призраки, они исчезли в крошечной тьме.

Отман в нерешительности смотрел им вслед. Снег продолжал валить, ветер зловецки завывал в голых ветвях деревьев. До акинджи не доносилось никаких звуков — только едва различимый шум удаляющейся колонны. И вдруг Отман замер. С той стороны, куда

только что умчался Михал-оглы, донесся приглушенный расстоянием грохот, словно разом взорвались тридцать или сорок разрывных ядер, а затем мертвая тишина опустилась на лес. Акинджи охватила паника. Хлестнув коней, они что есть силы помчались через разрушенную деревню догонять основное войско.

7

Никто даже не заметил, когда на Стамбул опустилась ночь, потому что роскошь и богатство Сулеймана сделали ее не менее прекрасной, чем день. Сады источали пряные ароматы курильниц, в небе вспыхивали и гасли яркие искры, подобные мириадам звезд. Фейерверки превратили город в настоящее царство магии, и в потоках огня минареты пятисот мечетей возвышались, как маяки в океане золотой пены. На азиатских холмах замерли от восхищения представители всех племен, любуясь этим зрелищем, затмившим сами звезды. Улицы Стамбула кишели толпами празднично одетых людей, и их ликующие возгласы поднимались до самых небес. Миллионы огней многократно отражались в драгоценных камнях роскошно украшенных тюрбанов, в золоте расшитых халатов, в темных глазах над тонким покрывалом, в полированных боках паланкинов, которые несли на плечах огромные чернокожие рабы.

Центр праздника находился на Ипподроме. Там нарядные вельможи демонстрировали чудеса выездки своих роскошных скакунов; турецкие и татарские наездники состязались в головокружительных скачках с арабскими и египетскими всадниками; воины в сверкающих доспехах сражались до крови на потеху

толпе; африканских львов натравливали на тигров из Бенгалии и диких вепрей из северных лесов. Казалось, возродились пышные зрелища времен Римской Империи, но только с восточным колоритом.

На золоченом троне, установленном на нефритовом основании, восседал Сулейман, снисходительно — как некогда порфироносные римские цезари — взирая на все это великолепие. Вокруг него с выражением крайней почтительности и благоговения на лицах толпились визири, офицеры и послы чужеземных дворов — из Венеции, Персии, Индии, татарских ханств. Они прибыли, чтобы поздравить султана с победой над австрийцами и принять участие в грандиозных торжествах. Сулейман издал манифест, в котором говорилось, что Австрия на колених просила милости у султана, и он великодушно разрешил побежденным оставить себе крепость Вену — эта ничтожная пылинка, к тому же находящаяся бесконечно далеко от Османской Империи, не может угрожать Истинной вере.

Сулейман ослепил мир блеском своего могущества, богатства и славы, но тщетно пытался заставить самого себя поверить, что действительно осуществил свои намерения. Казалось бы — его войско не было разбито на поле битвы; он посадил своего ставленника на венгерский трон; опустошил Австрию и наполнил рынки всей Азии рабами-христианами — этими доводами султан ублажал свое тщеславие. Но несбывшиеся мечты о покорении Европы и воспоминания о бесславной гибели тридцати тысяч мусульман под стенами Вены жгли его душу.

Позади трона красовались военные трофеи — шелковые и бархатные шатры, отнятые у персидских, арабских и египетских мамелюков — давних врагов султана; богатые ковры, гобелены, тяжелые от

золотого шитья. У ног Сулеймана лежали груды даров, поднесенных послами из дружественных государств. Там были венецианские бархатные куртки, золотые, инкрустированные драгоценными камнями кубки из дворцов Великого Могола, подбитые горностаем кафтаны из Арзрума, серебряные персидские шлемы с разноцветными плюмажами, шелковые турбаны, искусно украшенные египетскими геммами, кривые клинки дамасской стали, доспехи и щиты индийской работы, редчайшие меха из Монголии.

По обеим сторонам трона теснились длинные ряды юных рабов, золоченые ошейники которых были прикованы к одной длинной серебряной цепи. Один ряд составляли обнаженные греческие и венгерские мальчики, другой — девочки; крошечные шапочки с перьями и драгоценные пояса лишь подчеркивали их невинную наготу.

Евнухи в просторных одеждах, подпоясанных золочеными кушаками, с поклоном предлагали гостям шербет, охлажденный льдом со снежных вершин Малой Азии, в богато украшенных геммами кубках. Янычары разыгрывали театрализованные представления военных действий; офицеры швыряли в толпу пригорошни медных и серебряных монет. Никто не страдал от голода и жажды в эту ночь в великом городе Стамбуле, за исключением презренных кафарских рабов.

Неописуемая пышность торжества — свидетельство бесконечного могущества турецкого султана — ошеломили иноземных послов. По огромной арене бродили обученные слоны под кожными, с золотой отделкой, накидками, и из сверкающих драгоценными камнями башенок на их спинах раздавались звуки фанфар и рожков, перекрывавшие шум толпы и рычание хищников. Море лиц заполняло

все ярусы Ипподрома, и каждое, словно цветок к солнцу, поворачивалось в сторону сверкающего трона, и тысячи языков приветствовали и восхваляли восседавшего на нем.

Сулейман знал: если он произвел впечатление на венецианского посла, значит удивил и весь мир. Видя все его великолепие, люди забудут, что горстка отчаянных кафаров за полуразрушенными крепостными стенами закрыла ему дорогу в Европу, положив конец мечте о всемирной империи. Сулейман взял кубок вина, запрещенного Кораном, и посмотрел в сторону Главного визиря, который вышел вперед и поднял руки.

— О, гости моего повелителя, Падишах не забывает о своих самых преданных подданных в этот час всеобщего ликования. Офицерам, которые вели своих солдат против неверных, он жалует много дорогих подарков. Еще он дает сорок тысяч дукатов, чтобы распределить их среди простых солдат, а также каждому янычару он дает по тысяче асперов.

Над Ипподромом поднялся радостный рев толпы, приветствующей щедрость великого султана. В эту минуту к Главному визирю приблизился евнух и, встав на колени, протянул ему большой круглый пакет, тщательно перевязанный и запечатанный сургучом. К пакету прилагался скрученный кусок пергамент, с круглой красной печатью. Султан с удивлением и любопытством взглянул на Главного визиря.

— Что это, дорогой друг?

Ибрагим склонился в низком поклоне.

— Это доставил гонец из Адрианополя, о Лев Ислама. Вероятно, какой-нибудь подарок от австрийских псов. Неверные привезли его к границе и отдали в руки стражникам, а те переправили прямо в Стамбул.

— Открой его,—приказал Сулейман, со все возрастающим интересом глядя на неожиданное подношение.

Евнух отвесил поклон до самого пола, а затем начал взламывать печать на пакете. Обученный грамоте раб развернул пергамент и принялся читать его содержание, написанное уверенной, хотя и женской рукой:

— Султану Сулейману, визирю Ибрагиму и шлюхе Роксолане мы, нижеподписавшиеся, посылаем подарок в знак самого глубокого расположения. Соня из Рогатина и Готтфрид фон Кальмбах.

Сулейман, вздрогнувший при упоминании имени его любимой жены, внезапно побледнел, как полотно, а затем дикий вопль вырвался из его груди, и эхом вторил ему Ибрагим.

Евнух взломал все печати на пакете и извлек из него то, что там лежало. Едкий запах трав и порошков наполнил воздух, и предмет, выскользнув из задрожавших рук евнуха, упал прямо на грудь даров к ногам Великого Турка, являя собой дикий контраст с геммами, кубками и баркатными куртками. Сулейман в ужасе уставился на него, и в это мгновение создаваемый годами образ всемогущего повелителя растаял без следа; слава обернулась мишурой и пылью. Ибрагим вцепился в свою бороду, издавая клокочущие, булькающие звуки, лицо его побагровело — казалось, он задышался.

Возле золотого трона, на груди подарков, оскалась гримасой ужаса, лежала голова Михала-оглы, грифа Великого Турка.

НЕХТ САМЕРКЕНД

Т

ишину разорвал громкий щелчок тетивы, и перепуганный конь громко заржал. Оперенная стрела вонзилась под переднюю ногу коня, и он рухнул на землю вперед головой.

Падая, Всадник, пружиня ногами, приземлился, лязгнув стальными доспехами. Отчаянно пытаясь сохранить равновесие при падении, он широко раскинул руки, при этом

его мушкет отлетел на несколько футов, а запальный фитиль выпал.

Всадник вытащил из ножен меч и огляделся, пытаясь отыскать маленькие, как бусинки, блестящие черные глазки, которые — он знал это точно — смотрели на него откуда-то слева, из густых зарослей, окаймлявших сухое болото. Пока он искал убийцу, тот встал во весь рост и мгновенно, одним движением, перепрыгнул через корягу. В зловещей тишине вечерних сумерек раздался торжествующий вопль. Двое стояли лицом к лицу, разделенные лишь пятьюдесятью футами рыжевато-коричневого песка, как воплощение Старого и Нового Мира.

Вокруг них простиралась голая равнина, которая исчезла за горизонтом в чуть заметной дымке, заволакивающей бирюзовый край неба. Ни крика птицы, ни движения зверя! Только мертвый конь. В этом безмолвном пространстве были лишь двое: один — высокий, седобородый, в потускневших стальных латах, другой — индейский воин с медно-красным лицом, в расшитой бисером набедренной повязке, сверкающий черными глазами из-под аккуратно подрезанной челки.

Посмотрев в сторону фитиля, валяющегося на земле, он гневно повел глазами, и в них появились мрачные, красноватые огоньки. Чирикагуа, известные испанцам как *Planero*, или жители равнин, уже изведали смертоносную силу оружия белых людей. Но сейчас индеец был уверен, что боги покровительствуют ему. В левой руке он держал короткий толстый лук, в правой — кизиловую стрелу с кремниевым наконечником, а на поясе у него висел каменный топор. Он не имел ни малейшего намерения подставлять себя под удар меча, тускло поблескивающего в лучах заходящего солнца.

Какое-то время оба стояли, сверля друг друга свирепыми взглядами. Индеец знал, что кремневый наконечник разобьется о латы белого человека, но бородатое лицо незваного пришельца не было покрыто забралом! И все же ему не хотелось тратить впустую ни одной стрелы, на изготовление которой ушли долгие часы тяжелого труда.

Легко, по-кошачьи прыгая из стороны в сторону, он скользнул к своей добыче, чтобы смутить, заставить сдвинуться с места и поймать то положение, когда жертва не сможет увернуться от уготованной ей крылатой смерти. Индеец не боялся внезапного взмаха меча: закованный в латы противник никогда не совладеет с ним, таким быстроногим и проворным! Судьба белого человека в его руках, и он сумеет расправиться с ним.

Издав короткий гортанный крик, он резко остановился, взметнул лук и оттянул назад стрелу, а белый человек тем временем выхватил из-за ремня пистолет и в упор выстрелил в индейца.

Стрела с жалобным свистом взмыла в небо, и лук выскользнул из рук индейца, который, задыхаясь, оседал на колени. Сквозь пальцы, прижатые к мускулистой груди, хлынула кровь, и индеец опустился на песок, по-прежнему с ненавистью глядя на противника. Он буквально пожирал своего убийцу злобным, отчаянным взглядом. У этих белых всегда есть в запасе что-то незнакомое и непредсказуемое! В последние мгновения своей жизни воин увидел нависшего над ним, закованного в латы человека, похожего на грозного стального бога, беспощадного и непобедимого. В холодном, безжалостном взгляде этого бога он прочел печальную судьбу всей своей расы.

Слабо, словно умирающая змея, он поднял голову, плюнул в своего убийцу и затих навеки.

Эрнандо де Гузман вложил меч в ножны. Потом перезарядил громоздкий пистолет и положил его рядом с мушкетом, мельком подумав, что Папего следовало бы иметь более совершенное оружие. Взглянув на убитого коня, испанец вздохнул. Подобно многим своим соотечественникам, он питал особую любовь к лошадям и был всегда так добр к ним, как никогда не бывал добр к людям. Он не стал снимать со своего четвероногого друга богато украшенное седло и уздечку. Теперь ему предстоял долгий, утомительный путь пешком. Взяв оружие на плечо, он некоторое время стоял неподвижно, пытаясь сориентироваться.

Мысль о безвыходности положения неумолимо преследовала его все последние часы, даже тогда, когда конь был еще жив. Эрнандо де Гузман был опытным воином, но сейчас он, вопреки рассудку, слишком далеко углубился в это опасное поле. Эрнандо преследовал белую, сверкающую на солнце антилопу, чей стремительный бег, как блуждающий огонек, водил его по холмам и прерии. Он попытался припомнить расположение лагеря, но, кажется, на этот раз удача отвернулась от него: на пути не встретилось ни одного межевого знака, и бескрайняя равнина простиралась перед ним с востока на запад. Экспедиция, везущая с собой весь свой скарб, в том числе и питание, похожа на корабль, плывущий по незнакомому морю. Такому кораблю в случае опасности неоткуда ждать помощи и надеяться можно только на себя. Одиноким всадник напоминает человека, плывущего в открытой лодке, без пищи, воды и компаса. А уж человек, идущий пешком...

Одинокого путника можно смело считать покойником, если только он не сумеет побыстрее доб-

раться до людей. Наспех обследовав мелкую ложину в надежде встретить хоть какого-нибудь коня, де Гузман понял, что это бесполезно. Чирикагуа не используют лошадей для верховой езды. Потерявшихся или украденных у испанцев животных они употребляют в пищу, хотя Эрнандо доводилось слышать об одном ужасном северном племени, все воины которого уже давно стали всадниками.

Выбрав верное, как он надеялся, направление, де Гузман тронулся в путь. Подняв забрало, он пробежал пальцами по влажным, седеющим волосам, но нестерпимый зной заставил его снова закрыть лицо. За долгие годы он привык к тяжести жарких стальных лат. Позже усталость даст о себе знать, но, если на равнинах встретятся другие странствующие воины, доспехи ему пригодятся. Одного индейца он уже убил, а значит, где-то поблизости находится все их дикое войско.

Солнце медленно скрывалось за горизонтом на западе. Эрнандо шел навстречу этому зловещему красному глазу, чувствуя себя пигмеем на бескрайней мрачной равнине, словно смеющейся над ним. Де Гузман шел вперед.

Солнце нависло над краем пустыни, прежде чем скрыться из виду и осветить последним розовым сиянием весь горизонт. С наступлением заката небо словно стало шире и глубже. На востоке серый вулканический цвет бледнел, уподобляясь блеску стальных толедских мечей.

Де Гузман остановился и бросил на землю запальный фитиль. Тот с шумом ударился о твердую почву, не оставив никакого отпечатка. Оглянувшись назад, Эрнандо не увидел на короткой упругой траве собственных следов. Они исчезли. Наверное, он превратился в призрак, бесцельно блуждающий по спя-

щей, равнодушной земле. Равнины не подвластны человеческим усилиям. Человек не оставляет на них никаких следов: он идет, борется и умирает, проклиная предавших его богов, но равнины хранят свои тайны, и следов пройденного пути на них остается не больше, чем на поверхности моря.

— Золото, — пробормотал де Гузман и разразился сардоническим смехом.

С тех пор как погиб его конь, он успел пройти долгий путь. Если он не ошибся в выборе направления, то недалеко уже лагерь, и должны слышаться крики людей. Но он ничего не слышал. Он погиб. Неизвестно, в каком направлении двигаться дальше. Равнина хранила молчание. Его кости, пропитанные пшеницей, маслом и ветрами Старой Испании, истлеют в бескрайней пустыне вместе с костями чирикагуа, коня, койота и гремучей змеи.

«Я погиб».

Эта мысль не вызвала в нем благоговейного или сентиментального ужаса. Испания далеко. Земля Коканьи, словно покрытая дымкой мечты и золотистым блеском юных грез, была сейчас не более реальна, чем призрачный континент, потерявшийся в непроглядном тумане.

— Испанская кровь ничем не лучше какой-либо другой, — пробормотал он.

Да, кровь есть кровь, а он на своем веку видел океаны пролитой крови: испанской, английской, крови гугенотов, инков и ацтеков, королевской крови и пурпурной крови монтесум, стекающей по парапетам Теночтитлана, крови, реками текущей на площадях Кайамарки, под скользящими ногами обреченного Атагуальпы.

Но все существо де Гузмана кипело жадой жизни, которая не имела ничего общего с разумом.

Де Гузман распознал этот слепой инстинкт и подчинился ему. Он многих лишил жизни, но свою страстно желал сохранить, хотя не имел никаких иллюзий насчет ценности своего существования. Он, как и все, знал себя насквозь и сейчас, облизывая губы, говорил себе: «Игра не стоит свеч. Мы, люди, находим рациональные объяснения слепому инстинкту самосохранения и строим легкие воздушные замки, чтобы знать, почему лучше жить, чем умереть в то время, как наш хваленый — но игнорируемый! — разум в каждой своей фазе отрицает жизнь! Но как же мы, цивилизованные люди, ненавидим напи «животные» инстинкты, как же мы их боимся! Точно так же, как мы ненавидим и боимся любого проявления вскормивших нас, непредсказуемых, бьющих ключом первобытных источников».

Он знал: собаки, обезьяны и даже слоны подчиняются инстинктам и живут только потому, что ими управляет инстинкт. Де Гузман придерживался однажды принятого решения: стремление человека к жизни не менее нелепо и беспричинно. Но, с отвращением думая о своем сходстве с существами, имеющими несчастье не быть созданными по образу и подобию Божества, он лелеял свою любимую иллюзию.

Конечно же, нами управляет лишь разум, даже когда этот разум говорит нам, что лучше умереть, чем жить! Не хваленый разум побуждает нас жить и убивать, чтобы жить, а слепой, необъяснимый животный инстинкт.

Эрнандо де Гузман не пытался обмануть себя верой в высший разум, иначе почему бы ему не прекратить мучительную борьбу и не приложить к голове дуло пистолета, тогда бы закончилось его земное существование, интерес к которому уже давно стал меньше, чем его боль.

— Матерь Божья, даже если я каким-нибудь чудом найду дорогу в лагерь Коронадо и даже если я в конце концов доберусь до Мехико или сказочной Квивиры... нет никакой причины полагать, что жизнь будет менее мрачной и более желанной, чем до того, как я поплелся на север в надежде найти Семь Золотых Городов.

— Золото, — снова пробормотал он, насмешливо скривив губы, и на его загорелом лице отчетливо проступил кривой шрам. — Золото мы ищем в смерти!

Но... этот слепой инстинкт побуждал его бороться за жизнь, бороться до последнего вздоха, жить, невзирая на адские условия, в которые он попадал, и всевозможные предательства по отношению к нему. Этот могучий человек горел желанием жить ничуть не меньше, чем в давно минувшей молодости, когда он сражался плечом к плечу с подлым предателем Кортесом¹ и видел наряженные в перья орды Монтесумы², надвигающиеся, как волна, готовая поглотить бросившую ей вызов горстку храбрецов и забирающая их жизни.

— Жить! — твердо решил де Гузман, подняв кулак, костлявые суставы которого привыкли вынимать оружие, чтобы убивать людей. — Жить! Не для любви, не для выгоды, не из тщеславия или ради дела! — Он плюнул, потому что все эти благородные идеи были обрывками тумана, призраками, которые люди вызывают, чтобы объяснить необъяснимое. Жить, потому что слепое, темное желание жить глубоко

¹ *Кортес, Фернандо* (1485—1547) — испанский конкистадор, завоеватель Мексики.

² *Монтесума* (1466—1520) — верховный вождь ацтеков. Взят в плен и убит испанцами.

заложено в его существе, и он знал, что сам представляет собой вопрос и ответ, желание и цель, начало и конец, и ответ на все загадки вселенной.

— Игра не стоит свеч! Да... но сохранять свечу горящей...

Конкистадор сардонически засмеялся, поправил тяжелое оружие на плече и приготовился продолжить свой бессмысленный путь — путь, который в конечном счете приведет к забвению и тишине.

В этот момент он услышал бой барабана.

* * *

По равнине катился ровный, неторопливый, глухой гул, густой, как шум волн на золотом берегу.

Де Гузман остановился в нерешительности, застыл и напряг слух. Звук доносился с востока, и это не был барабан *llanero*! Нет, это был экзотический, особенный звук, похожий на тот, что он слышал ночью, стоя на плоской крыше в Каймарке и наблюдая мириады мерцающих во тьме огней. Огни эти были великой армией инков, а неподалеку бесстрастный голос подонка Писарро¹ плел черные паутины предательства и бесчестия.

Он закрыл глаза, потер их рукой и снова закрыл. Наклонив голову в сторону, он прислушался и подумал, не расплавились ли у него мозги от зноя и тишины и не в собственном ли воображении он слышит звук барабана...

Нет! Это не мираж, воплощенный в звуке. Барабан бил и бил, ровно, как пульс у него на виске. Барабанный бой затронул потаенные струны его ума, и наконец все его существо прониклось этим

¹ Писарро, Франсиско (1471—1541) — испанский конкистадор.

тайнственным призывом. На миг потухший пепел вспыхнул пламенем, словно в это мгновение к нему вернулась молодость. Густой звук манил и... околдовывал. Будто он снова горячо и страстно сжимал перила каравеллы и наблюдал, как в утреннем тумане маячит сказочный золотой берег Мехико, соблазняющий приключениями и наживой; так звук золотой трубы доносится сквозь ветер.

Мгновение пролетело, но пульс в его виске бил все чаще, и Эрнандо посмеялся сам над собой. Даже не дав себе труда обдумать происходящее, он повернулся и направился на восток, туда, откуда слышался бой барабана.

Солнце зашло; мимолетные сумерки опустились над равниной и тотчас же погасли. Впереди заблестели звезды — огромные, белые, холодные, которым не было никакого дела до крошечной фигурки, лишенной тени, бредущей по пустыне. Редкие кусты склонялись к земле, будто неведомые звери, только и ждущие, чтобы путник споткнулся и упал. Ровный, пульсирующий звук барабанного боя по-прежнему раздавался в ночи, словно озаряя пустыню золотистым светом. На Эрнандо нахлынули воспоминания как о давно минувшем, так и о чем-то вовсе не знакомом; ему стали мерещиться сады с огромными яркими цветами, необъятные джунгли, журчащие фонтаны... и все это сопровождалось звуком золотых капель, звенящих о позолоченную мостовую.

Золото!

Он снова последовал на этот манящий зов; к этой старой как мир, близкой сердцу каждого человека, вождеденной цели он шел по свету сквозь неприветливые моря, грозные джунгли, дым и пламя сожженных городов. Подобно Коронадо, спя-

щему где-то здесь, среди бескрайней равнины, и охваченному фантастическими грезами, де Гузман следовал на зов священного металла, и зов был столь же реальным, как тот, что окончательно свел с ума Франсиско.

— Безумец Франсиско! Кому нужны эти тщетные поиски городов Сиболо с величественными домами и сверкающими сокровищами, где даже рабы едят с золотых блюдов? — Де Гузман горько улыбался треснувшими, распухшими от жажды губами. В будущем, — размышлял он, — Коронадо, наверное, станет символом стремления к чему-то недостижимому. Историки, еще не родившиеся на свет, наделенные высокомерной мудростью взгляда в прошлое, будут, смеясь, называть его глупым мечтателем не от мира сего. Его имя станет предметом насмешек для искателей сокровищ.

Почему? В чем причина? Почему бы нам, испанцам, не поискать золото на этой земле к северу от Рио-Гранде? Почему не поверить в историю о Сиболо? Она не так уж неправдоподобна по сравнению с красивыми сказочками о Мехико, имевшими успех у предыдущих поколений! Есть не меньше оснований верить в существование Сиболо, чем в существование Перу много лет назад, до плавания Писарро! Но... мир судит по поражению или успеху. Коронадо не менее искушен, чем Писарро, Кортес... и я. Но они нашли золото и войдут в историю, как — кто? Грабители? Коронадо не нашел золота, и его будут помнить как человека не от мира сего, верящего в мифы и идущего за несуществующими радугами.

Если только он не найдет золото!

Продвигаясь вперед большими шагами, де Гузман смеялся недобрым смехом, в котором было заключено все его отношение к человечеству.

Он шел в крошечной тьме, повинаясь только глухому звуку барабана, казавшемуся галлюцинацией. Но звук становился все громче и громче.

К утру его ноги стали даже не стальными, а свинцовыми, глаза слипались, словно в них насыпали песок, и ему приходилось постоянно моргать. Но он все же различал что-то на восточном горизонте, неясно маячившее среди звезд. Мерцающие огоньки, возможно, были звездами, но он верил, что это костры. Да и звук барабана раздавался уже недалеко; он уловил не знакомые ему до сих пор минорные нотки и полутона. А еще он услышал какое-то странное шуршание и шепот, похожий на шелест юбок кареглазых женщин из племени ацтеков. Звуки также напоминали их тихий журчащий смех, некогда раздававшийся среди фонтанов в садах Теночтитлана, пока испанские мечи не обагрили эти сады фонтанами крови. Что значат здесь, на этой голой северной земле, столь непонятные звуки, полные соблазнов и тайн далекого юга?

Теперь он мог различить неясные очертания длинного горного хребта. Медленно спускаясь по едва заметному склону, Эрнандо понял, что вступает в широкую долину, которая, вероятно, когда-то была руслом пересохшей реки. По мере того как Эрнандо приближался к горам, они становились все выше и выше.

Как раз перед зарей он наткнулся на маленькую речку, текущую на юг, как, похоже, все реки на этой земле. По берегам густо росли кусты ив и хлопка. Изнуренный испанец склонился к воде и, наблюдая за рассветом, принялся жадно пить. Барабан пробил еще одну дробь и затих. Всего один наблюдательный огонь горел на фоне темной вер-

шины, возвышавшейся перед его взором, и над всей этой неведомой землей, находящейся на севере Рио-Гранде, стояла мертвая тишина.

Когда первый молочно-белый луч света прорезал темноту на востоке, де Гузман устался на башни и плоские крыши укрепленного города. Он слишком много странствовал по свету и видел слишком много невероятного, чтобы чему-то удивляться, но это фантастическое зрелище поразило его до глубины души. Укрепленный... город!

Все постройки в нем были глинобитными, как в индейских деревнях на западе, но на этом сходство заканчивалось. Эти стены защищала глазурь, их украшали причудливые узоры, выполненные в голубом, пурпурном и розовом тонах. Хотя городок был невелик, его трех- и четырехэтажные дома никоим образом не напоминали «пчелиные ульи», которыми кишели индейские деревушки. Из всех зданий особенно выделялось одно, возвышающееся над городом и поблескивающее при свете утренней зари. Венчал это величественное строение огромный колокол, отражающий солнечные лучи и поэтому сам похожий на солнце. Сооружение напоминало теокаллу, только увенчанную куполом.

Де Гузман заморгал глазами. Ничего подобного он не видел ни в Перу, ни в Юкатане, ни в Мехико. Архитектура города совершенно сбивала с толку. Здесь чувствовалась рука ацтеков, но искушенному взгляду очень скоро становилось ясно, что замысел принадлежит не им.

Необыкновенный город располагался в широкой веерообразной долине, сужающейся и словно углубляющейся к востоку — там утесы, которые ее окру-

жали, становились все выше. Тысячи, а может быть, и миллионы лет назад огромная река прорезала равнину и исчезла, оставив после себя долину в форме веера. Утесы с трех сторон от нее вздымали ввысь свои крутые вершины. Город выходил лицом на запад, к широкой части долины, где горные хребты постепенно уменьшались, пока не исчезали из виду.

Предаваясь множеству самых противоречивых мыслей, де Гузман окидывал город и долину придирчивым взглядом солдата. Противник, должно быть, приближался к городу с востока как с наименее защищенной стороны — уменьшающиеся в размерах горные хребты находились более чем в миле оттуда. В нескольких сотнях ярдов от городской стены протекала река, нырявшая в пещеру под утесом. За пределами города, на юге, она извивалась, будто по шахматной доске орошенных полей, на которых росли рис, виноград, ягоды, дыни и ореховые деревья. Плодородная почва этих равнин давала обильные урожаи даже при скудном поливе. А воды здесь хватало.

Переведя взгляд, он увидел в южной стене небольшие ворота. Низкорослые смуглые люди выходили в поля на дневную работу. Это были хорошо сложенные мужчины в набедренных повязках и женщины в коротких туниках без рукавов, оставляющих обнаженной левую грудь и едва доходивших до половины бедра.

Испанец с любопытством наблюдал за всем этим, пока не услышал доносящийся с запада гул. Звук показался ему знакомым. Он резко вскинул голову, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь переплетенные ветви ивы, и увидел облако пыли, поднимающееся на краю долины.

Черное облако быстро приближалось, увеличиваясь в размерах. Вскоре он распознал стремитель-

но бегущих лохматых животных с огромными рогами головами. Это было стадо диких обитателей равнин, стадо буйволов! Не менее тысячи животных слепо мчались вперед, к широко распахнутым воротам. Их головы уже поравнялись с городскими стенами, а рев их глоток напоминал звук сотен труб.

Де Гузман нахмурился. Ему доводилось видеть бегущие стада диких буйволов, но чтобы в такой близости от города!

В трехстах ярдах от стен стадо рассыпалось, словно наткнувшись на какой-то невидимый барьер, и буйволы разбежались в разные стороны. Некоторые ринулись сквозь ивы и, поднимая высокие брызги, промчались через реку на почтительном расстоянии от Эрнандо. Вот тут-то и стала видна причина этого панического бегства. Человек!

Когда стадо бросилось врассыпную, Эрнандо увидел чирикагуа, *Chaneros*, числом не менее трехсот, в полной боевой раскраске, с луками, копьями, ножами и боевыми дубинками. Эти быстроногие варвары, как стая волков, стремительно и неумоимо мчались на врага, гоня перед собой буйволов, чтобы под их прикрытием приблизиться к городу на расстояние полета стрелы.

Де Гузман был рад, что оказался под сенью ивовых кустов.

Издавая варварские крики, обнаженные люди мчались к воротам с такой отвагой, которую он никогда не подозревал в их расе.

— Они, конечно, одурманены тизвином, — размышлял Эрнандо, глядя прищуренными глазами на эту свирепую атаку. — Но... почему со стен не сыплется ливень стрел, не раздаются тревожные крики? Ни одна стрела не поразила пронзительно орущих обитателей равнин!

Затем из-за этих сверкающих стен... появилось нечто, и де Гузману показалось, будто кто-то прошелся по его спине холодными пальцами. Движущееся, извивающееся облако какого-то жуткого голубоватого тумана перекатилось через стену и тотчас же опустилось, как огромная птица на добычу. словно обладая зрением и каким-то фантастическим разумом, оно летело над атакующими чирикаю. Бледно-голубой туман опустился над воинами, как небо, опускающееся бледной завесой.

Там, где еще недавно раздавались воинственные крики, воцарилась мертвая тишина. Внезапно наступившее спокойствие было не менее жутким, чем туман. В этой кладбищенской тишине де Гузман, затаив дыхание, пристально смотрел перед собой, чувствуя покалывание в затылке, но не видел ничего, кроме клубящейся, крутящейся бледной голубизны...

Лазурный туман рассеялся. Он снова увидел их. Три сотни красновато-коричневых обитателей равнин, еще несколько секунд назад воинственно кричавших и горевших жаждой битвы, лежали там, где упали, едва опустилось облако. Обнаженные тела сверкали при свете восходящего солнца, как медь; перья печально шевелились от дуновения легкого ветерка.

Туман снова вернулся за городские стены, будто собака, по пятам за хозяином после успешной охоты.

Эрнандо де Гузман еле передвигал ноги от усталости. Все его тело покрылось под доспехами холодным потом. Туман... триста человек... триста трупов. Какая-то черная магия!

Наконец из ворот города на эту долину тихой смерти величавой походкой вышло несколько высо-

ких, мускулистых мужчин в украшенных перьями шлемах. Набедренные повязки с небрежными складками были расшиты бисером, который поблескивал в свете восходящего солнца. У де Гузмана, как у истинного конкистадора, кровь закипела в жилах, потому что их странные шлемы тоже сверкали на солнце... сверкали так, как может сверкать лишь чистое золото!

Могучие воины привязали веревки к ногам павших и утащили их всех за стены города. На это ушло около двух часов, и у Эрнандо заурчало в животе. Большие ворота закрылись, открылись малые, и работники снова вышли в поля. Эрнандо де Гузман лежал в ивах, обдумывая увиденное.

Черная магия.

И золото.

Жажду он утолил, но ему нестерпимо хотелось есть. Тем не менее он не торопился обнаруживать себя перед этими людьми, явно обладавшими каким-то дьявольским даром. Давно сомневаясь в существовании Бога Зла, испанец, однако, узнавал дьявольщину всякий раз, когда сталкивался с ней. Он тихо лежал и размышлял.

После вчерашних трудов он почувствовал невероятную усталость во всем теле и потому незаметно заснул.

...Но через некоторое время внезапно проснулся.

Девушка или молодая женщина, раздвинув ивовые ветви, разглядывала его большими глазами цвета напитка, который зажиточные ацтеки делают из блестящих коричневых бобов какао. Невзрачная белая туника простолюдинки ей почему-то не шла; казалось, такой женщине не пристало носить столь скромную одежду. Шуршащие шелка и сверкающие

бриллианты, несомненно, были бы под стать ее высокой, хорошо сложенной фигуре. Белое одеяние кое-где полностью скрывало очертания ее пышного тела. Она напоминала женщину из племени ацтеков... Ацтеки? Здесь?

Де Гузман почувствовал, что у него снова застучало сердце — как в тот миг, когда он увидел золотые шлемы на жителях этого странного города. Несмотря на седину в бороде, кровь в жилах у конкистадора забурилась. Хоть это видение из незнакомого города, несущего таинственную смерть, не так уж и сильно отличалось от странных, экзотических женщин, немало досадивших ему в молодости, когда он впервые последовал за железными капитанами к неведомым жарким землям.

— К-кто вы? — проговорила она, заикаясь от удивления.

Она говорила на языке народа кветцлкоатл, живущего далеко к югу от здешних мест, и он узнал этот язык, несмотря на ее неправильное произношение. Что это, один из городов племени ацтеков или его столица?

Седина в бороде у де Гузмана никак не сказалась и на быстроте его реакции. В мгновение ока он оказался на ногах во всех своих доспехах и крепко схватил женщину за запястье. Она уронила кувшин с водой, продолжая пристально разглядывать его большими темными глазами скорее с удивлением, чем со страхом.

От тонкого аромата у него закружилась голова, правда, всего лишь на мгновение, потому что де Гузман контролировал де Гузмана.

— Такая женщина, как ты — и работает в поле?

Она или не поняла вопроса, заданного на ломаном языке ацтеков, или проигнорировала его.

— Я знаю, что ты за человек! Ты из тех, кто убил Монтесуму и погубил его королевство... из тех, кто скачет на животных, которые называются... лошадьми, и несет нам гром и красный огонь смерти из металлических боевых дубинок! — Она нервно пробежала пальцами по его испещренному выбоинами нагруднику, коснулась лица.

Гузман задрожал от удовольствия, но саркастически улыбнулся.

— Что нового я могу узнать о женщинах — я, уже потерявший счет своим победам над ними?

Тем не менее инстинкт притягивал к ней, и он не стал сопротивляться и раздумывать.

— Сюда дошел слух,— задумчиво вспоминала незнакомка, уставившись на его кирасу,— слух об убийстве на юге, в Мехико... Я тогда была еще ребенком. Люди сомневались... от Монтесумы больше не пришло никакой дани, и...

— Дани? — вырвалось у него.— Дани от Монтесумы, императора всего Мехико?

— Ну да. Он и его предки платили дань Нехту Самеркенду целыми столетиями... рабы, золото, шкуры.

— Нехту Самеркенду?

В ее устах как-то странно прозвучало это имя, столь не свойственное племени ацтеков. Конечно, де Гузман слышал его раньше... но где? Когда? Это неясно отдавалось в затененных закоулках и укромных уголках его памяти. Мелькнули ассоциации: резкий запах пороха и затхлый запах разбрызганной крови.

— Я видела таких людей, как ты! — продолжала она.— Когда мне было десять лет, я гуляла и вышла за пределы города, а чирикагуа захватили меня в плен.

Девушка задумчиво вздохнула, и ее левая грудь вздрогнула. Де Гузман скрипнул зубами.

— Меня продали липанам, а те потом перепродали меня каранкавам — они живут на берегу, далеко к югу отсюда, и занимаются людоедством. Однажды мимо берега проплыло боевое каноэ, и воины-каранкавы, выйдя в море на своих челноках, выпустили в него целый град стрел. Там, на палубе каноэ, были такие люди, как ты. Я это хорошо помню! Они поворачивали в сторону каранкавов огромные пустые железные бревна и разбивали их челноки на мелкие кусочки. Я пришла в ужас, быстро убежала и попала в лагерь тонкевов, которые возвратили меня домой, потому что они наши слуги.

Она посмотрела ему в глаза.

— Как твое имя, железный человек? Теперь я вижу, что ты не весь из железа, и я подумала...

Он назвал себя и услышал, как она с трудом проговаривает его имя.

— А ты кто? — поинтересовался он, не отпуская ее запястья.

Наконец, его закованная в сталь рука скользнула к ее изящной талии. Она вздрогнула и попыталась отшатнуться, но без борьбы ей это никак не удавалось.

«Неглупая девочка», — подумал он.

— Мое имя — принцесса Несагуатча, — высокомерно представилась она.

— Да что вы? И что же вы делаете в этом одеянии рабыни? — спросил он с нарочитым удивлением, потянув за ее тунику.

Подняв ее коротенькую юбочку, он сдержал улыбку — и не стал отнимать руку.

Прекрасные темные глаза вдруг наполнились слезами, и она заговорила, словно пытаясь облегчить душу.

— Я забыла. Я рабыня, работаю на полях — у меня на теле следы кнута надсмотрщика!

Она гибко изогнулась, чтобы показать ему эти следы.

— Меня, дочь короля, хлещут кнутом, как обычную рабыню!

Взглянув на ее тело, де Гузман не увидел никаких рубцов. Она знает, чего хочет, подумал он, и готова меня обмануть! Что ж, ладно. Наверное, эта умненькая рабыня-принцесса умеет приспосабливаться не хуже меня.

Девушка повернулась и заговорила быстро и страстно.

— Послушайте, Эрнано д'гусм. Я Несагуалча, потомок династии королей. Нехт Самеркенд правит в Тласкельтеке, а ему подчиняется губернатор — тласкатекатл, Предводитель всех Воинов. Мой возлюбленный Акампихтли был офицером в его войске. Я, естественно, хотела, чтобы Акампихтли стал губернатором.

Де Гузман кивнул.

— Естественно. Поэтому вы строили планы...

— Мы плели интриги. Я обладала властью здесь, в Тласкельтеке. Но Нехт Самеркенд все узнал, и ему это не понравилось. Только он мог решать, кому служить под его властью. Моего возлюбленного предали Каналам с неба. Меня сделали обычной рабыней, такой, как тотонаки, которых мои предки привезли сотни лет назад, когда пришли на север.

Так. Значит, она из племени ацтеков. Они пришли сюда давно — столетия назад!

— Нехт Самеркенд пришел в Теночтитлан много сотен лет назад. Он очень долго правил там, затем собрал множество преданных ему молодых

людей, привел их сюда, на север, и основал этот город.

— И это не очень обрадовало тех, кто остался в Теночтитлане!

— Да, ведь там не осталось храбрых воинов. Но в Теночтитлане другой король, Эрнано д'тусм. А Нехт Самеркенд правит здесь, и он — сильный правитель.

— Называйте меня Эрнан-до... — протянул он, внезапно вспомнив, где он мог слышать это странное, чуждое испанскому уху имя.

Нехт Самеркенд! Крик из окровавленных уст жреца племени ацтеков, падающего в темноту во время битвы в Ночь Ужасов. Окончательно отчаявшись, он призывал на помощь не Бога, а демона или дьявола. А еще де Гузман смутно вспомнил, как однажды далеко на севере... вот где! Он понял, откуда взялись истории о Сиболо. А он-то думал, что это лишь легенда! Но... имя не характерно для ацтеков.

— Принцесса Несагуалча, а кто такой Нехт Самеркенд? — нарочито почтительно обратился он к девушке, чтобы завоевать ее расположение.

Она сделала неясный жест в направлении к востоку.

— Он пришел из-за голубого океана, давным-давно. Это могущественный маг, более могущественный, чем жрец из племени толтеков. Он пришел один, а вскоре стал правителем Мехико! Но ему хотелось иметь собственный город, и он пришел на север... Слушай же меня, железный человек!

Она продолжила очень взволнованно:

— Нехт Самеркенд не имеет ничего общего с твоей расой! Но даже его чары бессильны против грома ваших боевых дубинок. Помогите мне убить

его — правившего поколениями! Я та же, кем и... была, и здесь есть войны, готовые последовать за мной. Я смогу собрать некоторых из них в храме, а ночью открою тебе ворота и проведу тебя к ним. Надсмотрщик, который стережет рабов, молод и влюблен в меня. Он выполнит любую мою просьбу. Вместе мы с тобой...

Он кивнул. Де Гузман всегда узнавал громкий голос удобного случая и знал, когда надо широко открыть ему дверь. Будь у него время — он, может, еще бы подумал...

— Ладно, — согласился он. — Но сначала принесите мне поесть.

Она заморгала, слегка напряглась — и кивнула.

— Я оставляю еду в кустах. А теперь мне надо набрать воды и вернуться, пока меня не хватились.

— А Несагуалча любит молодого человека, который любит ее? — спросил он, притягивая девушку поближе.

Дочь королей... и золотые шлемы!

Она ответила ровным голосом, пристально глядя ему в глаза и прижавшись грудью к его доспехам.

— Несагуалча снова станет принцессой... Нет! Королевой Тласкельтека! А рядом с нею будет самый могущественный человек в Тласкельтеке — тот, кто избавит город от Нехта Самеркенда!

Де Гузман сжал запястье девушки.

— Ладно. А теперь принесите мне поесть, будущая королева. И покажите мне ворота.

— Ты войдешь через Ворота Рабов, — сказала она, а когда он вздохнул, улыбнулась. — Да, Эрнандо, ты войдешь в город через Ворота Рабов. И я тоже войду... в последний раз!

* * *

Весь день он пролежал, спрятавшись в ивовых кустах, глядя на свое оружие и предаваясь нелегким раздумьям. Он ждал, пока окончательно стемнеет, по двум причинам: во-первых, он не хотел, чтобы его увидели, а во-вторых, должна же она хоть чуть-чуть поволноваться, придет он или нет. Он нужен Несагуалче так же, как она ему, потому что, как только с магом будет покончено, она станет здесь символом власти... власти, которую он удержит!

Он наблюдал за облаком, наплывающим на луну. Наконец луна скрылась, и одинокий человек, как призрак, прошел по тихим садам к Воротам Рабов. Маленькие, немногим более обычной двери в стене, они открылись сразу же, как он постучал. Он улыбнулся про себя и тут же заметил, что девушка встречает его. Освещенная слабым светом крошечного факела, в последний раз одетая в нищенское одеяние, она даже не упомянула о том, как долго ей пришлось ждать. Рядом с нею был молодой человек, почти мальчик, и де Гузман узнал парадную одежду старшего надсмотрщика.

— Входите! Мои воины ждут!

Она коротко представила Гузмана Чакулкуну.

«Наши воины ждут», — подумал де Гузман, но ничего не сказал. Она провела его по узеньким улочкам и темным дворам к боковой двери огромного храма, стены которого блестели в лунном свете. Они шли по мрачному коридору, пока не оказались в тускло освещенной комнате. Там, в полной тишине, их ждали десять человек.

Вдруг тишину нарушил пронзительный крик Несагуалчи. Присмотревшись повнимательнее, Эрнандо понял, в чем дело: десять воинов Тласкельтека

неподвижно сидели в своих креслах и смотрели в никуда... Невидящими глазами.

Внезапно от легкого ветерка, подувшего неизвестно откуда, погас свет. Комната и так была освещена довольно скудно, а теперь и вовсе погрузилась в крошечную тьму. Прежде чем закричала Несагуалча, де Гузман услышал тяжелый вздох Чакулкуна. Уже в темноте испанец добрался до нее, но в этот момент кто-то стремительно вырвал у него из руки запальный фитиль. Из уст перепуганного Эрнандо вырвалось проклятие, но он ловко, по-кошачьи отпрыгнул в сторону и, выхватив из ножен стальной меч, стал рассекать им темноту. Стоя в напряжении, в полной тишине и темени, он ждал.

«Эти десять человек мертвы,— думал Эрнандо, стараясь утратить свою бдительность.— Я видел достаточно мертвецов, чтобы это понять. Но... ведь нигде нет никаких следов...»

Вдруг он почувствовал прикосновение чьей-то маленькой руки. Он мгновенно занес меч, но вовремя остановился. Тонкие женские пальцы ловко обхватили его руку. Он поддался той силе, что мягко повлекла его за собой, и старался скользить как можно бесшумнее, несмотря на тяжелые доспехи. Ни разу не скрипнув ногой о камень, испанец держал свой меч наготове, но поближе к телу, чтобы тот ненароком не звякнул, коснувшись стены. Эрнандо прошел через дверь, и теперь путь лежал по коридору, в тишине которого призрачный звон его лат казался оглушительным. Его вели все дальше и дальше.

Далеко за его спиной раздался душераздирающий женский крик, эхом прокатившийся по каменному коридору. Эрнандо узнал голос Несагуалчи.

Охваченный нехорошими предчувствиями, де Гузман пробежал пальцами по руке своей проводницы. Мягкое, гладкое запястье женской руки, которая... несколькими дюймами выше превратилась в волосатую, жилистую руку! Он содрогнулся, но предательские пальцы сжали его с невероятной силой. Демонический завывающий смех прорвал воздух и разнесся по всему коридору. У де Гузмана волосы встали дыбом.

Липившись от ужаса дара речи, он со всей силы принялся наугад размахивать мечом. Инстинкт снова выручил его, направляя стальное лезвие, пока ужасающий гогот внезапно не перешел в мучительное бульканье. Пальцы разжали запястья Гузмана, и что-то шлепнулось к его ногам.

Испанец поспешно обернулся, чувствуя, как по телу поползли мурашки. Вспоминая эти изящные, вкрадчивые руки, он испытывал безотчетное отвращение и пытался найти выход из неприятного положения. Двигаясь назад по совершенно темному коридору, он ощупывал стену мечом, зажатым в правой руке, а левой, свободной, рукой, размахивал в пустом пространстве. Вскоре вместо камня он нащупал что-то металлическое. Это была дверь, которая легко открылась. Эрнандо пошел на чуть заметное мерцание отдаленного света.

На ходу он вложил меч в ножны и вытащил оба пистолета. По мере продвижения вперед освещение становилось все ярче, и теперь он смог бы заметить любого, кто посмел бы к нему приблизиться. Наконец Эрнандо вышел на галерею, с которой был виден просторный зал, расположенный этажом ниже. Остановившись у деревянных перил, он посмотрел вниз — туда, откуда доносился голос, сухой и безжизненный, как прах мумии.

Кто-то, скрытый балдахином и спинкой трона из черного дерева, сидел там и говорил. Видно, его слуги сработали быстро, потому что Чакулкун и Несагуалча уже были здесь. Совершенно обнаженный молодой человек висел на золотой цепи, привязанной к потолку и кандалам на его лодыжках. От стоящей под его ногами золотой жаровни время от времени поднималось облако лазурного тумана, скрывающее его до пояса.

У де Гузмана застучали зубы: он уже видел этот туман, и, как ему показалось, теперь до него дошло, почему десять воинов были мертвы без всяких следов насилия.

Девушка неподвижно лежала лицом вниз на инкрустированном жемчугом золотом алтаре, раскинув руки, обнаженная, как и влюбленный в нее юноша. Ее запястья и лодыжки были закованы в тонкие золотые цепи, а широко раскрытые от страха прекрасные глаза безумно уставились в одну точку. Испанец заметил, что прямо над ней, в куполе огромного зала имеется круглое отверстие, из которого открывается вид на усыпанное звездами иссиня-черное небо.

Голос с черного трона звучал спокойно и бесстрастно; однако слова были безжалостны.

— Как же ты глупа, если поверила в какого-то чужестранца с маленьким громовым жезлом. Его власть меньше моей, маленькая глупышка-рабыня, которая когда-то была принцессой. У него без труда отняли грозную дубинку, и Дитя темноты сейчас везет его к яме, кишашей гремучими змеями. Зря ты все затеяла, глупая маленькая Неса. У тебя была жизнь и легкая работа в полях; теперь же твоя плоть пойдет в пищу Едокам с Неба.

Из груди молодой женщины вырвался ужасающий крик отчаяния и страха.

Де Гузман огляделся, отпрыгнул от перил и помчался вниз по лестнице, держа в каждой руке по пистолету. Оказавшись внизу, он все еще слышал душераздирающий крик Несагуалчи и звук, похожий на тот, что издает колотящийся на ветру парус, будто сухой шелест огромных крыльев. Конкистадор помчался к изогнутой дугой двери.

Мать Божья! Подняв взгляд, он уставился на кошмарное существо, появившееся в отверстии купола. Безусловно, именно этот монстр, похожий на дракона, в течение тысячелетий спускавшийся сюда с небесных высот, служил источником наводящих ужас сказок о вампирах и гарпиях. Да, не случайно Коронадо не уставал повторять: все легенды имеют свои корни в реальной жизни.

«А вот это смерть», — подумал де Гузман. Он прошел через арку, держа пистолет в левой руке, и, пока позволяло время, прицелился: кровопийца с крыльями длиной в пятнадцать футов неотрывно смотрел из темноты на предполагаемую жертву, как человек смотрит на особенно лакомый кусок мяса. Среди каменных стен пистолетный выстрел прозвучал с десятикратной силой. Голова монстра поникла, он задрожал и стремительно полетел вниз, поранив когтем обнаженную кожу на бедре молодой женщины. Затем Едок с Неба в последний раз содрогнулся и замер на полу.

Де Гузман повернулся к трону. С черного сиденья поднялся человек. Хотя конкистадор убил двух нелепых чудовищ и с уверенностью ожидал увидеть еще одного, по спине у него пробежал холодок. Человек был стар, но де Гузмана поразила не вековая древность, а злоба, которой горели его темные глаза.

— Молодец,— спокойно произнес облаченный в мантию человек,— безумец! Скоро другие спустятся с неба, хлопая крыльями — тогда посмотрим, какой ты храбрец!

Де Гузман понял, что этому человеку много сотен лет, что он воплощает в себе все зло мира, а кроме того, обладает какой-то колдовской силой,— и поднял длинную худую руку.

— У этого безумца два пистолета,— сказал де Гузман и решительно выстрелил.

Нехт Самеркенд со сдавленным криком покачнулся и схватился за грудь. Он отшатнулся, изумленно глядя на испанца, который подивился сам себе: с какой легкостью он пустился на поиски приключений и выносил все тяжести путешествия! Но Нехт Самеркенд исчез в стене.

Разглядывая чистую стену, поглотившую его врага, де Гузман услышал слабый голос Несагуатчи. Испанец в мгновение ока вскинул голову и прыгнул на алтарь.

Взглянув наверх, он увидел множество чудовищ, которые, описывая круги, спускались с неба в отверстие купола. Развязывая дрожащими руками крепкие золотые цепи, он заметил, что кровь на бедре у девушки уже запеклась; рана от когтя была неглубокой.

— Скорее! Он ушел через потайной ход, но сейчас сюда придут другие! — произнесла она голосом испуганного ребенка.

— Отчего поднялся этот туман? — спросил он.

Эрнандо пришлось сильно встряхнуть ее, прежде чем она показала на огромную корзину с крышкой.

— Пыль, вот что это. Одна горсточка способна убить целое войско!

— Вперед, девочка, — взмолился он и мгновение спустя поставил корзину на золотую жаровню под телом Чакулкуна. — Эти дьяволы-кровопийцы на сей раз скорее удивятся, чем обрадуются. А теперь — веди меня к нему!

— Сюда, — позвала она, взяв факел. — Скорее!

Даже не взглянув на человека, который любил ее, а теперь висел мертвым в возникшем вдруг лазурном облаке, она повела де Гузмана из зала. Захлопнув за собой огромную бронзовую дверь, он последовал за девушкой по странным коридорам, наводящим на мысли о дворцах ацтеков. Оказавшись в длинном широком холле, испанец остановился, пораженный увиденным.

Вдоль стен стояли каменные мужские изваяния: толтеки, ацтеки, тотонаки, тонкевы, липаны, чирикагуа с равнин, а также воины других племен, неизвестных испанцу. Инстинкт подсказал ему, что эти украшенные перьями люди жили и умерли еще до деда Монтесумы, а может быть, еще и до Сиды¹.

Господствовала в этом жутком месте статуя сидящего мужчины, голова которого своей формой и чертами лица напоминала головы свиньи и осла. Перед статуей стоял гладкий каменный стол, за которым восседал... Нехт Самеркенд. Во взгляде, устремленном на де Гузмана, отражалась вся накопленная за долгие столетия злоба. Тонкие губы на высохшем лице скривились в чуть заметной улыбке, словно он насмеялся над собой. Окровавленная рука была прижата к груди. Другой рукой древний правитель Тласкельтека сделал пригласительный жест.

¹ Сид «Кампеадор» — прозвище Родриго Диаса де Бивар (1040—1099), испанского рыцаря.

— Добро пожаловать, присоединяйся ко мне, присоединяйся к Нехту Самеркенду из Египта, в котором десятки столетий тому назад жил Сет¹. А ты победил, волосатый варвар. Я умираю от оружия, которым не пристало пользоваться отважному и умному человеку и которое делает людей еще сильнее.

— Лучше присоединиться к тебе, чем к тем,— сказал де Гузман и взял факел из рук Несагуалчи.

Девушка стояла неподвижно, пристально глядя на человека, сделавшего ее рабыней. Де Гузман поставил факел на каменный стол.

— Только попытайся околдовать меня, Нехт Самеркенд, и ты немедленно умрешь.

— Тысячелетняя жизнь подходит к концу, поэтому еще несколько мгновений очень важны для меня. Сядь спокойно и расскажи мне о мире, который тебе довелось повиждать.

— Нехт Самеркенд из Египта... из давно погибшего Египта, держу пари!

— И ты выиграл пари. Птолемеи увезли меня из Фив и из самого Египта. Хотя я научил этих простых людей измерять и учитывать время, сам я потерял счет столетиям. Мою галеру разбило о берег Мехико. Мои чары тогда были сильны, в чем могли убедиться многие, живущие на моей земле,— но с годами они сделались еще сильнее. Стать правителем Мехико было нетрудно... но мне надоело править дикими племенами, и я пошел на север, чтобы основать собственный город. И я его основал. Мне доводилось слышать, как люди твоей расы безжалостно убили Монтесуму.— Его смехок перешел в кашель; он схватился за грудь.—

¹ Сет — древнеегипетский бог войны и пустыни.

Здесь, в этом городе, имеются сокровища поценнее тех, что Кортес когда-то нагребил в Теночтитлане.

— Я пришел за ними.

— Чтобы увести их за моря твоим трижды жадным правителям?

Глаза де Гузмана холодно глядели на египетского бога-человека.

— Мне надоело. Я пришел за сокровищами Тласкельтека... и его принцессой, которая взойдет на его трон... и за самим Тласкельтеком.

— Ах, так ты достойный человек, который, как и я,— да и как Неса тоже, будь спокоен,— думает прежде всего о себе! Ну ладно! — Нехт Самеркенд кашлянул и заговорил с трудом. — По крайней мере, меня, прожившего не один отпущенный человеку срок, убил не наемник, купленный за деньги или движимый таким пустяком, как «патриотизм». Но давай же, рассказывай о том мире, который не знаком этим детям.

Эрнандо де Гузман сел и начал беседу с человеком, жившим на протяжении бесчисленных столетий, человеком, в ком воплощался дух древнеегипетского бога. Свет стоящего перед ними факела начал тускнеть, и де Гузман почти поддался неизвестной силе какого-то незримого и безмолвного колдовства. Пошевелив ногой, он почувствовал, будто его обволакивает волшебная паутина: нога словно увязла в густом меду.

— Ах ты чудовище! — неожиданно взревел он, не дав собеседнику закончить фразу. — Ты хочешь меня околдовать!

Рванувшись вперед, как в зыбучем песке, де Гузман ударил Нехта Самеркенда по окровавленной руке, прижатой к пронзенной груди.

Ноги конкистадора сразу освободились от тяжести густого липкого меда, но в тот же миг колдун встал, вынув из-под стола кривой меч.

— Глупое дитя! — шурша своей черной мантией, он мгновенно оказался рядом с испанцем. — Глупец, которому, может быть, каких-то сорок лет! Ты вырвался от меня, но справиться со мной тебе не удалось — думал, каким-то металлическим шариком можно убить Нехта Самеркенда?

Упав назад с табурета, де Гузман чудом избежал стремительного удара и, толкнув ногой своего врага, помешал египтянину разрубить его на месте. Они отчаянно катались, вцепившись друг в друга; их оружие лязгало и царапало пол. Затем конкистадор поднялся с мечом в руках. В эту минуту он пожалел, что не догадался перезарядить пистолеты!

Кривой меч противника заставлял испанца быть особенно бдительным, и каждый раз, отчаянно парируя удар, он ощущал жуткое тепло его волшебного лезвия. Сам он ни разу не достиг цели, хотя защищался вполне умело. Когда меч Нехта ударился о его доспехи, он застонал от нестерпимого жара.

Нехт Самеркенд коснулся спиной факела, и тот стал оплывать. Пламя погасло. Де Гузман сделал мощный прыжок в сторону, потом вперед, изо всех сил стараясь поскорее сразить этого дьявола тьмы, пока тьма не воцарит и не отнимет все силы. Лезвие ударялось о лезвие, высекая искры. Оба кричали. Несколько раз нестерпимый жар чуть не заставил де Гузмана разомкнуть пальцы на рукоятке меча. Но внезапно человек из прошлого отшатнулся назад — долгий слабеющий его крик известил де Гузмана о расставленной ловушке: это он, а не Нехт Самеркенд, должен был натолкнуться на потайную

дверь! Прежде чем дверь захлопнулась, снизу донеслось до испанца злобное шипение многочисленных ядовитых змей.

Тяжело дыша и обливаясь потом, конкистадор в крошечной тьме нашел руку Несагуалчи.

— Надеюсь, он не окажется неуязвимым к укусам гремучих змей!

— Я — тоже, — сказала девушка, вцепившись в него.

Де Гузман улыбнулся в темноту, потому что он держал за руку новую правительницу Тланскельтека, а значит — и сам Тланскельтек.

Они бросились прочь из этого проклятого обиталища мертвецов, и за ними со звоном захлопнулись огромные двери. Они бежали по темным коридорам, отныне не подвластным Нехту Самеркенду и его подданным.

* * *

На следующий день Несагуалча, которую, как ни странно, до появления де Гузмана никто не знал, объявила народу давно проклятого города, что Нехта Самеркенда больше нет, что она будет их полноправной правительницей, а тот, кому все они обязаны своим спасением, — ее вице-королем. Когда она повернулась, указав на де Гузмана, тот улыбнулся и засунул за ремень пистолет, который до тех пор держал наготове, чтобы она в последний момент не передумала.

Эти люди никогда не видели пороха и не слышали его грохота, пока губернатор не дал де Гузмону чудесную возможность проявить свою власть. Губернатор безраздельно правил под началом Нехта Самеркенда, и теперь ему не слишком нравилась перспектива подчиниться чужеземцу и какой-то

девчонке, которая еще вчера была рабыней на полях.

Де Гузман выстрелил. Губернатор обнажил меч и бросился вниз по ступеням храма. После этого тысячи коленей преклонились перед человеком, стоящим возле принцессы, которая только что стала королевой и преданно смотрела на чужеземца.

— Сообщите им мой титул, — приказал солдат дочери королей. — Пусть они называют меня... конкистадором!

Итак, дело сделано. Несколько дней спустя никто не знал, что причина «нездоровья», державшего их правительницу взаперти, — рассеченная губа и огромный синяк на ее щеке, не считая других, невидимых «знаков внимания» де Гузмана: конкистадор никогда не отличался терпением и не был нежным любовником.

Появившись на людях после недолгого отсутствия, она сообщила своим подданным, что армия должна начать учения и что на их земле есть месторождения, которые конкистадор хочет найти и разработать. Он не сомневается, что где-то поблизости залегают уголь, сера и поташ. Если Коронадо или чирикагуа надумают приблизиться к стенам Тласкельтека, их встретит не первобытное племя, легко поддающееся уничтожению, а град огня и люди, умеющие пользоваться порохом. Не знал только ее народ, что под королевской мантией она по-прежнему носит рваное рубище рабыни, плотно прилегающее к ее телу и напоминающее ей, что она женщина конкистадора, правящего Тласкельтеком.

Жизнь де Гузмана только начиналась; рабство же Несагуалчи не закончилось!

В одну из ночей конкистадор увидел во сне приближающегося к нему человека, облаченного в тем-

ное одеяние. Глаза его были полны злобы и столетней мудрости. Де Гузман безуспешно пытался выхватить меч; затем до него дошло, что видение — не более чем кошмарный сон. Из всех сил он пытался проснуться. Но проснуться не мог.

— Ни одному чужеземцу не дозволено править моим городом, — говорил ему Нехт Самеркенд. — Краснокожие люди с равнин нападут на тебя, убийца, жаждущий власти глупец, и ты не убежишь от их мечей и топоров!

В жутком сне де Гузмана древний маг был в мантии, испачканной на груди чем-то бурым. Пытаясь убежать от него, конкистадор с трудом вскарабкался на башню храма, схватил огромный деревянный молот и принялся бить в громадный бронзовый колокол. Звук этого колокола почти с физической силой отдавался в голове де Гузмана. Он видел, как на колоколе появились трещины, как отвалился и рухнул наземь кусок бронзы. И тут же возникли обнаженные краснокожие жители равнин, с дикими криками несущиеся на его город. Город, правление которым стало вершиной его жизни, полной предательства, алчности и убийства.

Проснулся он с пронзительным криком, тяжело дыша... под какие-то душераздирающие крики, а главное — под непрекращающиеся удары огромного бронзового колокола.

В последние мгновения своей жизни де Гузман подумал, что он, должно быть, даже падая, убил не менее дюжины истошно вопящих атакующих индейцев. Последнее, что он сделал, — вонзил меч в живот человеку, чья дубинка пригвоздила его голову к нижней ступеньке храма Тласкельтека.

Только когда были перебиты все мужчины, женщины и дети, а босые и обутые в мокасины ноги

индейцев заскользили в реках крови, из храма стал подниматься лазурный туман. Число атакующих возрастало, но все они мгновенно умирали. Последний из них увидел облаченного в мантию человека, стоящего на вершине храмовой лестницы с поднятыми к небу руками, и попытался выпустить в него стрелу...

Туман клубился недолго, и Тласкельтек превратился в город мертвецов. Умерли все, кроме Нехта Самеркенда.

Он жестикулировал и бормотал какие-то заклинания, более древние, чем язык, на котором он их произносил, язык, на котором больше никто не говорил.

Наконец он закончил свой разговор с небесами и, шатаясь, опустился на колени.

— Я умираю в городе мертвецов. Но... уходя... я забираю с собой того, кто убил меня... и мой город!

Ни Коронадо, ни кому-либо другому так и не удалось увидеть сказочный город Сиболо, а Тласкельтек Нехта Самеркенда, расположенный к северу от Мехико, в самом сердце земли, исчез: уходя в вечность, древний маг забрал его с собой.

ДОРОГА В АЗРАЭЛЬ

А

ллах акбар! Нет Бога, кроме Аллаха. Стучилось так, что я, Косру Малик, должен описать эти события, чтобы люди помнили о них. Я стал свидетелем безумия, поразившего человеческий разум. Да, я проехал по дорогам Азраэля — Дороге Смерти и видел, как люди в кольчугах падали, словно скошенная пшеница... Подробно и правдиво опишу я судьбу Кизилшера, Красного Го-

рода, исчезнувшего, подобно летнему облачку в голубых просторах бескрайнего неба.

А началось все так. Я был в лагере Мухаммед Хана, султана Кизилшера, беседовал с искателями жемчуга о достоинствах стихов Омара Хайяма, винодела из Нишапура и горького пьяницы. Вдруг я почувствовал, что кто-то приближается ко мне. Спинной ощутил я полный ненависти взгляд, как человек чувствует направленный на него взор голодного тигра. Я обернулся, и стоило мне увидеть бородатое лицо незнакомца, в сердце моем вспыхнула застарелая ненависть. За спиной у меня стоял Моктра Мирза, с которым у нас давняя вражда. Я недолюбливаю курдов, а эту собаку просто ненавижу. Прибыв в лагерь на рассвете, я не знал, что Мирза находится здесь, но туда, где пирует лев, всегда сбегаются шакалы...

Мы не сказали друг другу ни слова. Моктра Мирза опустил руку на рукоять сабли, а узнав меня, потянул клинок из ножен. Но двигался он слишком медленно. Подобрал ноги, я вскочил, выхватил кривую восточную саблю и, бросившись на врага, нанес удар. Острый клинок перерезал Мирзе горло.

Истекая кровью, он согнулся пополам, а я, перепрыгнув через костер, быстро побежал через лабиринт шатров. Несколько воинов бросились за мной в погоню. Лагерь охраняли часовые, и я наткнулся на одного из них. Он застыл на высоком гнедом коне, изумленно уставившись на меня. Не теряя времени, я подбежал и, схватив всадника за ногу, сбросил с седла.

Гнедой заржал, когда я вскочил в седло, но я дал шпоры и помчался прочь, низко пригнувшись к шее коня, опасаясь ливня стрел. Я отпустил поводья, и через мгновение дозорные и огни лагеря остались у меня за спиной.

Жеребец, летя словно ветер, уносил меня все дальше в пустыню, и сердце мое переполнялось радостью. Кровь врага еще не высохла на лезвии моей сабли, добрый конь подо мной, над головой сверкают звезды, а ночной ветер бьет в лицо! Чего еще надо турку?

Гнедой оказался резвее, чем конь, оставленный в лагере, а седло из персидской кожи с богатой отделкой было удобным.

Какое-то время я, отпустив поводья, не сдерживал коня, но потом, не слыша шума погони, замедлил шаг гнедого, помня, что тот, кто едет по пустыне на усталой лошади, играет в кости со Смертью. Я видел огни лагеря далеко позади и невольно задумался, почему в погоню за мной не бросилась сотня курдов? Правда, все произошло так стремительно и я так быстро удрал, что мстители, наверное, пребывали в растерянности. Как я узнал позже, они все-таки бросились в погоню, но потеряли след.

Долго скакал я на запад, пока не увидел старую караванную дорогу, которая когда-то вела из Эдессы в Кизилшер и Шираз. Уже тогда она была заброшена из-за грабителей — франков. Я решил, что стоит податься к халифам и предложить им свою саблю, поэтому я и отправился через пустыню, бесплодную землю, где плоские песчаные равнины сменялись рваными нитями оврагов и низкими холмами, вновь переходящими в равнины. Бриз с Персидского залива навевал прохладу, и под барабанную дробь копыт я вспоминал дни моего раннего детства, когда я пас по ночам наших низкорослых косматых лошадок в горных долинах далеко к востоку за Оксусом.

Через несколько часов я услышал невдалеке голоса людей и конское ржанье. В тусклом свете звезд мне удалось разглядеть цепочку всадников и

какую-то покосившую повозку, в каких персы обычно возят свои богатства и гаремы. Я подумал, что это караван, направляющийся в лагерь Мухаммеда или в Кизилшер, но мне не хотелось попадаться им на глаза. Ведь это мог оказаться и не караван, а отряд разыскивающих меня курдов.

Поэтому я отъехал в сторону и, спрятавшись за огромным валуном, стал наблюдать за путешественниками. Они приблизились к моему убежищу, и я увидел, что это хорошо вооруженные турки-сельджуки. Их предводитель показался мне смутно знакомым, и я вспомнил, что видел этого человека раньше. Я решил, что в повозке, наверное, едет какая-нибудь принцесса, и удивился, что у нее так мало охраны. Воинов было не более тридцати, достаточно, чтобы отразить атаку всадников-кочевников, но, безусловно, маловато, чтобы отбиться от франков, если те пожелают напасть на путников — мусульман. Это озадачило меня: люди, лошади и повозка, похоже, проделали долгий путь, может быть, от самого халифата.

Когда повозка поравнялась со мной, одно из колес, громыхая по неровной земле, попало в глубокую выбоину и застряло. Мулы, как и полагается, один раз рванули и остановились, а предводитель отряда, показавшийся мне знакомым, начал отчаянно ругаться. При свете факела я его узнал — это был Абдулла-бей, персидский дворянин, пользующийся особым благоволением Мухаммед Хана — высокий, худой, угрюмый человек, скорее араб, нежели перс.

Вдруг кожаные шторы повозки раздвинулись, и оттуда выглянула юная дева. Но Абдулла-бей гневно толкнул ее и задернул шторы. Потом он что-то крикнул своим людям. Дюжина турок спешила и

стала толкать повозку. Ворча и ругаясь, они вытолкнули колесо из выбоины и снова отправились в путь. Вскоре караван растаял среди ночных теней.

Я продолжил путешествие в глубоком раздумье. Девушка, путешествующая в повозке, — несомненно, одна из первых красавиц племени франков. С чего бы это? Сельджуки на дороге Эдессы, возглавляемые персидским дворянином, охраняют девушку из Назарета? Я решил, что турки захватили ее в плен во время набега на Эдессу или Иерусалимское Королевство и теперь везут в Кизилшер или Шираз, чтобы продать какому-нибудь эмиру, и поэтому скрывают пленницу от посторонних взглядов.

Мой конь успел отдохнуть, и я, собираясь совершить длинный переход, всю ночь ехал медленно, но не останавливаясь. А с первым бледным проблеском зари я встретил всадника, быстро скачущего с запада.

Его длинноногий чалый шатался от усталости. Всадник был с головы до ног закован в броню, на голове — тяжелый шлем без забрала. Я пришпорил коня, перейдя на галоп, потому что это был франк — и ехал он в одиночестве на усталой лошади.

Увидев, что я приближаюсь, франк бросил на песок свое копье и выхватил меч, понимая, что его конь слишком устал, чтобы устроить поединок на копьях. Бросившись на него, как ястреб на добычу, я опустил саблю, но, поскольку уже почти поравнялся с франком, вынужден был поднять коня на дыбы.

— Наконец-то, клянусь бородой Пророка, — воскликнул я. — Вот мы и встретились, сэр Эрик де Коган.

Франк удивленно уставился на меня. Он был не старше меня, широкоплечий, длинноногий и свет-

ловолосый. Лицо его казалось усталым и изможденным, словно он не спал уже несколько суток, но это было лицо воина. Мне лично недостает дюйма до шести футов, чтобы франки считали меня высоким, но сэр Эрик был выше меня на полголовы.

— Ты знаешь меня, — промолвил он. — Но я тебя не помню.

— Ха! — усмехнулся я. — Для нас, сарацинов, все вы, франки, на одно лицо! Но, клянусь Аллахом, я тебя узнал! Сэр Эрик, помнишь ли ты взятие Иерусалима и мальчика-мусульманина, которого спас от своих воинов?

Мне — да не помнить! Я тогда был еще совсем юношей, только что пришедшим из Палестины. В то самое утро пал Иерусалим, я через лагерь франков пробирался к городу. Я не привык к уличным боям. Шум, скрежет мечей и треск падающих ворот сбили меня с толку и едва не свели с ума. Франки прошли через бреши в стенах и кровавым Чистилищем ворвались на улицы Иерусалима. Закованные в железо всадники проехали по развалинам ворот, а копыта лошадей разбили деревянные створки в щепу. Крестоносцы убивали, как кровожадные тигры. Улицы залила кровь правоверных.

В слепом водовороте хаоса разрушения я понял, что напрасно влез в толпу великанов, выкованных, казалось, сплошь из железа. Скользя по кровавому месиву, я слепо брел в облаке пыли и дыма, но тут всадники сбили меня и стали топтать. Когда я, шатаясь, поднялся, истекая кровью, ошеломленный, из самой гущи сражения выехал огромный воин. Он словно легкой тростинкой играл железной булавой. Я никогда не сражался с франками и даже не знал, насколько сильны их удары. Юный гордый и неопытный, я твердо решил не сдаваться и одолеть франка,

но булава раскрошила мой меч на кусочки, раздробила мне плечо, и я, полумертвый, упал в пыль.

Великан спешился и встал надо мной, расставив ноги, и замахнулся булавой, чтобы добить меня. Я был очень юн, и в мгновение перед смертью увидел душистую горную траву, пустынное голубое небо и шатры моего народа на берегах голубого Оксуса. Да — в юности жизнь кажется особенно прекрасной.

Потом из клубов пыли и дыма появился другой франк — золотоволосый юноша моего возраста, только выше ростом. Его меч испачкан кровью по самую рукоять, но взгляд казался затравленным. Он что-то крикнул огромному франку, и я, не зная их языка, смутно понял, что юноша просит оставить мне жизнь и что его уже тошнит от убийств. Но великан, брызгая пеной, взревел, как зверь, снова занесся надо мной булаву, и тут юноша бросился на него и пронзил горло рыцаря длинны прямым мечом. Великан свалился в пыль и отдал душу своему Богу.

Юноша опустился на колени и попытался остановить кровь, хлещущую из моей раны, говоря со мной на ломаном арабском. Но я, не слушая, проормотал:

— Не здесь должен умирать шагатаи. Посади меня на коня и отпусти. Эти стены заслоняют солнце, и пыль улиц душит меня. Дай мне умереть, чувствуя, как солнце светит в глаза и в лицо дует ветер!

Мы находились недалеко от городской стены. Все ворота города были разбиты. Юноша поймал коня, оставшегося без седока, помог мне сесть в седло, и я, оставив поводья лежать на шее скакуна, вылетел из города, подобно стреле, выпущенной из

лука. Я ехал, как во сне, вцепившись в седло. Зная только, что стены, пыль и кровь больше не душат меня и что, в конце концов, мне дано умереть в пустыне, где и должен умирать шагатаи. В тот день я скакал, пока не лишился чувств.

Теперь, когда я пристально смотрел в серые глаза франка, прошлое вернулось ко мне, и сердце наполнилось радостью.

— Что?! — удивился он. — Неужели тебя я посадил на коня, позволив тебе умереть в пустыне?

— Да, я тот самый — Косру Малик, — ответил я. — Я не умер. Нас, турок, убить труднее, чем кошек. Добрый конь привез меня в лагерь арабов. Они перевязали мои раны и заботились обо мне в течение долгих месяцев, пока я лежал беспомощный. Да, я был почти мертв, когда ты посадил меня на арабского скакуна, а крики и окровавленная земля, руины вечного города слились в единый кошмар. Но я запомнил твое лицо и льва на твоём щите. Когда я снова смог сесть на коня, я стал расспрашивать людей о юноше — франке, на щите которого изображен лев, мне сказали, что ты — сэр Эрик де Коган из части Франкистана, которая зовется Англией. Ты недавно приехал на восток, но уже был посвящен в рыцари. С того кровавого дня прошло десять лет, сэр Эрик. С тех пор я мельком видел твой щит, то блеснувший, как звезда, в сердце битвы, то сверкавший на стенах осажденных городов, но лишь сейчас встретился с тобой лицом к лицу. И я счастлив, потому что могу отплатить тебе добром за добро!

Его лицо помрачнело.

— Да, я все это помню. Ты действительно тот самый юноша. Мне тогда было плохо. Я не люблю бессмысленного кровопролития. Крестоносцы по-

сходили с ума, оказавшись в стенах города. Когда я увидел, что тебя, моего ровесника, хладнокровно убивает тот, кого я знал, как скотину и вандала, свинью и осквернителя Креста, в мозгу у меня что-то перевернулось.

— И, спасая сарацина, ты убил своего соплеменника,— сказал я.— Да, мой брат, с тех пор мой меч пролил немало крови франков, но я умею помнить не только врагов, но и друзей. Куда ты направляешься? Ищешь мести? Я поеду с тобой.

— Я иду против твоего народа, Косру Малик,— предупредил он.

— Моего народа? Ба! Разве персы мой народ? Кровь курда еще не высохла на моей сабле. И я не сельджук.

— Да,— согласился он.— Я помню, что ты шага-тай.

— Это так,— сказал я.— Клянусь бородой Пророка, Самарканд, Хива и Бухара значат для меня больше, чем Трабзон, Шираз и Антиох. Ты пролил кровь своего соплеменника, спасая меня,— так что же я, пес, чтобы увиливать от долга чести? Нет, брат, я еду с тобой!

— Тогда поворачивай своего коня и поехали вместе,— сказал он, горя нетерпением.— Я расскажу тебе, что случилось. Это грязная история. Мне стыдно рассказывать, ведь подобное деяние порочит человека, который носит на груди символ Священного Похода. В Эдессе живет некий Уильям де Броз, сенешаль графа Эдессы. К нему из Франции недавно приехала юная племянница Эттер. А теперь, Косру Малик, я поведаю тебе историю несказанного человеческого позора! Девушка исчезла, и ее дядя не пожелал сказать мне, где она находится. В отчаянии пытался я проник-

нуть в его замок, находящийся на спорной земле за южной границей Эдессы, но был задержан тяжелооруженным рыцарем недалеко от владений де Броза. Я нанес этому человеку смертельную рану, и, умирая, в страхе перед муками ада, он выложил мне все подробности этого отвратительного заговора. Уильям де Броз замыслил отнять Эдессу у своего господина и принял тайных послов Мухаммед Хана, султана Кизилшера. Перс обещал прийти на помощь бунтовщикам, когда настанет час. Эдесса станет частью Кизилшерского султаната, а де Броз будет править ею, как сатрап. Разумеется, каждый собирался, в конечном счете, обвести другого вокруг пальца, и Мухаммед потребовал у де Броза подтвердить твердость его намерений. И тогда гнусный предатель де Броз в знак верности послал Эттер к султану!

Сэр Эрик впился железной рукой в гриву коня, и глаза его засверкали, как у разъяренного тигра.

— Вот такую историю поведал мне умирающий воин, — продолжал он. — Эттер уже послали с эскортом сельджуков, с которыми де Броз также плетет интриги. Услышав об этом, я помчался, что есть духу. Клянусь Святыми, ты мне не поверишь, если я скажу, как быстро я преодолел многие мили, разделяющие это место и Эдессу! Дни и ночи смешались в тумане утомительной скачки, так что я едва могу вспомнить, когда последний раз ел и кормил коня. Этого коня я отобрал у странствующего араба, загнав до смерти своего собственного. Думаю, теперь Эттер и ее стража где-то неподалеку.

Я рассказал ему о караване, который видел ночью, и он закричал, осуждая меня за медлительность, но я охладил его пыл.

— Погоди, брат,— сказал я.— Твой конь совсем выбился из сил. Кроме того, девушка наверняка уже у Мухаммед Хана.

Сэр Эрик застонал.

— Но как же так? Не могли же они так быстро добраться до Кизилшера!

— Прежде чем попасть в Кизилшер, они попадают в лагерь Мухаммеда,— ответил я.— Султан со своими ястребами уехал из города и разбил лагерь в пустыне. Я был в этом лагере прошлой ночью.

Взгляд сэра Эрика стал беспощадным.

— Тем более следует поспешить. Пока я жив, Эттер не попадет в лапы этого мерзавца...

— Погоди! — повторил я.— Мухаммед Хан не причинит ей вреда. Он будет держать ее в своем лагере или отошлет в Кизилшер. Пока она в безопасности. У Мухаммеда есть занятия поважнее, чем любовь. Ты не задумался, почему его извечные враги находятся в одном с ним лагере?

Сэр Эрик покачал головой.

— Я полагал, он воюет с хорезмцами.

— Нет. С тех пор, как Мухаммед захватил Кизилшер, отделив его от империи, шах не осмеливался напасть на него, ведь он стал суннитом и заявил свои права на халифат. Поэтому вокруг него начали собираться сельджуки и курды. Амбиции у него большие. Он уже видит себя Львом Ислама. И это только начало. Могущество ислама может возродиться, благодаря ему. Но сейчас он охотится на Али ибн Сулеймана, этот разбойник из Аравии с пятью сотнями пустынных ястребов очень далеко зашел за границы султаната. Али — заноза в теле Мухаммеда, но араб попал в ловушку. Халиф объявил его вне закона — если Али отправится на запад, воины Мухаммеда разрубят его на куски. Оди-

нокий всадник, как ты, может прорваться; но не пятьсот человек. Али, должно быть, решил идти на юг в Аравию, а Мухаммед с тысячью сабель стоит у него на пути. Пока арабы грабили и жгли на границах, персы врезались в их тылы, сделав несколько быстрых переходов. А теперь, брат, осмелюсь дать тебе совет. Твой конь сделал все что мог, и если мы сейчас ворвемся в лагерь Мухаммеда, нас прирежут. Это не поможет ни нам, ни девушке. Но вон там, менее чем в одном лье отсюда, есть деревня, где мы можем поесть и дать отдохнуть нашим коням. Когда твой скакун наберется сил, мы подыдем к персидскому лагерю и украдем девушку прямо из-под носа Мухаммеда.

Сэр Эрик оценил мудрость моих слов, хотя его нестерпимо мучила мысль об отсрочке. Как и всякий франк, он мог вынести любую трудность, кроме ожидания, и мог научиться всему, кроме терпения.

И все же мы отправились к деревушке, скопленю жалких, убогих лачуг. Ее жители пережили столько всевозможных завоевателей, что уже не ведали, кто друг, а кто враг. Увидев необычное зрелище; франка и сарацина, скачущих вместе, они сразу же предположили, что две нации завоевателей объединили усилия, собираясь ограбить их. Такова уж природа человека: люди не удивляются, увидев волка и дикую кошку, объединившихся, чтобы разрушить норку кролика.

Поняв, что мы не собираемся резать им глотки, жители деревни успокоились и сразу же принесли нам поесть — ну и жалкое же это было зрелище — и позаботились о наших лошадях. За едой мы беседовали. Я много слышал о сэре Эрике де Когане, ведь его имя известно любому в Аутремере, как его

называют франки, будь то кафар или правоверный, а имя Косру Малика никогда не было на слуху у людей. Он тоже слышал обо мне, хотя никогда не связывал мое имя с тем юношей, которого спас во время разграбления Иерусалима.

Теперь мы легко понимали друг друга. Франк говорил по-турецки, как настоящий сельджук, а я долго учил речь франков, особенно язык тех, кто называет себя норманнами. Эти предводители франков считались самыми сильными, умелыми, неистовыми и жестокими. К ним принадлежал и сэр Эрик, хотя он многим отличался от большинства крестоносцев. Когда я заговорил об этом, мой спаситель объяснил, что наполовину саксонец. Его народ, как рассказывал он, когда-то правил островом Англией, лежащим к западу от Франкистана, а норманны пришли с земли под названием Франция и завоевали их земли, как сельджуки завоевали арабов почти столетия назад. Возникло много смешанных браков, а сам сэр Эрик — сын саксонской принцессы и рыцаря, пришедшего с Вильгельмом-Завоевателем¹, эмиром норманнов.

Еще сэр Эрик рассказал мне, перед тем как уснуть от усталости, о великой битве прошлого, которую норманны называют Сенлаком и Саксонским Гастингсом, в которой эмир Вильгельм победил своих врагов. Я сильно жалел, что мне не довелось побывать там, ведь нет более прекрасного зрелища, чем франки, режущие глотки друг другу.

Когда солнце зашло, сэр Эрик проснулся и стал осыпая себя проклятиями за свою лень. Мы оседлали коней и легким галопом покинули деревню. На

¹ Вильгельм I Завоеватель (1027—1087) — английский король (1066—1087 гг.).

мягкой почве еще сохранились следы каравана. Меня не оставляла мысль, что Мухаммед Хан обязательно должен выставить дозорных, следящих, чтобы Али ибн-Сулейман не проскользнул мимо него. И правда, когда стало смеркаться, мы увидели, как в последних лучах солнца сверкают кончики пик и стальные наконечники отрядов, находящихся севернее и западнее нас. Но, соблюдая осторожность, мы проскочили незамеченными. Примерно в полночь мы подъехали к покинутому лагерю персов. Следы говорили о том, что воины отправились на восток.

— Разведчики с помощью сигнальных костров получили достоверные сведения. Али ибн-Сулейман в самом деле спешит в Аравию, — сказал я. — Мухаммед решил перерезать ему путь. У него есть свои люди в стане врага.

— Зачем персу идти в битву всего с тысячью воинов? — не понял сэр Эрик. — Два к одному не такое уж большое преимущество против бедуинов.

— Чтобы поймать араба в ловушку, необходимо действовать быстро, — пояснил я. — Султан управляет войсками, словно шахматист,двигающий фигуры на доске. Он послал всадников ограбить Али и отогнать к караванному пути, где его будет поджидать тысяча отъявленных убийц. Весь вечер к небу поднимался дым сигнальных костров. Арабы всюду, где проезжают, разводят костры, и их дым издали видят другие разведчики, но замечают и дозорные Мухаммеда.

Сэр Эрик поджег трут своим огнем, долго изучал следы, а потом сообщил:

— Вот след повозки Эттер. Смотри — ее левое заднее колесо было сломано и отремонтировано кое-как. По отметине на следе это ясно видно. Это поможет нам понять, едет ли повозка вместе с ос-

тальными воинами. Мухаммед может держать девушку при себе, а может отослать в Кизилшер, в свой гарем.

Мы поехали быстрее, внимательно следя за дорогой, но след повозки никуда не сворачивал. Время от времени, сэр Эрик слезал с коня и, запалив огниво, изучал следы, чтобы убедиться, что повозка по-прежнему следует с караваном. Мы следовали по караванному пути, пока на смену темноте не пришел рассвет, и, наконец, мы приблизились к лагерю Мухаммед Хана, расположенному на широкой равнине у подножия изрезанных оврагами холмов.

Сначала я подумал, что тысяча воинов Мухаммеда чувствуют себя здесь по-хозяйски, потому что на равнине горело множество костров, разбросанных широким полукругом. Воины бодрствовали, по крайней мере, многие из них, и до нас доносились пение и веселые крики. Прячась в тени, мы подобрались поближе и разглядели взнузданных лошадей, многочисленных всадников, бесцельно снующих в разные стороны между кострами.

— Али ибн-Сулейман в ловушке, — пробормотал я. — Все это представление разыграно, чтобы одурачить разведчиков. Человек, наблюдающий с холмов, будет клятвенно заверять, что здесь стоит лагерь не одна тысяча воинов. Персы боятся, что их враги попробуют прорваться ночью.

— Но где же арабы?

Я неуверенно покачал головой. За равниной маячили мрачные, безмолвные холмы. Там не светился ни один огонек. Невозможно было спуститься оттуда незамеченными.

— Должно быть, разведчики доложили, что Али пробирается сюда под покровом темноты, — сказал

сэр Эрик. — Персы ждут решающей битвы. Но смотри! Вон шатер — единственный в лагере. Разве это не шатер Мухаммеда? Они не стали разбивать шатры для эмиров, видимо опасаясь внезапного нападения. Видишь, этот огонь поменьше, мерцающий на самом дальнем холме, вон там, на отшибе! Рядом стоит повозка. Значит, султан разместил Эттер в самом безопасном месте. Подойдем-ка поближе!

Так был сделан первый безумный шаг. На западной стороне равнину рассекали многочисленные глубокие овраги. В одном из них мы оставили наших коней и дальше пробирались пешком в крошечной тьме. Аллаху было угодно, чтобы на нас не наткнулся никто из часовых, охраняющих лагерь. Сотню шагов нам пришлось ползти на животах.

— Оставайся здесь, — прошептал я. — У меня есть план. Жди. А если вдруг услышишь крик или увидишь, что меня схватили, уноси ноги. Ведь если ты останешься, толку от этого все равно не будет.

Франк тихо выругался — так заведено у них, когда им предлагают поступать разумно, но когда и быстро, шепотом рассказал ему свой план, он поворчал, но позволил мне попытаться его осуществить.

Я прополз несколько ярдов, потом встал и смело направился к повозке. Ее охранял всего один воин с кинжалом и обнаженной саблей. Я надеялся, что это один из сельджуков, которые везли девушку. Он должен был узнать во мне своего соплеменника, ведь иначе я мгновенно расстался бы с жизнью. Однако, подойдя поближе, я увидел, что он хоть и турок, но состоит в личной охране султана. Отступать было поздно: страж уже заметил меня, и я смело подошел к нему, стараясь держать лицо в тени.

— Султан просит меня доставить девушку в его шатер,— дерзко произнес я, и сельджук неуверенно взглянул на меня.

— Что это значит? — проворчал он.— Когда ее караван прибыл в лагерь, султан соблаговолил лишь взглянуть на нее, потому что устал, а, кроме того, ему доложили о приближении арабских собак... Неужели он захочет нарушить свой сон ради какой-то неверной девчонки?!

— Ты будешь обсуждать приказ султана? — нетерпеливо спросил я.— Хочешь, чтобы тебя сожгли на костре или чтобы с тебя содрали кожу? Слушай и повинуйся!

Но в душу турка уже закрались подозрения. Мне показалось, что он собирается разбудить девушку, но он резко схватил меня за плечо и развернул лицом к костру.

— Ха! — рявкнул он, как шакал.— Косру Малик!

Сабля сельджука уже взвилась над моей головой, но я перехватил его кисть левой рукой, а правой схватил за горло, заглушив вопль, готовый вырваться. Свалившись на землю, мы стали бороться и пинать друг друга, как пара крестьян. Мои глаза чуть не вылезли из орбит, когда мой противник двинул меня коленом в пах. От внезапной боли я на мгновение ослабил хватку, а он высвободил руку, выхватил кинжал и молниеносно ударил, целя в мое горло. Но в тот же миг раздался треск, словно топор врезался в ствол дерева. Турок судорожно дернулся, его кровь и мозги брызнули мне в лицо, а кинжал упал на мою, защищенную кольчугой грудь, не причинив никакого вреда. Сэр Эрик подкрался, пока мы боролись, и, увидев, в какую опасность я попал, размозжил череп турка одним ударом длинного прямого меча.

Я встал, обнажил саблю и огляделся. Воины все еще веселились у костров. Похоже, никто не слышал и не видел короткой ожесточенной битвы в тени повозки.

— Быстро ступайте за девушкой, сэр Эрик! — прошипел я, прыгнул к повозке, открыл штору и позвал: — Эттер!

Шум потасовки разбудил ее. Я услышал, как девушка тихо вскрикнула. Я увидел, как две белые руки обвились вокруг закрытой кольчугой шеи сэра Эрика. Мельком увидел я лицо девушки.

Они быстро перемолвились парой тихих слов, потом он помог ей вылезти из повозки и нежно посадил на песок. Аллах! Насколько я мог разглядеть при свете костра, девушка была почти ребенком, тоненькая, хрупкая, с огромными бездонными глазами, серыми, как у сэра Эрика. Довольно хорошенькая, хотя по моему разумению чуть худовата. Увидев мое лицо и обнаженную саблю, красавица пронзительно вскрикнула и прижалась к сэру Эрику, но тот ее успокоил.

— Не бойся, детка, — сказал он. — Это наш добрый друг, Косру Малик, шагатаи. Идем скорее. Часовые в любой момент могут проехать мимо этого костра.

Ее туфельки были очень легкими, совершенно не приспособленными для прогулки по пескам пустыни. Пока мы украдкой пробирались к оврагу, где оставили наших коней, сэр Эрик нес девушку на руках, словно ребенка. Волей Аллаха до коней мы добрались без всяких неприятностей, но, выехав из оврага, услышали громкий топот копыт.

— Скачи к холмам, — пробормотал сэр Эрик. — За нами по пятам несется отряд всадников, несомненно подкрепление. Если мы повернем, то нарвемся

на них. Возможно, нам удастся добраться до холмов прежде, чем взойдет солнце. Тогда можно будет передохнуть и направиться туда, куда захотим.

Мы рысью продвигались по равнине в последние темные часы перед зарей, ставшие еще темнее от густого, холодного и влажного тумана. За спиной мы слышали топот копыт, звон оружия и конской сбруи. Я понял, что это группа разведчиков, ведь они не повернули к кострам, а поехали по равнине прямо к холмам, гоня нас впереди себя, сами того не подозревая. Конечно, Мухаммед знает, что враги постоянно следят за ним, поэтому его всадники и снуют по равнине, создавая впечатление многочисленного войска.

Стук копыт у нас за спиной становился все тише. По-видимому, всадники свернули или поскакали назад. Присмотревшись, мы заметили, что повсюду, словно призраки, скачут в разных направлениях небольшие группы всадников. Со всех сторон доносился топот копыт и звон оружия. Мы насторожились. В небе уже начала занимать заря, но тяжелый туман все еще висел над землей. В темноте всадники принимали нас за своих собратьев, но утренний свет может нас выдать.

Один раз несколько всадников оказались так близко, что воины даже поприветствовали нас. Я ответил по-турецки, и они, удовлетворенные, ускакали. В войске Мухаммеда было много сельджуков, и я не вызывал подозрений, но, окажись всадники чуть ближе, они тут же распознали бы меня. Темнота и туман превратили все вокруг в одну сплошную серую массу, звезды потускнели, а заря еще не занялась.

Потом шум раздавался у нас за спиной, туман рассеялся, по холмам разлился свет, звезды исчезли, и расплывчатые тени вокруг нас приняли фор-

му оврагов, валунов и чахлых деревьев. Рассвет застал нас в глубоком овраге, все еще затянутом туманом.

Сэр Эрик коснулся рукой бледного личика девушки и нежно ее поцеловал.

— Эттер,— сказал он.— Хотя мы окружены врагами, но когда ты рядом, мне не страшна смерть!

— И мне, милорд,— ответила она, прижимаясь к нему.— Я знала, что ты придешь! Эрик, неужели правитель язычников сказал правду: мой родной дядя продал меня в рабство?

— Боюсь, что да, маленькая Эттер,— ласково произнес он.— Его душа чернее ночи.

— Что тебе сказал Мухаммед? — вмешался я.

— Когда мы добрались до лагеря султана, меня впервые привели к нему,— ответила девушка.— Все суетились и спешили, сворачивая лагерь и готовясь к переходу. Мухаммед посмотрел на меня и ласково заговорил, умоляя не бояться. Когда я взмолилась, чтобы меня отослали обратно к дяде, он сказал мне, что именно де Броз прислал меня ему в подарок. Затем он распорядился, чтобы обо мне хорошо заботились, и уехал со своими эмирами. Меня вернули в повозку. Но прошлой ночью меня опять привели к султану. Он поговорил со мной, не предложив ничего постыдного, но слова его напугали меня. Глаза правителя неистово сверкали, и он клялся, что сделает меня своей королевой, соорудит в мою честь пирамиду из черепов и бросит к моим ногам тюрбаны шахов и халифов. Отсылая меня назад в повозку, он добавил, что, придя ко мне в следующий раз, принесет мне, как свадебный подарок, голову Али ибн-Судеймана.

— Мне это не нравится,— в замешательстве произнес я.— Это безумие. Ты говоришь о нем, словно

о татарском вожде, а не о цивилизованном мусульманском правителе. Если Мухаммед воспылат любовью к девушке, он перевернет преисподнюю, но получит желаемое.

— Нет,— сказал сэр Эрик.— Я...

Но тут из-за скал выскочили с десяток оборванцев и схватили наших коней за поводья. Эгтер вскрикнула, а мне пришлось выхватить саблю. Не подобает бедуинской собаке так обращаться с сыном Турции. Но сэр Эрик остановил меня. Его меч лежал в ножнах, и он не сделал ни малейшего движения, чтобы вынуть клинок, а вместо этого высокопарно заговорил по-арабски, тоном человека, привыкшего к тому, что ему все подчиняются:

— Хорошо же вы нас встречаете, дети шатров. Ведите нас к Али ибн-Сулейману, мы его ищем.

Это ошеломило арабов, и они недоверчиво переглянулись.

— Убейте их,— прорычал один из них.— Это шпионы Мухаммеда.

— Да,— усмехнулся сэр Эрик.— Шпионы всегда возят с собой женщин. Глупцы! Мы проделали большой путь, стремясь найти Али ибн-Сулеймана. Если вы тронете нас, то заплатите своей шкурой. Ведите нас к своему предводителю.

— Да,— проворчал тот, кого называли Юрзедом и который, как казалось, был беком — вождем рангом пониже.— Али ибн-Сулейман знает, как поступать со шпионами. Отведем их к нему, как овец на бойню! Отдайте нам ваше оружие, сыновья зла!

Сэр Эрик ответил на мой вопросительный взгляд кивком, вынул свой длинный меч и отдал его арабу, протянув рукояткой вперед.

— Через это придется пройти, — с горечью произнес я. — Возьми мою саблю, собака, чтобы ее жало прошло сквозь твои ребра!

Юрзед оскалится, как волк.

— Успокойся, турок. Пришло время, и твой клинок почувствует руку настоящего мужчины.

— Обращайся с ним осторожно, — огрызнулся я. — Клянусь, когда он вернется в мои руки, я вымою его кровью свиньи, чтобы очистить от скверны твоих грязных пальцев.

Мне показалось, что он вот-вот лопнет от гнева, но он, замычав от ярости, отвернулся от нас, и мы пошли за ним. Его ободранные волки повели наших коней, крепко держа за поводья.

Я понял, в чем заключался план сэра Эрика, хотя мы не решались заговорить друг с другом. Несомненно, на холмах было полно бедуинов. Было бы безумием попытаться прорваться сквозь их ряды. Объединив с ними наши усилия, мы получим, пусть хоть и ничтожный, но шанс остаться в живых. Если нет — что ж, эти собаки не слишком любят турок, а франков и вовсе ненавидят.

Со всех сторон нас окружали косматые люди в грязных одеждах. Они рассматривали нас, прячась за скалами, в оврагах, словно безжалостные ястребы, готовые накинуться на беззащитную куропатку. Наконец, мы добрались до оазиса, где паслись пятисот арабских скакунов. У меня даже слюнки потекли от одного взгляда на них! Клянусь Аллахом, эти бедуины, конечно, собаки и дети собак, но лошадей они выращивают превосходных!

За табуном наблюдало около сотни воинов — высокие, худые люди, суровые, как вскормившая их пустыня. Они были в стальных шлемах с небольшими круглыми щитами, в кольчугах, с длинными саб-

лями и копьями. Вокруг не было видно ни одного огонька. Люди выглядели усталыми и злыми от голода и тяжелого пути. Немного же они награбили во время этого похода! Чуть подальше на небольшом буторке сидели вожди, и именно туда повели нас конвоиры.

Али ибн-Сулеймана мы узнали сразу. Как и все арабы, он был широкоплечим и высоким, как сэр Эрик, но не таким массивным, как франк. Казалось, природа, создавая его, взяла за образец дикого пустынного волка. Взгляд араба был пронзительным и грозным, лицо — худым и жестоким. Сэр Эрик не стал ждать, пока он заговорит.

— Али ибн-Сулейман, — сказал франк. — Мы предлагаем тебе два хороших меча.

Предводитель арабов зарычал, словно сэр Эрик намекнул, что сейчас перережет ему горло.

— Что это значит? — огрызнулся он, и Юрзед объяснил:

— Этого франка и эту собаку — турка мы нашли на краю холмов, на рассвете. Они шли из персидского лагеря. Будь начеку, Али ибн-Сулейман, франки умеют хорошо заговаривать зубы, а этот турок, кажется, не сельджук, а какой-то дьявол с востока.

— Да, — свирепо оскалился Али. — Перед нами замечательные люди! Турок Косру Малик, шагатаи, по следу которого рыщут вороны, а франк — судя по гербу — сэр Эрик де Коган.

— Не верь им! — поспешно возразил Юрзед. — Давай бросим их головы под ноги персидским собакам.

Сэр Эрик засмеялся, и его взгляд стал холодным и суровым, как у всякого франка, глядящего в лицо Судьбе.

— Многие умрут прежде нас, хотя вы и отняли наши мечи, — сказал он. — Ты, вождь пустыни, должен дорожить своими людьми. Вскоре тебе понадобятся все сабли, что у тебя есть, но и их может оказаться недостаточно. Ты в ловушке.

Али потянул себя за бороду, и его взгляд стал злым и недоверчивым.

— Если ты настоящий мужчина, Расскажи, чье войско стоит на равнине.

— Войско Мухаммед Хана, султана Кизилшера.

Окружение Али насмешливо и гневно закричало, а сам Али выругался.

— Ты лжешь! Волки Мухаммеда преследовали нас днем и ночью. Они висели на наших флангах, гнали, как шакалы раненого оленя. На рассвете мы напали на них и рассеяли их отряды. Затем мы подъехали к холмам, и вот на другой стороне увидели огромное войско, стоящее лагерем. Как это мог быть Мухаммед?

— Те, кто преследовал вас, не более чем его дозорные, — ответил сэр Эрик. — Это легкая кавалерия, посланная Мухаммедом. Они жалили вас с флангов и заманили в ловушку, как стадо скота. Вы на чужой земле. Повернуть назад вы не можете. Ваш единственный путь — сквозь ряды персов.

— Да, это так, — с горечью произнес Али. — Теперь я понимаю, что ты говоришь, как друг. Но сумеют ли пятьсот человек прорваться сквозь десять тысяч?

Сэр Эрик засмеялся.

— Над равниной еще висит утренний туман. Когда он поднимется, ты увидишь, что персов не более тысячи.

— Он лжет, — вмешался Юрзед, к которому я начал испытывать неприязнь. — Всю ночь на равни-

не раздавался топот копыт, и мы видели блеск сотен костров.

— Они хотят обмануть тебя,— объяснил сэръ Эрик.— Чтобы ты поверил, что видишь большое войско. Всадники носились по равнине, создавая впечатление большой армии. Из-за этого твои разведчики не могли близко подобраться к кострам персов. Ты имеешь дело с хитрецом и мастером военного искусства! Когда ты пришел на эти холмы?

— Вчера вечером, сразу после наступления темноты,— ответил Али.

— А Мухаммед прибыл на рассвете... Разве ты, проезжая, не видел дыма сигнальных костров? Их зажгли разведчики, чтобы Мухаммед знал, куда ты направляешься. Твой враг в совершенстве рассчитал время и появился вовремя. Он развел костры и заманил тебя в ловушку. Вчера ночью тебе удалось пройти незамеченным сквозь их ряды, и потому твои люди остались целы. А теперь тебе придется сражаться. Я не сомневаюсь, что путь твой известен персам. Смотри, туман рассеивается; поднимемся на вершину, и ты увидишь — я говорю правду.

Туман на равнине действительно рассеялся. Али выругался, посмотрев вниз на широко раскинувшийся лагерь персов, которые, судя по оживленному движению, готовились к бою.

— Нас заманили в ловушку и обвели вокруг пальца,— выругался араб.— А мои люди ворчат у меня за спиной. На этих холмах нет ни воды, ни травы. Проклятые курды прижали нас так, что мы, считая их авангардом войска Мухаммеда, ни днем, ни ночью не могли ни поесть, ни отдохнуть. Даже огня не разводили, да и нечего нам было на нем

готовить. А дозорные, бросившиеся врассыпную на рассвете, сэр Эрик? Эти хитрые собаки удрали при первой же атаке.

— Не сомневаюсь, что они попытались пробраться к тебе в тыл, — сказал сэр Эрик. — Лучше всего сейчас же оседлать коней и нанести удар по персам до того, как дневная жара разморит твоих голодных людей. Если же курды и в самом деле у нас в тылу, то мы попались, как орех в щипцы!

Али кивнул и стал грызть бороду, как человек, погруженный в глубокое раздумье.

— Почему ты мне это говоришь? Зачем тебе присоединяться к более слабой стороне? Что за хитрость привела тебя в мой лагерь? — неожиданно спросил он.

Сэр Эрик пожал плечами.

— Мы убегали от Мухаммеда. Я помолвлен с этой девушкой, а один из его эмиров украл ее у меня. Попав в руки к Мухаммеду, мы можем заплатить жизнью.

Так он говорил, не осмеливаясь открыть то, что девушку желает сам султан, и то, что она племянница Уильяма де Броза, чтобы Али не выдал нас Мухаммеду в обмен на мир.

Араб кивнул, хотя, казалось, был не слишком доволен рассказом моего спутника.

— Верните им оружие, — распорядился он. — Я слышал, что сэр Эрик де Коган держит слово... И турки редко врут.

Юрзед неохотно вернул нам клинки. Оружие сэра Эрика представляло собой настоящий меч крестоносца — длинный, тяжелый, обоюдоострый. У меня была кривая восточная сабля, выкованная за Оксусом, — рукоятка, усыпанная драгоценными камнями, длинный клинок из прекрасной голубой ста-

ли, не слишком изогнутый и не слишком прямой, им можно было и рубить и колоть.

Сэр Эрик отвел девушку в сторону и тихо произнес:

— Одному Богу известно, что нас ждет, Этгер. Может быть, лучше тебе, мне и Косру Малику умереть здесь. И он, и я должны биться с персами, однако неизвестно, каким будет исход. Но если мы поступим иначе, нам просто перережут горло.

— Будь что будет, мой господин,— ответила красавица, светясь от радости.— Я счастлива умереть рядом с тобой!

— Что за воины эти бедуины, мой брат? — спросил меня сэр Эрик.

— В бою они очень жестоки,— ответил я.— Но они могут не выдержать. Каждый, поодиночке, может противостоять турку и, уж конечно, курду или персу, но настоящая битва — не рукопашная схватка. Это совсем другое дело. Арабы могут ошеломить противника своим внезапным нападением, и если персы поддадутся, а бедуины почуют запах победы, то арабы победят. Но если воины Мухаммеда будут твердо стоять и выдержат первый натиск, тогда нам с тобой лучше бежать и попытаться спастись самим, потому что эти люди — ястребы, никогда дважды не нападающие на одну и ту же добычу в случае неудачи.

— А как, по-твоему, персы выдержат? — спросил сэр Эрик.

— Брат мой,— ответил я.— Я не питаю любви к этим иранцам. Иногда их называют трусами; но если перс доверяет своему вождю, он будет драться, как безумный дьявол, почувствовавший запах человеческой крови. Персы выстоят. Они верят Мухаммеду, и их ряды все время пополняются турками и

курдами. Мы должны нанести им очень сильный удар и прорваться прямо сквозь их ряды!

А воины Али меж тем стекались с холмов, готовясь к битве и седлая коней. Али ибн-Сулейман широким шагом подошел к нам.

— Что это вы обсуждаете?

Сэр Эрик встал и посмотрел в глаза арабу.

— Эта девушка, моя невеста, похищенная людьми Мухаммеда и, как я уже рассказывал, спасенная мной. Теперь я пытаюсь отыскать для нее безопасное место. Мы не можем оставить ее здесь, но и взять с собой тоже не можем!

Али посмотрел на девушку, словно видел ее в первый раз, и в его глазах мелькнуло пламя зарождающейся страсти. Да, ее белое личико, как искра, зажигало огонь в сердцах мужчин.

— Переоденьте ее мальчиком, — предложил он. — Я приставлю к ней воина для охраны и дам коня. Когда мы поедem в бой, она пусть держится в тылу, подальше от нашего войска. Когда начнется битва, пусть девушка, если сможет, делает вид, что сражается, как все. Пусть носится, как ветер среди персов, все время продвигаясь к югу. Если она будет действовать быстро и смело, то сумеет прорваться, а ее охранник сразит любого, кто попытается ее остановить. Ведь если все иранское войско будет сражаться с нами, то вряд ли они заметят двух всадников, удирающих с поля битвы.

Когда Эттер все объяснили, она побелела, а сэр Эрик содрогнулся. Это был ничтожный, но единственный шанс. Франк попросил поручить охрану девушки мне, но Али ответил, что у него на примете уже есть верный человек — несомненно, если он и верил сэру Эрику, то уж мне-то он явно не доверял, полагая, что я могу похитить девушку для себя. Он

велел нам обоим держаться рядом с ним, и нам ничего не оставалось, как только повиноваться. Что же касается меня, то я ликовал: разве пристало мне, ястребу из племени шагатаи, охранять женщину в самый разгар битвы? Юноше по имени Юсуф все подробно объяснили, а Али дал девушке прекрасную черную кобылу. Одета в мужской костюм, она напоминала стройного молодого араба, и, когда Али вновь увидел ее, глаза его хищно сверкнули. Я понял, что если мы прорвемся сквозь ряды персов вместе с девушкой, нам все равно придется сразиться с арабами!

Бедуины уже сидели в седлах. Сэр Эрик поцеловал рыдающую Эттер. Он проследил, как она, под охраной Юсуфа, отъехала в тыл войска. Мы заняли свои места рядом с Али ибн-Сулейманом, рысью пронеслись по оврагу и выскочили у изрезанного оврагами склона холма.

Нет Бога, кроме Аллаха!

С первым лучом утреннего солнца, осветившего восточные холмы, мы помчались вниз и вырвались на равнину, где в ожидании нас расположилось персидское войско. Волей Всевышнего, я буду помнить эту атаку и в смертный час! Мы неслись навстречу смерти, в руках у нас было оружие, ветер играл гривами коней!

Словно дьяволы ада, мы нанесли удар по первым рядам персов, заставив их дрогнуть. Арабы сражались как сумасшедшие, и персы падали перед ними, как зерна в амбар. Наши союзники сражались отчаянно, их сабли сверкали словно вспышки молний. Клянусь, сотни персов умерли в то мгновение, когда армии сшиблись, словно гигантские живые валы. Наш отряд прорвался к сердцу персидского войска. Однако противник сомкнул строй и удержал позицию. От звона клинков дрожали небеса. Мы поте-

ряли из виду Эттер, и не было времени на ее поиски. Все судьбы в руках Аллаха.

Я заметил Мухаммед Хана, восседающего на огромном белом жеребце в окружении эмиров, словно на параде. Казалось, блеск сабель, кровь и вопли сражающихся были для него подобны скучным состязаниям. Вокруг него толпились его военачальники — Кай Кедр, сельджук, Абдулла-бей, Мирза Хан, Дост Саид, Мехмет Атабек, Ахмед эль-Гор и Яр Акбар, косматый великан, перебежчик из Афганистана, считавшийся самым сильным человеком в Кизилшере.

Мы с сэром Эриком прорывались сквозь ряды врагов, плечом к плечу, и, клянусь Пророком, за нами оставались лишь трупы! Коньгта наших коней ступали по обезглавленным телам! И все же Али ибн-Сулейман прорвался к эмиру раньше нас. Юрзед следовал за ним по пятам, но Мирза Хан одним ударом отрубил ему голову, а спутники эмира набросились на Али ибн-Сулеймана, который заорал, как обезумевшая от крови пантера, и, встав в стреленах, рубил направо и налево, как безумный.

Он убил трех персидских тяжело вооруженных, всадников, а Мирзе Хану нанес такой удар, что перс, оглушенный, упал с коня и остался жив только благодаря шлему. Абдулла-бей подъехал сзади и, пробив саблей кольчугу Али, глубоко вонзил острие меча в его спину. Предводитель арабов пошатнулся в седле, но не перестал усердно работать длинной саблей.

И тут нам удалось пробиться к раненому арабу. Сэр Эрик встал в седле и, выкрикнув военный клич франков, нанес Абдулле-бею такой могучий удар, что у того треснул череп и он вылетел из седла. Али ибн-Сулейман злобно расхохотался, но тут, в свой последний миг, Дост Саид разрубил ему кольчугу и

плечо. Али пришпорил коня, тот заржал и встал на дыбы. Наклонившись вниз, Али одним ударом рассек Дост Саиду шею и, прорвавшись сквозь рукопашную схватку, бросился на Мухаммед Хана. Но в это мгновение Кай Кедрa нанес ему смертельный удар.

Все, и арабы, и персы, увидевшие поверженного Али, громко закричали. Я почувствовал, что напор арабов слабеет. Раздались громкие крики на флангах, и сквозь шум резни до меня донесся стук копыт коней, несущихся галопом. Мехмет Атабек крепко прижал меня, и, отбиваясь, я не успел разглядеть, что происходит. Ряды арабов дрогнули и начали рассыпаться, и я, горя желанием узнать, что происходит, поспешил разделаться со своим противником, противопоставив свое проворство его быстроте. Потом я рискнул быстро оглядеться. С севера, с холмов, которые мы недавно покинули, на нас надвигалась армия людей с ястребиными лицами — это приближался Руали со своими курдами.

Завидев их, арабы бросились врассыпную, как стая птиц, спасая свои жизни. В один миг битва превратилась в беспорядочные поспешные единичные схватки. В результате мы с сэром Эриком оказались в самом сердце персидского войска, но, когда кизишперцы бросились преследовать врага, между нами и открытой на юге пустыней осталось лишь несколько воинов Мухаммеда.

Мы пришпорили коней и поскакали во весь опор. Далеко впереди мы увидели двух быстро удаляющихся всадников. Один из них был на той самой высокой черной кобыле, которую араб дал Эттер. Она и ее охранник успешно прорвались, но в долине сейчас было полно всадников.

Мы поскакали за Эттер, минуя ставку султана. Мы проехали так близко, что я встретился взглядом

с самим Мухаммед Ханом. Его глаза горели смело и бесстрашно, и я понял, что в этот миг мне довелось увидеть лицо истинного властителя.

Несколько воинов помчались следом за нами. Но вскоре они остались далеко позади, а те, кто осмелился преградить нам путь, приняли быструю смерть от наших клинков.

Мы миновали равнину, на которой еще недавно бушевала битва, и увидели, что Эттер, погоняя свою кобылу, поминутно оглядывается назад, а Юсуф подгоняет ее. Она, должно быть, увидела нас, и подняла руку в приветственном жесте. В этот момент на них налетела банда курдов, но не тех шакалов, что преследовали и грабили Али. Раздались крики, засверкала сталь. Сэр Эрик коротко выдохнул и так прищипорил коня, что тот заржал и бешено рванулся вперед, обогнав моего гнедого. В одно мгновение мы оказались рядом с дерущимися.

Араб Юсуф сплеховал. Один из курдов ранил его в левую руку и плечо, а о грудь другого он сломал свою саблю. Когда мы подъехали, конь араба упал, но Юсуф, падая вместе с ним, изловчился и выбил курда из седла. Катаясь по земле, они наносили удары друг другу кривыми кинжалами.

Почему-то курды, вместо того чтобы снести голову Эттер, приняв ее за мальчика, стащили ее с лошади. Одежды ее разорвались, тюрбан, прикрывающий лицо, упал. Воины застыли, рассматривая красивую девушку. Потом они взвыли, как волки. Вот тогда-то мы подроспели и перебили их всех.

Аллах наслал на сэра Эрика настоящее безумие. Глаза франка сверкали, лицо мертвенно побледнело, а рука обрела нечеловеческую силу. Троих курдов он уложил всего тремя ударами, остальные с воем отступили, крича, что на них напал сам шай-

тан. Удирая, один проскочил мимо меня, и я снес ему голову, чтобы научить хорошим манерам.

Наконец сэр Эрик слез с коня и прижал к себе дрожащую от ужаса девушку, а я, бросив взгляд на Юсуфа и курда, обнаружил, что оба мертвы. Обнаружил я и другое — мое бедро проткнуло чье-то копьё! Когда это случилось, ума не приложу, потому что в огне битвы люди не чувствуют боли. Я остановил кровь и как мог перевязал рану обрывками своей одежды.

— Скорее, ради Аллаха! — раздраженно обратился я к сэру Эрику, потому что он, казалось, готов был все утро ласково успокаивать девушку, шепча ей нежные слова. — На нас в любой момент могут напасть. Посади женщину на лошадь и скачи вперед. Сейчас не время для признаний в любви.

— Косру Малик, — произнес сэр Эрик, послушавшись моего совета. — Ты надежный друг и стойкий воин, но любил ли ты когда-нибудь?

— Тысячу раз, — ответил я. — Я был влюблен в половину женщин Самарканда. Ради Аллаха, скорей в седло!

Мы двинулись прочь от места бойни и, стараясь избежать столкновения с рыцущими вокруг бандами грабителей (потому что все племена в округе, лишь битва закончится, спешат ограбить мертвых), направились на юго-восток, решив повернуть на запад, когда между нами и победоносными кизил-шерцами окажется достаточное расстояние.

Мы ехали, пока день не начал постепенно угасать, сменяясь вечером. Тогда мы нашли родничок и остановились, чтобы дать отдых лошадям и напоить их. Травы там росло мало, а еды у нас с собой не было вообще, а мы с сэром Эриком со вчерашнего дня ничего не ели и две ночи не спали. Но и сейчас

мы не могли позволить себе такого удовольствия, ведь угроза нападения все еще висела над нами. Крестоносец уложил девушку под ветвями тамариска, чтобы она хоть немного подремала.

Отдохнув часок, мы медленно, чтобы не загнать коней, отправились дальше. Когда солнце село, мы остановились немного отдохнуть в укрытии огромных скал. На этот раз мы с сэром Эриком позволили себе забыться, и хотя ни один из нас не проспал и получаса, отдых освежил нас самым чудесным образом. Мы снова тронулись в путь, на этот раз повернув на запад.

Уже наступила ночь, когда мною овладело странное, непреодолимое чувство, знакомое каждому человеку, выросшему в пустыне. Спешившись, я приложил ухо к земле. Да, по нашим следам во весь опор скакало немало всадников, и я понял, что безумие овладело Мухаммед Ханом. Я сказал об этом сэру Эрику. Мы ускорили бег наших коней. Чтобы избежать встречи с врагами, мы снова повернули на восток, но, когда наступила ночная тьма, я опять пригнулся к земле и снова почувствовал слабую вибрацию.

— Всадников много, — пробормотал я. — Клянусь Аллахом, сэр Эрик, за нами гонятся.

— А за нами ли? — спросил сэр Эрик.

— За кем же еще? — ответил я. — Они идут по нашему следу, как охотничья собака по следу раненого волка. Сэр Эрик, Мухаммед сумасшедший. Он жаждет девушку и рискует из-за нее погубить империю. Сэр Эрик, женщин много, как ласточек, но таких воинов, как ты, мало. Пусть Мухаммед получит девушку. Ничего зазорного тут нет — за нами гонится целое войско.

Взгляд франка стал угрюмым, и он произнес:

— Уезжай, спасайся сам.

— Клянусь кровью Аллаха, — тихо произнес я. — Никто, кроме тебя, не мог бы предложить мне подобное и остаться в живых.

Он покачал головой.

— Я не хотел тебя оскорбить, брат. Но подумай, тебе ведь умирать совершенно незачем.

— Ради Бога, прищпорим лошадей, — устало произнес я. — Все франки сумасшедшие.

В сгущающихся сумерках, при свете зарождающихся звезд, мы двинулись дальше, слыша за спиной ровный вибрирующий звук многочисленных копыт. Войско шло ровным мерным аллюром, полагал я, уверенный, что рано или поздно они догонят нас, ведь их лошади меньше устали. Как Мухаммед узнал, куда мы направляемся, ума не приложу. Вероятно, курды, избежавшие гнева сэра Эрика, рассказали ему о нас, а может быть, какой-нибудь араб проговорился под пыткой.

Желая улизнуть от них, мы круто свернули на восток, и ближе к рассвету, снова приложив ухо к земле, я не услышал топота копыт. Но я знал: это лишь временная передышка. Мухаммед потерял наш след, но ведь в его войске есть курды, которые могут выследить волка на голых скалах. Он догонит нас еще до захода солнца.

На рассвете мы поднялись в гору и увидели перед собой простирающиеся до самого горизонта спокойные воды Зеленого моря — Персидского залива. Наши кони выбились из сил. Они шатались и жалобно ржали, запрокинув головы и широко расставив ноги. При свете зари я увидел вытянувшиеся, изможденные лица моих спутников. Глаза девушки были затуманены, и она шаталась от усталости, хотя не произнесла ни слова жалобы. Что касается меня,

то когда за три ночи проспешь всего полчаса, мир вокруг кажется нереальным... Но я усилием воли прогнал сон. Сэр Эрик же был словно железным, и умом, и духом, и телом. Внутренний огонь двигал франком. Да, нам выпала тяжелая дорога, дорога, ведущая в Азраэль!

Мы подошли к берегу моря, ведя коней в поводу. На арабской стороне берега Зеленого Моря ровные и песчаные, но на персидской — высокие и скалистые. Крутые берега были усыпаны крупной галькой и булыжниками, так что наши лошади с трудом пробирались по ним.

Сэр Эрик нашел укромное местечко меж двумя огромными валунами и стал умолять девушку хоть немного поспать, а мне приказал охранять ее. Сам же он решил пройти по берегу и поискать рыбацкую лодку. Он хотел выйти в море и таким образом спастись от персов. Широкими, уверенными шагами шел он между скалами, прямой, высокий и величавый, а лучи утреннего солнца сверкали на его оружии.

Уставшая девушка уснула глубоким сном, а я сидел рядом с ней, положив саблю на коленях, и думал, какие же они сумасшедшие, эти франки и султаны. Рана моя болела, и нога почти потеряла подвижность. Очень хотелось пить, голова кружилась от бессонных ночей и голода, а впереди я не видел ничего, кроме смерти.

В конце концов, я поймал себя на том, что невольно задремал. Девушка крепко спала, а я встал и, прихрамывая, начал прохаживаться, решив, что боль в ноге не позволит мне заснуть окончательно. Я дошел до выступа находящейся неподалеку скалы — и там со мной произошло странное приключение.

Когда я остановился, на меня откуда-то из-за скал внезапно набросился огромный воин. В мгно-

вание ока я понял, что это франк: у него были светлые, блестящие, как у тигра, глаза и белая кожа, а из-под шлема выбивались пряди светлых волос. Его густая борода тоже была светло-желтой, а из шлема торчали бычьи рога, поэтому я сначала принял его за какого-то пустынного демона.

Все это я заметил в считанные мгновения, когда с оглушительным ревом великан бросился на меня, размахивая тяжелым блестящим топором. Когда он замахнулся, мне надо было бы отклониться в сторону и рубануть его саблей, как я поступал раньше с тысячами франков, но я все еще пребывал в туманном полусне, да и раненая нога сковывала мои движения.

Я отразил удар его топора, но мое плечо онемело. Сила этого ужасного удара бросила меня на землю, но я удержался на одном колене и резко поднялся, а грозная фигура франка уже нависла надо мной. Удар моей сабли пришелся ему ниже бороды и рассек шею. Но и тогда, шатаясь, как пьяный, истекая кровью, он схватил топор обеими руками и, широко расставив ноги, высоко поднял его над моей головой. Но жизнь ушла из тела франка прежде, чем он успел нанести последний удар.

Когда я поднялся, полностью пробудившись от боли в сломанном плече, из-за скал со всех сторон выскочили люди и окружили меня кольцом сверкающей стали. Я никогда не видел таких людей. Как и убитый, все они были высокими и мускулистыми, с рыжими или желтыми волосами и бородами и свирепыми светлыми глазами. Но эти воины, в отличие от крестоносцев, не были с головы до ног закованы в латы. Рогатые шлемы покрывали головы, короткие чешуйчатые кольчуги доходили лишь до колен и оставляли голыми шею и руки. У большинства из

них не было никакого оружия, кроме топоров с широкими лезвиями. В левой руке воины держали тяжелые щиты, на их запястьях блестели широкие золотые браслеты, а на шеях золотые цепи.

Конечно, эти люди никогда раньше не ступали на земли Востока. Впереди стоял, очевидно, предводитель, очень высокий франк в длинной серебристой кольчуге. Его шлем был выполнен с большим мастерством, а вместо топора он держал длинный тяжелый меч в богато украшенных ножнах. Лицо его было неподвижно, как у спящего человека, но взгляд странных светлых глаз казался изменчивым, как блеск моря.

Рядом стоял другой, еще более странный человек с седыми длинными волосами и длинной бородой. Он был очень стар. Однако годы не согнули его, а его мускулы оставались твердыми, как сучья дуба. Единственный глаз старца блестел каким-то странным, почти нечеловеческим блеском. Казалось, его мало трогало все происходящее. Его львиная голова была высоко поднята, а взгляд единственного глаза устремлен куда-то за горизонт.

Я понял — конец моей жизни близок. Я опустил саблю и сложил руки.

— Слава Аллаху! — сказал я и стал ждать удара.

Вдруг раздался лязг оружия, и воины развернулись в сторону сэра Эрика, прорвавшегося сквозь кольцо. Он встал перед франками лицом к лицу. Воины зловеще зашумели и плотно окружили нас. Я поднял саблю, чтобы защитить сэра Эрика со спины, но высокий франк вытянул руку и обратился к сэру Эрику на каком-то странном языке. Все замолчали. Сэр Эрик ответил на своем родном языке:

— Я не понимаю по-норвежски. Не мог бы ты говорить по-английски или на норманно-французском?

— Да, я знаю эти языки,— ответил высокий франк, который оказался на полголовы выше сэра Эрика.— Я Скел Торвальдсен из Норвегии, а это мои волки. Этот сарацин убил одного из моих ребят. Он твой друг?

— Друг и брат по оружию,— сказал сэр Эрик.— Если он кого и убил, то у него были на это причины.

— Он прыгнул на меня, как тигр из засады,— устало объяснил я.— Это твои сородичи, брат. Пусть берут мою голову, если хотят. За кровь надо платить кровью. Тогда они спасут от Мухаммеда тебя и девушку.

— Я что же, собака? — рявкнул сэр Эрик, а воинам он сказал: — Посмотрите на вашего волка. Вы считаете, что он мог нанести удар после того, как ему перерезали горло? Это Косру Малик, и у него сломано плечо. Ваш волк ударил первым, а человек должен защищать свою жизнь.

— Тогда забирай своего друга и убирайтесь во-свояси,— медленно произнес Скел Торвальдсен.— Мы не станем пользоваться своим преимуществом, но твой язычник мне не нравится.

— Погоди! — воскликнул сэр Эрик.— Я прошу тебя о помощи! За нами, как лев за ланью, гонится мусульманский правитель. Он хочет затащить девушку-христианку в свой гарем.

— Христианку! — громко произнес Скел Торвальдсен.— Но мы не христиане, и десять дней назад я принес в жертву Тору¹ лошадь.

На осунувшемся лице сэра Эрика я увидел полное отчаяние.

¹ Тор — в скандинавской мифологии бог грома и молнии, покровитель земледелия.

— Я думал, что вы, норвежцы, давно отказались от своих языческих богов,— сказал он.— Если есть среди вас настоящие мужчины, помогите нам, не ради меня и моего друга, но ради девушки, которая спит среди этих скал.

Тут из толпы вышел воин моего роста и могучего сложения. Он видел более пятидесяти зим, но его рыжие волосы и борода не тронула седина, а голубые глаза блестели от ярости, горевшей в его душе.

— Вот как! — завопил он.— Ты просишь помощи, норманнская собака!? Ты, чьи сородичи разграбили земли моего народа, чьи сородичи проливали праведную саксонскую кровь? А теперь ты скулишь и просишь о помощи, как шакал, попавший в ловушку на краю пустыни. Я скорее сгорю в аду, чем подниму топор, чтобы защитить тебя и тех, кто рядом с тобой!

— Нет, Гроттар,— впервые заговорил древний бородатый великан, и его голос напомнил зычный призыв барабана.— Этот рыцарь один, а нас много. Не надо обращаться с ним так жестоко.

Гроттар удивился и, казалось, рассердился, но нарушить волю старика не посмел.

— Да, мой король,— пробормотал он полусердито-полувиновато.

— Король? — поразился сэр Эрик.

— Да! — Гроттар снова сверкнул глазами; он и в самом деле был не на шутку озлоблен.— Да — монарх, которого твой проклятый Вильгельм обвел вокруг пальца, заманил в ловушку и сверг с престола. Перед тобой Гарольд, сын Годвина, законный король Англии!

Сэр Эрик снял шлем, уставившись на старика, словно на призрак.

— Но я не понимаю, — произнес он, запинаясь. — Гарольд пал в Сенлаке — Эдит Лебединая Шея нашла его среди убитых...

Гроттар зарычал, как раненый волк, а в его глазах загорелся синий огонь ненависти.

— Обманщиков иногда тоже можно обмануть, — огрызнулся он. — Эдит нашла одного из вождей запада и показала его жрецам. Я, десятилетний мальчишка, был среди тех, кто ночью вынес короля Гарольда, бесчувственного и ослепленного.

Его свирепый взгляд стал мягче, а грубый голос почему-то зазвучал нежнее.

— Мы спрятали его подальше от собаки Вильгельма, и четыре месяца он был при смерти. Но он выжил, хотя норманнская стрела лишила его глаза, а удар меча по голове не оставлял ему шанса на спасение.

Гроттар снова гневно сверкнул глазами.

— Сорок три года странствований и грабежа на тропе викингов! — резко произнес он. — Вильгельм лишил короля его королевства, но не смог отнять у него преданных людей, которые шли за ним и умирали за него. Видишь этих викингов Скела Торвальдсена? Норманны, датчане, саксонцы — те, кто не захотел очутиться под пятой Вильгельма, — мы и есть королевство Гарольда! А ты, французская собака, еще молишь нас о помощи! Ха!

— Я родился в Англии, — начал сэр Эрик.

— Да, — усмехнулся Гроттар, — под крышей замка, отобранного у какого-нибудь доброго саксонского тана и подаренного норманнскому вору!

— Но люди моего рода сражались в Сенлаке и под Золотым Драконом, а не только на стороне Вильгельма, — возразил сэр Эрик. — Я имею отдаленное отношение к Годрику, графу Эссексу.

— Тем больше позора для тебя, гнусный предатель,— бушевал саксонец.— Я...

В эту минуту все услышали легкие шаги маленьких ножек. Девушка проснулась и, испугавшись грубых голосов, отправилась на поиски своего возлюбленного. Она проскользнула сквозь ряды воинов и бросилась в объятия сэра Эрика, задыхаясь и в ужасе бросая дикие взгляды на беспощадных убийц.

Норманны затихли.

Сэр Эрик умоляюще повернулся к ним:

— Не допустите же вы, чтобы дитя, родственное вам по крови, погибло от рук язычников? Мухаммед Хан, султан Кизилшера, следует за нами по пятам и уже недалеко отсюда — едва ли в часе езды. Позвольте же нам сесть на ваш драпар и уйти вместе с вами...

— У нас нет корабля,— вздохнул Скел Торвальдсен.— Ночью мы подошли слишком близко к берегу, и корбаль разбился о прибрежные рифы. Я предупреждал Асгримма Рейвена, что ничего хорошего не выйдет, если войдем в узкую бухту, воду в которой ночью ведьмы подожгли зеленым огнем.

— И что мы, сотня воинов, можем сделать против целого войска? — вмешался Гротгар.— Мы не могли бы вам помочь, если бы...

— Но вы тоже в опасности,— продолжал сэр Эрик.— Мухаммед нагонит и вас. Он не питает любви к франкам.

— Мы купим себе мир, отдав ему тебя, девчонку и турка, связанных по рукам и ногам,— ответил Гротгар.— Асгримм Рейвен, наверное, недалеко. Ночью мы потеряли его, но он обыщет весь берег и найдет нас. Мы не осмелились разжечь сигнальный огонь, чтобы его не увидели сарацины. Но теперь мы купим мир у этого восточного правителя...

— Мир! — Голос Гарольда прозвучал, как густой зов огромного золотого колокола. — Хватит, Гроттар. Нехорошо так говорить.

Он приблизился к сэру Эрику и девушке, и они было опустились перед ним на колени, но он не позволил, а положил свою жилистую руку на голову Эттер и мягко откинул ее назад, так, что умоляющий взгляд огромных глаз был устремлен на него. А я мысленно воззвал к Пророку, — старец казался неземным созданием из-за огромного роста, странного таинственного блеска в глазу и белых локонов, лежащих, как облако, на покрытых кольчугой плечах.

— Такие же глаза были у Эдиты, — тихо произнес он. — Да, дитя, глядя на твое лицо, я становлюсь моложе на полвека. Ты не попадешь в руки язычника, пока последний саксонский король может держать меч. Я кормил его кровью во многих менее достойных схватках. Теперь я снова обнажу его, малышка.

— Это безумие! — вскричал Гроттар. — Неужели хищники разорвут сына Годвина из-за французской девчонки?

— Боже правый! — прогремел старец. — Король я или собака?

— Ты король, мой господин, — угрюмо проворчал Гроттар, опустив глаза. — Тебе и отдавать приказы — даже если они безумны.

Такова преданность этих варваров!

— Разожги сигнальный огонь, Скел Торвальдсен, — приказал Гарольд. — Будем с Божьей помощью сдерживать мусульман до прихода Асгримма Рейвена. Как ваши имена, твое и этого восточного воина?

Сэр Эрик ответил, и Гарольд отдал распоряжения. Я с изумлением увидел, что они выполняются

без лишних слов. Скел Торвальдсен командовал этими людьми, но, казалось, чтил Гарольда, как настоящего монарха — того, чье королевство погибло и потерялось в тумане времени.

Сэр Эрик и Гарольд вправили мне руку и крепко привязали к телу. Затем викинги принесли еду и выброшенную на берег из разбитой галеры бочку какого-то пойла, которое называли элем. Наблюдая за взметнувшимся вверх дымом сигнального костра, мы жадно ели и пили! Сэр Эрик ожил. Лицо его было осунувшимся и изможденным, но глаза неукротимо сверкали.

— У нас очень мало времени, надо выбрать место для битвы, ваше величество,— сказал он, и старый король согласно кивнул.

— Не стоит встречаться с ними на открытом месте. Они окружают нас со всех сторон и перебьют. Но недалеке отсюда я заметил высокие утесы...

Мы отправились осмотреть это место. Викинг отыскал среди скал впадину, заполненную пресной водой, и мы, напоив наших усталых лошадей, оставили их там под прикрытием утесов. Сэр Эрик помог девушке подняться на утесы и протянул руку мне, но я покачал головой и захромал сам. Тогда подошел Гротгар и молча помог мне, потому что моя раненая нога онемела и плохо слушалась.

— Безумная затея, турок,— проворчал он.

— Да,— ответил я, как во сне.— Все мы сумасшедшие призраки по Дороге в Азраэль. Многие уже отдали жизни за эту светловолосую девушку. Многие еще умрут до конца пути. Много безумия видел я за свою жизнь, но никогда не участвовал в таком походе!

Мы слышали стук копыт.

Франки остановились в широкой расселине, позади которой рассыпались каменистые бухточки. Перед нами простиралась пустыня, изрытая оврагами. Франки построились в боевой порядок, выставив перед собой щиты. На одном из флангов этой стены из щитов стоял король Гарольд со Скелом Торвальдсеном по одну руку и Гротгаром по другую.

Сэр Эрик нашел углубление в утесе, нависающем над головами воинов, и спрятал там девушку.

— Ты должен остаться с ней, Косру Матик, — обратился он ко мне. — У тебя сломана рука, плохо двигается нога. Ты не можешь сражаться.

— Аллах хранит тебя! — ответил я. — Но на душе у меня тяжело, а во рту я чувствую вкус горечи. Я думал пасть рядом с тобой, брат.

— Поручаю мою возлюбленную твоим заботам, — сказал он и на мгновение крепко прижал к себе девушку, после чего соскочил с выступа и широкими шагами пошел прочь. Эттер зарыдала и вытинула встел рыцарю свои белые руки.

Я вынул саблю и положил на колени. Мухаммед, может быть, и победит, но, придя за девушкой, он найдет лишь обезглавленное тело. Живой она ему не достанется.

Да, я смотрел на это тоненькое белое существо и с нематым удивлением раздумывал, как хрупкая женщина может стать причиной смерти стольких сильных мужчин. Поистине, звезда Азраэля благословляет рождение каждой красивой женщины. Король Мертвых громко смеется, а вороны точат черные клювы...

Храбрости ей было не занимать. Вскоре она перестала плакать и поднялась, чтобы промыть и вновь перевязать мою раненую ногу, за что я ее поблаго-

дарил. За этим занятием мы не услышали стука копыт и не заметили, как появились воины Мухаммед Хана. Всадников было по меньшей мере человек пятьсот, а может быть, больше. Их лошади шатались от усталости.

Персы остановились у входа в расселину и с любопытством рассматривали группу людей, замерших в боевом порядке. Я увидел Мухаммед Хана, стройного, высокого, с перьями цапли на золотом шлеме. Рядом с ним стояли Кай Кедр, Мирза Хан, Яр Акбар, Ахмед эль-Гор, араб, и Кояр Хан, великий эмир курдов, который привел всадников, ограбивших арабов.

Наконец Мухаммед Хан приподнялся в золотых стременах и, заслонив глаза рукой, повернулся, что-то сказав своим спутникам. Я сразу понял, что он узнал сэра Эрика, стоящего за спиной короля Гарольда. Кай Кедр проехал на коне как можно дальше по оврагу и, сложив руки трубой, громко произнес на языке крестоносцев:

— Послушайте, франки, Мухаммед Хан, султан Кизилшера, не хочет с вами ссориться; но среди вас есть тот, кто похитил у султана женщину. Отдайте ее нам, и мы уедем с миром.

— Скажите Мухаммеду, — ответил сэр Эрик, — что пока жив хоть один франк, Эттер де Броз он не получит.

Кай Кедр отъехал к Мухаммеду, неподвижно сидящему на лошади, словно гранитное изваяние, и персы стали совещаться. А я опять задумался. Не далее как вчера Мухаммед в жестокой битве разгромил врагов. Теперь ему полагалось бы торжественно ехать по широким улицам Кизилшера, с развевающимися знаменами, под рокот барабанов, а женщины бросали бы розовые лепестки под ко-

пыта его лошади. А вместо этого — он здесь, вдали от города, вдали от поля битвы, весь в пыли, выбившийся из сил от многочасовой скачки по пустыне, и все из-за тоненькой девушки, почти ребенка.

Да — страсть Мухаммеда и любовь сэра Эрика — водовороты, затягивающие и обрекающие на смерть многих отважных воинов... Люди Мухаммеда следовали за ним, потому что такова была его воля. Король Гарольд противостоял ему из-за своего безумного нрава, который франки называют рыцарством. Гротгар, ненавидящий сэра Эрика, сражался вместе с ним, потому что любил Гарольда, как и Скел Торвальдсен, и все викинги. А я, потому что назвал его братом.

Наконец мы увидели, как персы спешиваются, поняв, что придется атаковать пешим строем. Они начали карабкаться по каменистым склонам оврага, сверкая золочеными доспехами и украшенными перьями шлемами, держа в руках блестящие серебром клинки. Персы терпеть не могут сражаться в пешем строю, но тем не менее они приближались к нам, и среди них были эмиры и сам Мухаммед. Да, когда я увидел султана, направляющегося к нам со своими людьми, я вдруг снова почувствовал восхищение, и мне стало жаль, что мы сражаемся против, а не на его стороне.

Я думал, что франки нападут на персов, с шумом пробирающихся по оврагу, но викинги не сошли с места. Они заставили противника подойти к себе, и мусульмане бросились на них с криком:

— Аллах акбар!

Атака разбилась о стену из щитов, как река разбивается об утес. Сквозь вой персов слышался низкий, ритмичный, грохочущий клич викингов, а треск топоров тонул в звоне и свисте сабель.

Норманны стояли неподвижно, как скала. После первого удара персы расстроенными рядами отступили, оставив груды изрубленных тел у ног белокурых великанов. Многие натянули луки и выпустили стрелы с близкого расстояния, но викинги лишь наклонили головы, и лучи света заблестели на их рогатых шлемах и затрепетали на огромных щитах.

А кизилшерцы снова ринулись в атаку. Наблюдая за сражением сверху я, горя и дрожа от возбуждения, любовался великолепием битвы. Моя рука так сжала рукоятку сабли, что из-под ногтей выступила кровь. Воины Мухаммеда снова и снова с безумной отвагой бросались на железную стену и отступали. Груда мертвых тел все росла, а живые карабкались по искромсанным телам павших, чтобы рубить и колоть.

Франки тоже падали, но те, кто оставался в живых, встав на место мертвых, смыкали ряды. Мухаммед не давал своим воинам ни малейшей передышки, он постоянно подгонял их, но и сам со своими эмирами сражался вместе с ними.

Аллах акбар!

Я считал крестоносцев могучими воинами, но таких, как франки эти, еще никогда не видел. Их светлые глаза горели каким-то странным огнем, и, рубя противника, они распевали дикие песни. Да, они наносили мощные удары! Я видел, как Скл Торвальдсен разрубил курда пополам, так, что ноги полетели в одну сторону, а туловище в другую. Я видел, как король Гарольд так рубанул турка, что голова его отлетела на десять шагов от тела. Я видел, как Гроттар разрубил бедро перса, защищенное тяжелой кольчугой.

Но самым храбрым воином в этой битве был мой брат, сэр Эрик. Его меч напоминал смертоносный

ветер, перед которым никто не мог устоять. Его лицо горело странным таинственным светом, руки дрожали от нечеловеческого напряжения, и, хотя я чувствовал некое родство между ним и дикими варварами, распевавшими и рубившими рядом с ним, все же что-то непостижимое отличало его от остальных. Да, кузнечный горн лишений выжег из души, мозга и тела этого человека всю ржавчину и поднял его на высоты, недоступные обычным людям.

Битва становилась все более и более ожесточенной. Многие из мусульман пали, но и немало викингов нашло смерть. Остальных медленно теснили назад непрекращающимися атаками, пока франки не оказались почти под тем выступом, где находились мы с девушкой. Там их стройные ряды разбились, потому что под ногами воинов теперь была крупная галька и валуны, а не гладкая каменная площадка, и битва превратилась в ряд одиночных схваток. Норманны взяли ужасающую пошлину — волей Аллаха, теперь не более сотни персов оставались в состоянии поднять меч! А франков осталось меньше двух десятков.

Скел Торвальдсен и Яр Акбар встретились лицом к лицу, и Скел мечом ударил мусульманина по черепу. Яр Акбар завопил и взмахнул саблей, но, прежде, чем он смог нанести удар, викинг заревел и бросился на него, как огромный лев. Его железные руки сомкнулись вокруг горла огромного афганца, и, клянусь, сквозь шум битвы я услышал, как затрещали кости Яра Акбара. Затем Скел Торвальдсен отбросил безжизненное тело, и, вырвав саблю из мертвой руки, кинулся на Мухаммед Хана, но на его пути встал Кай Кедра. Викинг нанес ему удар, но сельджук успел пронзить саблей Скела, и оба одновременно упали.

Увидев, что сэра Эрика плотно окружают враги, и он истекает кровью, я заговорил с девушкой.

— Да хранит тебя Аллах,— сказал я.— Но мой брат умирает в одиночестве, и я должен пасть рядом с ним.

Белая и неподвижная, как мраморная статуя, красавица следила за ходом битвы и видела все.

— Иди, ради Бога,— сказала она.— И пусть Он придаст силы твоей руке, но, пожалуйста, оставь мне свой кинжал!

Так я впервые не оправдал доверия брата и, с трудом прыгнув с выступа, заковылял по утоптанному берегу с саблей в руке. Приблизившись, я увидел, как сошлись в поединке Кояр Хан и король Гарольд, а заросший щетиной Гроттар машет во все стороны своим топором, с лезвия которого брызжет кровь. Вдруг Ахмед эль-Гор, араб, налетел сбоку и так сильно ударил Гарольда мечом по пояснице, что у того из-под кольчуги потекла кровь. Гроттар заорал, как бешеный бык, и бросился на Ахмета, на мгновение замешкавшегося пред ужасным саксонцем, и тогда викинг нанес сильнейший удар, прорубивший кольчугу, словно одежду. Он раздробил Ахмету плечо, разрубил грудную кость, но при этом сломал свой меч по самую рукоять. Почти в тот же миг король Гарольд перехватил левой рукой саблю Кояр Хана. Клинок разрубил тяжелый золотой браслет короля и повредил кость, но старый король одним ударом размозил череп курду.

Сэр Эрик и Мирза Хан продолжали бороться, а персы тем временем окружили их, пытаясь нанести удар франку, не задев своего эмира. А я, совершенно невредимый, перешагивая через мертвых и умирающих, шел к ним, когда внезапно лицом к лицу столкнулся с Мухаммед Ханом.

Его худое лицо казалось изможденным, глаза слезились от пыли, а сабля блестела, омытая кровью по самую рукоять. Он был без щита, а кольчуга его была изодрана в клочья. Мухаммед узнал меня, кинулся вперед и наши сабли скрестились. Почувствовав свое преимущество перед усталым султаном, я сказал:

— Мухаммед Хан, к чему быть глупцом? Что для тебя значит девушка из племени франков, для тебя, который может быть императором половины мира? Кизилшер без тебя погибнет, превратится в пыль. Иди своей дорогой, оставь девушку моему брату!

Мухаммед рассмеялся, как безумный, занес саблю и бросился на меня. Расставив ноги, я парировал удар, глазами отыскал прореху в его кольчуге и вонзил острие сабли прямо в его сердце. Мгновение султан стоял неподвижно, раскрыв рот, затем, когда я высвободил клинок, он рухнул на пропитанную кровью землю и оставил этот мир.

— Так умирают надежды ислама и слава Кизилшера,— с горечью произнес я.

В этот миг из глоток усталых, окровавленных персов вырвался испуганный крик, и они застыли как вкопанные. Я поискал глазами сэра Эрика; он стоял, качаясь, над неподвижным телом Мирзы Хана и, увидев меня, поднял меч, указывая клинком в сторону моря. И все, оставшиеся в живых, повернули головы. К берегу подходило длинное странное судно, с низкими бортами и высокими надстройками на носу и корме. Нос судна украшала вырезанная из дерева голова дракона. Длинные весла несли его по спокойной воде, а за веслами сидели белокурые великаны и что-то громко кричали. Когда судно подошло к берегу, сэр Эрик рухнул возле Мирзы Хана.

Персы, уставшие от схватки, побежали, прихватив с собой бесчувственного Кая Кедра. Я подошел к сэру Эрику и попытался снять с него кольчугу, но в этот момент появилась рыдающая Эттер и оттолкнула меня. Я помог ей содрать кольчугу с сэра Эрика, и она повисла измазанными кровью клочками. Мой друг получил глубокие раны на бедре и на плече, а руки от плеч и до кончиков пальцев были порезаны и оцарапаны; стальной шлем был пробит и на голове зияла широкая рана.

Но, хвала Аллаху, ни одна из ран не была смертельной. Однако сэр Эрик потерял сознание от слабости — потеря крови и ужасное напряжение предшествующих дней сделали свое дело. Король Гарольд получил колотые раны в руку и в живот, а Гроттар истекал кровью от глубоких порезов на лице и груди, к тому же он хромал от удара в ногу. Из полдюжины оставшихся в живых франков не было ни одного, кто бы не получил пореза, ушиба или раны. Да, скверно они выглядели в порванных, окровавленных кольчугах.

Пока король Гарольд старался помочь нам с девушкой остановить кровотечение у сэра Эрика, а Гроттар источал проклятия из-за того, что волей короля не ему первому оказывалась помощь, корабль пристал к берегу, и франки заполнили берег. Их предводитель, высокий, могучий человек с длинными белыми локонами, осмотрел тело Скела Торвальдсена и пожал плечами.

— Тор любит своего храбрых воинов, — спокойно произнес он. — Сегодня вечером Скл славно попирует в Валгалле.

Потом франки перенесли на галеру сэра Эрика, остальных раненых и девушку, вцепившуюся в ок-

ровавленную руку возлюбленного и не отрывающую от него глаз. Она не думала ни о ком, кроме своего возлюбленного, как и полагается всякой женщине в подобных обстоятельствах. Король Гарольд, пока ему перевязывали раны, сидел на валуне, и меня снова охватил глубокий благоговейный страх, когда я увидел его с мечом на коленях и развешивающимися на поднявшемся ветру белыми локонами. Казалось, что это сидит седой король из какой-то древней легенды.

— Ты, турок,— обратился он ко мне,— не можешь оставаться на этой голой земле. Иди с нами.

Но я покачал головой.

— Нет, это невозможно. Я прошу только об одном; пусть один из твоих воинов приведет мне коней, которых мы оставили за скалами. Из-за раненой ноги я не смогу идти пешком.

Мою просьбу исполнили. Кони уже настолько отдохнули, что я решил, как можно чаще меняя их, поскорее выбраться из пустыни. Все франки поднялись на борт судна, и король Гарольд снова предложил мне:

— Иди с нами, воин! Морская дорога хороша для странников. На седых тропах ветров ты утолишь жажду крови, а облака дальних морей успокоят твою боль. Идем!

— Нет,— решительно отказался я.— Здесь кончается моя дорога в Азраэль. Я сражался рядом с королями, убил султана, и голова у меня все еще кружится. Возьми с собой сэра Эрика и девушку, а когда они будут рассказывать своим сыновьям эту историю в дальней земле Франкистана, пусть хоть иногда вспоминают Косру Малика. Но идти с тобой я не могу. Кизилпер пал, но мой меч нужен и другим правителям. Салам!

Сев на коня, я увидел, как судно, отойдя от берега, повернуло на юг, и пока мои глаза различали его, я видел древнего короля, стоящего на корме, как седая статуя, подняв меч и салютуя мне.

Но вот корабль исчез в голубой дымке. Одиночество простерло свои крылья над волнами бескрайнего моря.

ЗАМОК ДЬЯВОЛА

ЗАМОК ДЬЯВОЛА

В

сгущающихся сумерках по лесной тропе медленной рысцей, тихо напевая в такт перестуку копыт своего коня, ехал всадник. Он был высок, мускулист, широк в плечах, с мощной грудной клеткой и с живыми бойкими глазами, которые, казалось, насмехались над всем и бросали вызов всему на свете.

— Эй! — путешественник натянул поводья, придерживая

жеребца, внезапно заметив у обочины сидящего на большом камне человека, и с любопытством принялся рассматривать его. Незнакомец неторопливо поднялся, оказавшись высоким (выше самого всадника), худощавым человеком в простом темном одеянии, с мрачным выражением смутного, но бледного лица.

— Англичанин? И, судя по покрою одежды, пуританин? — спросил всадник. — Я рад встретить в чужих краях соотечественника. Даже столь меланхоличного с виду парня, как ты. Я Джон Тихий, еду в Геную.

— Соломон Кейн, — произнес незнакомец низким спокойным голосом. — Я путешествую по дорогам земли, не имея определенного направления.

Джон Тихий нахмурился, удивившись подобному времяпровождению. Всаднику почудилась скрытая насмешка в ответе Кейна, но взгляд холодных глаз пуританина оставался спокойным и невозмутимым.

— Именем дьявола, путник, неужели ты не знаешь, куда направляешься в данную минуту?

— Меня ведет мой дух, — ответил Кейн. — В своих странствиях я добрался до этой дикой пустынной страны, без сомнения, с какой-то целью, мне пока не известной.

Тихий, вздохнув, покачал головой.

— Садись позади меня, человек, и мы поищем какую-нибудь таверну, где по крайней мере можно переночевать.

— Не хочу перегружать твоего коня, дорогой господин. Если позволишь, я просто пойду рядом, и мы будем беседовать, уже много месяцев я не слышал хорошей английской речи.

Они медленно двинулись по тропе, а Джон Тихий все посматривал на Кейна, отмечая и широкий

шаг, и, несмотря на высокий рост, копчастью мягкость походки пуританина. Заметил он и длинную рапиру, висящую на бедре его спутника. Инстинктивно рука Тихого нащупала изогнутый кинжал на собственном поясе.

— Значит, ты путешествуешь по разным странам, не заботясь о том, где можешь оказаться в следующее мгновение?

— Сэр, какая разница, где находишься, если исполняешь предначертанное богом?

— Клянусь Иовом,— воскликнул Джон Тихий,— ты своенравней меня, хотя я и брожу по миру, подобно тебе, но всегда имею пред собой четкую цель. Сейчас, например, командование направило меня в Геную, где я сяду на корабль, отплывающий громить турецких корсаров. Идем со мной, друг, и научишься плавать по морям.

— Я достаточно поплавал в свое время и нахожу это занятие малопривлекательным для себя. И понял одно: многие из тех, кто называет себя честными купцами,— на самом деле настоящие кровавые пираты.

Джон Тихий незаметно усмехнулся и перевел разговор на другую тему.

— Так значит, твой дух заставил тебя пересечь эти земли. Скажи, что-нибудь здесь тебе понравилось?

— Нет, дорогой господин, я мало увидел хорошего: всюду умирающие от голода крестьяне, жестокие хозяева и беззаконие. Однако мне удалось сделать доброе дело. Всего несколько часов назад я наткнулся на несчастного, который болтался на виселице, и успел перерезать веревку прежде, чем тот испустил дух.

Джон Тихий чуть не свалился с коня:

— Что?! Ты вынул человека из петли, затянутой на его горле бароном фон Сталером? Именем дьявола! Теперь обе наши шеи могут близко познакомиться с веревкой!

— Не поминай дьявола так часто, — спокойно произнес Кейн. — Я не знаю этого барона фон Сталера, но, мне кажется, он повесил человека несправедливо. Его жертвой был всего лишь мальчик.

— И разумеется, необходимо рисковать нашими жизнями, спасая одну, ничего не стоящую жизнь, которая все равно обречена, — сердито проговорил Джон Тихий.

— А что еще можно было сделать? — спросил Кейн с нетерпеливым жестом. — Прошу, не досаждай мне пустыми домыслами, а лучше скажи, чей это замок виднеется впереди из-за деревьев?

— Замок принадлежит тому, с кем непременно придется познакомиться, если не поспешим отсюда, — мрачно заметил Тихий. — Мы во владениях барона фон Сталера — самого могущественного землевладельца в Черном лесу. Вот тропа, что вверх по горе ведет к самым воротам его замка, а вот дорога, ведущая прочь за пределы досягаемости барона.

— Думается, что это именно тот замок, о котором я слышал недавно от крестьян, — спокойно произнес Кейн. — Они называли его плохим именем — Замок дьявола. Пойдем посмотрим, в чем там дело.

— Ты собираешься идти в замок? — воскликнул пораженный Тихий.

— Да, сэр. Едва ли барон откажет в приюте двум усталым путникам. Хочу посмотреть на господина, вешающего детей.

— А если он тебе не понравится? — саркастически спросил Тихий.

Кейн вздохнул:

— Во время моих странствий по миру на меня возложена миссия: освобождать различных злых людей от земного существования. Предчувствую, что так придется поступить и с бароном.

— Именем двух дьяволов! — изумленно воскликнул Тихий. — Ты говоришь, словно судья перед скамьей подсудимых, один из которых связанный барон фон Сталер. Будто не знаешь, как обстоит дело на самом деле: ты с одной рапирой и барон, окруженный кроважадными, вооруженными до зубов приспешниками.

— На моей стороне правда, — мрачно произнес Кейн. — А правда могущественнее тысячи воинов. К чему весь этот разговор? Кто я такой, чтобы выносить приговор, не видя и не зная человека? Возможно, барон — справедливейший из смертных.

Тихий удивленно покачал головой:

— Ты или вдохновенный глупец, или храбрейший из смертных на земле! — рассмеялся Тихий. — Ну что ж, веди! Похоже, эта дикая авантюра закончится нашей смертью, но мне по душе твое безрассудство, и никто не посмеет сказать, что Джон Тихий показывает спину, когда кто-то другой идет навстречу опасности.

— Твоя речь неразумна и безбожна, — сказал Кейн, — но ты начинаешь мне нравиться.

Кейн и Тихий двинулись вверх по тропе к замку. Копыта коня постукивали по обломкам гранита, покрывавшим тропу, и, когда жеребец начал спотыкаться каждую минуту, всадник спешил и пошел пешком.

Тропа все время петляла. Из-за огромных папоротников в лесу было сумрачно и веяло чем-то первобытным. Порой казалось, что замок уже ря-

дом, но он по-прежнему возвышался над деревьями, словно бесконечно тянулся ввысь в безумном стремлении возвыситься над всем миром. Бесчисленные пихты стегали мужчин ветвями по плечам и головам. Деревья негромко поскрипывали и постанывали, будто толпа плакальщиц. Тишина вокруг стояла необычайная, и шаги путников звучали слишком громко и грубо среди лесного безмолвия.

Наконец, когда даже Кейн стал запинаться и сбиваться с легкого упругого шага, замок показался из-за деревьев. Подъем путников на гору закончился, как и день. Но скала была все еще хорошо освещена. Гранитные башни и бойницы на ее вершине мрачно вырисовывались на фоне темнеющего неба.

Но Кейн в эту минуту смотрел не на замок, а на странного коня, тихо стоящего среди пихт неподалеку от тропы. Что-то необычное было в этом коне, а что именно, Кейн не смог определить для себя. Жеребец Тихого вдруг заупрямился, и всаднику пришлось провести его в поводу и привязать к дереву.

— Мне кажется, замок и впрямь соответствует своему названию — Замок дьявола, — прошептал Кейн, не отводя взгляда от неподвижного коня. Он был мертв и уже давно разложился, но цепи, которыми его приковали к дереву, держали труп в стоячем положении. Разложение не скрыло то, что глаза коня жестоко вырезали, прежде чем бросили умирать здесь.

Тихий с силой схватил Кейна за руку и гневно прошептал:

— Клянусь костями святых! Что за чудовище так истязало несчастное животное?!

Внезапно Кейн обнаружил, что они здесь не одни: несколько человек, безмолвных, как приви-

дения, окружили путников. Возникшие ниоткуда воины мгновенно приставили мечи к шеям англичан, а их самих разоружили.

Воины были такие же высокие, как и англичане. Тот, что забрал оружие у Кейна и Тихого, не имел доспехов, а его одежда была простой и довольно грязной. Густые седые волосы воина спадали на морщинистое лицо, застывшее, как гранит на дороге. Глаза таили скорее печальную суровость, а не угрозу.

— Что за дело у вас в землях барона фон Сталера? — спросил он низким надтреснутым голосом.

— А что такого? — ответил Тихий, опередив гневные слова, готовые слететь с губ Кейна. — Мы англичане, забрели в Черный лес и, увидев вдали замок барона, решили, что хозяин не откажется приютить двух усталых путешественников.

Старый воин пристально взгляделся в лицо Тихого.

— Возможно, так оно и есть, — сказал он наконец. — Ты должен рассказать это моему хозяину.

Воины (Кейн насчитал их двенадцать) бесшумно вложили мечи в ножны и, не возвращая оружия англичанам, повели их, как пленников, в замок.

— Возьми коня англичанина, — приказал старик молодому широкоплечему воину. — Не бойся, — сказал старик Тихому, заметив его беспокойство, — твою скакуну не причинят вреда.

Когда они вошли во внутренний двор, Кейн увидел, что замок очень древний и местами полуразрушен. Казалось, он готов превратиться в руины, слившись со скалой, на которой стоит. Кейна охватила мелкая дрожь не только от холода гранитных стен, но и от веющего отовсюду духа разрушения, распада и смерти.

Когда все вошло в замок, Кейн заметил, что огромные ворота закрылись совершенно беззвучно.

— Пожалуйста, разуйтесь,— сказал старик.

«Восточный обычай»,— подумал Кейн, но старик объяснил:

— Мой хозяин требует тишины. Не повышайте голоса, иначе поплатитесь жизнью.

В замке было темно, лишь несколько факелов боролись с мраком огромной высокой галереи, сырой и мрачной, как пещера. Тихий шел за Кейном, озираясь по сторонам, словно пойманный зверь.

Наконец они оказались в главном зале. Здесь было светлее и теплее, в огромном очаге пылал огонь. На стенах повсюду висело оружие и охотничьи трофеи. Свет от очага плясал на блестящей поверхности мечей, сабель и на зубах в оскаленных пастьх убитых зверей.

У очага стоял человек в черном. Повернувшись к вошедшим, он тяжело шагнул им навстречу, словно обремененный ношей Атлант. Барон оказался мужчиной крупным, выше Кейна, с очень бледным лицом, лоб его сливался с массивным голым черепом — хозяин замка был абсолютно лыс.

— С тобой два незнакомца, Курт,— почти прошептал он.

— Два англичанина, господин барон,— сказал старик.

— Англичане,— барон протяжно проговорил это слово, как будто оно означало что-то необыкновенное.— И как твое имя, англичанин,двигающийся как большая кошка? — он повернулся к пуританину.

Что-то в бароне вызвало неприязнь. Хотя он вел себя с достоинством и со спокойной величавостью, но казалось, безупречные манеры лишь прикрыва-

ют извращенную жестокость и злобность натуры хозяина.

— Мое имя Соломон Кейн,— проговорил пуританин, стараясь сдерживать звук голоса.

— В твоём имени слышится гордость, что должна быть и в самом человеке.— А как зовут тебя, наездник?

— Джон Тихий,— негромко ответил Джон.

— В самом деле? Что ж, если ваши имена соответствуют вашей сути, вы будете здесь желанными гостями. Но какая цель... тсс! — барон неожиданно замер, вытянув руку в знак молчания.

Кейн не слышал ничего, кроме потрескивания огня в очаге. Люди барона застыли не дыша.

— Она зовет, Курт,— сказал барон.

Старик поспешил в другой конец зала к широкой лестнице, ведущей наверх. Барон чуть выпрямился — он напоминал накренившееся дерево, чьи корни вырвало ветром из земли. Люди барона ослабились, но по-прежнему зорко следили за англичанами.

— Ты говорил о цели, приведшей тебя сюда,— сказал барон Кейну, словно пуританин прервал свой рассказ.

— У меня только одна цель, повсюду, куда провидение посылает меня,— тихо, но твердо и невозмутимо сказал Кейн,— искать зло и избавлять от него мир.

— Я много лет не слышал здесь человека, говорящего столь откровенно,— произнес он.— Ты говоришь, как человек чести, англичанин. И твои поиски в моих землях были успешны?

Тихий незаметно дотронулся до Кейна, предостерегая от неосторожности. Барон, не глядя на него, произнес:

— Следи за собой, мой тихий друг. Я уверен, что твой товарищ не умеет лгать.

Барон не ошибся в Кейне, который ответил:

— Я нашел в лесу задыхающегося на виселице мальчика. Он слишком молод для такого наказания, и я его освободил.

Станный взгляд барона не изменился, и его безразличие рассердило Кейна:

— Если то, что мальчишка выжил, так ничтожно мало волнует вас, то зачем вы так жестоко с ним поступили?

— Это мои владения. Здесь не обсуждаются мои решения! — зловещий шепот барона походил на шипение змеи. — И не думай, что так легко можно пренебречь моими законами.

Барон повернулся к темному проему, из которого появился Курт. Кейн не слышал, как тот вернулся.

— Сегодня я обедаю со своими гостями, — объявил барон Курту.

Затем, резко отпрыгнув в сторону, что навело Кейна на мысль о безумии барона, фон Сталер спросил:

— Так ты пришел в поисках зла, да? Никакой другой цели у тебя нет? Только эта? — его голос звучал угрожающе и вместе с тем очень печально.

— Только эта, — тихо ответил Кейн.

— Я тебе верю. Вы переночуете в замке фон Сталер, — сказал он не допускающим отказа тоном.

Курт повел англичан наверх. Из зала поднимались две лестницы. Одна, совершенно темная, другая, по которой они шли, была слабо освещена. Спутники оказались в коридоре с несколькими дверями, расположенными друг напротив друга. Над дверь-

ми комнат горели, укрепленные в массивные кольца, факелы. Курт показал им комнаты и исчез.

Комната Кейна была такой огромной, что казалась пустой, несмотря на большое количество мебели. От полога громадной кровати шел запах сырости. Гобелены, висящие на стенах, потемнели от пыли и пятен. Два вооруженных воина принесли дрова и развели огонь в очаге. Тепло огня не могло избавить комнату от пропитавшего ее и весь замок духа распада. Тихий пришел в комнату Кейна.

— Клянусь святыми, Кейн, — пробормотал он, — здесь нечисто. Тебе не кажется, что он держит взаперти какую-то девушку?

— Возможно. Или она больна и не выходит из своей комнаты.

Тихий покачал головой и выругался:

— Чтоб его разорвало, я уже боюсь высказать вслух свои мысли! Мне кажется, он слышит даже сквозь эту толстую деревянную дверь!

Они задумчиво смотрели в огонь, и Кейн размышлял над тем, что предпринять, когда Курт сообщил, что барон ждет их.

В зале на длинном массивном столе и тяжелых резных стульях дрожали отблески огня. Кейн сосчитал приготовленные стулья: их хватало только для самого барона, для Кейна с Тихим и для двенадцати воинов. Значит, больше к обеду никого не ждут.

Хозяин жестом пригласил гостей усаживаться по обе стороны от себя. Глаза его нервно блестели. По приказу барона и по знаку Курта в зал вошли несколько воинов, держа перед собой блюдо с целиком зажаренным вепрем. Кейну вновь стало не по себе от бесшумности и отрешенности воинов; казалось, их присутствие не более ощутимо, чем присутствие бесплотных привидений.

Барон попробовал мясо и выразил одобрение.

— Неплохо приготовлено, Курт.

Гостям барон пояснил:

— У нас здесь нет слуг. Они слишком шумны и любопытны.

Курт наполнил тарелку лучшими кусками мяса и понес наверх.

— Друзья мои, вы сгораєте от любопытства разрешить эту тайну обитателей замка,— сказал барон, улыбаясь.— Быть посему. Курт отнес тарелку баронессе, которая не выходит из своей комнаты.

— Она нездорова? — спросил Кейн.

— Ни в коем случае. Баронесса чувствует себя превосходно. Но никто не может видеть ее.

Лысая голова повернулась к Кейну, затем к Тихому.

— Те, кто осмеливается приблизиться к замку, поступают так, стремясь увидеть ее красоту,— проворчал барон.— Однако я верю, что вы пришли сюда не за этим. Ведь тот, кто посмеет взглянуть на нее, умрет. Вы видели юношу на виселице, который получил урок.

Кейн молча размышлял над услышанным. Тихий спросил:

— Но почему вы скрываете такое совершенство, барон, от всех глаз, кроме своих собственных?

— Мои собственные глаза, мой друг,— горько улыбнулся барон, прикоснувшись к глазам,— вообще ничего не видят.

Весь обед Кейн с трудом выносил на себе взгляд пустых странных глаз, казалось, лишенных жизни так же, как и весь замок. Барон развлекал гостей беседой, а после обеда поведал о своих охотничьих подвигах, хотя и с горькой усмешкой. Но Кейн все

время ощущал, что барон чутко прислушивается к чему-то происходящему в замке.

Наконец барон велел Курту проводить гостей в их комнаты. А сам встал у очага, протянув руки к огню, словно ожидая, что яркое пламя каким-то волшебным образом вернет ему зрение. Курт остановился в коридоре у дверей комнат гостей.

— Не судите строго моего хозяина,— прошептал он едва слышно.

Казалось, он хочет что-то объяснить. Кейн пригласил его в комнату и осторожно закрыл дверь. Они бросили несколько поленьев в очаг, пытаясь разогнать сырость и холод.

— Расскажи нам, что за бес овладел бароном? — тихо попросил Кейн.

— Он не всегда был таким, как сейчас. Когда-то барон считался великим охотником. Однажды, когда он гнал вепря, любимый конь сбросил его на землю. Падение лишило барона зрения. И это переродило его. Вы видели, что он сделал с лошадей.

Кейн вспомнил ослепленного коня, и лицо его запылало от гнева.

— Но барон никогда не обращался плохо с нами,— поспешно добавил Курт.— До несчастья, происшедшего с ним, это был самый благородный из господ Черного леса. Когда другие землевладельцы преследовали крестьян за их веру, мой хозяин предложил людям убежище в своих землях, вне зависимости от убеждений, и защищал их. Мы, кто терпим к нему, и есть те крестьяне или их сыновья. Остальные или восхищаются бароном, или боятся его. Они ничего не знают о его слепоте.

— А кто та женщина, которую он прячет? — спросил Тихий.— Она тоже здесь по своему выбору, как и вы?

На мгновение блеск честных глаз Курта потух.

— Ей не причиняют никакого вреда,— кратко произнес он и исчез.

— Именем дьявола, Кейн,— зашептал Тихий,— в замке есть пленница, которую надо освободить, и я не усну, пока не сделаю этого. Ты рискнешь мне помочь?

— Да,— ответил Кейн.— Но мы должны быть незаметнее, чем тени.

— Я ходил следом за дикарями через джунгли, ничем не обнаружив себя,— произнес Джон с тихим смешком.

Они приоткрыли дверь и проскользнули вниз по лестнице. Заглянув в зал, они увидели барона, сидящего в одиночестве перед очагом. Кажется, он спал.

Тихий снял со стены факел и исследовал темную лестницу, пока Кейн осматривал коридор, где находились их комнаты. Босые ноги пуританина уже привыкли к холоду каменных плит пола. Отовсюду веяло сыростью. Двери остальных комнат оказались насквозь прогнившими. Внутри комнат висели черные от грязи картины в рамах, мебель сгнила и покрылась грибками. Здесь царил дух смерти, и Кейн рад был, не обнаружив ничего, вернуться в свою комнату.

Тихий стоял у огня почти вплотную. Его бледное лицо было искажено, глаза тревожно блеснули.

— Клянусь богом, я слышал ее,— прошептал он.— Она там, в комнате в конце темного коридора, к которому ведет вторая лестница. Она что-то напевала. Никогда не слышал ничего прекраснее и печальнее.

Пуританин видел, что Тихий очень взволнован. Но теперь, когда Кейн вернулся, англичанин овладел собой.

— Молю бога, чтобы ее дверь была не заперта. Я не осмелился проверить это, боясь разбудить слепого. Думаешь, нам удастся освободить ее и увести отсюда?

— Думаю, нет,— раздался из-за двери голос барона.

Его шепот проник в комнату, как холодный туман. Кейн зарычал и прыгнул к двери, но тут же отпрянул назад, потому что перед ним возникло десять человек с обнаженными мечами. Барон стоял окруженный своими людьми. Он криво улыбался, глаза его были пусты.

— Ты преподнес мне урок, Соломон Кейн,— тихо сказал он.— Я думал, ты человек чести, а не обыкновенный вор, воспользовавшийся гостеприимством хозяина.

Кейн дернулся вперед, готовый помериться силами с бароном, если тот захочет, но мечи воинов заставили его отступить.

— Пожалуйста, подойди к окну,— улыбнулся барон.— Я приготовил для тебя спектакль.

Окно выходило во внутренний двор замка.

Кейн увидел виселицу и болтающуюся петлю на ней. Барон подошел к другому окну и, усмехаясь, взмахнул платком, как фокусник. Два воина притащили юношу — спасенного Кейном мальчика.

— Разве я не говорил, что нельзя пренебрегать моими законами? — произнес барон.— Мальчишку привезли обратно ко мне еще до вашего прибытия в замок.

Кейна охватила ярость. Барон приказал начинать. Воины немедленно повиновались. Мальчик кричал и вырывался, но петля быстро затянулась вокруг его шеи. Палач дернул за веревку. Юноша повис в

воздухе, хрипя и дергаясь в судорогах из стороны в сторону.

— Смотри, как он развлекает хозяина. Поет и танцует для меня,— барон приставил ладонь к уху, чтобы лучше слышать предсмертный хрип несчастного.— Но ваше преступление страшнее,— прошипел он, указывая прямо на англичан.— Вы потеряете глаза, прежде чем вас повесят. Но сначала мы должны убедиться, что ни один благородный рыцарь уже не освободит этого преступника,— сказал барон и велел несколько раз дернуть жертву за ноги, прежде чем тот умер.

Барон направился в коридор, и Кейн понял, что у них нет времени на раздумья.

— Быстро,— шепнул он Тихому, схватил из огня полено за необожженный конец и обрушил полено на стоящих в дверях людей.

Воины бросились на англичанина с мечами, но узкий дверной проем не позволял всем сразу ввалиться в комнату, и это помогло Кейну. Оба воина, стоявшие у дверей, схватились за обожженные лица и волосы, бросив свои мечи.

Кейн схватил один меч, Тихий — второй, но удар третьего воина задел Кейна и ранил в левое плечо. Пуританин вонзил меч в грудь нападавшего, и тот сполз по стене на пол, пытаясь закрыть руками зияющую рану.

Кейн прокладывал мечом путь к лестнице, но два меча противника одновременно ударили в пуританина, и Кейн спасся лишь тем, что успел ловко упасть на пол и развернувшись пронзил мечом правую руку нападавшего, а пока тот заносил левую руку с мечом, ударил врага в пах. Воин выпустил оружие и рухнул на пол, Кейн левой рукой подхватил его меч. Рука болела, но действовала.

Тихий уже достиг коридора. Один из его врагов схватился за проколотое насквозь горло, а Джон, рубясь двумя мечами, раскроил череп другому.

— Кейн! — закричал Тихий, предупреждая пуританина об ударе сзади. Кейн увернулся и опустил меч на шею противника, словно топор на древесный ствол.

Отбросив второй меч, так как раненая рука не могла его удержать, Кейн продолжал биться. Пол стал скользким от крови. Пуританина поражало безмолвие дерущихся воинов. Кроме вскрикнувшего от боли юноши, никто из них не произнес ни слова. Стены отражали лишь звон мечей. Внезапно Кейну показалось, что барон может неслышно подкрасться к ним сзади. Он обернулся и увидел, что Курт бежит вниз по лестнице, вероятно, чтобы защитить своего хозяина. Последний из десяти воинов захлебнулся кровью, проколотый мечом Тихого.

— Теперь к нашей цели, — угрюмо проговорил Тихий.

Они бросились вниз по лестнице. Оказывается, Курт спешил не к хозяину, а на охрану второй лестницу, ведущей в комнату баронессы. Пуританин налетел на него, надеясь, что тот отступит: ему не хотелось убивать старика, единственным грехом которого была чрезмерная преданность хозяину.

Снизу раздался голос барона:

— Даже такие неукротимые воины, как вы, не смогут ворваться в ее комнату. Единственный ключ у меня.

Барон стоял у очага. Свет пламени дрожал на ключе, который он держал в руке. Губы его изгибались в усмешке, но глаза не выражали ничего.

Он стоял непоколебимый, как статуя героя. Барон снял со стены саблю и взмахнул ею в воздухе.

— Если ты не отдашь ключ сам,— сказал Кейн,— я заберу его силой.

Барон снова угрожающе поднял саблю. Кейн начал спускаться по ступеням. Внезапно двое из оставшихся воинов бросились на пуританина. Одного поразил Тихий, другого обезглавил Кейн, и последний защитник барона скатился по лестнице.

Барон фон Сталер продолжал размахивать саблех. Пуританин считал бесчестным бросать вызов слепому. Может быть, удастся разоружить его. Он подкрался ближе к барону, но тут же отскочил, потому что хозяин замка точным ударом ранил Кейна в правую руку.

Разумеется, у барона был превосходный слух, но не настолько же, чтобы так метко наносить удары. Сабля слепого столкнулась с мечом Кейна столь неистово, что пуританин слегка подался назад, и новый удар барона задел шею Соломона. Он постарался перейти в наступление, но ему удавалось лишь парировать удары барона. Ложные выпады оказались бесполезны, слепец не реагировал на подобные хитрости и действовал с необычайной точностью, словно увечье развило в нем шестое чувство, делавшее его атаки безошибочными.

Рука Кейна нестерпимо болела. Он снова вынужден был отступить: сабля барона задела его грудь, чуть не пронзив сердце. Сквозь пот, заливавший глаза, Кейн видел искаженное от напряжения лицо слепого, однако удары барона не ослабевали.

Отступая, Кейн преследовал определенную цель. У лестницы стоял Тихий, приготовив меч. Курт сверху не мог его заметить и предупредить хозяина. И пуританин отступал, постепенно приближаясь к товарищу. Сабля слепого промелькнула в дюйме от глаз Кейна, и слабеющему пуританину стало

не до размышлений о допустимости подобной хитрости. Тихий стоял не дыша, боясь выдать свое присутствие врагу. И уже изготовился, чтобы обрушить клинок на голову барона, но слепец опередил его — сабля барона столкнулась с мечом англичанина, и фон Сталер с недюжинной силой отбросил противника назад. Тихий скатился по ступеням, потеряв сознание.

Лицо слепого сморщилось, словно он проглотил яд. Его сабля вновь неистово взметнулась над Кейном. Пуританин остушился и упал, выронив меч из рук. Барон занес над ним клинок для последнего удара.

Внезапно Кейн вспомнил, где слабое место у барона. Ловко увернувшись, он вздохнул поглубже и дико заревел, во всю мощь своих легких, издавая звук, подобный реву раненого зверя.

Барон со стоном схватился за уши, покачнулся, зацепился ногой за стул и сильно ударился лицом о стол. Кейн кинулся к врагу, подхватив выпавшую из рук барона саблю, но Курт, стоявший на ступенях, закричал:

— Нет, ради Бога, нет!

Кейн заколебался. фон Сталер пытался встать на ноги, как-то странно озираясь вокруг. Сильный удар головой о столешницу сказался необычным образом — к барону вернулось зрение. Он видел, плохо, но видел.

фон Сталер неуклюже заковылял по лестнице, похожий на пьяного или ребенка, не обращая внимания ни на Кейна, ни на лежащее на полу оружие. Пуританин посторонился, дав ему пройти, и склонился над потерявшим сознание Тихим.

Курт, затаив дыхание, смотрел на прозревшего барона.

— Нет, господин,— бормотал он, умоляя о чем-то.— Теперь вам надо отдохнуть. Вы должны снова привыкнуть к зрению.

— Отойди, дурак! — барон отшвырнул слугу и двинулся дальше. Кейн понял, что старик упраскивал хозяина не входить к баронессе. Барон застучал каблуками по ступеням лестницы, и послышался звук отпирающего замок ключа.

Воцарилась тишина. Внезапно загремел надтреснутый воющий голос барона:

— Предатели! Вы украли ее!

Раздался женский крик, сразу оборвавшийся. Старик, рыдая без слез, вскочил на ноги. Оружие у него не было, барон забрал его меч. Курт взбежал по лестнице и через мгновение появился на ступенях, зажимая рукой рану у горла.

Барон навис над ним, холодно всматриваясь в лицо слуги.

— Я думал, что по крайней мере ты не предашь меня,— прошептал фон Сталер,— но ты забрал ее для себя, а на место баронессы подсунул ту дрянь.

Курт беспомощно тряс головой, не произнося ни звука даже тогда, когда меч прошел сквозь его ребра. Курт схватил барона за плечи, они закачались, балансируя на ступеньке, и, держась друг за друга, скатились в зал. Два тела лежали, обнявшись, неподвижно.

Кейн схватил факел и побежал наверх. Дверь в конце темного коридора была открыта. Тусклый свет дрожал внутри. Кейн вошел и замер пораженный.

Стены в комнате были увешаны вышитыми гобеленами, искусно сплетенные кружева украшали мебель, но всюду белела пыль. На большой кровати

с причудливо расшитым пологом лежала женщина. Широкое пятно крови покрывало ее грудь, как распутившийся цветок.

Очень бледная, с ненормально огромным бюстом и чудовищными бедрами, она походила на шмеля. Наверное, передвигаться ей приходилось с большим трудом. Заплывшее жиром лицо было старым и морщинистым. Ключ на цепочке почти утонул меж массивных грудей. Лишь руки ее оказались маленькими и изящными.

Запах и дух смерти сильнее всего ощущались в этой комнате. Кейн с отвращением выбежал из комнаты в зал.

Барон умер от перелома позвоночника, но Курт еще дышал, хотя глаза его уже начали тускнеть.

— Что еще я мог сделать? — запинаясь бормотал он. — Это моя сестра, незадолго до несчастья с бароном она овдовела. Когда барон расшибся, я привел ее в замок ухаживать за ним. Он влюбился без памяти в ее голос и нежные руки. Для него она стала прекраснейшей из женщин. Когда он стал вставать, то настоял, чтоб сестра осталась. Конечно, это была честь для нас, но, запертая к своей комнате, она превратилась в то, что вы видели. Ее разум помутился, а тело заплывало жиром. Но как мог я сказать барону об этом? Что еще мог я сделать? — казалось, он молил о прощении.

Кейн грустно покачал головой, а старик тяжело вздохнул и умер.

Тихий зарычал, приходя в сознание, и схватил меч. Кейн рассказал ему все, что произошло, но тот сам захотел все посмотреть. Печаль и растерянность читались на лице англичанина, когда он покинул комнату женщины.

Потом они отыскиали в конюшне скакуна Тихого и взяли коня для Кейна, остальных лошадей выпустили на свободу.

Так Кейн и Тихий покинули замок, где пахло смертью и кровью. Меж пихт показалось встающее солнце. За спиной всадников мрачной громадой темнел замок. Казалось, что теперь, когда там не осталось никого живого, дух разрушения немедленно примется за работу и вскоре сравняет гранитные башни и стены со скалой, на которой стоял Замок дьявола. Путники были несказанно рады вновь очутиться на лесной дороге. Какое-то время они проскачут вместе, пока Тихий не свернет к морю, а Кейн — на какую-нибудь новую дорогу, в своих нескончаемых поисках зла, которое нужно уничтожить.

ЯСТРЕБ БАСТИ

оломон Кейн!

Ветви огромных деревьев переплетались между собой, образуя сумрачные готические арки над гигантскими стволами в сотнях футов от земли. Вокруг простирался лишь лес да покрытая мхом земля — дикая, забытая людьми, посещаемая, может быть, только призраками.

Чей голос нарушил окружающее безмолвие? Не тем-

ные ли это силы выкрикнули имя чужеземца-бродяги?

Кейн хладнокровно огляделся по сторонам. Железные мускулы рук слегка напряглись: одной он покрепче сжал украшенный резьбой остроконечный посох, другая мгновенно опустилась на один из кремниевых пистолетов у пояса.

Из лесного полумрака выступила странная фигура. Кейн с удивлением рассматривал белого человека, одетого лишь в шелковую набедренную повязку и сандалии. Зато на шее мужчины висела огромная золотая цепь, на руках — золотые браслеты, а в ушах блестели серьги в форме колец. Судя по золотым украшениям необычной работы, это был варвар, однако похожие кольца в ушах Кейн видел сотни раз у европейских моряков.

Незнакомец был весь в синяках и исцарапан так, словно несясь сквозь заросли, не разбирая дороги. Но вряд ли только ветви терновника и куманики могли подобным образом изранить все тело мужчины. В правой руке человек держал короткий изогнутый меч, лезвие которого зловеще краснело.

— Соломон Кейн, клянусь ревом церберов! — удивленно воскликнул еще раз незнакомец, приближаясь к не менее изумленному англичанину. — Протащите меня под килем корабля дьявола, если это не он! А я считал себя единственным белым на тысячу миль вокруг!

— Я тоже, — ответил Кейн. — Но я тебя не знаю.

Незнакомец хрипло захохотал:

— Ничего удивительного. Я сам себя не узнал бы, если б встретил случайно. Эй, Соломон, мой хладнокровный приятель, я видел твою мрачную физиономию много лет назад, но узнал бы тебя и в аду. Неужели ты позабыл те старые добрые време-

на, когда мы гоняли испанцев у Азорских островов? Вспомни, как мы брали их суда на abordаж! Клянусь костями святых, кровавым было наше ремесло. И ты не мог забыть Джереми Ястреба!

Холодные глаза Кейна тускло блеснули, словно тень пробежала по поверхности замерзшего озера. Он узнал старого друга.

— Я вспомнил. Но мы не плавали вместе. Я ходил на корабле Ричарда Гренвилла, а ты был в команде Джона Бельфонта.

— Да, черт возьми! — воскликнул Ястреб. — Я бы отдал корону, которую потерял, чтобы вернуть те славные денечки! Теперь сэр Ричард на дне морском, Бельмонт в аду, а многие из наших храбрых братьев закованы в кандалы или кормят рыб. Скажи, мой меланхолик-головорез, добрая королева Бесс все еще правит в старой Англии?

— Много лун прошло с тех пор, как я покинул родные берега. Но когда уходил в плавание, она прочно сидела на троне, — ответил Кейн мрачно, и Ястреб посмотрел на него с любопытством.

— Ты никогда не любил Тюдоров, Соломон. Я прав?

— Ее сестра преследовала мой народ, как преследуют загнанного зверя. А сама она обманула и предала людей моей веры... но сейчас все это не имеет значения. Скажи лучше, что ты здесь делаешь?

Ястреб время от времени оборачивался, всматриваясь в лесную чащу, откуда появился, и настороженно прислушивался, словно в ожидании погони.

— Это долгая история, — ответил он. — Расскажу в двух словах. Ты знаешь, что между Бельфонтом и другими английскими капитанами произошла ссора...

— Я слышал, что он очень изменился и стал просто обыкновенным пиратом,— резко произнес Кейн.

Ястреб усмехнулся:

— Что ж, так говорят. Во всяком случае, плава-
вая среди островов, вдали от материка, мы жили
как короли, клянусь глазами сатаны. Грабежу под-
вергались все проходящие суда: и простые корабли,
и роскошные галеры. Потом появился испанский
военный корабль, и нам пришлось туго. Выстрел
пушки отослал Джона к его праотцу, дьяволу, а я,
как ближайший помощник Бельфонта, стал капита-
ном. Был там один негодяй-француз по имени Ла
Коста, который попытался выступить против меня.
Я приказал повесить его на грот-рее и повернул
корабль на юг. В конце концов нам удалось усколь-
знуть от испанцев, и мы пошли за грузом слоновой
кости к Невольничьему берегу. Но, видно, удача
покинула нас вместе с Бельфонтом. Наш корабль
наскочил на рифы в густом тумане, а когда он
рассеялся, показалась сотня каноэ, наполненных
нагими ревущими дьяволами. Несколько часов мы
бились с туземцами и победили, но дорогой ценой:
половина наших погибла, порох закончился, судно,
пробитое рифами, готово было затонуть. Мы могли
сделать только две вещи: выйти в открытое море на
лодках или добираться до берега. Осталась только
одна не поврежденная бомбардами испанцев лодка.
Несколько человек из команды сели в нее, и в
последний раз мы видели их идущими на веслах на
запад. Остальные дошли до берега на плотах.

Клянусь чертями! Это было безумие, но что еще
оставалось делать? Джунгли буквально кишели кро-
вожадными туземцами. Наш отряд двинулся на се-
вер в надежде встретить невольничью резервацию,

принадлежащую европейцам, но дикари перерезали нам путь, и пришлось повернуть на восток. Мы вынуждены были отвоевывать каждый шаг вперед, и ряды наши таяли, как туман на солнце. Люди гибли под ударами копьев туземцев, под клыками диких зверей, от укусов ядовитых змей. В конце концов джунгли поглотили всех моих спутников. Я остался один. Мне удалось сбежать от дикарей, и несколько месяцев, почти безоружный, я брел по этой враждебной земле. Однажды, подойдя к берегу огромного озера, я увидел стены и башни города, стоящего на острове.

Ястреб расхохотался.

— Клянусь костями святых! Все остальное звучит как сказка сэра Джона Мэндевилла! На острове я познакомился со странным народом, которым правила какая-то нечестивая каста. До моего появления им не довелось видеть ни одного белого. В юности я бродил с шайкой воров, маскировавшихся под акробатов и жонглеров, и теперь мое мастерство и ловкость рук произвели сильное впечатление на островитян. Они смотрели на меня как на бога. Все, кроме старого Агары, жреца, которому помимо всего прочего еще и цвет моей кожи не нравился.

Я стал для них чем-то вроде живого идола. Агара решил этим воспользоваться и тайно предложил мне пост верховного жреца. Я притворился, что согласен, и узнал многие из его секретов. Поначалу я сильно побаивался старика, ведь ему ничего не стоило наложить заклятие и лишить меня ловкости и способностей. Но остальные меня боготворили.

Озеро называлось Найана, а острова — острова Ра. Главный остров носил название Басти. Правя-

щая каста называла себя кабасти, а рабов — масутос.

Жизнь масутос ужасна. Они полностью зависят от желаний и прихотей своих жестоких хозяев. Я видел женщин, которых засекли до смерти, и мужчин, распятых за малейшие провинности. Культ кабасти темный и кровавый, привнесенный на остров из каких-то диких земель. Каждую неделю на огромном алтаре в храме Луны под кинжалом Агары умирали несчастные. В жертву приносили одного из масутос — сильного юношу или девственницу. Но отвратительней всего то, что, прежде чем кинжал жреца приносил освобождение от мук, человек подвергался истязаниям, о которых трудно говорить. Святая Инквизиция бледнеет перед пытками, изобретенными жрецами Басти. Их изуверство так искусно, что стонущая, бормочущая в бреду, ослепленная, освежеванная жертва все еще живет, пока последний удар кинжала не выхватит ее из терзающих когтей этих дьявольских страданий.

Ястреб увидел, как в холодных глазах англичанина медленно загорается гнев. Кейн махнул рукой, чтобы пират продолжал свой рассказ.

— Ни один англичанин не смог бы смотреть без содрогания на еженедельные агонии несчастных. Вскоре, выучив язык, я стал своим среди масутос. И Агара задумал прикончить меня, но рабы восстали, свергнув сидящего на троне изувера. Они попросили меня остаться и править ими. Я согласился. Под моим правлением Басти стал процветать, и масутос, и кабасти зажили счастливо. Но старый Агара, скрывавшийся в тайном убежище, плел за моей спиной интриги. Жрецу удалось организовать заговор и даже обратить против меня многих из масутос, которых я всегда защищал. Несчастные глупцы! Вчера Агара

вышел из подполья, и в решительной битве улицы древнего Басти обагрились кровью. Старый жрец взял верх благодаря своему колдовству. Большинство моих сторонников погибли. Пришлось воспользоваться каноэ и с верными мне людьми отступить на один из мелких островов, где нас опять атаквали, и вновь мы проиграли. Все, кто поддерживал меня, были убиты или взяты в плен — и, помоги Бог тем, кто остался жив! — один я сбежал. Теперь они преследуют меня, как волки. Они гонятся за мной по пятам и не успокоятся, пока не убьют.

— Тогда не будем тратить время на разговоры, — сказал Кейн, но Ястреб холодно усмехнулся:

— В тот момент, когда я увидел тебя, человека моей расы, сквозь ветви деревьев, меня осенило, что снова смогу носить золотую с драгоценными камнями корону Басти. Пусть они приходят — мы их встретим! Послушай, мой храбрый пуританин, мне удалось захватить трон, без оружия, действуя лишь хитростью. А будь у меня в руках огнестрельное оружие, я бы и сейчас оставался правителем Басти. Они никогда не слышали о существовании пороха. У тебя есть два пистоleta — этого достаточно, чтобы десять раз стать королем острова. Если б у тебя был еще и мушкет!

Кейн пожал плечами. Нет нужды говорить Ястребу о дьявольском сражении, в котором его мушкет развалился на куски; теперь Кейн даже сомневался, не была ли та битва плодом большого воображения.

— Оружие у меня есть, — сказал он. — Но запас патронов и пороха небольшой.

— Три выстрела возведут нас на трон Басти, — заявил Ястреб. — Ну что, мой brave квакер, ты поддержишь старого товарища?

— Я поддержу тебя во всем, что в моих силах,— мрачно ответил Кейн.— Но ради гордости и тщеславия мне ни один трон на свете не нужен. Если мы принесем мир страдающим людям и накажем злодеев за их жестокость, этого уже достаточно.

Два англичанина составляли странный контраст. Джереми Ястреб был высоким и сухощавым, со стальными мускулами, как и Кейн. Но Кейн — смуглый до черноты, а Ястреб, наоборот, белокожий. Сейчас он, правда, загорел до светло-бронзового цвета, и его выгоревшие светлые локоны падали на высокий узкий лоб. Худой подбородок, покрытый желтой щетиной, агрессивно выдавался вперед, тонкие губы кривила жесткая усмешка. Серые глаза беспокойно блестели, полные хищного огня. Его лицо с тонким орлиным носом отражало необузданность и властность натуры. Полуголый Ястреб все время слегка наклонялся вперед, словно готовился кинуться на добычу, сжимая рукоять окровавленного меча.

Кейн, такой же высокий и сильный, стоял напротив, лицом к лицу. Его ботинки были изодраны, одежда порвана, фетровая шляпа, потерявшая перья, изрядно потерта. На поясе у Кейна висели пистолеты, рапира, кинжал и патронная сумка с боеприпасами. Дикое, беспокойное лицо Ястреба совершенно не походило на сумрачное лицо пуританина. Но тигринная ловкость пирата и волчья повадка Кейна делали мужчин чем-то схожими. Оба, прирожденные рыцари удачи, казалось, были прокляты неутолимым стремлением к путешествиям и риску, которое сжигало их изнутри, не давая покоя.

— Дай мне один пистолет.— попросил Ястреб,— и половину патронов и пороха. Скоро островитяне

будут здесь и, клянусь Иудой, мы не будем ждать, а встретим их сами! Положись на меня — один выстрел, и все в страхе падут на колени. Идем! По дороге расскажешь, как ты попал сюда.

— Я путешествовал много лун, — сказал Кейн неохотно. — Почему я здесь, не знаю. Джунгли позвали меня в открытом море, за много лиг отсюда, и я пришел. Без сомнения, Провидение, что всю жизнь направляло мои шаги, сейчас привело меня в эти места с какой-то целью, которую пока не в силах разглядеть мои слабые глаза.

— У тебя странный посох, — сказал Ястреб.

Кейн посмотрел на деревянный посох, который держал в правой руке. Древко было тяжелое, словно железное, длинное, как меч, и заостренное на одном конце. На другом конце виднелась искусно вырезанная кошачья голова, и по всей длине посоха извивались какие-то странные линии и узоры.

— Я уверен, что это предмет магии и колдовства, — мрачно сказал Кейн. — Но в прошлые времена он защищал от созданий тьмы, и это хорошее оружие. Я получил его от некоего Н'Лонги, служителя местного культа с Невольничьего берега, который вершил свои нечестивые обряды пред толпой чернокожих почитателей. Но под его свирепой и морщинистой личиной скрывается сердце честного человека, в этом я не сомневаюсь.

— Послушай! — Ястреб внезапно остановился. Издалека донесся едва слышный топот множества обутых в сандалии ног — острый слух Кейна безошибочно уловил его.

— Здесь как раз рядом поляна, — ухмыльнулся Ястреб. — Подождем их там...

Кейн и бывший король Басти встали, не скрываясь, с одной стороны поляны. Через секунду с другой

стороны появилась толпа людей, около сотни человек, которые неслись, словно стая волков по следу. Они в изумлении остановились при виде Ястреба, только что спасавшегося бегством, а теперь с издевкой ухмыляющегося, и рядом с ним еще одного белого человека.

Кейн с интересом рассматривал преследователей. Половина из них оказалась неграми, коренастыми, плотными, с безволосой грудью и короткими ногами, как у людей большую часть времени проводящих в каноэ. Все были вооружены тяжелыми копьями и совершенно голые. Вторую часть толпы составляли хорошо сложенные, с правильными чертами лица и прямыми черными волосами воины, в жилах которых, очевидно, текла лишь малая часть негритянской крови. Медно-коричневый цвет их кожи граничил с красноватым оттенком темно-бронзового.

Облачены они были только в сандалии и шелковые набедренные повязки. Головы защищали бронзовые шлемы, а в руках воины держали маленькие круглые деревянные щиты, укрепленные грубой шкурой, прибитой медными гвоздями, и мечи, такие же, как и у Ястреба. У многих были отполированные деревянные булавы, легкие топорики. Некоторые несли тяжелые мощные луки и колчаны с длинными стрелами.

Внезапно Кейну пришло в голову, что где-то он уже видел подобных людей или картинки с их изображением, но когда и где точно вспомнить не мог. Преследователи Ястреба неуверенно смотрели на белых людей.

— Ну что? — насмешливо произнес Ястреб. — Вы нашли своего короля. Вы забыли свои обязанности перед правителем? На колени, собаки!

Хорошо сложенный молодой воин страстно говорил, и Кейн с удивлением обнаружил, что понимает его язык. Он был похож на один из бесчисленных диалектов банту, многие из которых Кейн изучил во время своих странствий. Однако некоторые слова оставались непонятными для пуританина и носили какой-то особый оттенок древности.

— Убийца! — воскликнул молодой воин, побагровев от гнева. — Ты смеешь дразнить нас? Я не знаю, кто этот человек рядом с тобой, и с ним мы не в ссоре, но твою голову мы принесем Агаре. Хватайте его...

Он занес руку назад, собираясь метнуть копье, но в то же мгновение Ястреб прицелился и выстрелил. Выстрел прозвучал оглушительно, и в дыму Кейн увидел, как молодой воин рухнул на землю. Эффект, произведенный пистолетным огнем на толпу воинов оказался таким же, как и везде у дикарей, во всех нецивилизованных землях. Оружие выпало из задрожавших рук, и туземцы стояли онемевшие, с открытыми ртами, словно испуганные дети. Некоторые закричали и бросились на колени или на живот лицом в землю. Полные ужаса глаза оставались прикованными к бездыханному телу соплеменника. Тяжелая пуля раскроила воину череп и выбила мозги. Пока толпа стояла, охваченная благоговейным ужасом, Ястреб перешел к действиям.

— Все на колени, собаки! — закричал он свирепо, шагнув вперед и ударом руки опуская одного из воинов на колени. — Или я выпущу на всех вас громы смерти, или вы принимаете назад своего законного короля!

Дикари, словно под гипнозом, встали на колени, что-то бормотали, словно в бреду. Ястреб пяткой

придавил одного негра и, дико оскатившись, победоносно взглянул на Кейна.

— Встаньте, — Ястреб презрительно пнул негра. — Но теперь никто не сможет забыть, что я король! Вы вернетесь в Басти и будете сражаться за меня, или все умрете!

— Мы будем сражаться за тебя, господин, — послышался хор голосов. Ястреб вновь ухмыльнулся.

— Вернуть трон проще, чем я думал, — ухмыльнулся он. — Вставайте! Оставьте эту падаля, где лежит. Я ваш король, а вот — Соломон Кейн, мой друг. Это ужасный волшебник, и если со мной что случится — он разорвет вас всех на куски.

«Да они как стадо овец», — думал Соломон, наблюдая, как воины обеих рас смиренно выполняют следующие приказы Ястреба. Воины построились шеренгами, по три человека в ряд, и пошли вслед за Кейном и Ястребом.

— Не бойся, они не ударят сзади, — сказал пират Кейну. — Они запуганы, видишь, даже глаза остекленели. Но все равно будь начеку.

Подозвав воина посмелее, Ястреб велел ему идти между собой и Кейном.

— Расскажи об Агаре, — сказал Ястреб. — Что, он празднует свою быструю победу?

— Нет, господин, — воин, несмотря на высокий рост и силу, не мог скрыть страха перед двумя белыми людьми. Возможно, даже цвет их кожи казался дикарю таким же волшебным, как и пистолетный огонь. — Он складывал тела убитых на поля, чтобы помочь следующему севу, — прошептал он. — Теперь Агара подготавливает храм Луны. Сегодня Луна откроет целиком свое лицо, — он робко поднял глаза к небу.

— Он хочет принести ей жертву, желая отблагодарить за победу, так? Что ж, луна получит свою жертву,— пробормотал Ястреб, изогнув губы в жестокой усмешке.— Но не ту, которую задумал Агара.

Ястреб махнул рукой воину, отсылая в строй к остальным, и засмеялся, видя, как тот поспешно, спотыкаясь, побежал, куда приказано.

— Клянусь кровью дьявола,— сказал он Кейну по-английски,— мы покажем этим собакам, что значит подданный английского короля!

Кейн нахмурился и оглянулся. Не переоценивает ли Ястреб свои силы? Коренастые негры выглядели испуганными, но высокие, особенно трое, идущие позади остальных, смотрели мрачно и злобно. Возможно, так казалось из-за багрового света заходящего солнца, напоминающего залитый кровью глаз Циклопа, проглядывающий сквозь огромные деревья.

Ястреб принял озабоченность Кейна за неодобрение.

— Клянусь богом! — воскликнул пират.— Что это за англичанин без жажды победы? Время, видно, поубавило храбрости у тебя, мой старый молитвослов, но я помню твою саблю в крови и кишках врагов! — Ястреб любил выражаться напыщенно и витиевато.

— Неужели ты думаешь, что я промедлю вступить в битву со злом? — возразил Кейн.— Но, возможно, ты недооцениваешь силу веры этих людей, если рассчитываешь, что в угоду тебе они повернут оружие против своего бога.

— Наши пистолеты сильнее туземных божков,— заявил Ястреб, но Кейн мрачно покачал головой.— Я, как и ты, много воевал. У меня есть собственная

стратегия. Язычники прячутся по своим домам, боясь восхода луны, а их жрец скрывается в храме. У этих людей не возникнет мысли о том, что они предают своего бога, мои подданные всего лишь вернут законного короля на его трон.

Кейн не хотел спорить и замолчал. Оставить соотечественника одного в подобной ситуации он не мог. И как обычно, пуританин решил предаться воле Провидения, а точнее, его милосердию. Не сомневался он лишь в одном — в Бастии существует зло, которое надо сокрушить.

Солнце закатилось, окрасив джунгли в сумрачно-красные цвета. Деревья и траву словно присыпало пеплом угасшего костра. Рычание львов из глубины джунглей, напоминал рев ветра во время шторма. Вдали, над вершинами деревьев, Кейн заметил две остроконечные горы, освещенные поднимающейся луной. Они были похожи на два каменных ножа, направленных в небо.

Кроме того, что земля под ногами стала мягче, ничто не указывало на близость воды. Но лес внезапно поредел, и перед глазами путников открылось широкое, величавое, необычно тихое озеро. В сумраке Кейн разглядел несколько темных силуэтов посреди озера, огромных и неподвижных. Должно быть, это острова, но пуританину они показались какими-то спящими первобытными гигантами-чудовищами. Блики лунного света дрожали на воде.

Берег зарос высокой острой травой. Воин, которого допрашивал Ястреб, шагал впереди, указывая путь. Один раз он оступился, и Кейн услышал, как зловеще чавкнула земля под его ногой. Соломон подумал, что если провожатый собирается их обмануть, то здесь это легко ему удастся. Кейн враждебно посмотрел на лунный диск над горами.

В траве у воды были спрятаны два каноэ. Кейн сел в одно, а Ястреб — в другое, оба постарались устроиться на самом носу, следя за гребцами.

Коренастые начали гребти. Весла погружались в тяжелую воду с приглушенным звуком. Луна, ярко сияя, дробилась на поверхности озера. Кейну приходилось видеть, как люди сходят с ума и даже теряют человеческий облик при лунном, призрачном свете. Насколько же огромной должна быть власть ночного светила для людей, признавших луну за проявление бога?

На носу каноэ Кейн заметил вырезанный на дереве рисунок. Сначала он решил, что это бутон цветка. Но это было изображение луны, окруженной лучами, загнутыми внутрь, словно клыки. Что это: выпуклое или вогнутое изображение, шар или пустая дыра? Кейну не понравился рисунок. Ястреб в соседнем каноэ мрачно оглядывал своих воинов.

На фоне ночного неба вырисовывалась темная громада — то ли гигантских размеров корона, то ли огромная голова с несколькими рогами. Оказалось, что это остров, увенчанный каменными пирамидами. Притихшие гребцы вели каноэ к острову. Взгляды высоких бронзовых воинов были прикованы к луне. Кейну казалось, что его обманом заманили сюда для участия в древнем, несущем зло ритуале. Один раз посох вуду уже спас его от черной магии, и теперь Кейн крепко сжимал вырезанную, кошачью голову. Тогда Н'Лонга вселился в товарища Кейна, и пуританин получил опытного союзника, выручившего его из беды.

Лодка причалила к пустынному берегу, где покачивались в лунном свете другие каноэ бастийцев. Оказалось, что пирамиды окружены массивными стенами — стенами древнего города Басти.

Под луной белело засеянное бесконечное поле, посреди которого виднелась тропинка. Воины строим, все так же безропотно, двинулись через поле, но Кейн почувствовал растущее в людях напряжение. Над городом и пирамидами сияла луна, словно маска древнего бога, изображенная на храме Басти.

Глаза Ястреба лукаво заблестели.

— Послушай, Кейн,— прошептал он,— что если обратить этих языческих свиней к твоему богу? Это стало бы золотым пером на твоей пуританской шляпе?

Но Кейн отрицательно покачал головой, этим его не соблазнишь. Все, что он должен,— сокрушить зло, вершимое Агарой. Ястреб казался совершенно захваченным честолюбивыми мечтами и слишком убежденным в своей власти, чтобы планировать свои действия. А что если в городе их поджидает засада? Кейн хотел обсудить это с пиратом, но тот внезапно зарычал на воинов, замедливших шаг у стен Басти:

— Вперед, собаки! Мы открыто войдем в город, как король с верноподданными, а не будем пробираться тайком, подобно шелудивому псу — Агаре.

Но воины остановились в нескольких ярдах от стены. Кейн разглядел в полусумраке ворота, такие огромные, что два стражника, охраняющие их, казались карликами. По краям створок виднелись изображения луны с загнутыми лучами.

Возможно, Ястребу воины и в самом деле показались карликами, потому что он заревел:

— Открыть ворота королю!

Но в ответ он не услышал ни звука, стражи даже не пошевелились. Только когда Ястреб подошел к ним вплотную, они предупреждающе подняли свои мечи. Похоже, действия стражников были частью ритуала, и в их задачу входило держать город в

неприкосновенности, пока длится полнолуние. Ястреб, не обращая внимания на обнаженные клинки, подбежал и, изрыгая проклятия, хотел постучать в ворота пистолетом, но воины, зеркально повторяя движения друг друга, словно в церемониальном танце, встали по обе стороны от Ястреба и одновременно занесли над ним мечи, готовые рассечь англичанина на куски.

Кейн предупреждающе закричал, но Ястреб, похоже, был не столь безрассуден, как могло показаться: он резко отклонился и разрядил пистолет в лицо одного из стражников. Воина с отстреленным правым ухом отбросило к воротам.

Второй охранник бросился на англичанина. Секунду воин смотрел на пистолет испуганно, но, прочитав растерянность в глазах Ястреба, дико вскрикнул и налетел на пирата, целясь клинком ему в живот. Белый едва ускользнул от удара.

Внезапно Ястреб споткнулся на пригорке и упал, а стражник метнулся к нему и сделал выпад мечом, острое клинка вонзилось в землю в дюйме от англичанина. Пират вскочил и ударил охранника в лицо пистолетом, скорчился от боли и, не удержавшись на ногах, рухнул.

Но тут Ястреб увидел надвигающегося на него с мечом и булавой второго стражника, раненного, но сумевшего подняться. Вся правая щека воина почернела от крови. Ястреб словно позабыл о своем мече, и отступал, судорожно пытаясь перезарядить пистолет.

Охранник быстро приблизился к Ястребу, занес над его головой оружие, но в эту секунду выстрел Кейна разорвал ему грудь.

Стражник покачнулся и, несмотря на то, что кровь из раны заливала его до пояса, упрямо дви-

нулся к Ястребу. Но тот уже успел перезарядить оружие и готов был встретить несокрушимого бастийца.

Кейну показалось, что в глазах воина уже не осталось ни искры жизни, только чистый холодный свет луны, ведущий его. Времени перезарядить пистолет у пуританина не было, и он ударил стражника кинжалом в бок. Тот медленно, словно зомби, стал разворачиваться, и клинок Кейна вспорол ему живот. Бастиец замертво рухнул на землю, но пуританин, склонившись, вонзил кинжал в сердце воина, ведь даже сейчас в глазах стражника блестела луна.

Кейн, дрожа, вытер кинжал о траву. Ястреб ободрающе похлопал его по плечу:

— Ну что, старина, еще не потерял вкуса к кровавой сече? — Англичанину все было нипочем. — Клянусь крыльями сатаны, я буду на троне до захода луны! — И Ястреб стал стрелять по воротам.

Все стояли в ожидании. Почему город такой затихший? Почему никто не вышел на грохот выстрелов? Были ли люди заняты ритуалом или просто готовили засаду?

Вдруг ворота закрипели, и створки медленно подались назад, словно раздвинулась гора, открыв вид на пирамиды, пестрые от лунных бликов и теней. За воротами молча стояли люди, высокие и коренастые, мужчины и женщины. Впереди них виднелся силуэт высокого, истощенного человека в ниспадающей складками одежде.

Он подошел ближе. Худой как скелет старик выступал величаво и гордо, но что-то поникшее и затравленное было в его надменном виде. Одежду украшали вышивки лунных лучей, опутавших человека, как паутина. Что излучали его глаза:

злобный блеск или просто отражение света луны? Но блеск потух, лишь он узнал того, кто встал перед ним.

Ястреб прошепел пуританину на ухо, что это и есть Агара, хотя Кейн уже сам догадался об этом. Экс-король направил пистолет в лицо старца. Жрец широко развел руки в приветственном жесте, словно приглашая желанных гостей. Длинные ногти Агары просвечивали. Он низко поклонился Ястребу, а затем, с легкой улыбкой приятного удивления, Кейну.

— Басти приветствует тех, кого выбрала Луна,— произнес он холодным, мертвенным голосом.

В ту же секунду безмолвные люди простерлись ниц, касаясь лбами земли.

— Клянусь кишками сатаны, Кейн,— прошептал Ястреб,— старый людоед понял, что проиграл.

Кейн забеспокоился. Возможно, Агара признал, что его время истекло и предпочел сдаться сам. Но жизненный опыт подсказывал Соломону, что жрецы так просто не уходят.

Ястреб казался поглощенным приветствием жителей Басти, которые уже поднялись с земли и стояли, склонив головы.

Он махнул рукой воинам за спиной и торжественно вошел в город. За воротами все еще стонал один из стражников.

— Позаботьтесь о нем,— приказал он жрецу с выражением великодушия на лице. Кейн почувствовал, что Ястребу хотелось, чтобы эти слова прозвучало по-королевски.

Пират приказал воинам построиться ровнее.

— Так должна шествовать свита короля,— сказал он Кейну, а потом воинам:

— Вы будете сопровождать меня к трону!

— Нет! — воскликнул Агара. Это прозвучало как мольба. — Все должно быть совершенно по закону нашего бога. Завтра, — закричал он, обращаясь к бастийцам, — Басти будет приветствовать белых людей по подобающей им чести.

Если бы Агара требовал, а Ястреб согласился на его требования, то это могло бы усилить власть жреца. Но жрец молил исполнить обряд согласно древним ритуалам, а это могло укрепить законность прав Ястреба.

— Хорошо, — согласился пират. — Раз я король, то не нарушу традиций.

Агара повел англичан по широким улицам. Пирамиды на фоне черного неба возвышались, как горы. Город казался вымершим. Без сомнения, битва между Ястребом и Агарой сильно сократила население Басти. В центре города на одной из самых высоких пирамид сотни ступенек вели к круглому храму Луны.

Держа в руках факелы, Кейн и Ястреб поднимались по узкой, круто ведущей вверх лестнице одной из пирамид, оставляя на каждой ступени воинов. Наконец они оказались в комнате под самой верхушкой пирамиды. Там по углам висели гамаки, в центре стояло несколько столиков с искусно изготовленной глиняной посудой. На занавесях были изображены битвы и подвиги героев, над которыми светила вышитая луна. Кейн шагнул на каменный балкон, решив убедиться, что они достаточно высоко и ничто не грозит им снизу. Он увидел, как Агара, словно тень, поднимается по ступеням к своему храму.

— Кости сатаны! Кейн, — воскликнул Ястреб, — король не должен взбираться так высоко к своей постели!

Они решили спать по очереди. Ястреб поклялся, что не сомкнет глаз, раз он теперь король. Во сне пуританин увидел Н'Лонгу, жреца вуду. Черное сморщенное лицо плавало в тумане, и Кейн не мог его четко разглядеть, но знакомый монотонный голос произнес на искаженном английском, которым так гордился старый колдун:

— Не бойся отдавать свой посох Ястребу.

Прежде чем Кейн спросил, что означают слова Н'Лонги, раздался душераздирающий вопль. Так мог кричать лишь человек в предсмертной агонии. Кейн выпрыгнул из гамака, держа пистолет наготове, и выбежал вместе с Ястребом на балкон. Но улицы были тихи, только эхо повторило вопль.

Кейну показалось, что крик оборвался как-то неестественно, словно кто-то заткнул несчастному рот. Ястреб покрасневшими глазами вглядывался в пустынные улицы.

— Если это опять изуверства Агары, то я сдеру с него кожу собственными руками, — сказал он, осыпая жреца проклятиями.

Усталость предыдущего дня приглушила ярость англичанина. Кейн встал на часы, а его товарищ уснул. Проснувшись через несколько часов, пират загремел:

— Клянусь святыми, пусть меня протащат под килем, если я не узнаю, кто кричал. Возможно, это был стражник, за которым я велел ухаживать людоеду.

Ястреб, словно вихрь, слетел по ступеням пирамиды, где провел ночь, и стал взбираться к храму Агары. Кейн следовал за ним. На полпути англичанин с багровым от гнева лицом заревел:

— Агара!

Жрец появился на площадке храма. В дневном освещении он выглядел пепельно-серым, казалось,

кости черепа просвечивают сквозь его бледную, не тронутую солнцем кожу.

— Где стражник, которого я доверил тебе? — спросил Ястреб.

— Он умер ночью от раны, — тихо произнес Агара безжизненным голосом. — Он захлебнулся собственной кровью.

Обезоруженный, Ястреб однако крикнул:

— Покажи мне его труп!

— Он уже предан земле, — проговорил Агара холодным, как луна, голосом.

— Кто кричал ночью, проклятый язычник?

— Стражник, когда умирал. Он очень страдал от ужасной раны.

Жрец исчез в храме. Пылая гневом, Ястреб проорал:

— Клянусь костями всех святых, я этого так не оставлю! — и застучал каблуками по ступеням, спеша наверх. Двигаясь следом, Кейн почувствовал надвигающуюся опасность и проверил пистолет. Но жрец оказался один и смотрел на них с ехидной улыбкой. Нигде не было видно ни следов крови, ни тела стражника. Круглый храм немного возвышался над стенами города. Под открытым небом на вершине храма стояло несколько алтарей, от которых спускались желобки. Всюду были вырезаны изображения луны, словно камень покрылся пузырями.

— Тогда мы обыщем город, — заявил Ястреб Агаре.

Кейн сопровождал белого короля и его воинов в поисках, но знал: они бесполезно тратят дневное время. В конце концов жертва полной луне уже принесена, теперь ничего не исправишь. Многие комнаты в пирамидах, которые они обыскали, стояли пустыми, и даже там, где жили люди, почти

ничего не было, кроме самой примитивной мебели. Как и религия, этот город вымирал.

— Кто кричал ночью? — непрерывно спрашивал англичанин, но люди молчали.

Кейн понял, что тогда у ворот, они безмолвствовали не от благоговейного страха перед Ястребом, а от ужаса перед Агарой. Все эти, похожие на улей жилища были испещрены изображениями луны. Местами проглядывали другие полусоскобленные рисунки. Значит, религия Агары вытеснила собой другие верования.

Ястреб обшарил весь город. Наконец они обнаружили в поле следы примятого жнивья и капли крови, ведущие в глубину поля и постепенно исчезающие. Ничего не найдя по кровавому следу, усталые, они вернулись в город. Англичанин был чернее тучи:

— Высохший людоед не подчиняется мне, Ястребу Басти,— шептал он, и Кейн понял, что пирата волновали вовсе не страдания стражника.

Хотя ворота стояли открытыми, улицы пустовали. Только пирамиды возвышались среди стен Басти. В тихих сумерках они еще больше походили на огромные могилы. Кейн и Ястреб вернулись в город в воинственном настроении.

— Если это одна из проделок старого язычника,— прошептал Ястреб,— то я разбросаю его кишки по ступеням храма.

Он сделал резкий жест рукой, приказывая войнам свиты остановиться. Стараясь двигаться неслышно, Кейн и Ястреб приблизились к пирамиде, над которой возвышался храм Луны.

У подножия пирамиды стояли двенадцать длинных столов, за которыми собралось все население Басти. Люди сидели неподвижно, словно у алтарей.

Один из столов оставался незанятым. На ступенях храма в одиночестве расположился Агара. По бокам от него пустовали два искусно украшенных резьбой деревянных кресла. На столе перед ним сверкала корона.

Жрец встал. Он не мог заметить англичан, хотя смотрел в их сторону.

— Наконец-то нам возвращена честь,— прокричал Агара.

Пират вышел из укрытия с мрачным, сердитым видом и приблизился к Агаре. Ястреб бросил на жреца горящий ненавистью взгляд и сел рядом с ним. Кейн занял второе кресло, а воины расселись за свободным столом.

Казалось, все были поглощены ритуальным таинством и с нетерпением смотрели на жреца, пока тот не провозгласил:

— Начнем наше празднество!

Голос Агары прозвучал высоко и радостно, но глаза оставались пустыми. Кейн доверял ему так же мало, как вампиру, играющему роль гостеприимного хозяина.

Ястреб расплылся в улыбке, когда девушки поставили перед ним блюда с искусно приготовленной пищей и кувшин с рисовым вином. Он осушил кувшин и потребовал еще один. Похоже, он даже не заметил, что рис и приправленное специями мясо затейливо уложены в виде лун с загнутыми лучами.

Агара пил мало, даже когда провозгласил: «Выпьем за белых людей, спасителей Бастии!» Кейн делал вид, что пьянеет, но на самом деле выливал вино обратно в кувшин. Лунный свет заливал город. Пират потребовал еще вина, не обратив внимания на предостережение товарища. Его естественная ос-

торожность и недоверчивость путешественника были заглушены вином и тцеславиєм. Он посмотрел на вернувшуюся с полным кувшином девушку маслянистым, похотливым взглядом.

— Пусть сатана лишит меня мужской силы, если она не будет сегодня моей,— бормотал он.

Кейн чувствовал себя'отяжелевшим от еды. Не входило ли это в план Агары?

— Больше не хочу,— отодвинул он блюдо, которое держала перед ним девушка.— Мне кажется,— произнес он тоном приказа, обращаясь к жрецу,— что настало время коронации.

— Ты прав,— усмехнулся жрец. С пронзительным криком он подпрыгнул и указал рукой на луну.

Луна медленно, словно балансируя над макушкой храма, выплыла наконец из-за него целиком и засияла в полную силу. Это была вторая ночь полнолуния. Внезапно нож девушки-служанки перерезал пояс Кейна. Она схватила оружие пуританина и отбросила его далеко в темноту. То же самое проделал Агара с пиратом, и несколько воинов с луками наизготовку окружили людей Ястреба. Жрец схватил корону и, уверенно возложив ее себе на голову, закричал:

— Мой народ! Белые люди посланы Луной, чтобы спасти нас! Она направила свой свет на них как знак! Их кровь, пролившись на жертвенный алтарь, сделает Басти снова великим!

Из толпы поднялся робкий, но одобрителный шепот. Отчаянно ища какое-нибудь оружие, Кейн бросил взгляд на лежащий перед ним посох вуду. Он протянул к нему руку, но англичанин опередил его. Секунду они боролись.

— Пусти, олух,— прорычал Ястреб.— Дай мне вызвать его на бой!

В голове Кейна пронеслись слова, сказанные во сне Н'Лонгой. Он неохотно отступил, и Ястреб вскочил на ноги.

— Пусть королем будет тот, кто более искусен в магии! — выкрикнул он.

Возможно, если б пират не был так пьян, то не бросил бы столь безрассудный вызов. Но толпа осмелилась поддержать его. Агара не стал отказываться. Усмехнувшись ехидно, он махнул рукой, чтобы англичанин начинал демонстрацию своего искусства.

Ястреб повернул посох в руках, при этом чуть не уронив его. Тень от лунного света повторяла его неуклюжие движения. Не нырнуть ли сейчас Кейну в темноту, пока на него не обращают внимания, и не поискать ли оружие? Но за спиной стояла женщина с ножом, следящая за ним.

Затем Ястреб повел себя по-другому. Казалось, он обрел неожиданную ловкость. Посох в его руках размножился. Он держал уже три посоха, два из которых бросил, и они поплыли по воздуху. Кейн потерял их из виду, но не видел и не слышал, чтобы они упали на землю. Посох стал извиваться, как змея, хотя пуританин знал, что посох тверд, как железо. Он извивался у ног Ястреба, а потом прыгнул обратно к нему в руки. Англичанин казался озадаченным собственным мастерством: наверное, вудист Н'Лонга помогал ему через этот посох.

Толпа была в восхищении. Ястреб пропустил посох через свое тело, словно волшебный меч, рассекающий, но не убивающий. Лицо Агары сморщилось. Он вскочил, вытянул вверх руку, как будто хотел схватить Луну с неба, и визгливо что-то выкрикнул.

Власть этого слова была ужасна. Оно наполнило город чем-то темным и огромным, скрывающимся

за пирамидами и проникающим в глубину сознания тех, кто его услышал. Толпа задрожала, словно началось землетрясение. Ястреб остолбенел в замешательстве.

Рука Агары опустилась на лицо и закрыла его на мгновение. Затем он убрал ладонь, и все содрогнулось от ужаса. Лицо старика стало неестественно белым, глаза и черты расплывались. Это был лик Луны. Агара натянул капюшон.

Толпа застонала. Жрец повернулся к ним со светящимся сквозь ткань капюшона лицом. Он как будто что-то сдергивал с лица и бросал в толпу. Лица людей сразу изменились, на шеях вместо голов появилось множество лун — уродливых шаров.

Луна в капюшоне повернулась к англичанам. Ястреб замахнулся посохом, громко стуча зубами. Посох ходил ходуном в его руках, как волшебная палочка в руках бессильного мага. Внезапно пират, всем телом подавшись вперед, метнул посох в жреца. Удар попал в цель.

Луна исчезла из капюшона, и возникло искаженное болью лицо Агары. Он упал, пригвожденный посохом к земле, но был еще жив.

Женщина, следившая за Кейном, застыла в шоке, как и вся толпа, вновь обретшая свои лица.

Кейн выбил нож из ее рук и нырнул в темноту. Нашарив на земле пистолеты, он схватил их и один отдал пирату.

Пуританин удивился, что Ястреб не спешит убить скорчившегося жреца. Злорадно посматривая на жертву, он резким, чуть пьяным движением водрузил корону себе на голову и произнес:

— Теперь, мой неудачливый претендент на престол, мы посмотрим, сколько времени понадобится, чтобы снять с тебя шкуру.

Но Кейн выстрелил в старика, разmozжив ему голову. Ястреб, рыча, схватился за пистолет. Тонкие губы гневно дрожали, глаза хищно сверкали.

Один из воинов Агары нерешительно приблизился, но англичанин в бешенстве выстрелил ему в лицо.

— Так погибнет каждый, кто не поклянется в верности Ястребу Басти! — закричал он, размахивая посохом, как скипетром.

Он свирепо посмотрел на Кейна. Неужели после всего пройденного вместе начнется дуэль?

Но внезапно глаза пирата погасли. Руки его беспомощно разжались, пистолет упал на землю. Ястреб с напыщенным и самодовольным видом заходил кругами на одном месте, похожий на глупую курицу. Вдруг он широко улыбнулся Кейну.

Когда-то пуританин уже наблюдал подобную перемену в лице. Он не верил своим глазам. Он видел перед собой не глаза Ястреба, а чьи-то другие. Кейн смотрел озадаченно, пока не услышал голос:

— Что же ты, не узнаешь Н'Лонгу, брат?

Кейн беспомощно покачал головой. Он слишком был рад, чтобы осудить колдовство мага, и только спросил:

— Что ты сделал с Ястребом?

— Он ушел в страну теней. Может быть, узнав, как стать королем, он вернется, — засмеялся Н'Лонга, но глаза его остались старыми и усталыми. — Это тело будет сидеть на королевском троне, и оно должно иметь короля внутри. Ястреб не король. Н'Лонга лучше.

Кейн внутренне не мог не согласиться с этим. Люди испуганно жались друг к другу. Народу Басти король был необходим. А назвать правителя новым

именем — значило еще больше смутить толпу. Н'Лонга поднял руку:

— Приветствуйте короля, — закричал он. — Ястреба Басти!

На рассвете Кейн подошел к берегу. Бастийцы уже работали на полях. Ястреб, или тот, кто жил в его теле, помогал и руководил ими. Он широко улыбнулся Кейну, когда тот проходил мимо.

Пуританин велел неграм в каноэ перевезти его на другой берег. Последний взгляд пуританина на остров был печален. Ему казалось, что город будет вечно жить в тревоге. И хотя вокруг уже рассвело, над пирамидами висела бледная луна, словно призрак лица, выглядывающего из капюшона.

ДЕТИ АШШУРА

С

1

оломон Кейн вскочил с груды сваленных в углу шкур, служивших ему постелью, пытаясь в кромешной тьме найти свое оружие. Его разбудила не бешеная дробь тропического ливня, стучавшего по крыше хижины, и не яростные раскаты грома — вопли ужаса и боли, пронзительный лязг стали доносились сквозь шум и грохот тропического шторма. По-видимому, в деревне, где англи-

чанин укрылся от разбушевавшейся стихии, происходило что-то страшное — набег или облава. Соломон Кейн лихорадочно пытался понять, кто именно мог напасть на мирную деревню ночью и в такой ужасный шторм. Его рука наткнулась в темноте на пистолеты, лежавшие тут же, на шкурах, но он не стал их брать. В такой ливень это просто бесполезные игрушки — порох мгновенно намокнет, стоит лишь выйти за порог хижины.

Забыв про шляпу и плащ, Кейн бросился к двери и резко распахнул ее. Яркая вспышка молнии, которая, казалось, прорезала все небо, на миг ослепила его, но затем он увидел безумное, хаотичное мелькание человеческих фигур в просветах между хижинами и сверкающие отблески огня на лезвиях мечей и топоров. Теперь он отчетливо слышал пронзительные крики ужаса чернокожих жителей деревни и гортанные воинственные кличи на каком-то незнакомом ему языке. Кейн пробежал несколько шагов вперед, высоко подняв меч над головой, и вдруг почувствовал, как рядом с ним метнулась чья-то тень. Он резко остановился и взмахнул мечом, но в это мгновение новая ослепительная вспышка молнии лишила его возможности увидеть врага. Соломон невольно зажмурился, обрушив удар наугад в пустоту. Открыв глаза, он успел лишь увидеть занесенный над его головой огромный меч. Снова вспыхнул огонь, который был во сто крат ярче молнии. Сознание затуманилось, и мрак чернее ночи в джунглях поглотил его...

Соломон Кейн очнулся, когда первые лучи солнца едва тронули бледным светом потемневшие от дождя джунгли. С трудом приподнявшись, он сел в липкой грязи неподалеку от своей хижины. Со лба его сочилась кровь, а голова раскалывалась и гуде-

ла, но Кейну все же удалось приподняться и оглядеться по сторонам. Дождь, по-видимому, давно прекратился, и небо было совершенно ясным, без единого облачка. Над деревней висела тишина — зловещая, гнетущая тишина, — и англичанин вдруг осознал, что теперь эта деревня — обиталище Смерти. Повсюду — на улицах, в дверях и внутри хижин — лежали тела мужчин, женщин и детей, некоторые из них были изрублены на куски, что говорило о какой-то запредельной жестокости и бессмысленности нападавших. По-видимому, они убили почти всех жителей, а если и захватили кого-то в плен, то лишь немногих. Они не взяли никакого оружия, принадлежавшего их жертвам, и ничего из утвари или орудий труда. Соломон Кейн понял, что набег совершили представители какой-то более цивилизованной расы, которых совершенно не интересовали ни примитивные копья, ни топоры и ничего из того, что было произведено руками грубых крестьян. И все же, как обнаружил через некоторое время англичанин, кое-что они взяли — слоновую кость, в большом количестве имевшуюся в деревне, а также его меч, пистолеты, кинжал и сумки с патронами и порохом. Прихватили неведомые захватчики и палку Соломона с заостренным концом, причудливой резьбой и набалдашником в виде кошачьей головы, которую подарил англичанину его друг Н'Лонга, колдун с Западного побережья. Пропали также шляпа и плащ.

Кейн стоял посреди мертвой деревни, мучительно размышляя о причинах, вызвавших эту кровавую резню, но ответа не находил. Он пришел в деревню предыдущей ночью, весь промокший, и попросил пристанища у жителей, которые радушно приняли его, щедро поделившись своими скромными запаса-

ми пищи. Из разговоров с ними Соломон понял, что сами они не очень много знали о земле, на которой жили, так как поселились здесь относительно недавно, изгнанные со своих мест более могущественными и воинственными племенами. Они были простым и миролюбивым народом, и в сердце Кейна зажглись ярость и ненависть против неизвестных варваров, так жестоко расправившихся с безобидными и незащищенными людьми. Внезапно он вспомнил, как яркая вспышка молнии осветила на мгновение лицо того, кто напал на него, — лицо белого человека! Но ведь Кейн знал, что в этих местах не могло быть белых людей, даже кочевники-арабы появлялись лишь в сотнях миль отсюда. Соломон не успел разглядеть одежду чернобородого, хотя теперь смутно припомнил, что выглядел он как-то не по-местному причудливо, да и длинный прямой меч в его руке говорил о том, что эти люди пришли откуда-то издалека. Кейн взглянул на грубую неровную стену, окружавшую деревню, на бамбуковые ворота, обломки которых теперь валялись в грязи, и вдруг заметил широкую утоптанную тропу, уходящую в джунгли. Оглянувшись в поисках какого-нибудь оружия, он увидел лежавший неподалеку грубый крестьянский топор и взял его. Соорудив из широких листьев некое подобие шляпы, чтобы защитить голову от палящих солнечных лучей, Соломон Кейн вышел через сломанные ворота и направился по следу неведомых убийц, ведущему в джунгли.

Под гигантскими деревьями, укрывавшими землю от ливня, след стал заметнее, и Кейн, присев на корточки, стал вглядываться в разбухшую рыхлую почву. Он ясно различил отпечатки сандалий, — их было больше, но попадались и следы босых ног,

говорившие о том, что часть жителей все же захвачена в плен. По-видимому, если нападавшие и понесли потери, то тела своих убитых они взяли с собой. Скорее всего, они уже очень далеко: Кейн старался идти как можно быстрее, не останавливаясь, но так и не увидел никого впереди за целый дневной переход.

Только когда заметно стемнело, Соломон сделал наконец небольшой привал и торопливо поел то, что успел захватить с собой из уничтоженной деревни. Затем он вскочил на ноги и вновь устремился вперед, сжигаемый яростью и желанием разрешить загадку страшного чернобородого человека, высвеченного в его памяти вспышкой молнии. Хуже всего было то, что убийцы забрали оружие Кейна, а в этой дикой стране наличие оружия — вопрос жизни и смерти...

Вдруг показался просвет между деревьями, и вскоре Кейн вышел на холмистую, поросшую густой травой равнину с видневшейся вдаль цепью низких скалистых гор, к которым и вели следы. Англичанин решительно направился в сторону гор, но внезапно замер, услышав грозное рычание львов, раздававшееся отовсюду в надвигавшейся вечерней тьме. Почуввав добычу, гигантские кошки начали приближаться, и Кейн понял, что попытка прорваться через это огромное пространство с одним топором в руках равносильна самоубийству. Отпрыгнув назад, в джунгли, он тут же нашел огромное дерево и, быстро взобравшись на него, уселся поудобнее на широком разветвлении. Отодвинув листья, он увидел огонек, мерцающий между холмами, а дальше, на горной гряде, различил множество других, петляющих и извивающихся, словно светящаяся змея. Кейн понял, что это и есть колонна захватчиков со

своими пленниками; они несли факелы, чтобы освещать дорогу и отпугивать львов. По-видимому, их убежище было где-то совсем близко, раз они репшились идти ночью по кишашей кровожадными хищниками местности.

Вскоре огоньки начали один за другим исчезать, скрываясь за скалами, и вот наконец не осталось ни одного. Черные скалы слились с черным небом, и Кейн, вздохнув, прислонился к могучему стволу. Закрыв глаза, он вслушивался в шелест листвы, напештывающей ему таинственные предания древней Африки, и в рычание львов, бродивших в темноте вокруг дерева, на котором он сидел. Вскоре он заснул — как ему показалось, на миг, — но когда открыл глаза, то бледный рассвет уже занимался над равниной, окрашивая ее розовыми и золотыми красками.

Соломон спустился с дерева, доел остаток еды, взятой с собой, и напился воды из чистого прозрачного ручья, размышляя о том, где он сможет дальше добывать себе пищу. Если это не удастся, положение его станет очень рискованным. Но Кейн не впервые оказался в таких обстоятельствах — ему не раз приходилось и умирать с голоду, и замерзать в лютые морозы, и валиться с ног от полного изнеможения. Его выносливое тело было крепким и гибким, как сталь.

Поэтому он смело зашагал через саванну, зорко поглядывая по сторонам, чтобы вовремя заметить львов, но при этом не замедлял шага. Солнце тем временем достигло зенита и медленно стало клониться в сторону запада. Приблизившись к скалистой гряде, Кейн увидел, что это была скорее не горная цепь, как ему казалось издали, а каменистое неровное плато, резко возвышавшееся над огром-

ной равниной. У его подножия росли деревья, но сами склоны и поверхность выглядели голыми и бесплодными. Склоны оказались довольно крутыми, зато не слишком высокими — не более семидесяти или восьмидесяти футов, и Кейн решил, что взобраться по ним не составит особого труда.

Подойдя еще ближе, Кейн увидел, что каменистые скалы лишь местами скудно покрыты землей. Рядом с ними громоздились огромные валуны, перепрыгивая по которым можно было бы добраться почти до верха. Но он увидел и кое-что еще — широкую дорогу, петляющую вверх по отвесному склону. Именно к ней и вели следы, по которым он шел.

Кейн приблизился к дороге, отметив про себя превосходную работу неведомых каменотесов, — это явно не было простой звериной тропой или природным образованием: ступени оказались широкими, довольно ровно вырезанными, присутствовало даже некое подобие парапета.

И все же, осторожный, как волк, он не стал пользоваться дорогой. Присмотрев неподалеку наименее крутой склон, направился туда и начал восхождение, которое оказалось не таким легким делом, как он думал вначале, — цепляясь за выступы, Соломон обнаружил, что некоторые из них шатаются и он рискует быть погребенным под грудой камней. Тем не менее опыт и упорство помогли ему справиться с этой задачей, и вскоре он уже стоял на вершине огромного каменистого плато, широко раскинувшегося перед его взором.

Внезапно англичанин ошеломленно потряс головой, не веря своим глазам, — то, что он увидел, заставило его подумать, что это мираж или галлюцинация. Но нет — то, что он видел, существовало

в действительности,— целый город с каменными домами, укреплениями и башнями, лежавший внизу. Кейн увидел крошечные фигурки людей, сновавших по улицам, небольшое озеро, по берегам которого раскинулись цветущие сады, и сочные зеленые луга с пасущимся на них откормленным скотом.

Несколько мгновений Кейн стоял в оцепенении, изумленно разглядывая неизвестный город, спрятавшийся посреди огромного каменистого плато, затем он внезапно вздрогнул, услышав лязг металла о камень. Из-за валуна показался человек. Незнакомец был крепкого телосложения, почти такой же высокий, как Кейн, но намного шире в плечах и плотнее. На его могучих руках перекатывались мускулы, а огромные ноги напоминали железные столбы. Лицо его казалось удивительно похожим на то, которое Соломон видел в деревне при вспышке молнии,— лицо белого человека с черной бородой, хищным крючковатым носом и свирепым взглядом темных колючих глаз. От самой шеи, напоминавшей бычью, и до колен он был закован в железные доспехи, голову украшал железный шлем. В левой руке чернобородый держал массивный деревянный щит, обитый железом, в правой — короткую, но увесистую булаву, а на поясе у него висел длинный кинжал.

Все это Кейн успел разглядеть за одно мгновение, так как незнакомец тотчас зарычал и бросился на него. Англичанин понял, что в данной ситуации ни о каких переговорах не может быть и речи,— только схватка не на жизнь, а на смерть. Словно тигр, Кейн прыгнул навстречу чернобородому, метнув в него топор со всей силой, на которую только был способен. Тот отразил удар, выставив вперед щит, который при этом разбился на куски.

Они сцепились в рукопашную, рыча, как дикие звери, и закружились в безумной пляске среди камней. Оба противника были под стать друг другу, и борьба оказалась нелегкой. Они кружили у самого края отвесного склона, оба раненные, но раны скорее придавали им ярость и новые силы, чем усталость и желание сдаться. Чернобородый взмахнул булавой, и на голову Кейна обрушился страшный удар, перед глазами все поплыло, но последними усилиями воли он сумел вцепиться противнику в горло.

Он словно обезумел. Яростно молотя противника, он вдруг нащупал кинжал у него за поясом. Выхватив его и уже почти не видя своего врага, Кейн взмахнул им и со страшной силой опустил на извивавшееся в его руках тело — удар пришелся прямо в горло. Но, как ни странно, чернобородый зашевелился еще яростнее и, обхватив могучими руками шею Кейна, попытался его задушить. Соломон, уже не стараясь освободиться от мертвой хватки, — глаза его заливали пот и кровь, — вдруг почувствовал рядом с собой бычью шею врага и впился в нее зубами. Рваные куски мяса, поток крови и — дикий крик агонии поверженного противника. Не в силах сделать больше ни одного движения, Кейн закрыл глаза, навалившись всем телом на тело убитого им врага.

Они лежали в луже крови, когда возле них появились люди — такие же чернобородые, свирепого вида. Привлеченные звуками сражения, они поспешили наверх и увидели два бесчувственных тела, лежавших одно на другом.

Раставив их в стороны, чернобородые поняли, что один из противников мертв, а другой, вероятно, умирает. Немного посоветовавшись, они прика-

зали рабам положить тела на носилки и отнести в город. Город, живущий таинственной жизнью посреди огромной равнины, окруженный загадочным каменистым плато...

2

Сознание медленно возвращалось к Соломону Кейну. Очнувшись, он обнаружил, что лежит на меховой постели, сооруженной из шкур животных, в какой-то большой комнате. Обведя глазами незнакомую комнату, Кейн увидел, что стены, пол и потолок в ней каменные, а единственное окно плотно закрыто. У двери стоял крепко сложенный чернобородый стражник, очень напоминавший того, с кем Соломон дрался на вершине плато.

Пошевелившись, Кейн почувствовал, что шея, запястья и лодыжки туго скованы цепями; цепи замыкались в массивном кольце, прикрепленном к стене. Как ни странно, его раны были аккуратно перебинтованы. Не успел Соломон как следует поразмыслить обо всем, как в комнату вошел раб, неся поднос с едой и вином. Кейн лишь скользнул взглядом по чернокожему рабу, но не сделал никакой попытки заговорить с ним. В вино было явно подмешано какое-то зелье, и англичанин вскоре заснул крепким сном.

Когда он проснулся спустя несколько часов, то обнаружил, что все его раны перебинтованы заново, а у дверей стоит уже другой часовой — точно такой же мускулистый, чернобородый и закованный в доспехи с головы до ног.

На этот раз Кейн почувствовал себя сильным и отдохнувшим после сна. Он с нетерпением ждал

прихода раба, чтобы порасспросить его об этом странном городе и его обитателях, но вдруг услышал скрип сандалий в коридоре и замер, не сводя глаз с массивной, обитой железом двери.

В комнату вошла группа людей в длинных черных плащах, с гладко выбритыми лицами и головами. От них тотчас отделился и встал поодаль высокий человек в шелковом одеянии с золотым поясом, с иссиня-черными волосами и бородой, с хищным крючковатым, как у ястреба, носом. В его взгляде Кейн заметил высокомерие и пренебрежительность, свойственные всем представителям этой расы. Его голову украшал золотой обруч с причудливой резьбой, а в руке он держал золотой жезл. Группа бритоголовых вела себя по отношению к нему с раболепствующим почтением, и Кейн подумал, что это или король, или верховный жрец города.

Рядом с ним стоял еще один человек, пониже ростом и потолще, бритый и довольно богато одетый. В руке он держал плетъ с шестью ремнями, на конце каждого из которых были прикреплены треугольные кусочки металла, что представляло собой довольно устрашающее орудие наказания. Глаза у толстяка были острыми и пронизательными, по отношению к человеку с золотым жезлом он держался с заискивающим почтением, по отношению к остальным — с презрительным высокомерием.

Кейну показалось, что в чертах этих людей присутствует что-то неуловимо знакомое, — они были похожи на арабов, но все же ему никогда не приходилось встречать таких арабов. Они говорили между собой, и в их языке Кейну тоже слышались знакомые звуки, но что это за язык, он так и не смог определить.

Наконец высокий человек с золотым скипетром повернулся и величественно вышел из комнаты, за ним последовали все остальные. Англичанин остался один, но через некоторое время толстяк с плетью вернулся, сопровождаемый шестью солдатами и слугами, среди которых был молодой раб, приносивший Кейну еду, а также высокий, мрачного вида служитель, на поясе у которого висел большой ключ. Выставив вперед пики, солдаты окружили пленника, а служитель снял с пояса ключ, открыл замок и отсоединил цепи Кейна от кольца в стене. Взяв в руки цепи, солдаты повели англичанина к дверям. Окруженный стражниками, Кейн вышел в коридор, представлявший собой ряд широких галерей, соединенных лестницами. Они поднялись наверх и вошли в другую комнату, похожую на ту, где до недавнего времени находился Кейн. К стене рядом с окном было прикреплено массивное кольцо, к которому и приковали цепи узника. Вино и еда уже стояли на столике рядом с кроватью.

Стражники ушли, и Кейн увидел, что они не заперли дверь на ключ и не приставили к ней часового — по-видимому, считали, что пленник достаточно надежно прикован. И они были правы — Соломон убедился в этом, подергав за цепи.

Англичанин посмотрел в окно, которое оказалось больше, чем в предыдущей комнате, и не так плотно закрыто. Кейн стал разглядывать город — узкие улицы и широкие аллеи с колоннами и каменными львами, дома — в большинстве из камня, но некоторые из высушенного на солнце кирпича — с плоскими крышами, имевшие какой-то мрачный и отталкивающий вид, как и все остальное.

Город окружала высокая стена с башнями, расположенными через равные промежутки, вдоль

которой неторопливо двигались вооруженные часовые. Кейн покачал головой, удивляясь, до чего же воинственные и свирепые лица были у всех них.

Что касалось здания, в котором он сейчас находился, то англичанин не мог составить о нем какого-либо определенного представления. Из своего окна он мог видеть лишь гигантскую лестницу, ведущую от здания к каменной мостовой.

Кейн отвернулся от окна и обвел взглядом комнату. Его внимание привлекла резьба по камню, раскрашенная в разные цвета и выполненная с большим мастерством, которой были покрыты почти все стены. Главными сюжетами сцен были война или охота — могучие люди с черными бородами, вооруженные до зубов, убивают львов или сражаются с врагами, в основном чернокожими.

Вся резьба была раскрашена в различные цвета, при этом фигуры людей изображались довольно примитивно по сравнению с фигурами животных — львы выглядели как живые. Некоторые из сцен изображали чернобородых убийц в колесницах, запряженных огнедышащими скакунами, и Кейн опять почувствовал, что все это ему уже знакомо, — как будто он видел что-то подобное раньше. И кони, и колесницы изображались с меньшим реализмом, чем львы, и даже с некоторыми искажениями. Вглядываясь в них, Кейн решил, что это было сделано нарочно — вот только неизвестно, с какой целью.

3

Время пролетело незаметно, пока он так размышлял. Дверь открылась, и в комнату вошел молчаливый раб, неся еду и вино.

Когда он поставил поднос на столик, Кейн заговорил с ним на диалекте одного из местных племен, к которому, по всей видимости, должен был принадлежать этот человек, судя по характерным шрамам на лице. Раб слегка улыбнулся и ответил Соломону на языке, который был немного знаком англичанину, достаточно знаком, чтобы можно было его понять.

— Что это за город?

— Нинн, бвана.

— А что это за народ?

Раб грустно покачал головой.

— Это очень древний народ, бвана. Они живут на этой земле уже очень много лет.

— А высокий человек, который приходил в мою комнату с группой других людей,— это их король?

— Да, бвана. Король Ашшур-рас-араб.

— А человек с плетью?

— Это жрец Ямен, бвана перс.

— Почему ты меня так называешь? — удивленно спросил Кейн.

— Так называют вас хозяева, бвана,— начал было он, но вдруг отпрянул и страшно побледнел, увидев, как в дверях появилась высокая фигура. В комнату вошел бритоголовый человек огромного роста, и раб тотчас рухнул на колени, воя от ужаса. Мощные пальцы гиганта сомкнулись на его шее, и Кейн увидел вылезшие из орбит глаза раба и язык, вывалившийся из широко раскрытого рта. Его тело судорожно корчилося, пытаясь вырваться из рук палача, но все было напрасно — вскоре он обмяк, повиснув на руках своего убийцы.

Бритоголовый отпустил его, мертвый раб упал на пол. Убийца хлопнул в ладоши, и через несколько мгновений в комнату вошли еще два раба. Увидев

мертвое тело, они побледнели и, не поднимая глаз, молча подхватили его за ноги, потащив из комнаты.

Бритоголовый повернулся, и взгляд его жестких непроницаемых глаз встретился со взглядом Кейна. Ненависть вспыхнула в душе англичанина; не отводя глаз, он в упор смотрел на убийцу. Тот лишь усмехнулся и молча вышел из комнаты, оставив Соломона наедине с его мыслями.

В следующий раз еду Кейну принес уже другой раб — молодой, с красивым и умным лицом, но теперь Соломон не делал никаких попыток заговорить с ним. Очевидно, хозяева не желали, чтобы их пленник смог что-либо узнать о них.

Сколько дней Кейн провел в этой комнате, он уже не мог сказать, поскольку потерял счет времени. Каждый следующий день был таким же, как и предыдущий, и ничего не менялось. Иногда в комнату приходил жрец Ямен и, самодовольно улыбаясь, молча разглядывал Кейна, что приводило англичанина в ярость; иногда на пороге возникала огромная фигура бритоголового убийцы, который через некоторое время исчезал так же бесшумно, как и появлялся.

Каждый раз, когда он приходил, глаза Кейна неизменно были прикованы к большому позолоченному ключу, висевшему на поясе у гиганта. Если бы он только смог дотянуться до него! Но бритоголовый тюремщик оказался слишком осторожным, чтобы близко подходить к Кейну, если только того не окружали солдаты с копьями наготове.

Однажды ночью в комнату пришел жрец Ямен в сопровождении бритоголового гиганта, которого звали Шем, и большой группы помощников и солдат. Шем открыл ключом замок, отсоединив цепи Кейна от кольца на стене; солдаты и жрецы окру-

жили англичанина и повели из комнаты по галереям, освещенным факелами, которые были укреплены в нишах вдоль стен.

Стены галерей тоже украшала резьба, и свет факелов позволял Кейну достаточно хорошо ее рассмотреть, правда, кое-где краска потускнела, а резьба деформировалась от времени. В основном здесь были изображены люди в колесницах, большинство фигур — в человеческий рост. Соломон понял, что более поздние, несовершенные изображения колесниц и коней скопированы именно с этой, гораздо более древней резьбы. Наверняка сейчас в городе не встретишь ни колесниц, ни коней! Лица людей явно различались по расовым признакам; в основном здесь преобладал тип людей с крючковатыми носами и черными курчавыми волосами, принадлежавших к господствующей расе. Их противниками в сценах сражений иногда оказывались чернокожие воины, иногда люди, похожие на них самих, и изредка высокие, мускулистые воины с, несомненно, арабскими чертами.

Кейна удивило, что в некоторых из наиболее древних сцен лица людей и их оружие совершенно отличались от ниннитских. Эти чужестранцы всегда присутствовали в батальных сценах и никогда — в портретах; чаще всего они выглядели победителями в сражениях, и ни разу англичанин не заметил, чтобы их изображали как рабов. У Кейна возникло странное ощущение, что ему знакомы эти лица, что они дружелюбно улыбаются ему, как страннику в чужой земле.

Если не обращать внимания на их варварское оружие, то они вполне могли бы сойти за англичан с их европейскими чертами лица и русыми волосами.

Кейн понял, что когда-то, давным-давно, предки теперешних ниннитов воевали с предками англичан или народов, близких им по крови. Но когда и на какой земле? Ясно одно — сражения происходили не там, где сейчас дом ниннитов, потому что в этих сценах изображались плодородные равнины, зеленые холмы и широкие реки. И еще — большие, как Нинн, города, но совершенно не похожие на него.

И тут Кейн внезапно вспомнил, где он раньше видел подобную резьбу, на которой короли с черными курчавыми бородами, стоя в колесницах, убивали львов. Он видел их среди фрагментов каменной кладки, находившейся на месте одного давно забытого города в Месопотамии, и люди говорили ему, что эти руины — все, что осталось от Кровавой Ниневии, проклятой богами.

Солдаты привели англичанина к огромному храму, и процессия двинулась вдоль колонн, украшенных, как и стены, резьбой. Соломон увидел впереди каменного идола, черты лица которого были лишены свойственной человеку мягкости и гармоничности, что превращало его в жуткого монстра.

В тени колонны на высоком троне лицом к идолу восседал король Ашшур-рас-араб. Отблески факелов плясали на его жестком неподвижном лице; в первый момент Кейн принял и его за идола. Рядом с королевским тронном стоял трон поменьше, перед которым на золотой треноге была поставлена жаровня, где тлели угли, и вверх поднимался удушливый дым.

На Соломона накинули широкий плащ из шуршащего зеленого шелка, скрывший его позолоченные цепи и одежду, превратившуюся в грязные лохмотья. Кейна подтолкнули к трону рядом с жаровней, и он покорно сел на него, не произнося ни звука.

Затем его цепи прикрепили к трону, защелкнув на замок и укрыв их фалдами шелкового плаща.

Младшие жрецы и солдаты исчезли, в помещении остались только Кейн, жрец Ямен и король Ашшур-рас-араб. Но вскоре Соломон заметил сверкнувшее за одной из колонн лезвие меча и чью-то тень, мелькнувшую за другой колонной. У него появилось ощущение, что здесь готовится какое-то представление, скорее всего — шарлатанство.

Наконец Ашшур-рас-араб поднял золотой скипетр и ударил им в гонг, висевший рядом с тронном. Сочная и мелодичная нота, напоминавшая отдаленный колокольный звон, эхом отдалась в высоких темных сводах храма. Среди сумрачных колонн показалась группа людей, которые, как понял Кейн, являлись представителями знати этого фантастического города. Все они были высокими, чернобогородыми, с надменным выражением лица, одетыми в шелковые одежды с драгоценными украшениями. В центре группы шел закованный в золотые цепи юноша, весь вид которого выражал обреченность и в то же время — явное неповиновение.

Процессия опустилась на колени перед королем, склонив головы до самого пола. Король что-то сказал, и они тотчас поднялись и повернулись в сторону англичанина и идола, возвышавшегося перед ним. Затем жрец Ямен, казавшийся пузатым демоном, в злобных глазах которого мелькали отблески факелов, стал выкрикивать какие-то заклинания, высыпав в жаровню горсть порошка. В то же мгновение зеленоватый дым густым облаком взвился над жаровней. Кейн едва не задохнулся от едкого густого дыма, его сознание затуманилось, он чувствовал себя словно пьяный. Судорожным движением вцепившись в свои оковы, он пытался

разорвать их, бормоча при этом какие-то бессвязные клятвы и проклятия.

Жрец Ямен подошел к Кейну и, наклонившись, стал вслушиваться в его бормотание. Затем порошок догорел, дым рассеялся, и Кейн стал понемногу приходить в себя, вновь ощутив, что он сидит на троне рядом с жаровней.

Ямен повернулся к королю и низко поклонился. Затем он выпрямился и, широко раскинув руки, высокопарно заговорил. Король мрачно повторил его слова, и Соломон увидел, как побледнело лицо юноши, закованного в цепи. Стражники схватили его за руки, и группа медленно направилась к выходу из храма; шаги их гулко отдавались в тишине.

Словно призраки, из теней колонн возникли солдаты. Окружив Кейна, они повели его между колоннами, затем по сквозным галереям — обратно в комнату, где Шем снова приковал его цепями к стене. Кейн сел на кровать, уперев подбородок в кулак, и принялся размышлять о том, что сейчас произошло, но неожиданно его раздумья прервал странный шум за окном.

Англичанин выглянул из окна и увидел, как внизу, на рыночной площади, освещенной множеством факелов, собралась толпа. В центре площади на небольшом помосте возвышалась фигура человека, но из-за столпотворения Кейн не разобрал, кто это был. Стоявшего на возвышении человека окружало плотное кольцо солдат; их доспехи зловеще поблескивали, отражая мерцающий свет факелов.

Внезапно пронзительный вопль боли и ужаса прозвучал над площадью, перекрывая шум и крики толпы; на мгновение он стих, но тут же раздался вновь с еще большей, чем прежде, силой. Толпа зашумела, постышались возгласы негодования и про-

теста, но Кейн услышал и возгласы презрения и насмешки, даже громкий, дьявольский хохот. И вновь страшный вопль ужаса, невыносимой, нечеловеческой боли, перекрывая все остальные крики, донесся до слуха Соломона.

В коридоре раздались поспешные шаги босых ног, и в комнату вбежал молодой раб, которого звали Сула. Бросившись к окну, он просунул в него голову, напряженно вглядываясь в происходящее. Отблески факелов заплясали на его возбужденном лице.

— Люди борются с копьеносцами,— пояснил он, забыв о строжайшем приказе не вступать с узником ни в какие разговоры.— Многие люди очень любили принца Бел-лардата. О, бвана, в нем не было никакого зла! Зачем вы просили короля заживо содрать с него кожу?

— Я? — воскликнул пораженный Кейн.— Я ничего не говорил! Я даже никогда не видел его!

Сула повернул голову и взглянул на Кейна.

— Теперь я знаю то, о чем тайно думал, бвана,— сказал он на банту, языке, достаточно хорошо знакомом Кейну.— Вы не бог и не уста бога, но человек, похожий на того, кого я видел раньше, чем люди Нинна захватили меня в плен. Однажды, давным-давно, когда я был еще маленьким, я видел людей, которые пришли из ваших земель со своими слугами и убили наших воинов оружием, говорящим огнем и громом.

— Но меня среди них не было,— покачал головой Кейн.— Скажи мне, что все-таки происходит там, на рыночной площади?

— Они заживо сдирают кожу с принца Бел-лардата,— ответил Сула.— В городе многие поговаривали о том, что король и жрец Ямен ненавидят

принца, который происходит из рода Абдулаев. Но у него было много сторонников в народе, особенно среди арбиев, и даже король не осмеливался приговорить его к смерти. Но когда вас тайно привели в храм, так, чтобы никто в городе не знал об этом, Ямен сказал, что вы — уста бога. И он сказал, что Баал открыл ему: принц Бел-лардат вызвал гнев богов. Поэтому они привели его к оракулу...

Кейну стало не по себе. Это было совершенно невероятно — его бессвязное бормотание стало причиной того, что человека приговорили к ужасной, мучительной смерти. Хитрый Ямен перевел его слова так, как ему это было выгодно, и теперь несчастный принц, которого Кейн никогда не видел раньше, корчится в судорогах под ножами палачей на рыночной площади.

— Сула, — сказал он, — как эти люди сами себя называют?

— Ассирийцы, бвана, — ответил раб, не отрывая горящих глаз от дикой кровавой сцены внизу.

4

В последующие дни Сула время от времени находил возможность поговорить с Кейном. Он даже немного рассказал англичанину о происхождении жителей Нинна. Правда, он знал лишь то, что они пришли с востока много-много лет назад и построили свой мрачный город посреди каменного плато. Об этом говорили смутные легенды его племени. Его народ жил на холмистых равнинах далеко к югу отсюда и воевал с ниннитами с незапамятных времен. Люди его племени называли себя сулами, и они были сильными и воинственными. Время от време-

ни они совершали набеги на Нинн. Изредка нинниты нападали на них, и в одном из таких набегов Сула был захвачен в плен.

«Жизнь раба у ниннитов тяжела», — сказал Сула, и Кейн в этом не сомневался — достаточно было увидеть следы от плети, дыбы и выжженное клеймо на теле юноши. Время нисколько не смягчило жестокий дух ассирийцев, не укротило их ярость, и они так и остались проклятием древнего Востока.

Кейн хотел узнать, как этот древний народ появился в Африке, но Сула больше ничего не мог сказать. Они пришли с востока очень, очень давно — вот все, что ему было известно. Но теперь англичанин понял, почему их черты лица и язык показались ему знакомыми, — они были семитского происхождения. Внешность этих людей несколько изменилась со времен их переселения в Месопотамию, но многие из их слов имели несомненное сходство с еврейскими словами и выражениями.

Кейн узнал от Сулы, что не все жители города принадлежали к одной крови. Они не смешивались с рабами, а если такое и происходило, то ребенка от подобного союза немедленно умерщвляли. Господствующей ветвью, поведал Сула, были ассирийцы, но здесь жили и представители других народов — как простые люди, так и знатные, называвшие себя арбиями. Они похожи на ассирийцев, но кое в чем отличаются от них.

Среди жителей города были еще калдии — в основном маги и предсказатели. Ассирийцы относились к ним с некоторым пренебрежением. Шем, как сказал Сула, принадлежит к ветви эламитов, и Кейн припомнил, что это название он встречал в Библии. Их немного, но они сильны и жестоки, и жрецы используют их для наказания провинивших-

ся. Сула и сам пострадал от рук Шема, как, впрочем, и все остальные рабы в храме.

Это был тот самый Шем,— золоченый ключ на его поясе так много значил для Кейна, мечтающего о свободе. Но бритоголовый стражник никогда не подходил близко к пленнику, если только его не сопровождали солдаты с копьями наперевес.

Не было ни одного дня, когда бы Кейн не слышал удары плетью и дикие вопли рабов, которых или нещадно хлестали, или ставили раскаленное клеймо, или заживо сдирали с них кожу. Нинн оказался сущим адом, в котором правили демонический Ашшур-рас-араб и его угодливый и хитрый помощник, жрец Ямен. Сам король считался верховным жрецом, как и его королевские предки в древней Ниневии. Внезапно Кейн понял, почему они называют его персом,— они увидели в нем сходство с теми древними арийцами, которые когда-то пришли издалека, чтобы стереть Ассирийскую империю с лица земли. Спасаясь бегством именно от этих русоволосых завоевателей, нинниты и пришли в Африку.

Дни проходили один за другим, а в жизни Кейна ничего не менялось — он по-прежнему оставался пленником ниннитов. Больше ни разу ему не пришлось быть оракулом в храме.

Но вот однажды привычная череда дней нарушилась. Кейн услышал, как громко затрубили рожки на городской стене, запели литавры и зазвенела сталь на улицах. До его слуха донеслись топот ног и возбужденные крики людей. Выглянув в окно, Соломон увидел несущуюся по плато огромную толпу полуобнаженных чернокожих. Наконечники их копий сверкали на солнце, разноцветные страусиные перья на их головах развевались по

ветру, а их громкие боевые кличи отчетливо доносились до слуха Кейна, несмотря на большое расстояние.

В комнату с горящими глазами вбежал Сула.

— Это мой народ! — взволнованно крикнул он. — Они идут против людей Нинна! Мои люди — воины! Богага — полководец, Катайо — король. Военные вожди нашего племени завоевывают себе славу силой своих рук, и если найдется какой-нибудь человек, который может убить военного вождя голыми руками, то он занимает его место и сам становится военным вождем. Так Богага стал полководцем, и пройдет еще немало дней, прежде чем кто-то сможет одолеть его голыми руками, потому что он сильнее всех на свете.

Кейну представилась прекрасная возможность наблюдать из своего окна за событиями в городе и даже за его пределами, потому что его комната находилась на самом верхнем этаже храма Баала. Вскоре туда торопливо вошел Ямен в сопровождении бритоголового Шема и других эламитов. Не приближаясь к Кейну, они направились к одному из окон и выглянули наружу.

Огромные ворота широко распахнулись, и ассирийцы маршем вышли из города навстречу врагу. Кейн смог приблизительно подсчитать, что их было не меньше полутора тысяч человек; еще триста солдат осталось в городе, не считая личной гвардии короля и стражников.

Соломон увидел, что войско ниннитов разделилось на четыре части: центральная, состоявшая примерно из шестисот человек, выдвинулась вперед; с флангов ее прикрывали две группы по триста человек каждая, а оставшиеся три сотни расположились позади центральной группы, между флангами, так

что весь строй представлял собой следующую картину.

Ассирийцы были вооружены копьями, мечами, булавами и короткими тяжелыми луками. За их спинами висели колчаны с оцетинившимися стрелами — острыми и длинными.

Нинниты вышли на равнину в совершенном порядке и остановились, ожидая приближения нападавших. Кейн подсчитал, что чернокожих воинов было по меньшей мере тысячи три, и даже с довольно большого расстояния он смог разглядеть, что они великолепно сложены, полны сил и отваги. Но должного порядка и умения вести военные действия у них не наблюдалось — сулы представляли собой несущуюся вперед огромную беспорядочную толпу. Из строя ниннитов им навстречу полетел град стрел; их щиты из бычьей кожи оказались пробиты, словно бумажные.

Ассирийцы повесили свои щиты на шеи, чтобы освободить руки, и продолжали безостановочно поливать стрелами чернокожих воинов, которые с какой-то безрассудной отвагой еще быстрее стремились навстречу этому смертоносному ливню. Кейн видел, как один за другим падали ряды атакующих, и вскоре равнина покрылась множеством черных тел. Тем не менее они упорно продолжали наступать, расточая свои жизни, ускользающие, как песок сквозь пальцы. Кейна поразила совершенная дисциплина семитских солдат, которые действовали с таким хладнокровием, как будто это были всего лишь учения.

Когда фланги ассирийцев пошли в наступление, поддерживая центральную часть войска, толпа нападавших дрогнула и остановилась. Но внезапно от нее отделилась группа человек в четыреста; про-

рвавшись под ливнем стрел, они бросились на правое крыло ассирийского войска, смяв его передовые ряды. Но прежде чем они успели пустить в ход копья, резервная группа тыла поспешила на помощь флангу. Атака захлебнулась, и чернокожие воины начали отступать, не выдержав мощного натиска ассирийцев.

В воздухе засверкали мечи, и Кейн увидел, как сулы падают на землю, словно колосья под серпом жнеца. Почти все тела на окровавленной земле принадлежали чернокожим воинам, на одного мертвого ассирийца их приходилось десять.

Теперь нинниты перешли в наступление, и вот уже сулы в панике помчались по равнине назад, преследуемые сплошным потоком стрел. Ассирийцы гнали их, словно стадо животных, стреляя им в спины, рубя им головы мечами, добывая раненых кинжалами. Пленных они не брали. Сулы были плохими рабами, в чем Соломон смог убедиться в самое ближайшее время.

Собравшиеся в комнате Кейна наблюдатели приникли к окнам, не в силах оторвать глаз от кровавого зрелища. Грудь Сулы вздымалась, ноздри раздулись, глаза горели лихорадочным огнем. В этой душе дикого воина клокотала неукротимая ярость, дремавшая все годы рабства и проснувшаяся теперь при звуках боевых кличей своих соплеменников.

С пронзительным криком почуявшей кровь пантеры он прыгнул на спины своих хозяев. Прежде чем кто-нибудь из них смог шевельнуть рукой, Сула выхватил из-за пояса у Шема кинжал и вонзил его по самую рукоять между лопатками Ямена. Жрец визгливо, как женщина, завопил и, обливаясь кровью, рухнул на колени, а эламиты бросились на взбунтовавшегося раба. Шем пытался схватить Сулу

за руку и вырвать кинжал, но тот намертво вцепился в другого эламита. Кружа по комнате, они кололи друг друга кинжалами. И Шему никак не удавалось их остановить.

Глаза борющихся заливала кровь, на губах выступила пена, оба были уже ранены, но не разжимали своих смертельных объятий, и каждый норовил перерезать другому горло. Шем еще раз попытался схватить Сулу за руку, но бешено вертящийся окровавленный клубок с силой оттолкнул его в сторону. Потеряв равновесие, Шем рухнул на пол возле кровати Кейна.

Прежде чем он успел шевельнуться, англичанин бросился на него, как дикая кошка. Наконец-то настал момент, которого он так долго ждал! Шем отчаянно пытался вырваться, но Кейн с такой силой надавил ему коленом на грудь, что раздался омерзительный хруст ребер. Железные пальцы Кейна сомкнулись на горле бритоголового эламита; еще мгновение, и Соломон увидел безумные выпученные глаза Шема и его вывалившийся изо рта язык. Эламит обмяк и повис в руках Кейна.

Отшвырнув его, Соломон быстро выхватил ключ из-за пояса Шема и через несколько мгновений уже был свободен от цепей. С наслаждением растирая онемевшие руки, он обвел взглядом комнату. Ямен еще корчился на полу, хрипя и булькая, а Сула и другой эламит были мертвы — они так и не разжали своих смертельных объятий, буквально разорвав друг друга на куски.

Кейн быстро выбежал из комнаты. Он еще не знал, как выскользнуть из храма, который стал ему так же ненавистен, как сам ад. Соломон побежал вниз по сквозным галереям, не встретив никого на пути, — очевидно, все служители храма собрались

на городских стенах, наблюдая за сражением. Но, спустившись, он столкнулся лицом к лицу с одним из стражников, который от неожиданности тупо уставился на него. Мощный удар железного кулака — и стражник рухнул на пол как подкошенный. Схватив его копье, Кейн бросился к выходу из храма. Он надеялся, что, пока на улицах никого нет, можно беспрепятственно добежать до городской стены рядом с озером и перелезть через нее.

Но когда он стремглав выбежал на улицу, несколько человек, проходивших в это время мимо храма, с криками бросились в разные стороны, напуганные странным видом человека в лохмотьях и с копьем. Не обращая на них внимания, Кейн помчался по улице в направлении озера, снова наткнувшись на людей, которые также в панике разбежались. Он свернул в боковую улицу, надеясь таким образом срезать путь, но тут услышал грозное, леденящее душу рычание.

Кейн увидел впереди себя четырех рабов, несших богато украшенные носилки, в каких обычно ездит знать. На них сидела молодая девушка в тонком платье с дорогими украшениями, что говорило о ее высоком положении в обществе. А из-за угла, рыча и облизываясь, приближалось косматое рыжее чудище. Лев, неизвестно как оказавшийся в городе!

Рабы бросили носилки и с дикими криками разбежались. Девушка тоже закричала, но ее крик оборвался. Окаменев от ужаса, она застыла на месте, словно парализованная, безумными глазами глядя на приближающегося монстра.

При первых звуках жуткого звериного рева Соломон Кейн испытал мстительное удовлетворение. Нинн стал так ненавистен ему, что мысль о

хищнике, который бродит по городу, пожирая всех на своем пути, доставила ему несказанную радость. Но, взглянув на хрупкую фигурку девушки, он вдруг ощутил острый приступ жалости.

Будто он сам обернулся львом, Кейн прыгнул и метнул в хищника копьё со всей силой, на которую только был способен. Раздался оглушительный рев, и зверь заметался, пытаясь освободиться от застрявшего в боку копьё. Наконец ему это удалось, и он, истекая кровью, вновь бросился на девушку, но вонзить в нее когти и клыки не смог — лишь столкнул ее с носилок, так что она отлетела в сторону.

Обессиленный зверь рухнул на землю, а Кейн, забыв обо всем, устремился к девушке и поднял ее, убедившись, что она не ранена, а лишь страшно напугана.

Соломон помог девушке встать на ноги и вдруг заметил, что их уже окружила плотная толпа любопытных наблюдателей. Кейн рванулся к толпе, и она тотчас начала расступаться перед ним, но тут дорогу ему преградил жрец, который громко закричал, указывая на англичанина. Человек шесть солдат с копьями наперевес бросились к нему, и в его душе закипела ярость. Он был готов голыми руками прокладывать себе путь из города, он был готов даже умереть, но не раньше, чем отправит на тот свет хотя бы нескольких ненавистных ниннитов. И в этот момент Соломон услышал топот шагов, приближающихся из-за угла, а затем увидел отряд воинов, которые возвращались с битвы.

Девушка радостно вскрикнула и, бросившись им навстречу, обвила руками шею молодого офицера, шагавшего впереди отряда. Они торопливо заговорили, и, обернувшись, девушка указала рукой в сторону Соломона. Офицер отдал короткую команду, стражники отступили, а сам он, дружелюбно улыба-

ясь, направился к Кейну. Англичанин понял, что офицер хочет выразить ему благодарность за спасение своей сестры или невесты. Жрец злобно заверещал что-то, но офицер сказал ему несколько слов, и тот умолк. Офицер сделал Кейну знак присоединиться к ним, но, увидев, что англичанин колеблется, вытащил из ножен меч и протянул его Соломону рукояткой вперед. Это могло быть простым знаком вежливости, и, возможно, следовало отказаться, но Кейн решил не упускать свой шанс. Сжав в ладони тяжелую рукоять меча, он почувствовал себя намного увереннее.

5

Офицер и его люди, сопровождающие Кейна, быстро шли по улицам города, оглядываясь и петляя. Пытались ли они запутать англичанина или всего лишь хотели избавиться от возможного преследования жреца, Соломон пока не понял, и лишь меч, который он ощущал в своей руке, придавал ему уверенности.

Наконец они остановились перед длинным домом из обожженного кирпича, в котором, по всей видимости, и жил офицер. Дом был двухэтажным, с небольшим внутренним двориком и садом.

Как только они вошли туда, офицер и девушка торопливо заговорили приглушенными голосами, изредка поглядывая на Кейна. Англичанин напрягся, догадавшись, что говорят о нем, но не смог понять ни единого слова и на всякий случай еще крепче сжал рукоять меча.

На улице уже темнело, и девушка принялась вынимать из кувшинов с маслом фитили, чтобы за-

жечь лампы; в неровном мерцающем свете рубины на ее платье сверкали, словно крупные капли крови. Она предложила Кейну кувшин вина, но англичанин как можно более вежливо отказался, используя жесты вместо слов. Соломон не решился выпить вина, предпочитая сохранить сознание в полной ясности, — ведь он до сих пор не знал, что ждет его дальше. Кейн заметил, что девушка бросает на него пыльные взгляды, и по всему было видно, что она привыкла получать все, чего хочет. Но он бесстрастно смотрел на складки ее тонкого полупрозрачного одеяния, украшенного драгоценными камнями, будто не замечая ее призывных знаков. Затем его холодный взгляд пуританина встретился с ее взглядом, она вспыхнула и, сердито надув губки, повернулась и ушла в другую комнату, всем своим видом выражая крайнее недовольство.

В дом вошли солдаты, которых офицер отправлял с каким-то поручением, и доложили о его выполнении своему командиру, уже успевшему, как заметил Кейн, вложить в ножны новый меч. По выражению лица офицера англичанин понял, что тот слышал какие-то благоприятные новости, но при этом он выглядел крайне взволнованно.

Девушка подошла к солдатам. Не похоже, чтобы она пыталась соблазнить кого-нибудь из них, но они тотчас принялись пожирать ее глазами. Она не обращала на это никакого внимания и, указав на Кейна, быстро спросила что-то у солдат. Оказалось, девушка просила их обратиться к чужестранцу на различных языках, и среди них действительно нашелся один, говоривший на банту — языке, довольно хорошо знакомом Соломону.

Теперь у них появился переводчик, и девушка сообщила Кейну, что ее зовут Сидури, а офицера,

который приходился ей братом,—Лабашпи. В свою очередь Соломон рассказал ей о своих приключениях в этом городе.

— Мы привели тебя сюда, чтобы помочь тебе,—выслушав его, сказала она.

— Тогда помогите мне выбраться из города!

— Это невозможно. Город окружен людьми короля Ашшур-рас-араба,—покачала головой Сидури и, взяв Кейна за руку, повела его на крышу.

Англичанин увидел мириады огней на городских стенах; множество светящихся колец двигались от центра к окраинам,—видимо, люди в факелами прочесывали город в поисках беглеца. Кейн ощутил ярость зверя, которого преследуют охотники, не оставляя ему ни малейшей надежды на спасение. Он судорожно сжал рукоять меча, полный горячей решимости вступить в смертельную схватку с врагом, а не дожидаться, когда за ним придут и вновь закуют в ненавистные цепи.

Сидури потянула его за рукав, и они вернулись вниз.

— У нас есть план,—объявила она Кейну.

Он попытался узнать подробности, но Сидури больше ничего не сказала—может быть, она еще злилась на англичанина, проявившего равнодушие к ее прелестям. Соломон уже собирался обратиться к Лабашпи, но вдруг в дом один за другим стали заходить люди. По-видимому, здесь намечалось какое-то тайное собрание, потому что все входили в полном молчании, обмениваясь между собой лишь знаками и жестами. Некоторые из пришедших были в одеждах жрецов, но более скромных и строгих, чем те, которые он видел раньше. Другие, одетые в шелковые плащи, явно принадлежали к городской знати. Телосложением и чертами лица они отличались от

большинства жителей Нинна, и кожа их была намного светлее. Среди собравшихся оказалось и несколько военных.

Несколько человек, столпившись у стены, начали тихо о чем-то совещаться, изредка бросая взгляды на Кейна. Подойдя к ним, Сидури попыталась принять участие в дискуссии, но на нее никто не обращал внимания, за исключением одного молодого человека высокого роста и очень светлого, который явно был ее обожателем.

Прислонившись к стене, Кейн молча ждал, чем все это кончится, полагаясь лишь на волю Провидения. Он уже начал терять терпение, когда наконец увидел, что совещающиеся пришли к единому решению.

— Ну, что вы решили? — спросил Соломон.

Неожиданно за всех ответила Сидури:

— Ты не можешь покинуть город, пока королем здесь является Алшур-рас-араб. Ты должен помочь нам свергнуть его. Сыграй роль оракула для нас, как ты это делал для него.

Кейн вспомнил едкий тошнотворный дым, вызвавший у него полубредовое состояние, и решительно замотал головой:

— Нет! Я не буду!

— Ты ничем не рискуешь. Калдии, — Сидури указала на жрецов, — приготовили снадобье, которое защитит тебя от действия дурмана. Играя роль оракула, ты будешь осознавать все, что делаешь.

— Нет! — продолжал упорствовать англичанин, ни за что не желавший участвовать в обрядах чуждой ему религии.

Собравшиеся переглянулись, и по комнате пронесся неодобрительный гул разочарования, но тут вперед вышел Лабаш и жестом успокоил всех,

затем повернулся к Кейну и объяснил ему положение дел.

Среди офицеров и части аристократов давно зреет недовольство жестокостью Ашшур-рас-араба, объяснил Лабаши. Они надеялись, что принц Беллардат поведет их против короля, но принца приговорили к смерти — именно так Ямен истолковал слова англичанина, которые он, одурманенный, проносил в храме.

Большинство воинов Ашшура, которые пали в сегодняшней битве, были ассирийцами, поэтому калдии и арбии расценили это как знак судьбы, благоприятствующей к ним. А теперь судьба еще раз оказалась милостивой к заговорщикам, предоставив в их распоряжение англичанина. Как оракул он мог бы убедить Ашшур-рас-араба, что тот должен уступить трон Лабаши, который был очень популярен среди аристократов.

Кейн задумался. Хотя он и знал, что его одурманили каким-то зельем, все же у него не проходило чувство вины — он стал невольным виновником мучительной гибели Беллардата. Кроме того, даже если ему удастся скрыться из города, покинув заговорщиков, то жестокий Ашшур-рас-араб останется на троне, и никто не отомстит ему за его злодеяния. Может быть, само Провидение указывает сейчас путь, по которому он должен пойти, чтобы свершить справедливое возмездие?

— А что будет с людьми из той деревни, за которыми я пришел сюда? — спросил наконец Соломон.

— Если кто-нибудь из них остался в живых, то он получит свободу, — заверил его Лабаши.

Собравшиеся одобрительно закивали. Кейн не уловил ни малейшей фальши в голосе Лабаши и

подумал, что молодой офицер, наверное, мог бы стать хорошим королем, честным и справедливым.

— Ладно,— с трудом произнес Соломон.— Я согласен.

6

Кейн почувствовал легкое головокружение. Несколько минут назад он проглотил снадобье, приготовленное калдиями, и его сладковатый привкус все еще держался во рту. Кейн не сразу решился принять снадобье, но неподдельная искренность Лабаша убедила его, что опасаться не стоит.

Соломон шел, окруженный группой заговорщиков, которые сами были окружены плотным кольцом воинов. Впереди всех шел Лабаш. Другие группы его сторонников двигались по параллельным улицам, проверяя, нет ли засады.

Лабаш разослал гонцов ко всем аристократам, объявив им, что в храме будет вещать оракул. Последним он известил короля Ашшур-рас-араба, и когда тот получил известие, знать уже собралась в храме.

Внезапно в конце узкой улицы появились двое солдат с факелами в руках — то были слуги короля, разыскивающие Кейна. Увидев приближающихся к ним вооруженных людей, они в испуге отступили, а затем бросились бежать. В рядах заговорщиков раздалась насмешливые возгласы, потом дружный смех, и Кейн вдруг подумал, что все они удивительно молоды — так же как их будущий король.

Кейну объяснили, как он должен себя вести в храме: ему надлежало использовать только жесты и не произносить ни слова, так как слова опять могли

неверно истолковать. Он мысленно повторял эти жесты, одновременно взывая к Богу:

«Бог, покровитель странников, сделай так, чтобы я правильно понял твою волю! Если я начну заблуждаться или встану на тропу зла, дай мне знак, чтобы я вовремя остановился!»

Пока никакого знака свыше не последовало, а процессия тем временем уже подошла к храму — такому подавляюще гигантскому, что люди рядом с ним казались букашками, а огромные факелы — крошечными спичками.

Храм казался Кейну громадным каменным демоном, и англичанин с трудом заставил себя войти в его сумрачное нутро. В дрожащем свете факелов резные фигуры на стенах и колоннах, казалось, начали оживать, — Соломон вдруг увидел, что со всех сторон на него смотрят львы с человеческими лицами и люди с хищными звериными мордами.

Наконец процессия приблизилась к центральному помещению храма, где на троне рядом с идолом величественно восседал король Ашшур-рас-араб. Позади него за колоннами поблескивали в свете факелов железные наконечники копий, которые люди короля держали наготове.

Рядом с тронном стояла королевская знать. Все они испуганно обернулись, заслышав приближающиеся шаги заговорщиков. Лабаши жестом приказал своим людям встать полукругом напротив короля и его слуг, а двоих оставил рядом с Кейном.

Предводитель заговорщиков вышел вперед, слегка поклонившись королю, который смотрел на него, как удав на свою добычу. Глядя ему в глаза, Лабаши заговорил, и голос его звучал твердо, почти повелительно. Кейн разобрал лишь одно слово — Беллардат. Король молчал, и лицо его оставалось ка-

менным, хотя Кейну показалось, что слова Лабаша прозвучали как смертный приговор для Ашшур-рас-араба.

Наконец король что-то произнес, и Лабаша, повернувшись, указал на англичанина, затем взглянул на людей короля, ожидая ответа от них. Робко и неохотно те выразили свое согласие.

Лабаша вызвал «оракула».

Кейн напрягся. Стоит лишь королю приказать своим солдатам — и они схватят его; тогда в храме неминуемо разгорится битва. Соломон чувствовал себя не лучшим образом — ведь ему пришлось оставить свой меч в доме Лабаша. Но Ашшур-рас-араб лишь медленно кивнул и, зловеще улыбаясь, велел двум солдатам подвести Кейна к маленькому трону оракула.

Из тени колонны возникла фигура жреца, который нес в руках зеленый шелковый плащ. Новый жрец был еще толще, чем Ямен, и его масляное лицо лоснилось от жира. Соломона усадили на трон, жрец накинул на него плащ. Но, прежде чем его руки и ноги приковали к трону, Лабаша вдруг громко крикнул что-то.

Солдаты от неожиданности вздрогнули, а один из них выронил из рук кандалы, которые с громким стуком упали на пол. Лицо короля потемнело. Быстро поговорив о чем-то с некоторыми из стоявших рядом аристократов, король неохотно кивнул, разрешая сковать только ноги Кейна, а руки оставить свободными. Солдаты повиновались и отошли от англичанина, рядом с которым остался лишь толстый жрец. Король продолжал зловеще улыбаться, и Кейн вновь стал мысленно взывать к Богу.

Ашшур-рас-араб поднял золотой скипетр и ударил им в гонг, затем с нескрываемым презрением

взглянул на придворных, которые робко переминались с ноги на ногу. Усмехнувшись, он кивнул жрецу, чтобы тот начинал.

Жрец подошел к Кейну и всыпал в жаровню горсть порошка, пронзительным голосом выкрикивая заклинания. Как и в прошлый раз, повалил густой зеленоватый дым, который оказался еще более удушливым, и Соломона чуть не вырвало. Тем не менее его сознание оставалось ясным, — снадобье жреца не оказывало на его мозг никакого воздействия.

Жрец продолжал выкрикивать заклинания, перешедшие в заунывное ритуальное пение, но вдруг он всыпал в жаровню еще одну горсть порошка, а затем и третью. Едкий дым чуть не ослепил Кейна, но все же он заметил, как жрец и король тайно обменялись злорадными улыбками. Кажется, они узнали или просто догадались, что англичанину дали противоядие, и теперь решили утроить порцию своего дурманящего зелья.

Похоже, им это удалось. Кейн почувствовал, как его голова отяжелела, колонны и фигуры людей стали расплываться перед глазами, превращаясь в неясные темные силуэты, которые, качаясь, двигались вокруг него, как двигался и весь огромный храм.

Бессвязные слова начали срывать с его губ, но какая-то часть сознания еще не утасла, и Кейн плотно сжал зубы, помня о том, что он не должен ничего говорить. Впереди себя, среди медленно плывущих в танце колонн, он смутно увидел фигуру на высоком троне. Он должен указать на нее, Кейн это знал, но рука не слушалась; она стала такой же тяжелой, как и весь этот храм. Соломон еще сильнее сжал зубы, почувствовав во рту при-

вкус крови, и с невероятным усилием все же поднял руку, указывая на короля.

Едкий дым застилал ему глаза, проникая, казалось, даже под кожу. Что же он должен делать теперь? Его сознание затуманилось, но все же он вспомнил: надо сжать кулаки и поднять их вверх, а затем раскрыть ладони и указать на того, кто сидит на троне.

Преодолевая себя, Кейн поднял руки, но силы почти оставили его, и больше он ничего не смог сделать. По залу пронесся гул, в котором слышались страх и разочарование. Похоже, Соломон Кейн не оправдал надежды тех, кто привел его в храм. Ему стало невыносимо горько от мысли, что он вновь может стать невольным виновником чьих-то страданий, и его руки судорожно дернулись, ладони раскрылись — Кейн увидел, как они указывают на темную фигуру сидящего на троне.

И тут раздались крики ликования и победы. Лабаша отплырнул в сторону жаровню, и к Соломону стало возвращаться нормальное зрение. Он увидел, как жрец, пятась, спрятался за колонну, а Ашшур-рас-араб продолжал неподвижно сидеть на троне. Но когда Лабаша обратился к нему командным тоном, Ашшур-рас-араб поднялся на ноги. Он указал в сторону Кейна, и в глазах его загорелась дикая ненависть. Растолкав своих приближенных, он выхватил у одного из них меч и бросился к Кейну.

Лабаша был слишком далеко, чтобы попытаться остановить его, но тут один из солдат короля, находившийся ближе всех к трону оракула, вонзил копье прямо в грудь Ашшур-рас-араба. Брызнула кровь, и король рухнул к ногам каменного идола, будто сам принес ему себя в жертву.

Сознание Кейна почти прояснилось, и он вспомнил, что сделано еще не все. Подняв руки, он указал на Лабашу, затем сделал жест, означающий восхождение на трон. Под радостные возгласы два аристократа надели на голову Лабашу золотой венец, а в руку вложили золотой скипетр.

Но прежде чем Лабаша взойшел на трон, он приблизился к Кейну и освободил его. Пошатываясь, Соломон поднялся на ноги и поприветствовал нового короля, затем обратился к солдату, говорящему на банту, с просьбой подыскать ему место для отдыха.

Но тут дорогу ему преградила Сидури. Только что она перешептывалась о чем-то со своим поклонником, которого звали Пузур.

— Ты не должен покидать нас! — горячо заговорила она. — Нам еще может понадобиться твое могущество. Ты наш оракул!

Кейн понял, что девица преследовала какие-то свои цели, но ни секунды не колебался.

— Нет! — сказал он. — Я сделал все, о чем меня просили.

Лабаша тем временем сел на трон и отдал какой-то приказ. Переводчик сообщил Кейну:

— Король велит отпустить тебя.

Глаза Сидури вспыхнули яростью. Выхватив кинжал, она бросилась к Кейну. Лабаша что-то крикнул, и двое солдат попытались схватить ее за руки и отобрать кинжал, но она вырвалась от них, вновь устремившись к Кейну.

Вдруг из-за колонны с искаженным от ужаса лицом на нее прыгнул Пузур. Он взмахнул мечом, и Сидури, обливаясь кровью, рухнула на каменный пол. Пузур отбросил в сторону окровавленный меч и уставился на бездыханное тело девушки безумны-

ми глазами. В храме воцарилась гнетущая тишина, нарушенная лишь шагами Лабаша, который подбежал к сестре и упал перед ней на колени.

Когда он поднялся, гнев и ярость в его глазах сменились глубокой печалью. Он резко оттолкнул Пузура, но удержал солдат, которые, выхватив мечи, собирались броситься на него. Солдаты подняли тело Сидури и понесли его; Лабаша последовал за ними низко опустив голову.

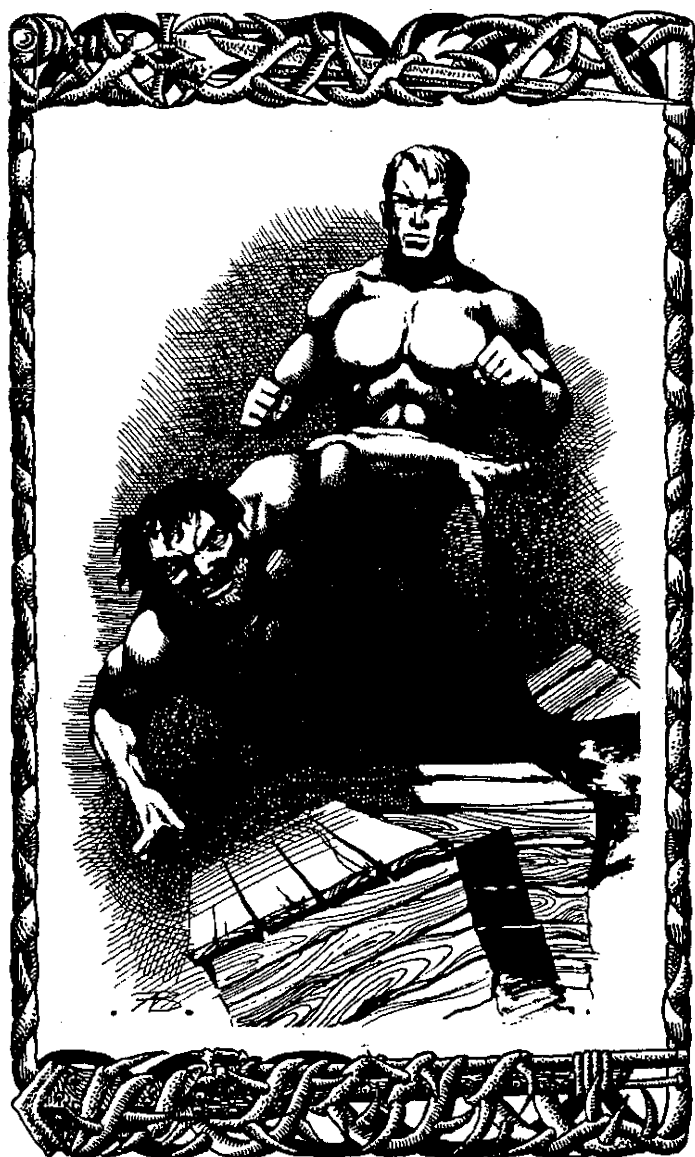
В эту ночь Соломон Кейн спал в доме Лабаша на широкой мягкой кровати — впервые за много дней, — но ему почему-то не спалось. Он думал о недавних кровавых событиях, о Сидури и ее женихе. Возможно, она собиралась сделать Пузура королем, но тот в последний момент не выдержал ее коварства...

На следующий день Кейн покидал город с легким сердцем. Прodelав знакомый путь по плато, он спустился к равнине. Пройдя ее почти до середины, англичанин оглянулся, но города не было видно, — как будто он всего лишь приснился. Кейн словно очнулся от тяжелого сна, навеянного смутными древними легендами об Ассирии. Он повернулся и вновь зашагал вперед, подставив лицо солнцу, навстречу живому миру.

ЯЗЫЧНИК

ЯЗЫЧНИК

К

огда я был мальчишкой, в нашем маленьком городке на западе Техаса жил всем известный пьяница по имени Том Харпер. Совсем дремучий парень, напрочь лишенный какого бы то ни было образования, отпрыск старинной, но обедневшей семьи с юга, он прямо-таки родился с неуголимой страстью к майсовой водке.

Я помню, как однажды летом у нас в городе проходило

религиозное сборище, а в те дни в тех краях религиозные сборища были настоящим событием! Люди приезжали издалека, привозили с собой еду, оставались на весь день, а порой и на ночь.

Встреча была в самом разгаре, и брат Раддл, — кстати, все имена здесь вымышленные — зывал к грешникам, дабы обратить их на путь истинный. Хор с воодушевлением пел Аллилуйю, старейшины расхаживали взад-вперед, бросая косые взгляды на неспасшихся, брат Раддл размахивал руками, и тут случилось это!

— О грешники, одумайтесь! Одумайтесь! Завтра может быть слишком поздно! Одумайтесь! — изрекал брат Раддл. Таким голосом проповедники обычно доводят необращенных до самоубийства.

Вдруг мощное соло брата Раддла прервал пронзительный, режущий ухо возглас:

— Не треплись! — выкрикнул кто-то из толпы.

Лишь через несколько мгновений до религиозных маньяков дошел смысл этих слов: он просочился в их одурманенные мозги, и в молельне воцарилась мертвая тишина.

Пошатываясь, Том Харпер прошел по боковому нефу и, остановившись перед кафедрой, уставился на проповедника затуманенными алкоголем глазами.

— Не треплись! — весело взвизгнул он.

Прихожане взволнованно зашумели.

— Изгнать! Линчевать его! — В этих выкриках чувствовался христианский дух истинной братской любви.

Проповедник величественно поднял руки, призывая всех замолчать, а истинно верующие с нетерпением ждали, когда же наконец язычника удалят.

Но тут Том Харпер вновь открыл рот.

— Послушай минутку! — сказал Том. — Тут пели что-то о фонтане крови. Так вот, все это чужь несусветная, ерунда! Я всегда думал, что Небо очень милое, чистое местечко, где нет ни крови, ни грязи!

— Мой добрый друг, — высокопарно начал брат Раддл, — речь шла о кровавых жертвоприношениях, искупающих грехи человеческие...

— Ты хочешь сказать, что, пролив кровь на виду у всех, можно избежать возмездия? — перебил его Том Харпер. — Как же так? А я всегда считал, что ваш бог справедлив и милосерден!

— Он всегда принимал жертвоприношения, — объяснил брат Раддл. — Разве Он не велел своим ученикам приносить ему в дар стада овец? Каин был землепашцем, и плоды, которые он принес в дар, не понравились Господу, а Авель был пастухом, и его кровавый дар Господь принял охотно...

— Полегче! — остановил его Том. — Ты прямо-таки делаешь из Бога вампира, охочего до человеческой крови!

Проповедник тяжело вздохнул, и все прихожане тоже тяжело вздохнули. Брат Раддл грозно указал пальцем на Тома и проревел:

— Мой добрый человек! Мне страшно за тебя!

Том Харпер разразился громоподобным смехом. Я знал, что он упивается этой сценой: Том был прирожденным артистом, и привлекать к себе всеобщее внимание доставляло ему несказанное удовольствие. Ведь это значительно интереснее, чем фиглярничать на попойках перед пьяными собутыльниками.

— Что ж! — рявкнул он, выразительно раскинув руки. — Если я провинился перед Богом, пусть он меня убьет!

В молельне воцарилась тишина. Сжав кулаки и разинув рты, собравшиеся безмолвно наблюдали за происходящим, то поглядывая на Тома, то бросая опасливые взгляды на потолок. Брат Раддл пребывал в полной растерянности: он просто не знал, что делать дальше!

Том, громко смеясь, медленно повернулся. Вдруг лицо его исказилось, он вскинул руки к вискам и покачнулся. Прихожане испуганно вскрикнули, а один из приглашенных проповедников в ужасе упал со скамьи. Том тяжело рухнул на пол и затих.

Трудно описать этот момент. Многие дамы лишились чувств. Одни с невероятной скоростью бросились прочь из молельни, другие пали ниц. Проповедник — я имею в виду брата Раддла — побледнел, отступил, но быстро и благородно вышел из щекотливой ситуации: он величественно шагнул вперед, остановился над распростертой фигурой городского пьяницы, поднял голову и обратился к тем немногим, преданным ему прихожанам, что остались в молельне, и к тем, кто с бледными лицами наблюдали за происходящим снаружи.

— Он бросил вызов Богу! — провозгласил брат Раддл. — И заплатил сполна!

Брат Раддл торжествовал. Он стоял в позе древнего пророка, воздев руки к небу.

— Колесницы и всадники израильтевы! Мечи Господа и Гидеона! Язычник пал перед Всевышним!

Но тут все было испорчено. То, что считалось телом грешника, пораженного гневом Господним, разразилось оглушительным смехом. Проповедник отскочил, словно наступил на аспид. Том Харпер поднялся, хлопнул себя по ляжкам и расхохотался. Он прямо-таки захлебывался смехом, повизгивал и похрюкивал. Никогда в жизни я не слышал, чтоб

человек смеялся так долго. И впрямь, когда Том Харпер пристрастился к выпивке, сцена потеряла великого актера: еще никто до него так правдиво не изображал пораженного местью Господней!

Что тут началось! Предлагали даже повесить Тома, но в конце концов нашли компромисс, и его арестовали за нарушение общественного порядка. Несколько месяцев Том провел в тюрьме, но такой поворот событий не очень-то его огорчил. В тюрьме он быстро освоился и считал дни заключения лучшими в своей непутевой жизни.

Том Харпер так и не исправился. Год спустя мертвецки пьяный он вывалился из окна шестого этажа и разбился насмерть.

Впоследствии, поминая его в молельне, брат Раддл, нахмурившись, изрек:

— Он бросил вызов Господу, и Господь покарал его! Рука Господня поразила безбожника!

ФЕССАЛИЙЦЫ

Использование в театральном действии нескольких разнообразных дубинок уместно в каком-нибудь фантастическом вздоре фессалийских мастеров, но когда они появляются на сцене современного спектакля, и совсем не для того, чтобы произвести особый эффект, впору хвататься за киноаппарат!

Менеджером у нас был старый Хипурбили Джонс, хитрый,

как все менеджеры в этой стране. Мы закончили сезон в Милфорде и отправлялись на гастроль. В репертуаре нашей труппы была первоклассная драматургия, а не какие-нибудь пошлые водевильчики. Мы играли Шекспира, Марло, Гете и пьесы хороших современных авторов. Было у нас и несколько вполне оригинальных пьес, принадлежащих перу ведущей актрисы театра, мисс Арименты Джеппс. Две из них, а именно: «Что такое любовь?» и «Малиновое, красное, алое» — всегда шли с аншлагом, отрывки из них мы и играли в последний вечер.

Не все в спектакле шло гладко, и мне на память пришло представление, которое мы давали в одном большом городе Невады. На афишах вписали строку «Всего один вечер», и это сослужило нам хорошую службу. В тот вечер мы играли «Женщину в маске» — пьесу Эфраима Джуба, нашего «резонера» и поэта по совместительству. Это увлекательный спектакль, полный неожиданных коллизий, тайных страстей, внезапных убийств — и на сцене одни короли, лорды, графы и принцессы!

«Оперный дом», как называют его местные жители, был забит до отказа. Все шло прекрасно, если не считать того, что в окнах не хватало стекол и по залу гулял ветер, раздувая бакенбарды Алонсо Чаба, исполнявшего роль короля Керамуза. В целом пьеса имела успех, только во втором акте с головы Чаба ветром сдуло шляпу и она упала на ногу героини, с уст которой сорвались слова, отсутствовавшие в тексте пьесы. Перед началом четвертого акта за кулисами появился старый Хипурбили Джонс и сообщил, что нам предстоит провести в дороге всю ночь, потому что единственный в эту неделю поезд отправляется через двенадцать минут после окончания спектакля. Он предупредил, что уже погру-

зил весь багаж, кроме реквизита, находящегося на сцене, и просил нас сразу, как упадет занавес, собрать костюмы и поспешить на вокзал.

Обычно мы никогда не оставались в городе после представления дольше, чем это было необходимо, из-за неистребимой страсти билетера Томсона и бутафора Сомолии Стейтса присваивать вещи, забытые зрителями в зале.

Мы попросили нашу танцовщицу, Белл Джимсонвид, обожавшую выходить на поклон, раскланиваться не слишком долго, а Хипурбили вышел на сцену и предупредил зал, что труппа спешит на поезд.

Пришло время упомянуть, что у нас был свой маленький зверинец — безобидная гремучая змея, несколько белых мышек, пара морских свинок и совершенно не вонючий фиолетовый скунс по имени Аврелий, — питомцы которого иногда принимали участие в спектаклях.

Начинался последний, четвертый акт, в котором довольно легкомысленная комедия превращалась в драму: королевскому шуту предстояло поколотить главного злодея надутой дубинкой. Вышеупомянутой дубинки на месте не оказалось, и когда настала сцена избиения, нам пришлось срочно искать другую.

Шут хотел воспользоваться частью подпорки занавеса, но Эфраим пустил в ход все свое красноречие, а Сомолия Стейтс, проявив недюжинную изобретательность, раздобыл палку болонской колбасы длиной в три фута. Я должен был стоять за кулисами, держа наготове «дубинку», а шуту надлежало в нужный момент не забыть подойти ко мне, схватить колбасу и начать дубасить ею поэтический череп Эфраима Джуба.

А тем временем те, кто не был занят в спектакле, сновали туда-сюда, упаковывая ненужные большие костюмы и прочий реквизит. Наконец момент настал, заинтригованная публика подалась вперед, шут схватил болонскую колбасу, замахнулся на Эфраима, но невесть откуда взявшаяся кошка вцепилась в ароматную «дубинку».

Как ей и полагалось, «дубинка» описала дугу вместе с вцепившейся в нее кошкой, та не удержалась, выпустила из когтей желанную добычу и, с криком пропавшей души пролетев по воздуху футов двадцать, шмякнулась прямо в лицо мэра, сидевшего в первом ряду. Последовало короткое сражение, кошка, пусть и без военных трофеев, но с видом победительницы удалилась с поля боя, а мэр встал и сделал несколько остроумных замечаний о долгих тяжбах. Спектакль пришлось прервать, и наша ведущая актриса очаровательнейшим образом принесла свои извинения. Старый добряк ухмыльнулся и сел на место, после чего мы продолжили представление.

Но Алонсо Чаб считал делом чести провалить спектакль окончательно. Он решил помочь Сомонии подтащить за кулисы ковер и во время страстной любовной сцены выставил на обозрение зрителей свой внушительный зад. Он, как болван, всецело поглощенный своим занятием, стоял спиной к залу, не подозревая, какую часть его тела приходится изучать зрителям. В этот момент какой-то подающий надежды гений из публики выстрелил из рогатки. Что-то острое вонзилось в штаны Алонсо, тот пронзительно заорал, взлетел по кулисе чуть ли не до потолка и, сделав несколько красноречивых жестов, исчез в окне. Его крик «Пожар!» подхватили еще семь тупиц. Публи-

ка разом встала и бурно заплодировала, а на сцену выбежал человек в маске.

— Священная кошка! — провыл главный герой, Алджернон Реппиз. — Что это значит?

В довершение всеобщего удовольствия как раз перед тем, как упал занавес, на сцене появилась дама, и тоже в маске.

— Давай же! — подсказал Сомолия, и Алджернон, бросившись вперед, сорвал маску, под которой оказалась веселая, пьяная физиономия Августа Баффа, рабочего сцены. В тот же момент женский вой из-за кулис сообщил публике, что мисс Аримента Джеппс дает выход своему артистическому темпераменту, так как обиженная героиня сообразила, что ее переиграли.

Сомолия тоже завопил, а Алджернон изо всех сил ударил Августа, который полетел в оркестровую яму, повалив две скрипки и свирель.

Вдруг среди всего этого переполоха в зале с притворной застенчивостью появилось маленькое скромное существо, надумавшее именно сейчас устроить променад между рядами.

Сомолия решил, что это Аврелий, наш фиолетовый скунс, и, не обращая внимания на зрителей, пошел между рядами, чтобы выгнать его, но в нескольких футах от животного бутафор застыл с выражением крайнего изумления на лице, развернулся и направился обратно. Это оказался совсем не Аврелий.

Жители города как-то хвастались, что оперный театр можно очистить за три минуты, но на этот раз рекорд был побит за две минуты тридцать секунд.

А те, кто находился тогда на улице, могли лицезреть труппу высококлассных актеров, побивающих

самые выдающиеся рекорды Нурми и на три прыжка опережающих кровожадную толпу, которая хотела их линчевать или совершить с ними что-нибудь не менее абсурдное.

Поезд тронулся, едва мы успели сесть, и я сомневаюсь, что кто-нибудь из нас когда-либо вернется в этот город. По-моему, это совершенно невероятно. Совершенно.

ТВОИ ШКОЛЬНЫЕ ДНИ

а,— сказал бывший выпускник, сооружая сигару из тротила и прикуривая от бикфордова шнура,— несомненно, сегодняшние студенты колледжа выгодно отличаются от мальчиков и девочек моего времени. Впрочем, этого и следовало ожидать!

Я не верю, что когда-либо на свете были более веселые студенты, чем у нас в Киллемском колледже. Какая атмос-

фера царила в классе! Первые несколько семестров были довольно трудными для первокурсников. Однако мы никогда не заставляли их тратиться на зеленые шапочки. Нет, мы просто снимали с молоткосов скальп, чтобы их легче было отличить от других. Помню, один первокурсник решил обвести нас вокруг пальца — побрился наголо, — но мы каждую неделю натирали ему голову наждачной бумагой.

Пришлось хулиганистому первокурснику покинуть Киллемский колледж, и, если бы не лояльность и поддержка живущих поблизости людей и ассоциации бывших питомцев колледжа, не знаю, как бы вообще колледжу удавалось решать проблему нехватки студентов. Но тем не менее новички постоянно появлялись, заменяя тех, кто осмеливался быть невежливым со старшими.

Лично для меня первые месяцы в колледже прошли нелегко, так как последние семь каникул я провел в революционных армиях Центральной Америки и Мексики и посещал подготовительную школу, занятия в которой вел Джон Л. Салливан. Я был лучшим скаутом в нашем классе. Словом, к поступлению в Киллемский колледж я был подготовлен сполна. Однако, даже мне там пришлось хлебнуть лиха. — Показав пробковую ногу и парик, он заметил: — Вот напоминание о моих первых годах в колледже...

В ту пору, — продолжал он, — колледжи постоянно соперничали друг с другом. Вы бы видели, как мы готовились к футбольному матчу, соревновались в воплях и приветствиях, стреляли из винтовок, точили мечи и смазывали пистолеты.

А сама игра! А триумфальное шествие после резни! Мы шли через весь город, неся на копьях

знаки своей победы — скальпы команды-соперницы.

Особенно запомнилась мне игра со Слотеремским университетом. Они прислали целый катер студентов. Мы встретили их на пристани с присущей нам вежливостью, а комитет по приему гостей даже распорядился, чтобы на футбольное поле вышел основной состав команды студентов. Напряженный это был матч. И я должен отметить боевой дух девичьей группы поддержки, которая бросилась на поле с позаимствованными на скотобойне топорами, на бегу разрубая пополам убитых и раненых из команды-соперницы.

Из Киллемского колледжа, по-моему, было убито человек сорок, ранено семьдесят, а из Слотеремского университета сто убито, тридцать ранено. Они переиграли Киллемский колледж в первом тайме, держа долгую оборону по всей линии, а во втором киллемская команда произвела фланговую атаку и, приблизившись к линии, пустила в ход легкие полевые орудия, которыми пользовалась так эффективно, что противник был полностью разгромлен.

Линчемский и Бернемский колледжи всегда давали нам хорошую трепку. Однажды их студенты насильно завладели половиной поля и вдобавок обстреливали киллемскую команду с трибун до тех пор, пока их успешно не остановил громоподобный голос нашего главного крикуна. После этого мы поднажали и одержали победу.

Да, это было великое соперничество. Помню, как-то на лекции по философии профессор выглянул в окно и воскликнул:

— Джентльмены, баррикадируйте двери и занимайте позиции у окон; на нас идет ботанический

класс Каннибалийского колледжа. Девушки пусть заряжают винтовки, а мы постараемся побыстрее расправиться с непрошеными гостями и вернемся к разговору о догматах Золотого правила.

А в другой раз, когда мы возвращались после успешного набега на соседний колледж, старший курс Слотеремского университета неожиданно для нас ночью проделал марш-бросок и утром забаррикадировался в административном здании, захватив в заложники президента колледжа.

Когда мы отказались заплатить выкуп, они повели президента на куполе, что нас всех немало позабавило. Однако вместо того, чтобы штурмовать здание, мы просто взорвали его, а потом собрали с соседних деревень средства на ремонт.

Киллемский колледж всегда отличался высокой посещаемостью, но состав студентов постоянно менялся, благодаря неутомонному характеру наших ребят, горячему соперничеству между братствами и бесчисленному множеству дискуссионных клубов.

Взяв в руки пожелтевшее от времени объявление, он прочел:

— «Сегодня вечером состоятся еженедельные дебаты между дискуссионными клубами «Бандитов» и «Пиратов» на тему: «Эффективнее ли британского пороха порох из кордита?» Правила дебатов следующие: участники становятся спиной к спине, расходятся в противоположных направлениях на двенадцать шагов, поворачиваются и стреляют по команде. Судей будет семь, и в случае разногласий они могут сразиться между собой. Оставшиеся в живых смогут на следующей неделе принять участие в дебатах на тему «Что эффективнее в рукопашной схватке: штык или сабля?»

Это была великолепная дискуссионная команда,— вздохнул он.— Как-то раз мы сожгли на костре президента новичков...

Немного помолчав, он пожал плечами.

— Боюсь, для нынешнего колледжа я чересчур старомоден. И все же, члены факультета приняли меня без должного почета. Мы с президентом собирались обсудить, как потратить кое-что из фондов колледжа — если не ошибаюсь, речь должна была идти о покупке пушки для мужского общежития. Тогда я впервые после нескольких лет пришел в колледж. В некотором смысле он совсем не изменился. Несколько свежих скальпов украшали столбы во дворе; из девичьего общежития доносились крики новенькой, с которой старшие девочки, наверное, сдирали кожу; два приятеля из соперничающих братств обменивались выстрелами из-за деревьев, росших на противоположных концах двора, а когда я вошел на территорию колледжа, ученики факультета изящных искусств, приняв меня за декана соседнего колледжа, открыли огонь из окон.

Перезарядив пистолет, я направился в административное здание. Но, должен сказать, встретили меня не так радушно, как следовало встретить человека, который некогда закончил этот колледж и который всегда делал все возможное для его процветания.

Я уж не говорю о многочисленных покушениях, совершенных на меня, когда я направлялся к дверям колледжа, ни о том, что, прежде чем войти, мне пришлось избавиться от привратника. Я считаю, что подобные пустяки лишь отражают прочные принципы лояльности, на которых держался колледж. Нет, я не особо возражаю против таких скромных знаков внимания и уж вовсе не против

того, что мне пришлось разрушить три пулеметных гнезда, прежде чем я смог добраться до того крыла здания, где располагался кабинет президента. Но когда президент собственной персоной набросился на меня из-за угла с широким топором, я счел это нарушением этикета. Полагаю, должность президента до сих пор вакантна. Безусловно, я несколько спешу с выводами, но пока колледж не принесет мне свои извинения официально, я воздержусь от участия в его деятельности.

КУПИДОН ПРОТИВ ПОЛЛУКСА ¹

П

однимаясь по лестнице в доме братства, я встретил Тарангула Сунза, второкурсника с замкнутым характером и испуганным взглядом.

— Ищешь Слайка, да? — спросил он.

Получив утвердительный ответ, студент с любопытством

¹ Поллукс — бессмертный сын Зевса и Леды, прославился своим искусством кулачного боя.

посмотрел на меня и сказал, что Спайк в своей комнате.

Поднимаясь по лестнице, я все время слышал, как кто-то пел песню о любви голосом, побуждающим на убийство при смягчающих обстоятельствах. Как ни странно, но этот звериный вой доносился из комнаты Спайка, и, войдя, я увидел его самого, сидящего на диване и поющего о возлюбленных, их нежных красных губках и прогулках под луной. Глаза Спайка были мечтательно подняты к потолку, он вкладывал всю силу чувств в возмутительный рев, который, несомненно, считал самой прекрасной мелодией в мире. Сказать, что я был удивлен, значит ничего не сказать. Спайк прервал свою арию и спросил:

— Ну разве любовь не прекрасна, Стив?

Меня словно молотом ударило. Кроме того, что в Спайке было шесть футов и семь дюймов роста и более двухсот семидесяти фунтов веса, его сентиментальное, как у носорога, лицо могло запросто служить рекламой самого изысканного модника.

— Да неужели? И кто же она? — с нескрываемым сарказмом спросил я, но Спайк лишь томно вздохнул и... начал читать стихи.

— Так вот почему ты не пришел на тренировку! — возмущился я. — Большое толстое ничтожество! Завтра соревнования по боксу, а ты, старый морж, расчувствовался, словно трехлетний теленок!

— Ну хватит, — сказал он и с отсутствующим видом изо всей силы ударил меня в челюсть, — я и без тренировки уложу любого.

— Да уж, — усмехнулся я, поднимаясь на дрожащие ноги, — тебе не требуется тренировки, чтобы

побить Монка Галлранана. Это вариант беспроблемный.

— От бокса, — изрек этот влюбленный простофиля, — человек деградирует. Держу пари, она думает точно так же. Я вообще не уверен, стоит ли мне идти на эти соревнования.

— Ну ты даешь! — вскипел я. — И это после того, как я с таким трудом привел тебя в форму?! Тебе что, наплевать на честь колледжа?

— Ладно уж, разомнемся немного, — неохотно согласился Спайк, самым уродливым образом поджав губу.

— Ах ты, тупоголовый слон! — сказал я, всадив ему левую по самое запястье в солнечное сплетение, и поединок начался. Во всяком случае, когда мы закончили драться, я крикнул ему, стоя у подножья лестницы:

— Тебе только с грудными младенцами драться! В колледже для тебя еще рановато!

В ответ он лишь так сильно хлопнул дверью, что сотрясся весь дом, но на следующий день, когда я судорожно искал тяжеловеса ему на замену, этот громила явился ко мне собственной персоной, чопорный и самодовольный.

— Я решил драться, Стив, — величественно произнес он. — Она будет в первом ряду, а женщины обожают физическую силу и мощь в сочетании с мужской красотой.

— Ладно, — вздохнул я. — Переодевайся. Твой поединок станет последним и, конечно, главным событием дня.

Заправлять боксерскими поединками в колледже занятие обоюдоострое. Если дела идут неважно, вся вина возлагается на менеджера, а если все в порядке — вся слава достается боксерам. Помню, однаж-

ды я даже сам заменил боксера полусреднего веса, который не явился на поединок. Чтобы фанатики получили удовольствие за свои деньги, в третьем раунде я сделал вид, что ослабил бдительность, и спровоцировал своего соперника, чтобы он ударил — а он и ударил. Потом в течение четырех часов меня приводили в чувство. Тот факт, что у него в перчатке обнаружили подкову, ничуть не уменьшил мое уважение к этому виду спорта. Теперь эта подкова находится в музее, но, побывав в контакте с моей челюстью, она уже не очень похожа на подкову.

Но вернемся к поединку. Колледж, который представляли мы со Спайком, в первых схватках имел незначительное преимущество; наш боксер полулегкого веса одержал убедительную победу по очкам, а легковес закончил поединок вничью с парнем из колледжа Святого Джаниса. Тяжеловесов, как всегда, были мало, только Спайк да Монк Галлранан из Университета Беркли. Этот «горилла» Монк так же высок и тяжел, как Спайк. Он не стал капитаном футбольной команды только из-за того, что однажды во время тренировки переломал руки и ноги всем своим игрокам. Вид у него был даже более доисторический, чем у Спайка, так что можете себе представить, как выглядели эти два пещерных человека, когда встали в позицию. Спайк торжествовал, получив шанс продемонстрировать своей девушке атлетическую силу в коротком поединке — ведь он был слишком ленив, чтобы выйти на целых полтора часа на футбольное поле, его подвиг не мог длиться дольше пяти минут. Схватка шла недолго, так что лучше я опишу ее раунд за раундом. То, чего эти два дурачка не знали о тонкостях бокса, дополняют энциклопедии, но признаюсь, что я преподавал Спайку лишь азы ближнего боя и

надеялся, что именно в нем он и победит, так как ближний бой — недостижимое искусство для среднего любителя.

Раунд 1

Спайк пропустил удар левой в голову, и Монк врезал ему еще по корпусу. За это Спайк ударил противника в ухо правой, получив в ответ внезапный удар в нос левой. Они колотили друг друга по корпусу, и Монк заставил Спайка закачаться от свистящего удара левой. Спайк пропустил еще один правой, и они сцепились в клинче. Получив удобную возможность, Спайк пригвоздил Монка прямым ударом правой в челюсть. Монк ударил Спайка левой в голову и правой по корпусу, а Спайк в ответ заехал сопернику прямым ударом левой в лоб.

Раунд 2

Монк пропустил удар правой, но ударил Спайка левой в челюсть. Они сошлись в клинче, и Спайк перешел на ближний бой. Монк качнул Спайка сильным ударом правой в челюсть и погнал через весь ринг, молотя обеими руками по голове и по корпусу. Спайк старательно прикрывался, затем чуть не оторвал Монку голову апперкотом. Монк схватил Спайка в клинч, а тот наказал соперника короткими прямыми ударами правой по корпусу. Когда прозвучал гонг, Спайк угостил Монка левым хуком в челюсть.

Раунд 3

Монк заблокировал свинцовый хук Спайка и нанес ему три апперкота по зубам. Спайк заехал Монку бешеным свингом, а тот ответил прямым ударом правой в челюсть. Еще один прямой до крови рас-

сек Спайку губу. Последовал быстрый обмен ударами, и вскоре в результате серии коротких левых хуков то в воздух; то в голову Монк оказался у канатов. Монк сам ринулся в атаку и загнал Спайка на середину ринга, где они остановились нос к носу, обмениваясь сильными ударами в голову и в корпус. Монк бешено ринулся вперед и хотел провести прямой удар левой в глаз. Спайк увернулся, кулак проскользнул над его плечом, и тут Спайк заехал Монку в челюсть. Монк свалился на ринг. Когда рефери досчитал до девяти, раздался гонг.

Секунданты Монка немало потрудились, но к началу четвертого раунда он еще нетвердо стоял на ногах. Я крикнул Спайку, чтобы тот поскорее кончал с противником, но он был осторожен.

Спайк медленно подошел к Монку; секунду они делали обменные выпады кулаками, затем Спайк шагнул вперед, вонзил левую руку по самое запястье в солнечное сплетение Монка, а потом нанес такой удар правой, что мог бы сокрушить дом. Монк шмякнулся на пол и затих.

Затем мой простодушный Спайк повернулся спиной к своему поверженному противнику и, улыбаясь и раскланиваясь, направился к канатам. Он раскрыл было рот, чтобы что-то сказать своей девушке, но в это время Монк, успевший к этому моменту очухаться, правой рукой почти от пола заехал Спайку прямо под оскалившуюся в улыбке челюсть. Рефери мог считать хоть до миллиона.

Позже, сидя на полу ринга, Спайк сказал мне:

— Знаешь, Стив, связываться с девушками — дохлый номер! Для меня они, пожалуй, больше не существуют.

— Ну, если ты это понял, тебя не зря проучили, — сказал я.

РАЗМЫШЛЕНИЯ СЛАБОУМНОГО

Н

а лужайке перед библиотекой мерцали четыре огонька. Мы вчетвером сидели и курили. Клайд — турецкую сигарету, Трутт водяную трубку, Гарольд пенковую, а я самокрутку из соломы.

На небе блестели звезды. Откуда-то из неясной темной бездны доносился печальный звук падающих капель: какая-то захудалая модернистская вошь покинула свой мерзкий

водопроводный кран. Меня затрясло от отвращения.

— Черт! — вырвалось вдруг у Клайда. Я вздрогнул.

— Шшш! — пришлось утихомирить его. — Вспомни о читателях «Джанто». Что подумают эти критиканы?

— Я забыл, — покраснел Клайд. — Но, честно говоря, по-моему, они...

Я помотал головой.

— Нет.

Он кивнул, сплюнул на траву, и та загорелась.

Я затушил пожар и принялся оплакивать горестную судьбу Ирландии.

— А хорошо бы пройтись по облакам, — пробормотал Клайд.

— Чепуха, — возразил Гарольд. — Жаль, что я не миллионер.

Трутт нахмурился.

— Не в деньгах счастье.

Гарольд стоял на своем.

— Будь я богат, я был бы счастлив. Я бы жил в Южных Морях, был бы все время пьян и ухаживал за прекрасными сиренами с островов теплых океанов.

— Ты обречен на успех, — сказал Клайд, покачав головой. — С твоей практичностью ты станешь вторым сэром Филиппом Гиббсом.

Трутт дунул на свою трубку.

Я монотонно, ни разу не остановившись, перечислил по памяти семьдесят пять книг, пропавших из библиотеки.

А Клайд размышлял:

— В чем прелесть жизни?

— В вине, женщинах и песнях, — сказал Гарольд.

— Тише, — зашипел Трутт. — Не двигайтесь, если вам дорога жизнь!

Огромная призрачная фигура выскользнула из кустов и, громко фыркая, остановилась.

— Ни слова, если вам не надоело жить,— пробормотал Клайд, обливаясь холодным потом.— Это привидение из конюшни!

Я вынул четки, пересчитал бусины; забыл, сколько их, и пересчитал снова, чтобы быть уверенным. Привидение удалилось.

— Черт бы побрал этого Йозефа Гергерсхаймера,— сказал Гарольд, отпивая вина и зажигая сигару с обрезанными концами.— Вечно болтает о тщетности бытия. Эх, будь у меня его деньги...

Трутт кивнул; глаза его загорелись диким блеском.

— Была в Эль-Пасо девчонка,— сказал Клайд.

Гарольд, Трутт и Клайд принялись жадно, с бульканьем поглощать эликсир. Я с содроганием думал о критиках из «Джанто», чьи советы всегда были для меня путеводной звездой. Они...

— Основа нации,— докончил Клайд.

— Слушай,— сказал Гарольд,— и запоминай, «Множество жизней»...

Он продекламировал семь стихотворений Эдди Геста.

— Слишком пессимистично,— заметил Трутт.

— А ты аскет,— ответил ему Гарольд.— Когда я буду переписывать словарь, я это слово не включу.

— А я не включу слово «язычник»,— проворчал Клайд.

— Безумцы! — изрек вдруг Трутт.

— Кто безумцы? — спросили мы хором.

— Те, кто будет читать эту статью! — проревел он, разразившись ужасающим хохотом.

А я раскачивался на ветке дерева и оплакивал горестную судьбу Болгарии.

ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

П

роведя большую часть жизни в дебрях быстро растущих нефтяных городов, я неплохо знал, как выглядит издерганное, искалеченное человечество. Чаще, чем хотелось, я видел людей страдающих, истекающих кровью и умирающих от аварий на производстве, ударов ножа, огнестрельных ран и других несчастных случаев. И все-таки я считаю, больнее всего смотреть на кошку-

калеку, хромающую по тротуару и волочащую за собой сломанную ногу, которая висит только на куске кожи. На этой раздробленной культe животное пытается идти, время от времени издавая тихий стон, лишь отдаленно напоминающий знакомое всем кошачье мяуканье.

Невероятно мучительно видеть страдающее существо; последняя степень отчаяния, без малейшей надежды на осмысление происшедшего самим животным, делает это зрелище более ужасным и трагическим, чем вид раненого человека. В мучительном кошачьем крике, кажется, сосредоточена вся слепая бездонная боль черных космических дыр. Это крик из джунглей, смертельный вой несказанно далекого Прошлого, забытого и почему-то отрицаемого человечеством, Прошлого, лежащего в сонной тени самых дальних уголков подсознания, но готового пробудиться душераздирающим криком животного.

Не только в мучениях и смерти кот заставляет нас вспомнить это жестокое Прошлое. В гневных криках и криках любви, в плавном скольжении по траве, в голоде, бесстыдно горящем в полузакрытых глазах, во всех его движениях и действиях прослеживается его родство с дикими животными, его неукротимость и презрение к человеку.

Кот ниже собаки, но, тем не менее, больше похож на человеческое существо. Потому что он тщеславен, но подобострастен, прожорлив, но привередлив, ленив, похотлив и эгоистичен. Последнее свойство вообще присуще всему семейству кошачьих. Он необычайно эгоистичен. В любви к своей особе он искренен и бесстыден.

Ничего не давая взамен, он требует все, и эти требования звучат в ноющем, голодном, жалобном

вое, словно сотрясающемся от жалости к себе и обвиняющем весь мир в вероломстве и нарушении договора. Его взгляд подозрителен и жаден, этот взгляд буравит насквозь. Его манеры и надменны, и уничижительны. Он выгибает спину, трется о ногу человека, жалобно напевая какую-то скорбную песнь, в то время как глаза его горят угрозой, а когти судорожно выскальзывают из своих мягких ножен.

Он неумерен в своих требованиях и ничем не благодарит за щедрость. Его единственная религия — неколебимая вера в божественные права кошек. Собака существует только для человека, человек существует только для кошек. Кот, сосредоточенный лишь на самом себе, считает себя центром вселенной. В его узком черепе нет места более сложным чувствам.

Выньте тонущего котенка из сточной канавы, уложите его спать на мягкой подушке и вдоволь кормите сливками. Дайте ему кров, балуйте и нежьте его всю его бесполезную и сконцентрированную на самом себе жизнь. Что вы получите взамен? Он позволит вам гладить свою пушистую шерстку и будет снисходительно мурлыкать, словно проявляя к вам великую благосклонность. Этим его благодарность и исчерпывается. Ваш дом может гореть у вас над головой, к вам могут ворваться бандиты, изнасиловать вашу жену, ударить по голове дядюшку Теобальда, а вас подвесить за пальцы, чтобы выпытать, где вы храните свои сокровища. Среднестатистическая собака умерла бы, защищая даже дядюшку Теобальда.

Но ваш откормленный, избалованный кот будет взирать на эту страшную сцену безо всякого интереса; он не сделает ни малейшего движения в вашу сторону, а когда потасовка закончится, скорее все-

го с удовольствием полакомится вашим незащищенным телом.

Я знаю только один случай, когда кот платил за свое благополучие, и то не по своей добродетели, а, скорее, по изобретательности его хозяина. Много лет тому назад один странник пересекал штат Арканзас на легкой двуколке в сопровождении огромного толстого кота неизвестной породы. Этот путник ехал ни слишком быстро, ни слишком медленно, он был высоким, худощавым и выглядел изможденным и голодным даже после сытного обеда.

Способ странника добывать еду был прост и артистичен. Спрятав коня и двуколку в зарослях, он с котом на руках, слегка пошатываясь, словно после долгой, утомительной ходьбы, подходил к какому-нибудь фермерскому дому и стучал в дверь. Когда с опаской выходила хозяйка, наш путник никогда не прибегал к такой грубой тактике, как выпрашивание милостыни. Нет, держа шляпу в руке, он покорно просил дать ему щепотку соли.

— Бога ради, — почти всегда слышал он в ответ. — Но зачем вам соль?

— Мэм, — дрожащим голосом отвечал наш генный, — я так голоден, что собираюсь съесть этого кота.

Услышав такое, добрые женщины, как правило, тащили слабо протестующего путника в дом и набивали его желудок — и желудок кота — самыми лучшими яствами из своих кладовых.

Я не могу назвать себя жертвой котофобии, которой поражены многие люди, но и не питаю к ним любви. Я могу взять кошку, но могу и расстаться с ней.

В детстве у меня почти всегда были кошки. Одних мне дарили, другие сами забредали в наш дом,

гостили, а потом столь же таинственно исчезали. Я говорю об обычных деревенских уличных кошках, кошках без завидной родословной и породистых предков. Животные нечистых кровей, как и люди, наиболее интересны для изучения.

В наших краях дорогостоящие чистокровные кошки появились сравнительно недавно. Такие слова, как персы, ангорцы, мальтийцы, мэны и тому подобное, говорили здешним жителям очень мало или вовсе ничего. Кошка была кошкой, и оценивали ее только по ее способности ловить мышей. В последнее время я замечаю явные изменения в обычной американской уличной кошке; на самую обычную почву попали кристально чистые струйки, в результате чего появились кошки с замечательным окрасом и формой. Только сама кошка может ответить на вопрос, улучшит ли это демократичную популяцию беспородных животных или нет.

Лично я не знаю ничего лучше уличного кота. До сих пор помню, с каким отвращением я впервые увидел высокопородного аристократа — нескладный шарик серого меха с глупейшим, лишенным всякого выражения, взглядом. Собака с бешеным лаем пробежала по двору, а избалованный дурень молча вытаращил глаза, затем неторопливо и неуклюже прошел в ворота и попытался вскарабкаться на столб. Любой уличный кот взлетел бы на этот столб, как вспышка серой молнии, чтобы занять выгодную позицию и выплюнуть на голову врага поток самой отборной брани. Этот же высокородный монстр позорно свалился с верхушки, перекувырнулся в воздухе и распластался на спине перед собакой, в высшей степени потрясенной этим феноменом и решившей, что ее добыча — вовсе не кот. Это был

не первый случай, когда в поединке побеждала неуклюжая глупость.

Когда-то я жил на ферме, кишевшей крысами. Они нападали на наседок, уничтожали яйца и цыплят и прогрызали норы в полу дома. Здание было старым, полы прогнившими, а крысы довершали их разрушение. Я закрыл проделанные грызунами дыры полосками олова, и ночью до меня доносился скрежет крысиных зубов по олову и разъяренные и возмущенные крики тварей. Ловушки тоже не спасли. Крысы мудры, и их не так легко поймать в ловушку, как мышей. Естественной альтернативой были кошки — а точнее, одиннадцать кошек. Старая ферма превратилась в поле боя. Огромные серые, как мы их называли корабельные, крысы — серьезный враг для кошек. Мне не однажды доводилось видеть, как крыса в жестокой битве побеждала большого, сильного кота. Жестокость припертой к стене крысы вошла в поговорку, и, в отличие от многих подобных поговорок, эта подтверждена действительностью. Десятки раз мы с кузеном, вооружившись кирпичами и бейсбольными битами, спешили на помощь нашим четвероногим друзьям.

Самым отважным из всей команды был серый кот, которого по каким-то непонятным причинам звали Фесслером. Несмотря на то что однажды он был позорно разгромлен гигантской крысой в поистине троянской битве, которая могла бы послужить Гомеру основой целой героической саги о героях-грызунах, этот кот был всем котам кот.

В его поведении были весомость и достоинство — качества, присущие большинству кошек. В нем было мужество, которым, несмотря на легенды, утверждающие противоположное, кошачий род не отличается. Фесслер славился как самый лучший мыше-

лов. Это был самый умный кот, которого я когда-либо знал.

Когда все коты умерли от чумки — а она мгновенно косит кошачье племя, — смертельно больной Фесслер удалился в амбар и там в одиночку вел неравную борьбу с недугом; но когда смерть уже почти настигла его, он, шатаясь, преодолевая боль, вышел из своего убежища и свалился под моим окном, где на следующее утро и нашли его тело. Казалось, в последние минуты жизни он вполне осознанно, а не инстинктивно, искал помощи у человека.

Остальные коты умирали, забившись подальше в укромные уголки. Один черный котенок поправился, но был настолько слаб, что не мог стоять. Мой кузен застрелил кролика, разрезал его и решил накормить котенка сырым мясом. Малыш уткнулся в теплое мясо и съел столько, что даже большой кот разорвался бы от такого количества. Потом он повернулся на бок, улыбнулся ясной человеческой улыбкой и погрузился в смерть, словно заснул. Я не однажды видел, как умирает животное, но никто из них никогда не умирал более спокойно и довольным. Мы с кузеном похоронили котенка вместе с его братьями и сестрами, погибшими от чумы, и произвели в его честь салют. Хорошо бы и моя смерть была такой же легкой!

Живет на свете одна кошечка — настоящая кошка-феникс, бросившая вызов смерти и поднимающаяся из руин целой и невредимой, и всякий раз со свежим горлающим приплетом.

Она была большая и пестрая — некая беспорядочная смесь белого, рыжего и черного. Голова у нее была темная, поэтому ее звали Черномордочка. Как только начался повальный мор кошек, она ис-

чезла, и я предположил, что она тоже поражена болезнью и удалилась умирать в кусты. Но я ошибся. После того, как последний из ее друзей отправился к праотцам, после того, как оскверненные места их сборищ были очищены временем и стихиями, Черномордочка вернулась домой. Вместе с ней пришел выводок длинноногих котят. Она оставалась на ферме до тех пор, пока не пришло время отнимать детенышей от груди, а потом опять исчезла. Вернулась она через несколько недель, и вернулась одна.

Я снова начал собирать вокруг себя кошек, и пока жил на ферме, таинственная чума возвращалась не раз и уносила их с лица земли. Но Черномордочки чума так и не коснулась. Каждый раз перед началом повального кошачьего мора она таинственно исчезала и возвращалась, лишь когда последний кот умирал и опасность больше не грозила. Это повторялось так много раз, что не могло быть простым совпадением. Каким-то известным ей одной образом она избегала роковой участи своих сородичей.

Она была молчалива, скрытна, отягощена таинственной мудростью, более древней, чем сам Египет. Она не воспитывала своих котят поблизости от дома. Думаю, она понимала, что в густонаселенных местах всегда подстерегает какая-то опасность. Как только котята были в состоянии позаботиться о себе сами, она уводила их в лес и оставляла там. Как это ни покажется странным, никто из них никогда не возвращался на ферму, с которой Черномордочка их уводила, но вся округа прямо-таки наводнилась «дикими» кошками. Ее сыновья и дочери обитали в населенных москитами низинах, в колючих кустарниках и среди кактусов. Некоторые по-

селились в жилых домах и стали прославленными мышеловами; но большинство оставалось неприрученными охотниками и убийцами, пожирателями птиц, грызунов, молодых кроликов и, подозреваю, цыплят.

Таинственная Черномордочка появлялась ночью и ночью исчезала. Она вынашивала котят в дремучих лесах, приносила их в цивилизованный мир, чтобы они были в безопасности, пока совсем малы и беспомощны, и возвращала в лес, когда они подрастали.

Проходили годы, и ее возвращения становились все реже и реже. В конце концов, она даже перестала приносить свои выводки на ферму, а растила их среди дикой природы. Ее звала первозданность, и этот зов был сильнее стремления к легкой жизни в лени и неге. Она была молчалива и первобытна и решила уйти из мира людей. Она больше не подходила к жилищу человека, но иногда мельком я видел ее на заре или в сумерках, сверкающую в высокой траве, как слиток золота, или скользящую, как призрак, сквозь заросли moskitovых деревьев. Огонь не потух в ее шалых глазах, мускулы, перекатывающиеся под шерсткой, не стали с годами дряблыми. Это было почти двадцать лет назад, и я бы не удивился, узнав, что она все еще живет в зарослях кактусов или в густых кустарниках на холмах.

Я не могу с уверенностью сказать, сколько у меня сейчас кошек. Мне не доказать свои права ни на одну из них. Они приходят, живут в кладовой с провизией и возле черной лестницы, позволяют кормить себя, а иногда достаивают меня мурлыканьем. Пока никто их не хватится, я считаю их своими.

Не знаю точно, сколько у меня питомцев, потому что их полку постоянно прибывает. Я слышу,

как они истошно вопят в стогах сена, но мне ни разу не представилась возможность пересчитать их. Я только знаю, что это отпрыски приземистой, ленивой серой кошки, в чью беспородную кровь влились несколько капель крови высокопородной.

Однажды их было пять. Черный с белым приходил украдкой, а вскоре и вовсе исчез. Вторая серая с белым низкорослая кошечка, как все хорошие мышеловы, подобно настоящему убийце, обладала особенно тонким жалобным голосом. Так как она предпочитала кладовые и продовольственные ларьки, ей дали кличку Амбарщица. Третий был чудесным воплощением первобытной дикости — громадный рыжий котяра, явно нечистокровный, помесь беспородной кошки и, вероятно, перса. Поэтому все называли его Персом.

Я обнаружил, что среднестатистический рыжий кот невероятно труслив. Перс был исключением. Я не знал кота больше и сильнее, более беспородного и более свирепого. Он не был ленивым или привередливым. Он был крепким солдатом фортуны, без каких-либо нравственных норм и угрызений совести, и обладал завидной жизненной силой.

Амбарщица питала к нему самые нежные чувства, ни одна женщина не могла бы действовать с большим кокетством, чем она. Перс в высшей степени заискивающе добивался ее расположения, но получал в ответ лишь оскорбления в виде плевков и царапин. Могущественный, как лев, среди существ своего пола, с Амбарщицей он превращался в ягненка.

Как только он наипочтительнейшим образом приближался к ней, она превращалась в плюющую, когтистую фурию. А когда он, совершенно обескураженный, удалялся, она неизменно с ворчанием

следовала за ним, дразня и не давая бедняге ни минуты покоя. Когда же, получив мимолетную надежду на взаимность, Перс предпринимал решительные шаги, Амбарщица мгновенно принимала вид оскорбленной девственности и встречала его оскаленными зубами и выпущенными когтями.

Ее обращение с Хуту, большим черным котом с белыми пятнами, похожим из-за своего окраса на хоккейного вратаря в шлеме и в маске, было совсем другим. Хут был слишком ленив, чтобы ухаживать за Амбарщицей, и она терпела его, вернее, полностью игнорировала. Он мог вытолкнуть ее из облюбованного укромного местечка, наступить ей на ухо по пути к миске с едой или даже присвоить себе лакомые кусочки из ее добычи, а она не проявляла никаких признаков негодования, тогда как если бы подобную вольность позволил себе Перс, она разорвала бы его на куски. С другой стороны, не скрывая своего презрения к Хуту, она никогда не сердилась на него и не дразнила. Такие знаки внимания доставались только Персу.

Их роман очень напоминал человеческий и, как и все романы на свете, однажды подошел к своему логическому завершению. Перс был бойцом. Поэтому большую часть своей жизни он оправлялся от ран — на голове и туловище у него вечно красовались незажившие царапины. В конце концов, однажды он прихромал со свежими ранами и сломанной ногой. Некоторое время он лежал, не принимая никакой помощи, а потом исчез. Я полагаю, что, повинуясь инстинкту, он уполз куда-нибудь умирать.

Амбарщица не на много пережила Перса. В одно прекрасное утро вскоре после того, как ее возлюбленный исчез, она появилась с почти оторванным хвостом и жуткой кровавой раной на животе. Она

единственная из всей команды снискала высокое звание мышелова, и, так как она никогда не избегала встреч с огромными серыми крысами, думаю, в печальной участи Амбарщицы виноваты именно они. Во всяком случае, она тоже исчезла и больше не вернулась.

Хут по-прежнему живет у меня и продолжает спать на солнышке, лентяясь даже почиститься. Я даже не подозревал, что среди котов встречаются такие грязнули! После песчаной бури он представляет собой просто позорное зрелище. Вероятно, ночью он все-таки ловит мышей, но днем не проявляет энтузиазма ни в чем, кроме безделья.

Жизнь кота коротка, неистова и трагична. Он страдает и, если может, заставляет страдать других. Он примитивен и эгоистичен. Короче, это существо ужасных и неведомых возможностей, в котором выкристаллизована первородная любовь к себе, материализована вся чернота и тайна бездны. Это зеленоглазый, мускулистый, мохнатый сын Преисподней, не знающий ни света, ни сочувствия, ни мечты, ни надежды, ни красоты — ничего, кроме голода и его утоления. Но кот живет с человеком с самого Начала, и, когда будет умирать последний человек на Земле, он будет наблюдать за его агонией, а потом, скорее всего, утолит свой бездонный голод остывающим телом.

НЕВЕРОЯТНЫЙ ВАРВАР

Не принимаю вашу жизнь,
заросшую коварства тиной!
Под небом чистым вырос я среди
земли пустынной.
Но человек я, прежде чем король,
и меч поможет мне
Назначить вам расплату, псы, по
истинной цене!

(пер. А. Андреева)

В 1932 году в жизни Роберта Говарда произошло множество событий, повлиявших как на его личную жизнь, так и на его писательскую карьеру. Именно в 1932 году он написал и сумел продать свой первый рассказ про Конана — «Феникс на мече», который считается одним из лучших в этой серии. Тогда же он встретил ту единствен-

ную женщину, с которой поддерживал долгую и близкую дружбу.

Однако начало года было неудачным. После того как в течение нескольких месяцев он писал один рассказ за другим, Роберт вдруг почувствовал, что больше не может создать что-либо стоящее. Такой резкий спад творческой активности иногда случается у писателей, вызывая депрессию и даже панику. Говард написал об этом год спустя: «Несколько месяцев я не мог придумать абсолютно ничего нового, не мог написать ничего, что можно было бы продать». В конце концов он решил отвлечься от работы и в феврале 1932 года отправился на автобусе в Сан-Антонио.

Там он бродил по магазинчикам в поисках кинжалов и мечей для своей коллекции, там же познакомился с индейцем, который прожил большую часть жизни в Китае. Именно от него Роберт узнал о «чудовищных обрядах азиатов». После его рассказа о том, как десятки китайских коммунистов были обезглавлены прямо на улицах, Роберт написал Лавкрафту: «Одна только мысль о подобном зрелище вызвала у меня тошноту».

Из Сан-Антонио Говард направился дальше на юг, по направлению к долине Рио-Гранде. Путешествуя по всему краю, он доехал до Рио-Гранде-сити. Город возник перед ним во всем своем величии, и Роберт снял привычную шляпу и водрузил на голову огромное черное мексиканское сомбреро. Этот головной убор был слегка великоват ему и сползал на уши, что вызывало немало насмешек в Кросс-Плэйнсе, где все носили ковбойские шляпы. Кто-то из его друзей вспоминал, что Говард в своем сомбреро был похож на гриб: «Боже мой, да его просто не было видно из-под полей!»

Позже, когда в гости к Говарду приехал Клайд Смит и предложил ему для смеха пройтись по городу в сомбреро, Боб смутился. «Все здесь и так думают, что я какой-то сумасшедший, — сказал он. — И мне совсем не хочется лишний раз подтверждать это мнение». «Поэтому, — вспоминал Смит. — Мы отправились на прогулку, нахлобучив наши обычные шляпы».

Однажды, когда Говард, знакомясь с мексиканской кухней, с наслаждением поглощал тортильи и пил испанское вино, ему в голову пришла самая замечательная в его жизни идея. Он решил написать серию фантастико-приключенческих рассказов из жизни первобытных людей (не похожих на рассказы о

Кулле), для которых ему не требовалось бы использовать точные исторические факты.

На этот раз он задумал создать подробную карту и сочинить историю выдуманного им мира, прежде чем браться за сами произведения. Также Говард решил набросать в общих чертах биографию главного героя для того, чтобы было видно, как изменяются его представления о жизни и поведение по мере того, как он становится старше.

Говард всегда с трудом придумывал подходящие имена для своих героев, поэтому часто просто слегка изменял имена исторических персонажей или географические названия. Он писал: «Если произошла какая-то катастрофа, уничтожившая существующую цивилизацию, то сохранившиеся легенды и предания про ее бывшее величие вполне могли превратиться в те удивительные сказки, которые дошли до нас».

То есть ему нравилось думать, что имена, употреблявшиеся в древности и в средневековье, произошли от тех, которые носили его доисторические герои. Тем самым он утверждал, что следы некоей древнейшей цивилизации были уничтожены в результате вторжения или катастрофы и сохранились лишь в мифах и легендах.

Когда Говард закончил работу над эссе под названием «Хайборийская эра», где изложил историю выдуманного им периода, он послал копию Лавкрафту. Тому не понравились придуманные Говардом имена и названия, но все же он отослал эссе издателю популярного журнала для любителей кино, спорта и светских сплетен, вложив в конверт сопроводительное письмо:

«Дорогой Уоллхейм!

Наш Боб Два Ружья говорит, что хочет предложить кое-что в твой журнал; я очень надеюсь, что ты сможешь это использовать. Это действительно великолепная вещь! Из всех, кого я знаю, у Говарда самое потрясающее чутье на трагизм «исторических» событий. Он обладает поистине панорамным видением, охватывающим развитие и взаимодействие рас и народов на протяжении длительного периода, и его рассказы вызывают чувство неподдельного восторга. Это чувство еще более усиливают приемы, в свое время примененные Стэплдоном в его «Последних и первых людях».

Единственный недостаток этих рассказов — неистребимое стремление автора почти без изменений использовать те имена

и названия, которые фигурировали ранее в истории и вызывают по этой причине вполне определенные ассоциации. Во многих случаях он делает это намеренно — основываясь на теории, будто все знакомые нам имена дошли до нас из того самого древнего мира, о котором он пишет, — но такие предположения недопустимы, так как мы точно знаем происхождение множества исторических названий и не можем принять предложенную им этимологию слов. И я, и Хоффман Прайс пытались спорить с ним, однако без всякого результата. Единственное, что тут можно сделать, — принять предложенные им названия, смотреть на слабые места сквозь пальцы и быть чертовски благодарными за то, что у нас появился сборник древних преданий, столь сильно похожих на реальные исторические события. Без сомнения, из всех пишущих для журналов авторов Говард обладает самым живым, самым энергичным стилем; его сюжеты необыкновенно динамичны, что является признаком (хотя сам он стал бы это отрицать) истинного художника. В отличие от обыкновенных писак он вкладывает в свои произведения душу.

С наилучшими пожеланиями, искренне ваш, Лавкрафт.

В придуманных Говардом именах действительно есть какая-то «лингвистическая наивность»; иногда они даже повторяются, но тем не менее многое оправдывает использование в рассказах о Конане имен из мифологических и исторических источников. В именах, взятых из древности, есть какое-то особое очарование. К тому же для современного читателя они звучат не так уж странно. Да и вряд ли многие из широкой читательской аудитории обладают столь обширными познаниями в этой области, чтобы задаваться вопросом истинного происхождения имен и названий в сказочной повести — даже в том случае, если известно, откуда те взяты.

Чтобы убедить читателей в том, что он не собирался доказывать какую-то новую теорию развития человечества, Говард перенес свою хайборийскую эпоху на двенадцать тысяч лет назад. В то время выдуманные им племена завоевали более раннюю культуру и создали на развалинах прежних новых королевств. Земли, которые описал Говард в своих произведениях, отдаленно напоминают Европу и Северную Африку. Правда, в мире, созданном воображением писателя, вместо Средизем-

ного моря появляется море Вилайет, весьма напоминающее увеличенное Каспийское море, а большая часть Восточной Африки затоплена Западным океаном.

Говард населил этот мир земледельцами, ремесленниками, торговцами, содержателями постоянных дворов. Были там и воины, и мудрецы, и прекрасные девушки. Используя самые яркие оттенки своей палитры художника, он создал поля и вымостил дороги, заложил города и неприступные крепости. Главный герой рассказов, как и всегда, идеализированный образ самого автора — могучий изобретательный великан, черноволосый и синеглазый, варвар, который имеет свой нехитрый кодекс чести и остается верен ему в любой ситуации.

Тема новой серии рассказов та же, что и в сочинениях о Кулле: дикарь, постоянно попадающий в самые разнообразные, а главное, необыкновенные приключения, становится королем страны с богатейшей культурой. По замыслу Говарда, во всех рассказах должны описываться подвиги главного героя, великие или малые, но которые в конце концов и приведут его к трону. По его мнению, в начале своего жизненного пути герой не должен быть правителем, так как это ограничивает возможности сюжета.

Родиной Конана Говард сделал Киммерию. Так называлась окутанная туманами земля, где побывал во время своих странствий Одиссей. Киммерийцы Говарда вели свое происхождение от атлантов и древних кельтов — таким неординарным образом писатель намекал на то, что сам является дальним потомком Кулла и Конана. Имя же главного бога киммерийцев, Крома, происходит от Крома Круаха, божества ирландских язычников, уничтоженного святым Патриком.

Рассказы о Конане и порядок их выхода в печать:

Опубликовано в
«Сверхъестественных историях»

Выпуск

«Феникс на мече»
«Алая цитадель»
«Башня Слона»
«Черный Колосс»
«Скользкая тень»
«Остров Черных Демонов»
«Сплошь негодня в доме»
«Тени в лунном свете»

декабрь 1932
январь 1933
март 1933
июнь 1933
сентябрь 1933
октябрь 1933
январь 1934
апрель 1934

•Королева Черного Побережья•	май 1934
•Железный демон•	август 1934
•Люди Черного Круга•	сентябрь, октябрь, ноябрь 1934
•Родится ведьма•	декабрь 1934
•Сокровища Гвалура•	март 1935
•За Черной рекой•	май, июнь 1935
•Ночные тени Замбулы•	ноябрь 1935
•Час Дракона•	декабрь 1935, январь, февраль, март, апрель 1936
•Гвозди с красными шляпками•	июль, август, сентябрь 1936

•Дочь Исполина Льдов• (•Боги Севера•) март 1934

Законченные, но не опубликованные рассказы:

- Бог из чаши•
- Долина пропавших женщин•
- Черный незнакомец• (•Сокровища Траникоса•)

Незаконченные рассказы:

- В зале мертвецов• — Говард и Спрэг де Камп
- Рука Нергала• — Говард и Картер
- Рыло во тьме• — Говард, Спрэг де Камп и Картер
- Барабаны Томбалку• — Говард и Спрэг де Камп
- Волки по ту сторону границы• — Говард и Спрэг де Камп

Произведения, впоследствии переписанные другими авторами как рассказы о Конане:

- Астребы над Шемом• (у Говарда — •Астребы над Египтом•) — Говард и Спрэг де Камп
- Дорога орлов• — Говард и Спрэг де Камп
- Огненный кинжал• (у Говарда — •Судьба с тремя лезвиями•) — Говард и Спрэг де Камп
- Кровавое божество• (у Говарда — •След кровавого бога•) — Говард и Спрэг де Камп

...

Вернувшись домой из поездки на Рио-Гранде, Говард принялся за новую серию рассказов. Истории про Конана одна за

другой вылетали из-под клавиш его пишущей машинки. Из двадцати одного рассказа семнадцать были напечатаны в «Сверхъестественных историях» в течение последних четырех лет его литературной карьеры. Несколько месяцев Говард был настолько увлечен сочинением новых историй про Конана, что иногда работал ночи напролет. Он вспоминал: «Целыми неделями я только и делал, что описывал приключения Конана. Этот персонаж полностью завладел моими мыслями и вытеснил из моего сознания все остальное, о чем я мог бы написать. Даже когда я намеренно брался за какой-нибудь другой сюжет, я не мог придумать ровным счетом ничего».

Говард не ставил задачу расположить истории про Конана в хронологическом порядке. В одних рассказах он предстает перед нами юношей, в других — мужчиной средних лет. Герой изображен в самых разных обликах: то он мошенник из притона, то капитан пиратского судна, то командующий войском, то вождь банды разбойников, то спаситель осажденных городов. Герой сам рассказывает о своих приключениях, и поэтому они лишены последовательности. Говард писал об этом так: «Искатель приключений, который рассказывает о своей вольной жизни, редко следует какому-либо плану. Он вспоминает отдельные моменты, далеко отстоящие друг от друга в пространстве и времени, по мере того как с ним что-нибудь происходит».

Пока Говард работал над серией рассказов, образ Конана оформился окончательно: высокий, синеглазый, с гривой черных спутанных волос супергерой. Как и у большинства персонажей Говарда, у Конана нет настоящего друга. Он иногда упоминает какого-то приятеля, например в рассказе «*Королева Черного Побережья*», но далее мы не встречаем его ни в одной истории. Несмотря на то что у самого Роберта были хорошие друзья, почти все его главные герои одиноки. Возможно, автору нравился именно такой тип людей, а может быть, в образах его персонажей отражалось тщательно скрываемое им чувство одиночества.

Черты характера Конана не остаются неизменными на протяжении всей серии рассказов. Хотя в большинстве историй женщины для него — лишь приятное развлечение, в рассказе «*Королева Черного Побережья*» он влюбляется в женщину-пиратку по имени Белит, которая становится верной подругой его молодости.

Когда Конан сражается с гигантским змеем, крылатым чудовищем, черными великанами или зловещим колдуном из далеких восточных земель, можно заметить (хотя и нельзя быть полностью уверенными в этом), что прототипами всех его противников были «недоброжелатели», по мнению Говарда, всю жизнь подстерегавшие его самого.

Но личность Конана сформировалась не только под влиянием убеждений и взглядов автора. Многие не знают, что в 20-х и 30-х годах не выпускались книги в мягких обложках. Этот факт повлиял на создание образа Конана, несмотря на кажущееся отсутствие связи между ними.

Во время Второй мировой войны, до того как на рынок стало поступать огромное количество различных товаров, книги в Америке выпускались только в твердых обложках. Цена такой книги была довольно высока, и в год выходило очень небольшое количество изданий. Только известные писатели могли увидеть свои произведения в твердом переплете. Менее популярные авторы, такие, как Роберт Говард, имели возможность публиковать свои рассказы и повести только в журналах.

К счастью, тогда в журналах печатали намного больше коротких рассказов, чем сейчас. Среди журналов выделялось два типа: рассчитанные на массового читателя, с цветными иллюстрациями, напечатанные на глянцевої бумаге; и «чтиво» — огромное количество недорогих изданий, обычно небрежно оформленных, напечатанных на дешевой бумаге низкого качества. Существовало несколько сотен наименований таких журналов. В одних публиковали ковбойские истории, в других — приключенческие рассказы, в третьих — пиратские и военные рассказы, в четвертых — детективы, в пятых — любовные романы и тому подобное. В большинстве своем эти издания располагали весьма скудными средствами и авторам платили мало, но зато они предоставляли сочинителям коротких рассказов достаточно широкую возможность для публикации. Действительно, с тех пор как снизились тиражи таких журналов, искусство короткого рассказа в Америке постепенно забывается.

Редакторы требовали от авторов неукоснительного исполнения определенных правил и запретов и тем самым оказывали существенное влияние на стиль и содержание тех произведений, которые им присылали. Каков же был круг потребителей

«чтива»? Какие ограничения налагались на писателей, стремящихся продать свои сочинения?

Журналы 1930-х годов были рассчитаны в основном на мужскую аудиторию. В напечатанных там историях события обычно развивались стремительно, главными героями выступали противоречивые натуры, стиль был прост и лаконичен. Требование стремительного развития действия достигало апогея, когда молодым авторам советовали «убить шерифа в первом абзаце». Жестокость была вполне обычным, даже, можно сказать, неотъемлемым элементом рассказа. В таких историях, где основное внимание уделялось действию, описание характеров и сама личность героя оттеснялись на второй план. Рассказы писались с целью развлечь читателя, а не для того, чтобы отразить внутренний мир автора или облагородить души людей.

Запреты также были весьма строгими. Не допускалось использование «крепких» словечек. К примеру, «Черт подери!» заменялось более «приличным» выражением «Проклятие!», а «Приключенческий журнал», аристократ среди «дешевых журналов», печатал восклицание «Ей-богу!» как «Ей-...!».

Что касается секса, то истории подобного типа либо публиковались крайне редко, либо сразу отвергались. И хотя все же издавалось несколько скабрёзных журналов, таких, как «Пикантные приключения», по сравнению с теми журналами, которые свободно лежат на прилавках в наше время, они выглядят как сама невинность. Во всех остальных изданиях допускался лишь легкий намек на секс в самом конце рассказа, когда главный герой добивался благосклонности какой-нибудь хорошенькой девицы, но о развитии их дальнейших отношений, разумеется, не упоминалось вовсе. Так как все рассказы о Конане, кроме одного, были напечатаны в «Сверхъестественных историях», читателям следует помнить об этих суровых правилах и не удивляться отсутствию особой чувственности у героев Говарда.

Представляется любопытным, что запрет на описание сексуальных сцен в определенном смысле помогал автору, пытающемуся создать образ эпического героя. Откровенные чувственные моменты только разрушили бы магию образов короля Артура, Одиссея, Зигфрида или Конана. Подробное описание бесчисленных постельных сцен уменьшает значимость личности главного героя, низводя его до уровня простого смертного. Кроме того, любой читатель время от времени хочет вообра-

зять себя на месте главного героя, а глубокое чувство одного человека к другому может представиться лишь мелкой страстишкой. Намек гораздо больше воздействует на воображение, нежели детальная обрисовка событий. Именно эта недоговоренность предоставляет читателям саги о Конане возможность для самых различных фантазий.

Многие идеи Говарда были почерпнуты из тогдашних дешевых изданий, особенно из «Приключенческого журнала», который он читал регулярно. В такие журналы посылали свои произведения многие популярные авторы: Гарольд Лэм, Тэлбот Мунди, Артур Д. Хауден Смит и другие. Однако лишь немногие из них были достаточно известны для того, чтобы издатели книг в твердом переплете обивали пороги их дверей. Таковыми, например, считались Эдгар Райс Бэрроуз, Редьярд Киплинг, Джек Лондон.

Говард проштудировал произведения всех этих — а также многих других — писателей в поисках информации о далеких странах и древних временах, элементов сюжета, имен и описаний, стилистических приемов. К накопленным знаниям он добавлял собственные ощущения и переживания, собственные — не всегда верные, но достаточно своеобразные — убеждения, а также стихи в прозе. Большинство тех, кто писал в приключенческие журналы 30-х годов, уже давно преданы забвению, а Роберт Говард, благодаря своему необыкновенно развитому воображению и оригинальности мышления, сумел подняться над теми ограничениями, которые диктовались стандартами того времени и его собственным отшельничеством, и потому занял в литературе достойное место. И это можно считать поистине великим достижением.

В историях про Конана используются многие события и идеи из предыдущих рассказов Говарда. (Некоторые люди, знакомые с творчеством писателя и литературой начала двадцатого века, могут с поразительной точностью назвать страницу, где изложена та или иная мысль, — отнимающее немало времени, но захватывающее упражнение в литературной эрудиции.) То есть беглый взгляд на каждый из рассказов о Конане дает читателям представление о всей серии и вдохновляет поклонников Говарда на исследование хода его мыслей.

Первый рассказ из серии, *«Феникс на мече»*, появился в *«Сверхъестественных историях»* в декабре 1932 года. Эта история не оригинальна — она является всего лишь полностью переписанным рассказом о Кулле, который в свое время был отвергнут издателями (он назывался *«Сим топором я буду править!»*). *«Феникс на мече»* повествует о том, как Конан, будучи уже зрелым мужчиной, завоевывает трон Аквилонии. Против него выступают заговорщики, но киммериец неожиданно получает весьма необычного союзника. В рассказе фигурирует Тот-Амон — когда-то обладавший невероятным могуществом стигийский волшебник; он встречается нам и в нескольких других историях про Конана.

После того как Говард удачно продал *«Феникс на мече»*, он отослал еще три рассказа о Конане редактору *«Сверхъестественных историй»* Фарнсуорту Райту. В рассказе *«Бог из чащи»* автор пытается, хотя и не совсем удачно, соединить приключения и фантастику с детективным сюжетом. В этой истории юный варвар выступает в роли воришки. В *«Долине пропавших женщин»* уже повзрослевший Конан становится вождем негритянского племени, обитающего в джунглях Куша, и пытается вызволить белую женщину из плена чернокожих дикарей, а позже — освободить ее от власти сверхъестественных сил. Третий рассказ представлял собой историю без особого сюжета. Назывался он *«Дочь Исполина Льдов»*. Райт отверг все три рассказа.

Нетрудно догадаться, почему ранние истории о Конане так и не удалось продать при жизни автора. В рассказе *«Бог из чащи»* древний английский, типичный для таких повествований, перемежается с современным языком детективных повестей. В *«Долине пропавших женщин»* Конан неожиданно оказывается вероломным и коварным. В рассказе *«Дочь Исполина Льдов»* он пытается насильно овладеть девушкой, которая оказывается дочерью бога Имира, хотя в последующих рассказах хвалится тем, что никогда не склонял женщину к близости силой. Очевидно, тогда образ киммерийца еще не окончательно сформировался в сознании автора.

Говард, не слишком переживая по поводу того, что его рассказы не приняли, изменил название *«Дочь Исполина Льдов»* на *«Богов Севера»*, а главному герою дал имя Амра. Затем он согласился опубликовать его в журнале *«Любитель фэнтези»* и с прежним энтузиазмом принялся за работу.

Возможно, следующей историей была *«Алая цитадель»*. Аквилонию, королевство Конана, осаждают два правителя соседних с ним земель. Конан взят в плен и прикован цепью к стене темницы, страж-убийца уже собирается отрубить ему голову мечом, но внезапно появившийся гигантский змей спасает киммерийца. Идея о том, что змеи используют свою голову в качестве тарана, несомненно, взята из рассказа Киплинга *«Охота Каа»*, в котором гигантский питон пробивает головой стену, что на самом деле нереально. Последующие приключения Конана в зловещих подземных переходах, расположенных под темницей, делают эту историю одной из самых интересных во всем творчестве Говарда.

Из всех чудовищ, придуманных Робертом Говардом, наиболее часто появляются и производят на нас самое сильное впечатление огромные пресмыкающиеся. Змеи длиной до восьми-десяти футов появляются в нескольких историях про Конана. Они свертываются гигантскими блестящими кольцами, а их крошечные глазки-бусины пылают яростью. Наличием этих отвратительных созданий отличались не только рассказы о варваре, которые были написаны уже после смерти Говарда, но и фильм, названный *«Конан-разрушитель»*.

Психологи, пытающиеся проникнуть в глубины души Говарда, часто объясняют появление этих чудовищ теорией Фрейда, но мы считаем, что это может быть объяснено и естественным страхом людей перед рептилиями, а также тем, что Говард намеренно пытался вызвать у читателя нарастающее чувство отвращения и страха. Более того, он сам жил в местности, где змеи, особенно гремучие, представляли постоянную опасность для любителей прогулок в долинах и холмах. Конечно, в детстве Роберта учили, что эти ядовитые твари чрезвычайно опасны — в нескольких своих письмах он упоминает неприятные моменты, когда случайно натапкивался на них. Поэтому неудивительно, что именно змеи — гигантские змеи! — предстают страшными врагами человека хайборийской эпохи.

В апреле 1932 года Говард продал рассказ *«Башня Слона»*. Эта история повествует о молодости Конана. Юный варвар ведет сомнительный образ жизни, занимаясь воровством вместе с другими обитателями убогого и грязного «воровского» квартала в заморанском городе Арэнджун. В начале рассказа Конан, в надежде найти несметные сокровища, проникает в разукрашенную драгоценными камнями башню, принадлежа-

щую волшебнику Яре. Там его подстерегает смертельная опасность...

Такое средоточие грязи и зла, описанное в *«Башне Слона»* и других рассказах, Говард явно позаимствовал из одного из своих любимых кинофильмов под названием *«Горбун из собора Парижской Богоматери»*, а многие детали этой гнусной обстановки — из книги Херберта Эшбери *«Преступные банды Нью-Йорка»*.

Интересно, что некоторые моменты этого рассказа повторяются затем и в других историях. Говард часто представляет башню обиталищем чудовищ, колдунов и прочих зловещих существ. Во время переработки рассказов для постановки кинофильма *«Конан-разрушитель»* в сценарий были включены все предметы, столь дорогие сердцу Говарда: башня, полная сокровищ, огромный драгоценный камень, обладающий магическими свойствами, диковинные существа с огромными пастьми, всемогущие колдуны, призраки мертвецов и, конечно, гигантские змеи.

В рассказе *«Черный Колосс»*, который был опубликован в июне 1933 года, Конану около тридцати лет, он — предводитель войска Ясмелы, принцессы-регентши маленького королевства Хорайя. Отряды Конана сражаются против войск колдуна, три тысячи лет проспавшего беспробудным сном в руинах разрушенного города.

Другая история, которая считается наименее удачной из всех рассказов этой серии, называется *«Скользящая тень»* (первоначально Говард дал ей название *«Ксутал в сумерках»*). Здесь герою уже за тридцать. Итак, Конан и девушка по имени Натала — единственные, кто остался в живых из разбитой армии мятежников, — бредут по пустыне. Спутники обнаруживают город Ксутал, населенный странными людьми. Они питаются искусственной пищей и, принимая настойку черного лотоса, проводят свои дни в полудреме. Их бог Тог, напоминающий жабу, блуждает по улицам города в поисках какого-нибудь несчастного, дабы утолить свой ненасытный голод.

Женщина-стигийка, обладающая здесь огромной властью, влюбляется в могучего великана-варвара и замысливает коварный план разделаться с его юной спутницей. И все-таки Натала и Конан, пережив ряд приключений, выбираются из города. Кстати, в этом эпизоде мы замечаем один из редких проблесков юмора, столь нехарактерного для остальных рассказов о Конане.

— Это все из-за тебя! — вспыхнула Натата. — Если бы ты не тараторил с восхищением на эту стигийскую кошку...

— О Кром! — воскликнул Конан. — Скорей небо рухнет на землю и реки потекут вспять, чем женщина избавится от ревности! Винонат я, что ли, что эта ведьма ко мне привязалась? Нет, все вы, женщины, одинаковы...

Одним из лучших в серии считается рассказ *«Остров Черных Демонов»*. В нем Конан присоединяется к команде морских пиратов. Капитан судна берет курс на запад в поисках острова сокровищ. На острове Конан вызывает капитана на поединок и убивает его, но ему самому грозит опасность, так как остров населяют черные гиганты, поклоняющиеся волшебной заводи.

Конан полностью завладел мыслями Говарда, и автор продолжал знакомить читателя с его приключениями. Хотя варвар и позволял писателю ненадолго отвлечься от своей личности и писать о чем-нибудь другом, дух его прочно обосновался в маленькой комнатухе Говарда, которую наполняли образы и картины из хайборийской эпохи. В период между октябрём 1933-го и апрелем 1936 года вышел тридцать один выпуск *«Сверхъестественных историй»*. В восемнадцати из них были опубликованы рассказы о Конане или же отдельные главы более длинных произведений о великом варваре.

Следующая история Конана-варвара вышла в январе 1934 года. В ней Говард вновь возвращается к юности своего героя. В рассказе *«Сплошь негодян в доме»* Конан все еще вор в Заморе, хотя уже более опытный, чем в *«Башне Слона»*. В начале рассказа подружка Конана выдает его властям, воспользовавшись тем, что он пьян до бесчувствия. Пробуждается варвар уже в тюрьме. К счастью для него, молодой аристократ из благородного семейства обещает освободить его из узилища, но взамен тот должен убить одного из его врагов. Конан возвращается домой и застаёт врасплох свою подружку — в объятиях любовника. Он убивает мужчину, а неверную бросает в выгребную яму. Только после этого он начинает думать над тем, как выполнить свое обещание.

Весной 1934 года в *«Сверхъестественных историях»* был опубликован рассказ *«Тени в лунном свете»*, который изначально назывался *«Железные тени в лунном свете»*. В этом рассказе

Конану около тридцати лет, он вожак банды разбойников, промысливающей в степях Турана; туранское войско окружает их и уничтожает всю шайку. Конану и одной девушке удается избежать кровавой расправы; они спасаются бегством и укрываются на острове в море Вилайет, где сталкиваются с целым полчищем железных статуй, оживающих в полнолуние. В истории также встречается попугай, который бормочет какие-то слова на неизвестном языке. Эту идею Говард, несомненно, позаимствовал из поэмы Альфреда Нойса *«Попугай»*. В ней говорится о том, как птица, чьи хозяева были убиты дикарями, начинает выкрикивать фразы на давно забытом мертвом языке.

Говард все более склонялся к сочинению более длинных произведений. Многие писатели считали, что фантастические истории гораздо выгоднее писать в форме небольших романов, нежели новелл, и особенно те, что повествуют о далеких планетах или выдуманных мирах, поскольку автору приходится уделять много внимания описанию места, где происходит действие.

Шесть длинных рассказов, написанных Говардом, знаменовали собой значительные изменения к лучшему в саге о Конане. *«Королева Черного Побережья»*, опубликованная в мае 1934 года, стала едва ли не наиболее популярным произведением серии, а Белит — одной из самых привлекательных героинь Говарда.

Конан, бывший наемным солдатом, совершает противозаконный поступок и спасается бегством на торговом судне. В кровавой битве судно захватывает команда темнокожих пиратов под предводительством красавицы Белит. Несмотря на то что Говард не очень одобрительно отзывался о жителях страны Шем («Они упиваются обладанием сокровищ и предметов роскоши»), он все же сделал свою черноволосую героиню шемиткой и написал о ней так: «Она быластройной и сложена как богиня: тоненькая, но с чувственными, соблазнительными формами. Ее наготу прикрывал лишь широкий лоскут алой материи. Сердце Конана забилося, все его тело запульсировало от нахлынувшего безумного желания, когда он увидел ее руки и ноги, словно выточенные из слоновой кости, и совершенные полушария ее груди. Он любовался ею, несмотря на то что сражение становилось все яростнее... Ее темные горящие глаза были устремлены прямо на киммерийца».

Конан и Белит становятся любовниками и вместе начинают заниматься пиратством. Это продолжается до тех пор, пока

они не поднимаются вверх по реке Зархеба в поисках разрушенного города, где спрятаны сокровища. С этого момента начинаются их злоключения.

Несмотря на то что о сексе писать в журналах практически запрещалось, изображать на обложках полуобнаженных девушек считалось вполне допустимым. Такие обложки вселяли ужас в сердца многих родителей, и когда журналы вроде «Сверхъестественных историй» попадали в руки их чад, они спешили их конфисковать.

Хотя считалось, что подобные вещи оказывают пагубное влияние на воспитание молодежи, рисунки на этих обложках выглядели, как ни странно, более чем невинно. С 1933 по 1936 год правами на оформление таких обложек в журнале «Сверхъестественные истории» обладала миссис Маргарет Брэндедж. Вскоре она стала иллюстрировать все рассказы о Конане. На обложке обычно изображалась стройная обнаженная юная красавица; ее волосы были тщательно причесаны и рассыпались по плечам локонами в стиле 30-х годов; судьба несчастной находилась в руках злодея или же в волосатых лапах страшного монстра. Сомнительная пристойность девиц, созданных кистью миссис Брэндедж, была главным предметом обсуждения в разделе журнала, посвященном письмам читателей.

Опубликованный в августе 1934 года рассказ «Железный демон» — не из самых удачных. Его сюжет напоминает развитие событий в рассказе «Тени в лунном свете». В обеих историях Конан — вожак банды «козаков». Они рыскают по восточным степям, их злейший враг — могущественное государство Туран. На этот раз туранские воины окружают варвара и его людей на острове в море Вилайет. Их главной приманкой служит взятая в плен дочь правителя Немедии. В это время один из разбойников нечаянно пробуждает от сна злого бога этого острова, гиганта, сделанного из железа, но наделенного разумом... На сочинение «Железного демона» Говарда явно вдохновили истории Гарольда Лэма о сражениях казаков, турок и татар в Черном море, которые происходили в шестнадцатом и семнадцатом веках, поэтому рассказ за спиной Говарда называли «слабым подражанием Лэму».

Осенью 1934 года вышла одна из лучших историй о Конане в трех частях. Действие повести «Люди Черного Круга» происходит в королевстве Вендия, прототипом которого была, несомненно, Индия, так же как Египет был прототипом Стигии, а

Испания — Зингары. Название «Вендия» происходит от названия Виндийских гор — плоскогорья, расположенного в центральной части Индии. Из Гималаев Говард создал свои Химелийские горы, а из ущелья Кибер — ущелье Зайбар.

Образ этого непроходимого ущелья Говард, очевидно, позаимствовал из книги Лоуэлла Томаса *«По ту сторону ущелья Кибер»*. Названия племен, живущих в Гималаях, он также взял у Томаса. Вазирь и оракзаи у Говарда превратились в вазулов и иракзаев. Имя своей героини, деви Вендии Жазмины, Говард взял из рассказа Тэлбота Мунди, который писал произведения для «Приключенческого журнала» с момента его выхода в свет. Главную героиню рассказа Мунди *«Властелин Кибера»* зовут Ясмини.

Тэлбот Мунди (1879—1940), названный при рождении Уильям Ланкастер Гриббон, появился на свет в Лондоне. Будучи подростком, он отправился в Индию, чтобы устроиться на работу в организацию, собирающую средства для помощи голодающим. В течение многих лет он проворачивал различные мошеннические сделки, вел беспорядочный образ жизни и в поисках приключений путешествовал по Индии, Африке и Австралии. Говард часто представлял себя именно таким — ловким, уверенным в себе человеком. «Тэлбот Мунди» — лишь один из псевдонимов Гриббона; он взял его, когда его стали разыскивать органы местного самоуправления в немецкой Восточной Африке, поскольку он занимался незаконной добычей слоновой кости. В 1909 году Гриббон обосновался в Соединенных Штатах, стал американским гражданином и взял себе прежний псевдоним «Тэлбот Мунди» в качестве официального имени. В 1911 году он начал писать рассказы и несколько лет спустя уже был одним из наиболее высокооплачиваемых писателей, работающих в приключенческом жанре. Большую часть своего состояния, нажитого писательским трудом, Мунди потерял в различных аферах, связанных со спекуляцией. Он был женат пять раз.

Говард, не знавший о темном прошлом Тэлбота Мунди, объединил в своей истории его идеи и идеи Томаса. В то время как Мунди, мистик, находящийся под влиянием теософии, пишет о гималайском Братстве приверженцев оккультизма, Говард превращает этих служителей культа в злобных колдунов. Говард полагает, что, если бы колдуны были добрыми, они вызволяли бы главного героя из любых неприятностей и сни-

жали бы тем самым напряженный интерес, который должен возникать при чтении приключенческой литературы.

В начале повести *«Люди Черного Круга»* властитель Вендии умирает от насланной на него порчи. Горные колдуны пытаются овладеть душой умирающего. Желая избежать страшной участи, он приказывает своей сестре Жазмине убить его — тогда погибнет лишь тело, но не душа.

«Заливаясь горькими слезами, Жазмина выхватила из-за пояса кинжал, украшенный драгоценными камнями, и вонзила клинок ему в грудь по самую рукоятку. Тело властителя на мгновение напряглось, а затем обмякло; на застывших губах играла мрачная улыбка. Жазмина бросилась на застланные циновками плиты, отчаянно колотя по ним сжатыми кулаками. Снаружи послышались громкие удары гонгов и пронзительный рев труб, а жрецы ранили свои тела медными ножами».

Этот небольшой отрывок ярко свидетельствует о том, что Говард мог описать в одном абзаце не только сцены насилия и жестокости, но и невероятный накал чувств. Мы можем ясно представить себе ту эпоху, услышать ее звуки, ощутить цвета и запахи, несмотря на то что все это происходило много сотен лет назад. Только тот, кто посвятил свою жизнь созданию подобных произведений, способен добиться такой насыщенности красок и такого накала эмоций в столь коротком отрывке.

Накануне Рождества 1934 года в *«Сверхъестественных историях»* появляется еще одна история о Конане — *«Родится ведьма»*. Здесь Конан — наемный солдат войска королевы Тарамис, правительницы королевства Хауран. Армия Тарамис сражается против людей шемита Констанция Сокола, который помогает узурпировать трон двоюродной сестре королевы, ведьме Саломее. Армия Конана значительно уступает по численности войску Констанция; киммериец попадает в плен, коровы бросают в темницу, город захвачен шемитами.

Именно в этой повести описана весьма выразительная сцена: Конана по приказу Констанция распинают на кресте. Жизнь едва теплится в киммерийце, когда с неба слетает гриф и хочет выклевать ему глаза. Собрав последние силы, варвар зубами отрывает птице голову. Конечно, человек, обладающий такой необыкновенной силой, не может умереть. Его освобождают кочевники с востока, которые помогают ему разбить войско шемитов. Теперь очередь Констанция быть распятым, и варвар с удовольствием наблюдает за казнью.

— Ты гораздо лучше умеешь причинять страдания, чем переносить их, — спокойно промолвил Конан. — Я испытывал такие же муки, но выжил благодаря счастливому случаю и выносливости, что присуща всем варварам. Вы, цивилизованные люди, не можете с нами равняться...

Итак, Сокол Пустыни, я оставляю тебя на милость обитателей этих мест. — Варвар указал на грифов, которые кружили над головой распятого. Констанций издал нечеловеческий крик, полный ужаса и отчаяния.

Как мы уже могли убедиться, Говард был твердо уверен в том, что варвары — в соответствии с его представлениями — обладали невероятной мощью и выносливостью, а цивилизация сделала человека слабым, лишила его силы, изначально дарованной ему природой. Да, варвары были жестоки и мстительны, поклонялись своим свирепым богам, а большинству из них была уготована мучительная смерть, как писал Говард Лавкрафту, но: ...Он был гибок и силен, как пантера, он наслаждался своим физическим совершенством и огромной силой... Ветер развеивал его волосы, он мог смотреть на солнце, не щуря глаз. Ему часто приходилось голодать, но, когда еды было вдоволь, он поглощал ее с необыкновенным удовольствием...

Картины из жизни варваров скорее дают нам представление о том существовании, к которому стремился сам Говард, нежели действительном образе жизни этих дикарей. Вынужденный сдерживать ярость и ненависть, что накапливалась в нем годами, Говард подчинился требованиям родителей и был подвержен их влиянию, но тайне мечтал о жизни, наполненной первобытной жестокостью и кровавыми схватками. Чтобы осуществить свою мечту, он должен был сделать выбор: выдумать жестокий мир или же убить самому. И поначалу Говард склонился к первому варианту.

Рассказ *«Сокровища Гвалура»*, опубликованный в марте 1935 года, считается одной из лучших историй о Конане. Узнав о бесценных Зубах Гвалура, находящихся где-то в Кешане, Конан поступает на службу к правителю этого королевства. Но прежде верховный жрец должен спросить совета у оракула в Алкменоне, пустынном городе, куда в течение сотен лет не ступала нога человека. Только после этого неуравновешенный и раздражительный монарх соглашается взять Конана к себе на службу.

Пока жрец и его спутники двигаются по направлению к мертвому городу, сообразительный киммериец взбирается на окружающие его скалы, спускается в призрачную долину, бродит по пустынным дорогам, а затем попадает во дворец. Там он обнаруживает золотой трон и потайную дверь, ведущую в сокровищницу; за ней на огромном ложе под балдахином лежит принцесса Элайя, которая не утратила своей красоты даже после смерти. Ее тело осталось таким же прекрасным, шелковые одежды не истлели, пояс, расшитый драгоценными камнями, сохранился в целости, и все так же великолепно «пышное облако темных волос», в которых блестят жемчужные нити. Внезапно Конан вздрагивает, услышав, как кто-то бьет в огромный гонг.

Тут и начинаются необыкновенные приключения Конана. Ему потребуется вся его сила, ловкость и храбрость; кровь стынет в жилах, когда читаешь о препятствиях, которые пришлось преодолеть варвару. Первые же строки этой удивительной истории свидетельствуют о подлинном изобразительном даре Говарда и его великолепном выборе красок: «Скалы поднимались над джунглями, на их фоне выделялись каменные крепостные валы, которые в восходящем солнце казались то нефритово-зелеными, то темно-алыми; они опоясывали волнующийся изумрудный океан ветвей и листьев. Уходящие в небо вершины гор казались недостижимыми; словно на землю опустилась каменная завеса, и вкрапленные в нее кусочки кварца ослепительно сверкают на солнце. Но человек, упорно продвигающийся вперед, был уже на половине пути к вершинам».

В мае и июне 1935 года вышла новелла в двух частях *«За Черной рекой»*. Она несколько отличалась от предыдущих рассказов о Конане.

В соответствии с придуманной Говардом картой Хайбории, между могущественной Аквилонией и Западным океаном простираются обширные Пустоши пиктов — земля, поросшая густыми лесами, характерными для умеренного климатического пояса. Она населена дикими животными и еще более дикими и свирепыми людьми — пиктами. Это не тот низкорослый народец, который когда-то населял Британию, а вымышленное племя, больше напоминающее ирокезов, живших в восемнадцатом веке в северной части американских штатов.

«Шесть Народов из Длинного Дома» — то есть ирокезы — были популярными персонажами в рассказах, публикуемых в

«Приключенческом журнале». Но в рассказе Говарда явно ощущается влияние другого писателя, Роберта У. Чамберса (1865—1933), который был самым известным автором фантастических рассказов в течение первой трети века. Некоторые из произведений Чамберса посвящены американской революции; по мотивам по крайней мере двух из них были сняты немые фильмы.

Сообщая Лавкрафту о том, что ему удалось продать рассказ «*За Черной рекой*», Роберт писал:

«В этом рассказе о Конане я использовал совершенно новый стиль, иное место действия. Здесь нет ничего похожего на прежние таинственные заброшенные города, погибающие цивилизации, золотые купола, мраморные дворцы, танцующих девушек в шелковых одеяниях и т. д. Действие происходит на фоне лесов и рек, бревенчатых хижин, пограничных застав; в рассказе мы встречаем бедно одетых поселенцев и покрытых узорами индейцев».

Примерно тогда же Говард написал письмо своему другу Дерлету. В нем он упоминает, что ему хотелось узнать, сможет ли он написать рассказ о Конане, в котором не будет никакого намека на взаимоотношения полов (хотя, говоря по справедливости, в предыдущих рассказах также не было — или почти не было — эротики).

Рассказ «*За Черной рекой*» имел ошеломляющий успех. Недаром он считается одним из лучших произведений Говарда. На выбор места действия, без сомнения, повлиял роман Чамберса «*Маленькая Красная Нога*». В этом рассказе Говарда и в последующих действие происходит в стране, напоминающей долину реки Магавков, где расположены горы Адирондак. Многие настоящие названия мест, которые встречаются у Чамберса — Канаджохари, Каунавага, Орискани, Сакандага, Шохари и Тендара, — в рассказе Говарда превратились соответственно в Канаджохару, Конавагу, Орискони, Скандагу, Шохиру и Тандару. Даже имя главного героя одного из написанных позднее рассказов «*Волки по ту сторону границы*» придумано на основе двух вымышленных имен из романа Чамберса: Хагер и Голт.

В рассказе «*За Черной рекой*» Конан, которому около сорока лет, служит офицером в армии Аквилонии, а затем его назначают разведчиком. Пикты мечтают вернуть захваченные Аквилонией земли; между ними и отрядом Конана происходят кровопролитные схватки. После целого ряда убийств, захва-

тов, побегов и столкновений со сверхъестественными силами пикты уничтожают военную базу аквилонцев, форт Тускелан. Сначала Конан помогает местным жителям покинуть это место, а затем вступает в борьбу с демоном, вызванным шаманом-пиктом. Киммериец с усмешкой спрашивает своего врага, почему тот не прикончил его раньше, раз уж он обладает такой необыкновенной силой. На что демон отвечает: «Мой брат еще не выкрасил в черный цвет предназначавшийся тебе череп и не бросил его в огонь, что вечно горит на черном алтаре Гуллы. Он не прошептал твое имя духам тьмы, обитающим в Земле Мрака. Но над горами Мертвых пролетел нетопырь и нарисовал кровью твой образ на шкуре белого тигра, которая висит перед строением, где спят четверо Братьев Ночи. Огромные змеи свернулись в клубки у их ног, а звезды, словно светлячки, запутались в их волосах».

Этот ответ в какой-то степени отражает размышления Говарда о том, что во вселенной существуют некие зубчатые колеса, сцепленные между собой и пребывающие в вечном движении, и что именно они определяют судьбу человека. Каждого, кто увлекается фантастическими рассказами про супергероев, те кровопролитные сражения, ночные кошмары, фантазмагория сверхъестественных сил ала, которыми изобилует рассказ, заставляют находиться в постоянном напряженном ожидании новых событий.

В течение следующих месяцев Говард предпринял две попытки написать еще более длинный рассказ, где окружающая обстановка была бы похожей. В первом, который назывался «*Волки по ту сторону границы*», Конан даже не появляется. В то время как он возглавляет восстание против жестокого короля Нумедидеса, пикты пытаются воспользоваться тем, что в Аквилонии идет гражданская война, и атакуют местных жителей, живущих на границе с их землями. История ведется от первого лица одним из местных жителей, Голтом, сыном Хагара, — такой способ изложения нехарактерен для остальных произведений Говарда.

Рассказ оказался неудачным — и это любопытная тема для обсуждения. Первая его часть, в которой говорится о том, как Голт и его товарищи уничтожают хижину, где хитрый и коварный лорд Валериан замысливает всяческие козни, написана достаточно хорошо. И вдруг, хотя рассказана уже половина истории, Говард внезапно обрывает ее, написав заключение всего в

несколько абзацев. Возможно, ему надоело писать и он забросил ее, а может быть, он просто впал в депрессию — с этой проблемой сталкиваются многие писатели.

Еще один рассказ о приключениях Конана в пустошах пиктов — *«Черный незнакомец»* — тоже был неудачным. В этом произведении, которое позже было переименовано в *«Сокровища Траникоса»*, Конан все еще служит разведчиком в Аквилонии. Пикты берут его в плен, но ему удается бежать, и он двигается в направлении Западного океана, на берегах коего встречает добровольного изгнанника, знатного вельможу из Зингары, и его хорошенькую племянницу Белезу, живущих в укрепленном замке. Вскоре на берег высаживаются пираты, жаждущие найти сокровища, спрятанные где-то здесь в давние времена пиратом по имени Траникос. Еще более усугубляет ситуацию то, что воинственные пикты предпринимают попытку захватить замок.

Несмотря на то что действие в рассказе развивается стремительно, одни эпизоды динамично сменяются другими, в нем ясно видны недостатки сюжета. События мало связаны между собой. Более того, два момента — смертоносный газ в пещере Траникоса и появление могущественного стигийского волшебника — весьма неубедительны и слабо разработаны.

К тому же, сам Конан ведет себя совершенно нехарактерным для него образом — в *«Сокровищах Траникоса»* он предстает перед нами хитрым и коварным. И наконец, в обоих произведениях имеются хронологические неувязки. В их первоначальном варианте их сложно было включать в серию, поскольку, если опираться на указанные в них сведения, пришлось бы признать, что Конан завоевал трон Аквилонии в гораздо более старшем возрасте, чем это было указано в предыдущих произведениях. Эти рассказы были переработаны или дописаны основным автором этой книги.

Потерпев неудачу с *«Черным незнакомцем»*, Говард начал рассказ *«Мечи Красного Братства»*. Он убрал некоторые моменты, связанные с действием сверхъестественных сил; в рассказе появляются фитильные ружья и прочие атрибуты семнадцатого века; само действие переносится на запад северной части Америки. К сожалению, обстановка и индейцы больше напоминали ирокезов, чем тогдашних жителей Калифорнии. Такое резкое несоответствие между описываемой обстановкой и реальной действительностью вполне могло стать причи-

ной того, что это произведение при жизни Говарда опубликовано не было. Второй рассказ из этой неудавшейся серии назывался *«Месть Черного Вулми»*, он также вышел в свет только после смерти писателя, когда его приобрел один малоизвестный журнал, вскоре прекративший свое существование.

Еще один рассказ о Конане, *«Ночные тени Замбулы»*, был напечатан в ноябрьском выпуске журнала *«Сверхъестественные истории»* за 1935 год. Как будто в вознаграждение за предыдущие провалы, он был очень хорошо принят читателями. Конан приезжает в большой город Замбулу, чтобы развлечься и поиграть в азартные игры. Обнаружив, что деньги на исходе, варвар снимает комнату на окраине города, вдали от шумного центра с его флагами, минаретами и толпами людей. Что-то в зарешеченных окнах гостиницы и бесшумной походке ее владельца настораживает Конана. Волосы встают у него дыбом, когда, проснувшись однажды ночью от какого-то странного звука, он видит у своей постели огромного негра с дубиной в руке.

Вскоре Конан спасает молодую женщину и оказывается втянутым в дворцовую интригу. Ему приходится стать свидетелем того, как людоеды рыскают по темным ночным улицам Замбулы в поисках ничего не подозревающих случайных прохожих. Новэлин Прайс, с которой Говард встречался в то время, не могла забыть, как Боб рассказывал ей об обнаженной девушке, убегающей по темным переулкам от ужасных канибалов.

Несмотря на буйство красок и оживленное действие, некоторым читателям может не понравиться то, как Говард изобразил черных обезьяноподобных людоедов, осторожно крадущихся «на вывернутых ступнях». Тем не менее стоит отметить, что расовый стереотип Говарда ничем не отличался от того же стереотипа большинства тогдашних писателей аналогичных рассказов.

Самое известное и пользующееся наибольшей любовью читателей произведение о Конане — *«Час Дракона»* — самое объемное творение Говарда из всех, посвященных приключениям киммерийца. Название интригует, однако не имеет почти ничего общего с событиями, описанными в романе. В 1950 году издательство «Гном пресс» выпустило эту книгу в твердой обложке; тогда же роман был переименован в *«Конана-завоевателя»* — именно под этим названием он известен в наше время.

Весьма любопытны обстоятельства, при которых было создано и опубликовано это произведение. Несмотря на упорную работу, ни один из рассказов Говарда не выходил в форме книги. В 1933 году он узнал, что фантастические рассказы пользуются спросом у английских издателей, собрал несколько своих коротких рассказов — два из них были о приключениях Конана — и отослал их в издательство Денниса Арчера в Англию. Редактор ответил, что не может опубликовать целый сборник, но настоятельно попросил молодого техасца попытаться написать более крупное произведение и послать его в один из филиалов фирмы — «Поулинг и Несс, Лтд».

Поэтому в течение зимы 1933—1934 гг. Говард работал над большим романом о Конане. В нем он соединил элементы нескольких предыдущих рассказов: в романе нашли свое место и свергнутый монарх, и древний волшебник, которого оживили с помощью волшебных заклинаний, и огромный рубин, обладающий магическими свойствами, и злой бог-змея. В результате получилось одно из лучших произведений в жанре «героической» фэнтези, вошедшее в один ряд с такими классическими работами, как *«Червь Ороборо»* Эддисона, *«Колодец Единорога»* Пратта и *«Дочь короля Эльфланда»* Дансэни.

В мае 1934 года Говард отослал рукопись в Англию и пришел в восторг, узнав о том, что «Поулинг и Несс» собираются заключить с ним контракт на издание романа. Но затем, несколько месяцев спустя, ему сообщили, что в результате судебного спора активы издательства перешли к другой фирме, которая не будет публиковать *«Час Дракона»*.

Хотя книга вышла в твердой обложке только в 1950 году, Говарду без труда удалось продать ее в «Сверхъестественных историях». *«Час Дракона»* был намного длиннее, чем все предыдущие рассказы, поэтому нужно было заранее разбить его на части. Прошло еще полтора года, прежде чем произведение появилось наконец в декабрьском выпуске 1935 года и в январском, февральском, мартовском и апрельском выпусках 1936-го.

Многие знакомы с содержанием этой книги. Конан, теперь уже король Аквилонии, становится жертвой заговора, цель которого — захватить с помощью магии Аквилонию и другое королевство, Немедию. Конан узнает о волшебном камне, который может помочь ему вернуть трон. Он отправляется в один из городов королевства Аргос, а оттуда — в Стигию, где

усыпальницы охраняются жуткими призраками, и в сокровищнице одной из пирамид обнаруживает камень как раз в тот момент, когда стигийские волшебники собираются использовать его магические свойства в собственных колдовских целях. Но это лишь краткое изложение романа.

В нем прекрасно продуман сюжет и последовательность событий. Кроме того, в этом произведении Говард превзошел самого себя в качестве стилиста. Для примера можно привести хотя бы такой абзац: «Слегка колыхались тяжелые бархатные портьеры; пламя свечей мерцало, отбрасывая на стены пляшущие черные тени. Между тем в зале не было даже слабого движения воздуха. Вокруг стола черного дерева, на котором покоился саркофаг из резного зеленого нефрита, стояли четверо мужчин. У каждого из них в воздетой правой руке горела странным зеленоватым пламенем черная свеча причудливой формы. Ночь окутывала мир, и ветер безумно стонал в вершинах черных деревьев».

Сцена обрисована быстрыми, уверенными, широкими мазками. Ощущение напряжения, граничащего с ужасом, создается таинственным дрожанием пламени свечей, теней и портьер, зрелищем нефритового саркофага и необычных черных свечей, звуками завывающего ветра. И обо всем этом мы узнаем из пяти предложений, живость которым придает повторение слова «черный» — черные тени, стол черного дерева, черные свечи, ночь, черные деревья; как противоположность им мерцает призрачный зеленоватый свет. Напряжение усиливают странные люди, участвующие в церемонии. Любой читатель почувствует в этом эпизоде руку мастера; любой писатель, прочитав филигранно написанный отрывок, ощутит укол зависти. А когда мы вспоминаем, что Говард был самоучкой, наше восхищение увеличивается в сотни раз.

Последняя из законченных историй о Конане была опубликована только после смерти Говарда. *Гвозди с красными шляпками* появились в июльском, августовском и сентябрьском выпусках 1936 года. Говард писал об этом рассказе Лавкрафту:

«Последний длинный рассказ о Конане, который я продал в «Сверхъестественные истории», — и, возможно, моя последняя фантастическая повесть — состоял из трех частей; в нем больше крови и секса, чем в любом другом. Меня не устраивало, как я раньше трактовал проблему вырождающихся народов, поскольку вырождение настолько характерно почти для всех на-

ций, что не упоминать о нем невозможно даже в художественной литературе, если она претендует на сходство с реальностью... Если ты все-таки прочтешь рассказ, я бы хотел узнать, что ты думаешь о моем подходе к теме лесбийской любви.

Под «вырождением» Говард имел в виду гомосексуализм. В то время была широко распространена идея, что вырождение нации напрямую связано с этим отклонением от норм человеческого бытия (сейчас исследователи-социологи считают, что это весьма спорный вопрос). Роберт Говард не был совершенным профаном в этом вопросе. Когда он встречался с Новэлин Прайс, он подарил ей книгу рассказов, написанную Пьером Лойи; среди них был один, который назывался *«Король Паусол»*. Говард заметил, что только француз мог так деликатно подойти к теме лесбийской любви.

В рассказе *«Гвозди с красными шляпками»* — по крайней мере, в опубликованном варианте — имеется разве что слабый намек на лесбийскую любовь.

Рассказ начинается с того, что Валерия, высокая юная аквилонка, бежит из стигийского военного лагеря, где она служила наемным солдатом и, помимо всего прочего, убила домогавшегося ее офицера. Конан следует за ней. Вместе они одерживают победу над чудовищной рептилией, выжившей еще со времен мезозойской эры, а затем обнаруживают выложенные нефритом залы и подземные переходы доисторического города с псевдоацтекским названием. Здесь они становятся свидетелями и участниками борьбы двух враждующих между собой кланов.

Несмотря на стройный и законченный сюжет рассказа, это, несомненно (как признавал и сам Говард), «самый жестокий, мрачный, кровавый и безжалостный рассказ из всей серии». Действительно, от него настолько веет жестокостью, что его не столь занятно читать, как остальные истории о Конане, несмотря на главную идею: кровавые распри не только бессмысленны, но и губительны для обеих враждующих сторон.

В тот период Говард серьезно намеревался отойти от фантастической литературы. В письмах к Лавкрафту и Дерлету, написанных за полгода до его смерти, он объяснял, что платят за такие произведения ничтожные гроши и отныне он решил заняться вестернами или писать об истории Запада. С нескрываемой грустью Говард добавлял: «Мне ненавистна мысль о том, что я больше не вернусь к моим фантастическим рассказам, но

сейчас у меня на первое место выходят финансовые нужды, которые заслонили собой все остальное. Жалкие гонорары помимо моей воли вынуждают меня писать на другие темы».

Рассказы о Конане пользовались огромной популярностью среди читателей «Сверхъестественных историй». В ежемесячных опросах, проводимых журналом (какая история вызывает наибольший интерес?), первое место обычно занимали рассказы о Конане. В разделе для писем читатели не скупились на щедрую похвалу автору: «Мистер Говард не просто пишет, он создает шедевры»; «У Говарда есть особенный дар переносить читателя с порядком надоевшей старушки Земли в воображаемые миры, такие странные и чуждые нам»; «Конан — величайший из всех персонажей, появившихся в журнале»; «Зловещие и необычные приключенческие рассказы Роберта Говарда никогда не могут надоесть».

Разумеется, не всегда читатели были единодушны в своем мнении. Некоторые из них хвалили произведения в общем и целом, но находили, что рассказы Говарда о Конане не идут ни в какое сравнение с историями о Соломоне Кейне, короле Кулле или Бране Мак-Морне. Особенно сурова была Сильвия Беннетт: «Прекратит ли когда-нибудь Роберт Говард писать свои леденящие душу рассказы о «кровавых битвах» и «жестоких сражениях»? Я устала от бесконечных убийств и кровопролития. После чтения очередной из его историй я чувствую себя так, будто выкупалась в крови... Если бы мистер Говард писал рассказы о Соломоне Кейне, а не эту героическую чушь о Конане, он снова стал бы одним из лучших писателей журнала, а не уходил бы постепенно в забвение, что неизбежно ждет его, если он собирается и в дальнейшем создавать подобного рода опусы».

Роберт Блох (прославившийся впоследствии благодаря повести «Психопат»), имевший свои собственные мечты о литературном поприще, был тогда горячим поклонником Говарда, однако и он безжалостно критиковал его: «Я ужасно устал от этого болвана Конана, который в пятнадцати предыдущих выпусках каждый раз умудрялся уничтожить очередного волшебника, победить очередное чудовище, побывать на грани ужасной смерти, тем не менее (как ни странно!) ему удавалось спастись; покорял очередную красотку, причем чем больше она была склонна выставлять напоказ свои прелести, тем лучше... Я призываю: «Долой этого дикаря с железными бицепса-

ми — пусть отправляется в свою Валгаллу и вырезает там фигурки из бумаги!"

Поклонники Конана встали на защиту автора. Спустя два месяца после того, как Блох опубликовал свое уничтожающее письмо, в январском выпуске журнала (1935 г.) был опубликован его первый рассказ *«Пир в аббатстве»*. Поклонники Конана набросились на него, как коршун на цыпленка. Керк Мэшберн, который тоже писал для *«Сверхъестественных историй»*, жаловался: «Когда один автор, пытаясь сделать себе имя, оскорбляет другого писателя перед редактором, он должен быть весьма непорядочным человеком. Я называю это моралью подлецов — или проституток».

В ответ Блох в качестве оправдания заявил, что, во-первых, он восхищается другими рассказами Говарда и критиковал лишь истории о Конане; во-вторых, семнадцатилетний начинающий писатель едва ли может тягаться с таким признанным автором, каким является Роберт Говард; в-третьих, когда он написал письмо, он был всего лишь любителем фантастики, а не писателем, которого публикуют в журналах.

До сих пор по поводу историй о Конане существуют самые различные мнения. Флетчер Пратт, сам бывший известным писателем в фантастическом жанре, отзывался о них весьма холодно. Такова же была позиция Уильяма А. П. Уайта, который под псевдонимом Энтони Буше писал фантастические повести и был редактором *«Журнала фэнтези и научной фантастики»*. Но в 1967 году Дж. Р. Р. Толкиен, очень критично относившийся к большинству писателей этого жанра, признавался основному автору данной книги, что ему «весьма понравились» рассказы о приключениях киммерийца.

...

Невзирая на различные суждения, сага о Конане демонстрирует расцвет писательского мастерства Говарда. Ему больше не нужно было штудировать произведения современников в поисках подходящего места действия своих произведений — он создал свой собственный удивительный мир. Наряду с тем, что он продолжал иногда заимствовать элементы сюжетов у других писателей, которыми восхищался, для создания леденящей душу обстановки Говард обращался к подробностям собственных ночных кошмаров; на основе своих убеждений он воплощал яркие и оригинальные замыслы. Он больше не копи-

ровал стиль изложения других авторов — например, Лавкрафта или других известных писателей «Приключенческого журнала», — он выработал свой великолепный, легко узнаваемый язык.

Серия рассказов о Конане резко выделяется из основного творчества Говарда по сюжетам и по стилю. В них объединены динамичное действие, кровавые схватки, леденящая кровь магия и нарисованные яркими красками страны солнечного света и царства теней. Неудивительно, что ныне Говард считается зачинателем жанра «героической» фэнтези в Америке. Писателя не без оснований осуждали за обилие сцен насилия в рассказах и эмоциональную незрелость его персонажей. Но когда читатель узнает о ненависти, которую Говард постоянно был вынужден подавлять в своей душе, о мучающих его ночных кошмарах, о страхе перед неизвестными врагами, о его ужасном одиночестве, он придет в изумление, поняв, что автор мог также любоваться красотой восхода солнца или цветка, что он с такой любовью писал о животных.

Когда обсуждается чье-либо произведение, всегда имеет место субъективизм, даже если талантливый редактор признает творчество автора. Поэтому мы просто отметим некоторые сильные и слабые стороны в лучших произведениях Говарда и предоставим читателю возможность сделать свои собственные выводы.

Читателя неизменно изумляет в рассказах о Конане накал переживаний, который порождается страхами, ненавистью, сдерживаемым гневом Говарда. Менее эмоциональный писатель вряд ли мог бы достичь такого же эффекта. Несмотря на то что прототипом Конана является отец Роберта Говарда, в киммерийце можно увидеть и черты самого писателя; он был создан как воплощение мечтаний Говарда, как человек, похожим на которого хотел быть (или думал, что хотел) сам автор.

Страхи Говарда коренились в его раннем детстве, когда над его головой зловеще шумел лес, а ручей, журчавший неподалеку от дома, казался огромной рекой, чьи бурлящие воды наполняли сердце ребенка ужасом; они усиливались тем, что его мать чувствовала себя неуютно в том заброшенном местечке, куда они вынуждены были переехать из-за отцовской практики, тем, что она постоянно хворала, скрывая свою неизлечимую болезнь под маской напускной веселости. К столь сильным отрицательным чувствам Говарда имел отношение и его отец —

властность, сквозившая в манерах доктора, делала его в глазах сына почти сверхчеловеком; его частые вспышки ярости при-давали ему облик бога или дьявола, которому следует покорно подчиняться.

Эти страхи всплыли позднее в ночных кошмарах маленького Роберта, в его лунатизме, которым он страдал в подростковом возрасте, в его стихах, проникнутых глубочайшим отчаянием, и воплотились в чудовищах, с которыми сражался Конан, борясь за свою жизнь. Лавкрафт говорил, что в каждую историю Говард вкладывал свою душу. Действительно, это было то чувство отчаяния, которое заставляет нас содрогаться от ужаса в запертой наглухо комнате, или во время восхождения на гору, или в момент борьбы за глоток воздуха в тисках свившегося кольцами гигантского змея, — короче говоря, вместе с Робертом Говардом мы переживаем всю боль, все желания и победы Конана.

Конан был жестоким человеком; он был варваром. Он не боялся смерти; напротив — он не склонялся перед ней даже тогда, когда его окружало богатство и самые прекрасные женщины. Мир Конана был суров и непреклонен, в нем никому ничего не прощалось. У киммерийца всегда был выбор: либо он, прикрывавший наготу лишь доскутом материи, плохо вооруженный, попытается найти в этом мире свое место, либо ему суждено погибнуть. Тяжким бременем лежащее на душе писателя ощущение, что мир отвергает его, Говард приписывал своему эпическому герою. Любой достаточно взрослый читатель, испытавший в жизни и сладость победы, и горечь разочарования, не может не понять, что образ Конана трагичен. Это подсознательное чувство необходимости постоянной борьбы за свою жизнь придает характеру варвара общечеловеческий смысл, который редко встречается в персонажах современной эскапистской литературы.

Злость порождает ненависть; если гнев не проходит, ненависть становится еще сильнее. Мы уже упоминали о той враждебности, какую испытывал по отношению ко всему миру Роберт Говард. Конан, его второе «я», с такой же ненавистью преследует своих врагов. Несмотря на то что многие из убийств, совершенных Конаном, вполне оправданны, иногда он убивает только из мести (например, когда распинает Констанция или бросает неверную подругу в выгребную яму). Но если варвар давал выход своим низменным чувствам, все же контролируя

их, и в конце концов завоевал трон, его создатель обращал свою ненависть на себя и покончил жизнь самоубийством.

Такая буря чувств по вкусу людям, в чьих душах тоже скрывается гнев и гордость, а также тем, кто живет в жестокое время. Тот, кто обладает мягким характером, редко становится героической личностью; на самом деле, такая фигура кажется скучной и неинтересной молодым людям, которые постоянно сталкиваются с жестокостью и насилием в книгах и на экранах телевизоров. Если бы Конан и его создатель были чувствительными людьми, принимающими этот мир таким, какой он есть, и следующими его правилам, истории о могучем варваре никогда не стали бы героической фэнтези.

Другой причиной популярности Конана в конце двадцатого века является, по нашему мнению, то, что великий варвар воплощает в себе физическое совершенство и отрицание всевозможных авторитетов, что весьма импонирует читателям сильного пола (хотя среди поклонников серии рассказов о Конане есть и дамы, но они все же в меньшинстве). Во времена воинствующего феминизма и равноправия женщин Конан — бродяга, свободный странник, самозабвенно наслаждающийся ласками женщин и не несущий никакой ответственности за биологические и социальные последствия своих сексуальных приключений, — является воплощением бесчестного завоевателя женских сердец. Бесчисленное количество мужчин, что помогают сегодня по хозяйству своим работающим женам, невольно размышляют о радостях жизни в стародавние времена, когда прекрасные женщины беспрекословно подчинялись желаниям сильных мужчин, а нежеланные дети для них (мужчин) просто не существовали.

В целом, Конан — это мечта. Мечта о силе и свободе, о возможности определять свою жизнь исключительно собственными природными качествами, такими, как мужество, ловкость, решительность. Те мужчины, которые являются прямыми свидетелями как положительных, так и отрицательных сторон технического прогресса, находят вымышленный мир Говарда заманчивой и утешительной сказкой.

Роберт Говард рассказал увлекательную историю и превратил свои собственные ощущения и чувства своего героя в переживания читателей. Но в серии рассказов о Конане есть

еще одна черта, придающая им особое величие. Говард был поэтом; со временем он научился писать стихотворения в прозе. Во многих отрывках прослеживается ритм, характерный для Шекспира и версии Библии, написанной королем Иаковом в семнадцатом веке.

Мы считаем, что эта ритмичная проза могла быть наследием тех предков Говарда, кои строили свои жилища в предгорьях Аппалачей, прежде чем отправиться осваивать дикие пустынные земли Техаса. Немного архаичное английское наречие сохранилось в районе предгорий вплоть до XX века и существует там по сей день. Каким бы образом Говард ни обрел этот дар великолепного ритма слова, характерного для глубокой старины, он по ассоциации придает какое-то особенное благородство многим рассказам о Конане. Отрывок из начала *«Конана-завоевателя»*, процитированный ранее в этой главе, показывает, что написанная простыми словами повествовательная речь может стать произведением искусства.

Для тех, кто не хочет перелистать роман, мы выбрали другой отрывок, в котором ритм соединяется с намеком на волшебство, чем создается ощущение тайны, пронизанной ужасом: «В спальне с высоким куполообразным позолоченным потолком дремал и предавался мечтам король Конан. Вдруг сквозь клубящийся серый туман он уловил таинственный зов, слабый и далекий, и, хотя не понимал его, не мог к нему не прислушаться. С мечом в руке он прошел через серую дымку, как будто сквозь облака, и голос становился все более отчетливым, пока наконец ему не удалось разобрать слова — голос повторял его имя и звал через Время и Пространство».

В своих рассказах Говард использует множество поэтических приемов. Один из них — аллитерация, или повторение звуков, с которых начинаются слова. Следующее предложение, возможно, и было продиктовано внезапным поэтическим озарением, но частое повторение таких отрывков говорит о том, что Говард перенял этот поэтический прием у поэта Суинберна, с чьими произведениями техасец, несомненно, был знаком: «Его кошачьи неслышные шаги были странно отчетливо слышны в тишине». В другом случае Говард комбинирует аллитерацию со звукоподражанием — когда по тому, как звучит слово, можно догадаться, что оно обозначает: «Внезапно в дремлющей тишине раздался громкий звон огромного гонга!»

Говард часто использует персонификацию, или олицетворение. Он изображает неодушевленные предметы как живые существа. Многие одинокие люди наделяют вещи признаками людей и животных, следовательно, это выразительное средство должно было особенно импонировать Говарду. В вымышленном мире, где неодушевленные предметы и силы как бы оживают, двигаются, видят и чувствуют, бесконечно больше возможностей для волшебства, чем в мире, где камень — это просто камень, а солнце — всего лишь круглое тело из расплавленного газа, вокруг которого вращается наша планета. Таким образом, олицетворение не только показывает, что Говард был изобретателен в выдумке всяких необычных вещей, но и подчеркивает фантастичность происходящего в его рассказах.

Вот некоторые яркие примеры олицетворения: «Узкая лодка подпрыгивала и раскачивалась», «Темнота неслышно двигалась медленными шагами...», «Великий Тутра Котан мирно спал, в то время как черви подтачивали крошащиеся колонны...»

Кроме стилистических приемов Говард использует в своих описаниях настоящее буйство красок. Разве можно лучше открыть изумленному читателю вид на расстилающуюся перед ним прекрасную страну в тот день, когда ее могущественные воители могли бы завоевать мир: «Даже сейчас, когда за горами листья на деревьях съезжились от зимнего холода, высокая густая трава поднималась над равнинами, где гарцевали лошади и бродила домашняя скотина, которой славился Пуантэн. Пальмы и апельсиновые деревья улыбались, протягивая свои ветви к солнцу, а башни замков, расцвеченные в глубокий пурпур и золото, отражали сияющий солнечный свет. Это была страна тепла и изобилия, красивых женщин и жестоких воинов?»

Описание драгоценных камней также всегда вызывает восхищение читателя. В то время как в рассказах упоминается бесчисленное множество рубинов, аметистов, нефритов, всего лишь в одном отрывке нашим изумленным глазам предстает потрясающее изобилие драгоценных камней. В рассказе «Черный Колосс» вор по имени Шеватас осмелился проникнуть в заколдованную гробницу, охраняемую змеем, и там обнаружил сундук с такими драгоценностями, которые ему не могли придеться даже во сне: «Сокровища предстали перед ним во всем своем сверкающем великолепии — горы алмазов, сапфиров, рубинов, бирюзы, опалов, изумрудов; целые башни из

нефрита, черного янтаря и лазурита; пирамиды из золотых слитков; теокаллы из слитков серебра; украшенные драгоценными камнями мечи в позолоченных ножнах; золотые шлемы с гребнями из окрашенного конского волоса или с черными и алыми плюмажами; посеребренные корсеты; инкрустированные драгоценными камнями доспехи, в которые были облачены короли-воины, три тысячи лет пролежавшие в своих усыпальницах; позолоченные черепа с лунными камнями вместо глаз; ожерелья из человеческих зубов, в которые были вставлены драгоценные камни. Пол из слоновой кости был устлан золотой пылью толщиной в несколько дюймов, которая сверкала и искрилась под темно-красным мягким светом myriad мерцающих огней.

Из всех талантов, которыми обладает писатель рассказов, способность описать стремительно развивающиеся события, безусловно, является главным. Этого эффекта Говард достиг при помощи двух связанных между собой приемов: бурное развитие событий в начале рассказа и дальнейшее непрерывное использование глаголов действия. В его произведениях мы не найдем длительных вступлений, тормозящих действие; читатель с первых же страниц погружается в пучину событий. В рассказе *«Боги Бэл-Сагота»*, хотя он и не о Конане, есть яркий пример стремительного, напористого повествования: «Молния ослепила Турлофа О'Брайена, и он поскользнулся в луже крови, пытаясь удержаться на раскачивающейся палубе. Лязг железа смешивался с грохотом грома, сквозь шум ветра и волн доносились предсмертные крики».

Одно из лучших вступлений можно найти в рассказе *«Королева Черного Побережья»*. Конан, как всегда находящийся не в ладах с законом, вынужден бежать на первом попавшемся корабле. История начинается так: «По улице, ведущей к причалам, стучали копыта. Беспорядочной толпе громко кричащих людей удалось лишь мельком увидеть мужской силуэт на вороном коне и широкий алый плащ, развевающийся на ветру. Вдалеке послышался шум и грохот погони, но всадник не оборачивался. Он подскочил к причалу и прищипорил бешено скачущего коня лишь на самом его краю. Моряки, ставившие парус на прочной высокобротной галере, удивленно взглянули на него. Шкипер приготовил багор, чтобы оттолкнуться от причала, и в это мгновение всадник прыгнул с седла прямо на палубу галеры».

Блестящие и оригинальные сцены мастерски описаны Говардом, но не следует забывать, что многие из событий и описаний местности в его Хайборийском мире являются запечатленными его памятью сценами любимых кинофильмов. Говард обожал ходить в кино; увиденные им на экране римские оргии, восточные базары и средневековые сражения заняли свое место в историях о Конане. Некоторые фильмы, судя по его собственным словам, Говард смотрел несколько раз. Например, *«Горбун из собора Парижской Богоматери»*, о котором упоминалось ранее, а также *«Знак Зорро»*, *«Робин Гуд»*, *«Багдадский вор»* и *«Черный пират»* — фильмы с участием Дугласа Фэрбенкса. Те поклонники Говарда, которым удалось побывать на повторных показах фильмов на тему героической фэнтези, могут узнать некоторые сцены, вписанные в канву сюжета рассказов о Конане.

Необходимо отметить также еще один момент, придающий особую неповторимость рассказам Говарда. Мы уже упоминали о нем, но он все равно заслуживает самого пристального внимания. Говард мастерски умел пробуждать в читателях чувство неясного ужаса, хорошо зная, что невидимое зло гораздо страшнее, чем то, которое очевидно.

В рассказе *«Гвозди с красными шляпками»* правители соседних стран заманивают Конана в ловушку, после чего с помощью безжалостного колдуна Тзота Ланти заключают киммерийца в темницу. Однако Конан умудряется разорвать цепи, приковывавшие его к стене, и бежит по лабиринту подземных ходов, пытаясь найти путь к спасению. Внезапно он спотыкается и падает, его факел гаснет. В крошечной темноте, глубоко под землей, ветер развеивает его волосы. Он чувствует, что стоит на краю глубокого колодца и отшатывается назад...

«...В это время что-то появилось на поверхности темной воды — Конан не мог понять, что это такое. Он ничего не видел в темноте, но ясно ощущал чье-то присутствие — рядом с ним находилось какое-то невидимое, непостижимое существо... Конан не видел ничего; но он чувствовал, как невидимое, бестелесное создание парило в воздухе и шептало непристойности, которые он не слышал, но как-то инстинктивно осознал. Он рассек воздух мечом; ощущение было такое, будто он разрубил паутину. Его пронизал холодный ужас, и киммериец бросился вниз по подземному ходу, чувствуя за своей обнаженной спиной чье-то горячее зловонное дыхание».

Конечно, у Говарда были и недостатки, но многие из них он мог бы и преодолеть, если бы его карьера не оборвалась так трагически и внезапно. Одно из его слабых мест — описание тех пейзажей или событий, о которых он знал крайне мало и только читал о них в книгах других писателей. Когда, например, Дональд Мак-Диса стреляет в Тамерлана из револьвера за полтора века до того, как было изобретено это оружие, иллюзия реальности событий, которую пытается создать каждый автор, с треском лопается, словно мыльный пузырь.

Говард и сам знал об этом своем недостатке. Он признавался Лавкрафту, что никогда не бывал в Центральной Азии, а его турки и монголы были всего лишь англичанами в турбанах и сандалиях. Действие в рассказах о Конане происходит в вымышленную эпоху и на вымышленном континенте, поэтому Говард придумал такую окружающую обстановку, которая импонировала ему самому. Это одна из причин, почему истории о киммерийце создают иллюзию совершенной реальности происходящего.

Несмотря на то что Говард великолепно владел своим родным языком, он почти не знал других — поэтому, видимо, у него не было слуха на имена. Некоторые из них часто повторялись; в нескольких рассказах два или три персонажа носят весьма похожие имена.

Подобная невнимательность и рассеянность может объясняться тем, что Говард писал очень быстро. Писатель, публикующийся в журналах, если хотел зарабатывать более-менее приличные деньги, должен был писать много. Хотя Роберт Говард работал чрезвычайно нерегулярно, по настроению, лишь когда его вдохновляли музы, часто он мог проработать восемнадцать часов кряду. Он редко писал больше двух черновиков (за исключением рассказов о Конане), и выбирал имена более тщательно, поэтому ими в чистовом варианте не отличалось от того, что было указано в черновике.

Кроме того, Говард слишком часто использовал диалекты. В те времена модно было писать целые рассказы с полуфонетическим произношением слов, для того, чтобы подчеркнуть использование необычного диалекта, поэтому Говард лишь следовал традиции других авторов. Но у него не было навыков фонетического письма, и диалекты из-за этого очень мало напоминали нормальную человеческую речь. Более того, частое использование диалекта — это тяжкое бремя для читателя,

который на протяжении нескольких страниц мучается, пытается прочесть странно произносимые слова.

Но в данном случае не следует слишком строго судить Говарда: у него не было возможности часто путешествовать и он не имел университетского образования. До 1930 года он не прочел ни одной книги о том, каких правил должен придерживаться писатель. Он ни разу не присутствовал на конференциях литераторов; у него почти не было друзей, знавших хоть что-нибудь о создании художественных произведений. Поэтому то, что Говард сам сумел стать профессиональным писателем, свидетельствует о его необыкновенном таланте.

В конечном итоге, Роберт Говард создавал свои лучшие произведения тогда, когда следовал своим собственным идеям, как в рассказах о Конане и Соломоне Кейне. А самые неудачные вещи он написал в подражание другим авторам, например, Саксу Ромеру, чье влияние явно ощущается в рассказе *«Лицо-черепа»*, Бэрроузу и Лондону (*«Альмарик»*), Лавкрафту (*«Дети ночи»*).

Но все эти недостатки рассеиваются словно утренний туман под его стремительным напором энергичного действия, описаниями, расцвеченными всеми красками радуги, искренностью и страстью, с которой он писал свои рассказы; а также, помимо всего прочего, его хайборийским миром — великолепным созданием, которое может встать в один ряд с Барсумом Бэрроуза и Средиземьем Толкиена как одно из главных достижений фантастической литературы.

Леон СПРЭГ ДЕ КАМП

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНЬ ЯСТРЕБА

Ястребы над Египтом	
Перевод с англ. К. Плешкова	7
Боги Севера	
Перевод с англ. М. Райнер	61
Вероотступники	
Перевод с англ. Н. Барковой	73
Двое против Тира	
Перевод с англ. А. Курич	119
Тень Вальгары	
Перевод с англ. Г. Подосокорской	139
Нехт Самеркенд	
Перевод с англ. М. Райнер	200
Дорога в Азраэль	
Перевод с англ. М. Райнер	237

ЗАМОК ДЬЯВОЛА

Замок дьявола	
Перевод с англ. А. Курич	293
Ястреб Басти	
Перевод с англ. А. Курич	315
Дети Аишшура	
Перевод с англ. Г. Подосокорской	344

ЯЗЫЧНИК

Перевод с англ. М. Райнер

Язычник.	387
Фессалийцы.	392
Твои школьные годы.	398
Купидон против Поллукса.	404
Размышления слабоумного.	410
Зверь из бездны.	413
Л. Спрэг де Камп. Невероятный варвар.	425

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — “Книги по почте”.

Литературно-художественное издание

ГОВАРД РОБЕРТ ИРВИН

ТЕНЬ ЯСТРЕБА

Составитель *Александр Тишинин*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Шрифтовой дизайн *Дмитрия Вяземского*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Верстка *Елены Посадовой, Екатерины Пеняевой*

Корректор *Вера Безымянская*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.02.98.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.

Бумага типографская. Усл. печ. л. 24,36. Тираж 7000 экз.

Заказ 1293.

Издательство «Северо-Запад».

Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.

E-mail: sevzap @info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.

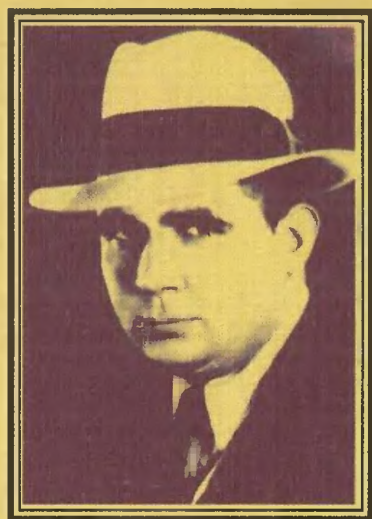
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

собрание сочинений

Роберт Ирвин Говард
(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

**Третий глаз Нерожденного полыхнул
сгустком синего пламени — и жертвенник
раскололся надвое. Над руинами
оскверненного храма возшло черное
солнце.**

Наступала эпоха Хаоса.

•Северо-Запад®